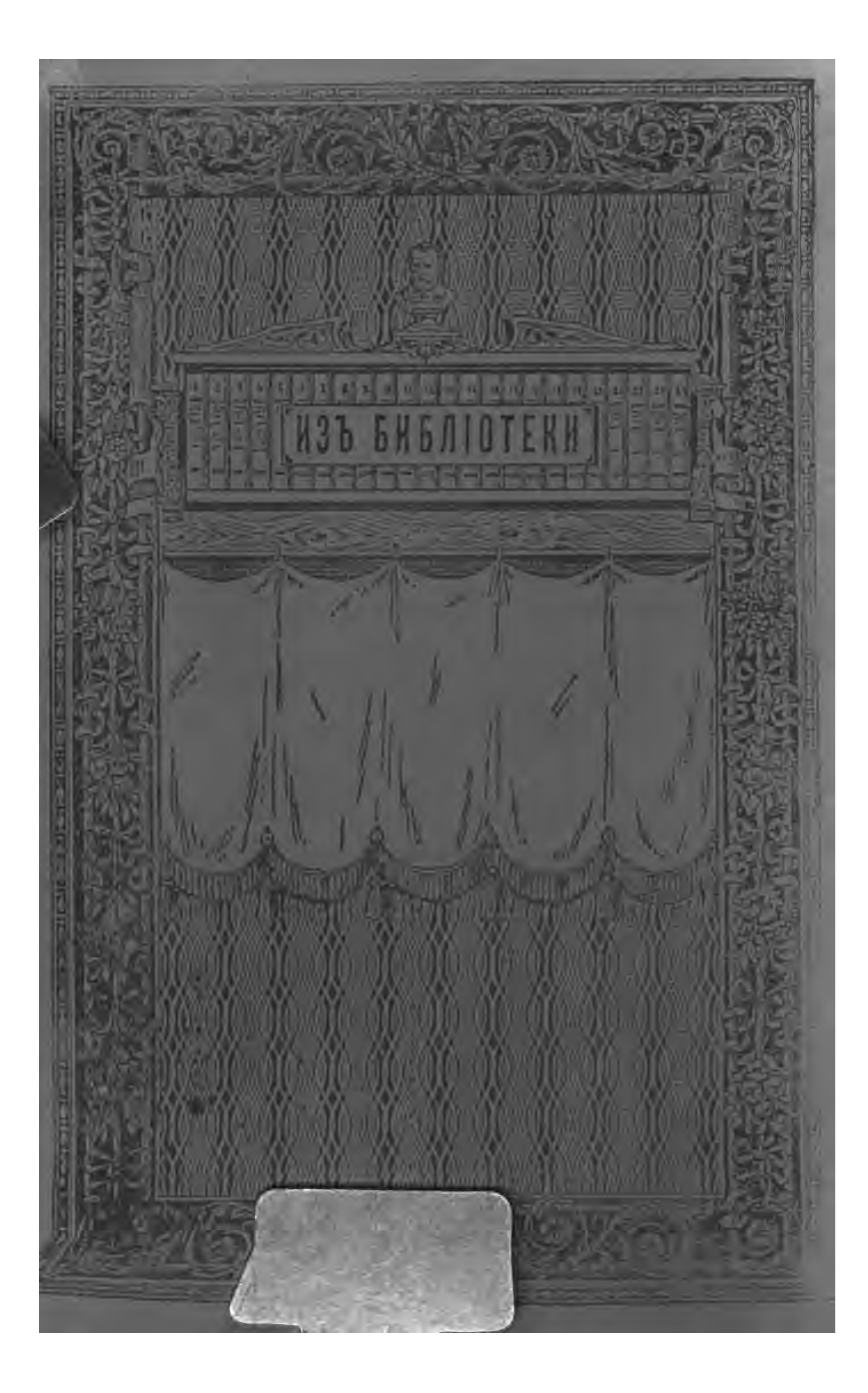
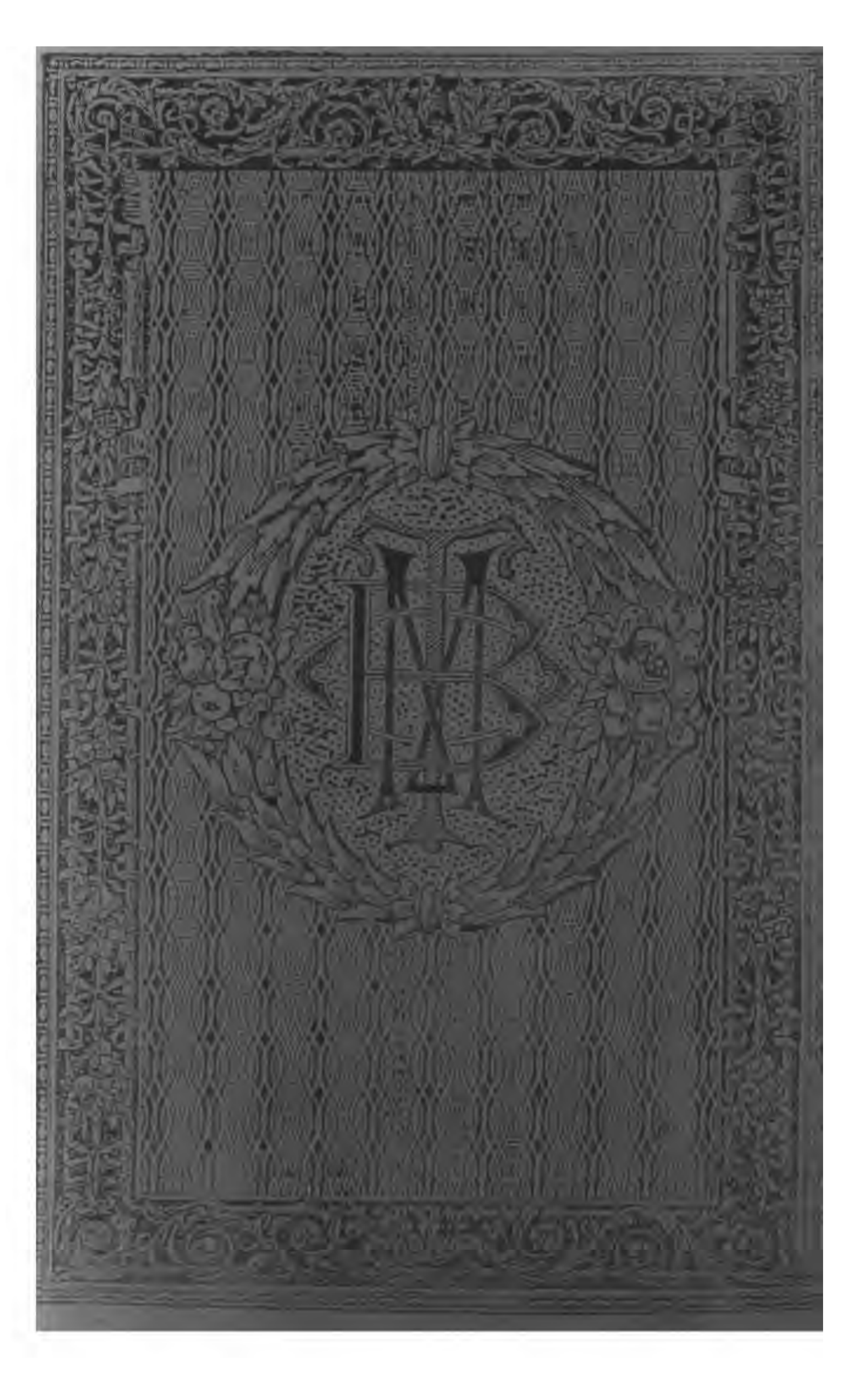
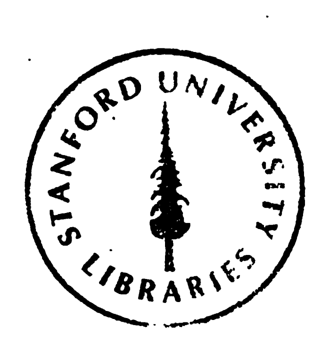
СОЧИНЕНІЯ
ЗАГОСКИНА
ТОМЪ 8.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ


ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ





СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

Zagoskin, M.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИСКУСИТЕЛЬ

ОФИЦІАЛЬНЫЙ ОБѢДЪ

БЫЛЬ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1901

Дозволено цензурою. Спб., 2-го октября 1901 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. №5—7

ИСКУСИТЕЛЬ

C'est un tableau de fantaisie dont tous les détails sont peints d'après nature.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

СЕМЕЙСТВО БѢЛОЗЕРСКИХЪ.

Сегодня день моего рожденія; мнѣ минуло шестьдесятъ лѣтъ; мои мягкіе темнорусые волосы, которымъ нѣкогда завидовали красныя дѣвушки, сдѣлались жесткими и посѣдѣли; вмѣсто тонкихъ бровей дугою, нависли надъ моими глазами густыя брови въ палецъ шириною, рѣсницъ какъ не бывало, а полныя румяныя щеки впали и пожелтѣли какъ осенній листъ на деревьяхъ. Говорятъ, будто бы глаза мои не совсѣмъ еще утратили свою прежнюю выразительность, а зубы (которыхъ, впрочемъ, немного осталось) свою первобытную бѣлизну. Можетъ-быть. Но я ношу очки, и давно уже пересталъ лакомиться орѣхами, до которыхъ въ старину былъ страстный охотникъ—все это очень грустно! Правда, когда я взгляну на мою Марью Ивановну, то мнѣ становится не до себя... Господи Боже мой! подумаешь, какъ года-то мѣняютъ человѣка! Та ли это Машенька, свѣжая, какъ весенній цвѣтокъ послѣ утренней росы, прекрасная, какъ модель живописца, который хочетъ создать свою *Мадонну*? Ну, кто повѣритъ, что эта пожилая барыня, которая въ ситцевомъ капотѣ и въ своемъ чепцѣ-*разлетаѣ* сидитъ за

пяльцами или вяжетъ для меня бумажный колпакъ, была нѣкогда съ гибкимъ станомъ, съ волнистыми свѣтлорусыми волосами, что у нея былъ прелестный ротикъ и два ряда зубовъ, которые я не называю перлами потому только, что это сравненіе сдѣлалось слишкомъ уже обыкновеннымъ. Конечно, это никому не придетъ въ голову, никому, кромѣ мужа, для котораго милы ея морщины: она нажила ихъ, проведя всю жизнь со мною. Почти тридцать лѣтъ постояннаго счастія, тридцать лѣтъ сряду, какъ въ первый день свадьбы, всѣ тѣже *совѣтъ* и *любовь*, два сына и три дочери, изъ которыхъ меньшая, какъ двѣ капли воды, походитъ на мать свою. О! эти прелести стоятъ, безъ сомнѣнія, тѣхъ, отъ которыхъ мы сходимъ съ ума въ наши молодые годы. Вѣрная подруга въ жизни, добрая жена никогда не состарѣется для своего мужа, и всякій разъ, когда я подумаю, что этотъ злой духъ, этотъ сатана, котораго я самъ вызвалъ изъ преисподней, могъ навсегда разлучить меня съ нею, то вся кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Такъ, онъ, точно, былъ демонъ; но, разумѣется, нашего вѣка; не съ хвостомъ и рогами, а одѣтый по послѣдней модѣ, остроумный, насмѣшливый, точь-въ-точь такой, какого навязалъ себѣ на шею чернокнижникъ Фаустъ. Вы думаете, что я шучу, или, можетъ-быть, величаю демономъ какого-нибудь злодѣя? О, нѣтъ! я говорю безъ всякихъ риторическихъ фигуръ, и называю злымъ духомъ не человѣка, а того, котораго имя не выговоритъ ни одна набожная старушка, не перекрестясь и не примолвивъ: «наше мѣсто свято!» Смѣйтесь надо мной, если хотите; но я въ этомъ увѣренъ, и, быть-можетъ, увѣрю и васъ, когда разскажу вамъ кой-что про первые годы моей молодости.

Мнѣ не было еще трехъ мѣсяцевъ, когда покойная матушка скончалась, отецъ мой скоро послѣдовалъ за нею, и я на четвертомъ году остался круглымъ сиротою: даже близкихъ родственниковъ у меня не было. Исполняя послѣднюю волю умирающаго отца

моего, опредѣлили ко мнѣ опекуномъ внучатнаго его брата, Ивана Степановича Бѣлозерскаго. Сиротство мое прекратилось съ той самой минуты, какъ я вступилъ въ домъ этого почтеннаго человѣка; но прежде, чѣмъ я стану говорить о самомъ себѣ, мнѣ должно познакомить васъ покороче съ семействомъ Бѣлозерскихъ и съ уединенной деревнею, въ которой я взросъ, образовался и провелъ большую часть моей молодости,—теперь я далеко отъ нея; но, быть-можетъ, мнѣ удастся еще разъ взглянуть на это мирное убѣжище моего дѣтства, и тогда—если Господь будетъ до конца ко мнѣ милостивъ, я весело засну, спокойнымъ, но не вѣчнымъ сномъ, безъ скорби и отчаянія, а съ теплой вѣрой, что минута пробужденія будетъ для меня и для всѣхъ моихъ минутой радости и неизъяснимаго блаженства.

Иванъ Степановичъ Бѣлозерскій вступилъ въ службу въ достопамятный годъ Чесменской битвы и знаменитой побѣды подъ Кагуломъ. Онъ служилъ въ гвардіи. На двадцать-девятомъ году влюбился въ сестру своего начальника, милую, добрую и прекрасную дѣвушку; на тридцать-второмъ обвѣнчался съ нею, черезъ годъ она родила ему дочь; потомъ, въ 1790-мъ году, дѣлалъ шведскую кампанію; дрался, какъ левъ, въ сраженіи подъ Абесферсомъ, и за отличіе произведенъ въ капитаны. Вскорѣ затѣмъ вышелъ за ранами въ отставку съ чиномъ бригадира и отправился съ женою и дочерью на житье въ свое наслѣдственное помѣстье; но не для того, чтобъ порскать за зайцами. Онъ занялся благосостояніемъ своихъ поселянъ, и хотя сосѣдніе дворяне называли его плохимъ экономомъ, потому что онъ думалъ о выгодахъ своихъ крестьянъ столько же, сколько о своихъ собственныхъ; но, несмотря на это, доходы его съ каждымъ годомъ умножались, мужички богатѣли, и, начиная отъ барскаго двора до послѣдней избы, отъ помѣщика до крестьянина, вездѣ благодарили Господа и всѣ жили припѣваючи.—Чудное дѣло,—толковали межъ собой сосѣди,—

этотъ Бѣлозерскій вовсе не радѣетъ о своей пользѣ, а все такъ-то ему въ руку идетъ!

Прогуливаясь по селу съ женой и дочерью, Иванъ Степановичъ встрѣчалъ вездѣ одни привѣтливыя и веселыя лица; ребятишки отъ нихъ не прятались, не выглядывали украдкою изъ подворотней, а выбѣгали всѣ на улицу, и часто какой-нибудь почти столѣтній старикъ кряхтѣлъ, а слѣзалъ съ полатей, чтобъ выйдти за ворота и взглянуть на добрыхъ господъ своихъ.— Дай Богъ имъ много лѣтъ здравствовать! — говорили межъ собой мужички.—Неча сказать, знатные господа! Бога помнятъ, крестьянъ своихъ жалуютъ. — А наша барышня, — болтали старухи, — родная-то наша матушка, Марья Ивановна! эка лебедь бѣлая! всѣмъ взяла! тоненька только сердечная! Да Богъ милостивъ, войдетъ въ года, будетъ подороднѣе!

Когда мнѣ минулъ восемнадцатый годъ, и я сбирался уже въ Москву, Ивану Степановичу было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Онъ очень часто прихварывалъ, простреленная нога и разрубленное плечо мучили его передъ каждой перемѣною погоды. Лицо его, съ котораго еще несовсѣмъ исчезъ румянецъ молодости, не имѣло въ себѣ ничего особеннаго, ничего такого, что поражаетъ насъ съ перваго взгляда; но когда онъ говорилъ, когда пожималъ съ ласкою вашу руку, когда глаза его оживлялись простодушіемъ и добротою, то всѣ черты этой спокойной и свѣтлой физіономіи навсегда врѣзывались въ вашу память. Не много есть художниковъ, которые умѣютъ разливать жизнь и, такъ сказать, влагать душу въ свои произведенія, и вотъ почему изъ всѣхъ портретовъ Ивана Степановича не было ни одного сходнаго: всѣ они изображали лицо простого человѣка съ самой обыкновенной, незначущей физіономіею. Въ этомъ *дюжинномъ* лицѣ не было ничего ни противнаго, ни привлекательнаго; но это потому, что оно точно такъ же походило на свой подлинникъ, какъ походитъ неподвижный водопадъ въ картинѣ на паденіе Рейна или Ніагары. Вода, пѣна, брызги, все

списано вѣрно съ натуры; но гдѣ жизнь и движеніе бурной рѣки, которая ежеминутно, измѣняя свой образъ, стремится, летитъ и съ грохотомъ исчезаетъ среди кипящей пучины?

Хотя въ то время женѣ Ивана Степановича было уже гораздо лѣтъ за сорокъ, но, взглянувъ на нее, нельзя было не подивиться, что у нея дочь невѣста. Есть старая французская пословица: c'est la lame qui use le fourreau. И подлинно: злоба, отчаяніе, порывы гнѣва, точно такъ же какъ безмѣрная радость, сумасшедшая любовь и вообще всѣ необузданныя страсти, истребляя здоровье, почти всегда бываютъ причиною нашей преждевременной старости. Мы обольщаемся краснорѣчивымъ описаніемъ всѣхъ сильныхъ страстей; любовь, не доходящую до безумія, мы не хотимъ называть любовью, забывая о томъ, что всякое неистовое чувство унижаетъ достоинство человѣка, и какое бы названіе ни дали страсти, которая превращаетъ васъ или въ дикаго звѣря, или въ малодушное существо, не имѣющее собственной воли, — эта страсть всегда останется чувствомъ противнымъ Богу и нашей совѣсти, потому что она, затмевая разсудокъ, сближаетъ насъ съ животными и, такъ сказать, *оземленяетъ* наше небесное начало. Кроткая душа Авдотьи Михайловны, — такъ звали жену Бѣлозерскаго, — не знала ненависти, а теплая вѣра укрощала чрезмѣрную чувствительность, къ которой она была способна. Когда Господь посѣщалъ ее горестію, она молилась, и скорбь ея никогда не переходила въ отчаяніе; ощущая необычайную радость, она спѣшила благодарить Бога, и сердце ея облегчалось. Конечно; и она была не всегда одинаково весела и довольна; но ее никогда не покидали этотъ душевный міръ и спокойствіе, столь же мало похожіе на холодный эгоизмъ, сколь мало походятъ стоячія воды грязнаго пруда на свѣтлыя струи ручья, который хотя и не вырываетъ съ корнемъ деревья, какъ живописный гордый потокъ, но зато тихо и стройно течетъ въ

берегахъ своихъ, разливая вокругъ себя жизнь и прохладу.

Я сказалъ уже слова два объ ихъ дочери. Представьте себѣ... или нѣтъ!.. дайте полную волю вашему воображенію, и будьте увѣрены, что оно не создастъ ничего лучше и миловиднѣе Машеньки Бѣлозерской, когда ей минуло шестнадцать лѣтъ. Чтобъ окончить описаніе этого семейства, мнѣ должно упомянуть еще объ одномъ служителѣ, или, лучше сказать, *домочадцѣ* Ивана Степановича. Я не могъ пріискать ничего приличнѣе и вѣрнѣе этого стариннаго русскаго названія, чтобъ опредѣлить однимъ словомъ, къ какому разряду домашнихъ принадлежалъ дядька мой Кондратій Бобылевъ, нѣкогда заслуженный гвардейскій сержантъ, а потомъ дворецкій и приказчикъ въ домѣ бывшаго своего капитана. Бобылевъ былъ роста высокаго, худощавъ и, несмотря на то, что доживалъ шестой десятокъ и предузнавалъ не хуже Ивана Степановича всякую ненастную погоду, онъ могъ бы еще лихо выбѣжать передъ фронтъ за флигельмана и вскинуть кверху тяжелое солдатское ружье, какъ перышко. Передъ своимъ бывшимъ командиромъ онъ всегда держалъ себя на вытяжку, и не могъ смотрѣть безъ досады на ровесниковъ своихъ, старосту Парфена и бурмистра Никитича, когда они шли, сгорбившись, по улицѣ или стояли, опираясь на свои *подожки*.—И, что вы за народъ такой!—говаривалъ онъ всегда, закручивая свои огромные сѣдые усы.—Крехтятъ да гнутся, словно старики! Да что наши за года? Вѣдь мы еще въ самой порѣ и силѣ. Эхъ, поломалъ бы вамъ бока, да выправилъ по-нашенски, такъ небось стали бы держать себя въ стрѣлѣ!—Бобылевъ, такъ же какъ и бывшій капитанъ его, носилъ по буднямъ военный сюртукъ, а по праздникамъ наряжался въ полный мундиръ, и сверхъ того, по старой привычкѣ, пудрилъ свои сѣдые волосы пшеничною мукою и подфабривалъ усы. Его любили всѣ: взрослые—за простодушіе, доброту и привѣтливый нравъ, а дѣти—за его розсказни о войнѣ съ туркомъ, о похо-

дахъ подъ шведа, о храбромъ и удаломъ фельдмаршалѣ Румянцовѣ, о батюшкѣ графѣ Суворовѣ, о томъ, какъ басурманы пьютъ зелье, отъ котораго какъ шальные лѣзутъ на штыки православнаго войска, и о разныхъ другихъ некрещеныхъ народахъ, которые пугаютъ своихъ дѣтей, вмѣсто буки, русскимъ солдатомъ.

Я долженъ также упомянуть объ иностранцахъ, которые жили въ домѣ Бѣлозерскихъ; ихъ было двое: нянюшка нѣмка и учитель французъ. Нѣмку называли Луизой Карловной, а француза мусьө Месмежанъ, тоесть онъ назывался нѣкогда Monsieur Jean; но впослѣдствіи эти два слова слились въ одно: его стали величать Иваномъ Антоновичемъ Месмежаномъ, — и подъ конецъ онъ такъ привыкъ къ этому прозванію, что вѣрно бы не откликнулся, еслибъ кто-нибудь назвалъ его по имени.

Хотя деревня, въ которой жили Бѣлозерскіе, не далѣе двадцати-пяти верстъ отъ губернскаго города, но я до шестнадцатилѣтняго возраста зналъ его по одной наслышкѣ; самъ Иванъ Степановичъ бывалъ въ немъ очень рѣдко, и только по самой крайней надобности. Господскій домъ со всей усадьбою былъ расположенъ въ близкомъ разстояніи отъ большой дороги; съ трехъ сторонъ окружали его дубовыя рощи. Я населилъ бы ихъ соловьями, еслибъ писалъ романъ; но истина прикрасъ не требуетъ. Съ наступленіемъ весны, налетало въ нихъ безчисленное множество грачей, которыхъ громкій и безпрерывный крикъ такъ сроднился съ первыми и пріятнѣйшими впечатлѣніями моей молодости, что и теперь дубовая роща безъ грачей кажется для меня пустынею и возбуждаетъ точно такое же грустное чувство, какъ безлюдный городъ, или давно покинутый домъ, въ которомъ не замѣтно никакихъ признаковъ жизни.

Когда приближались къ деревнѣ по большой дорогѣ со стороны города, то сначала видны были однѣ рощи, потомъ какъ будто бы всплывала красная кровля господскаго дома, а тамъ подымались крыши флигелей и

службъ, и вся усадьба открывалась только тогда, какъ подъѣзжали къ самымъ воротамъ обширнаго двора, обнесеннаго частоколомъ; но съ противоположной стороны господскій домъ виденъ былъ версты за двѣ. По всему было замѣтно, что отецъ Ивана Степановича, который построилъ эти барскія хоромы, не охотникъ былъ до хорошихъ видовъ. Онъ поставилъ ихъ на полугорѣ, такимъ невыгоднымъ образомъ, что изъ оконъ главнаго фасада, обращеннаго къ городской сторонѣ, видны были однѣ только рощи и часть поля, которое, подымаясь все выше и выше, заслоняло отъ глазъ всѣ отдаленные предметы. Иванъ Степановичъ, чтобъ вознаградить чѣмъ-нибудь этотъ недостатокъ, развелъ передъ домомъ цвѣтникъ, въ который сходили по низкой лѣстницѣ прямо изъ гостиной, и помѣстилъ свой кабинетъ и небольшую столовую въ противоположной сторонѣ дома, между лакейской и дѣвичьей. Изъ этихъ комнатъ видъ былъ прекрасный: остальная часть горы опускалась пологимъ скатомъ до самаго пруда, который нѣкогда казался мнѣ огромнымъ озеромъ, хотя вокругъ едва ли было и двѣсти саженъ. По сторонамъ обширнаго луга, отдѣлявшаго прудъ отъ барскаго двора, разбросаны были житницы, каретный сарай, избы дворовыхъ людей, ихъ клѣти; а посреди стояла крытая соломою небольшая лачужка, съ высокимъ шестомъ, на которомъ вертѣлся флюгеръ; это было сборное мѣсто ночныхъ караульныхъ. Съ лѣвой стороны, въ шагахъ десяти отъ двора, начинался большой плодовый садъ, въ которомъ были однакоже дорожки, обсаженныя липами; онъ примыкалъ къ одной изъ дубовыхъ рощей. Прямо передъ заднимъ фасадомъ дома, по ту сторону пруда, подымалась амфитеатромъ густая дубрава; направо, по берегу оврага, который начинался за плотиною, тянулось огромное гумно; за нимъ виднѣлись холмистыя и открытыя мѣста, перерѣзанныя довольно высокимъ валомъ; онъ отдѣлялъ Тужиловку—такъ называлась деревня Бѣлозерскаго—отъ большого экономическаго села; этотъ валъ, идущій верстъ на двѣсти,

служилъ нѣкогда оплотомъ и обороною отъ татарскихъ погромовъ, или, по крайней мѣрѣ, затруднялъ внезапные набѣги этихъ разбойниковъ. За валомъ, у самаго въѣзда въ экономическое селеніе, возвышалась деревянная церковь съ небольшой колокольнею, а за ней сливались съ отдаленными небесами необозримыя поля, на которыхъ осенью, какъ золотое море, волновалась почти сплошная нива, кой-гдѣ пересѣкаемая проселочными дорогами. Я жилъ въ антресоляхъ надъ самымъ кабинетомъ Ивана Степановича, и видъ изъ моей комнаты былъ еще обширнѣе. Очень странно, что въ тѣ года, когда мы еще не имѣемъ никакого понятія объ изящномъ, прекрасный видъ возбуждалъ во мнѣ всегда неизъяснимое чувство удовольствія. Бывало я по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ окна и не могъ налюбоваться обширными полями, которыя то разстилались гладкими зелеными коврами, то холмились и пестрѣли въ причудливомъ разливѣ свѣта и тѣней. Сколько разъ въ дѣтской головѣ моей рождалась мысль уйти потихоньку изъ дома и, во чтобы ни стало, добраться до того мѣста, гдѣ небеса сходятся съ землею, чтобъ взглянуть поближе на красное солнышко, когда оно прячется за темнымъ лѣсомъ. Болѣе всего возбуждалъ мое любопытство и тревожилъ меня этотъ безконечный, темный лѣсъ; онъ виденъ былъ изъ моей комнаты, вдали за дубравою, которая росла по ту сторону пруда. Чего не приходило мнѣ иногда въ голову.— Ужъ вѣрно,—думалъ я,—за этимъ лѣсомъ должны быть большія диковинки? И что за люди тамъ живутъ? Тамъ и солнышко ночуетъ—куда должно быть имъ весело!— Однажды—мнѣ было тогда не болѣе пяти лѣтъ—я рѣшился завести объ этомъ разговоръ съ Бобылевымъ.— Что это за длинный лѣсъ?—сказалъ я.—А что, Кондратій, чай ему конца нѣтъ?

— Какъ не быть, сударь.

— А гдѣ жъ ему конецъ?

— Да верстъ пять или шесть отсюда.

— А что за этимъ лѣсомъ?

— Выглядовка.

— Что это, Кондратій? Городъ что ль какой?

— И, нѣтъ, сударь! Такъ, небольшая деревнишка, гораздо менѣе нашей Тужиловки.

— И люди тамъ такіе же?

— Такіе же, батюшка.

Это меня немного успокоило; однакожъ я не покинулъ намѣренія побывать когда-нибудь за лѣсомъ и посмотрѣть вблизи, какъ солнышко ложится спать.

Мы такъ привыкли, я—называть Машеньку сестрою, а она меня братомъ, что даже и тогда, когда подросли, намъ ни разу не приходило въ голову, что дѣти внучатныхъ братьевъ почти вовсе не родня межъ собою. Мы были неразлучны, и учились и играли вмѣстѣ, повѣряли другъ другу свои дѣтскія тайны; я разсказывалъ ей всѣ подробности своего путешествія за *дремучій* лѣсъ вмѣстѣ съ Бобылевымъ, который согласился, наконецъ, меня потѣшить, и ходилъ со мною до самой Выглядовки. Машенька блѣднѣла отъ страха, когда я описывалъ ей, какъ мы переправлялись черезъ топкое болото, какъ зашли въ такую дичь, что и свѣта Божьяго не видно; какъ мимо насъ пробѣжалъ огромный волкъ, и хотя,—прибавлялъ я съ важнымъ видомъ,—Бобылевъ увѣряетъ, что это дворная собака, а не волкъ, но я точно видѣлъ, какъ глаза у него свѣтились, и какъ онъ щелкалъ зубами; а если мы остались цѣлы, такъ это потому, что насъ было двое. Машенька также, въ свою очередь, призналась мнѣ, что хочетъ непремѣнно сходить когда-нибудь ночью въ ближнюю рощу, которая была въ двухъ шагахъ отъ дома, и посмотрѣть, какъ теплится огонекъ въ старой часовнѣ. Надобно вамъ сказать, что въ этой рощѣ похороненъ былъ приказчикъ Ивана Степановича, который погибъ насильственной смертью во время Пугачева; а такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень добрый и набожный, то всѣ почитали его невинно пострадавшимъ мученикомъ, и увѣряли, что будто бы въ поставленной надъ его могилою часовнѣ теплится по ночамъ ого-

некъ. Это повѣрье, подкрѣпляемое божбою *очевидцевъ*, получило наконецъ всю достовѣрность несомнѣнной были, не только для жителей Тужиловки, но даже и для всего сосѣдняго экономическаго села.

Разумѣется, смѣлое предпріятіе Машеньки мнѣ очень понравилось; я предложилъ ей раздѣлить со мною всѣ опасности этого ночного подвига. Вотъ однажды, послѣ ужина мы вышли погулять по двору, начали гоняться другъ за другомъ и, выждавъ минуту, въ которую нѣмка Луиза Карловна позаболталась съ моимъ учителемъ, мосье Месмежаномъ, выбѣжали въ растворенную калитку; держа другъ друга за руку, мы пробѣжали шаговъ пятьдесятъ не оглядываясь. Сначала намъ можно было безъ труда различать тропинку, которая вела мимо часовни: ночь была лунная и деревья росли весьма просторно по опушкѣ рощи; но чѣмъ далѣе мы бѣжали, тѣмъ становилось темнѣе; мы пошли шагомъ. Вотъ я почувствовалъ, что рука Машеньки начинаетъ дрожать въ моей рукѣ; она стала останавливаться, и, наконецъ, сказала прерывающимся голосомъ:—Братецъ, я боюсь!—Чего жъ ты боишься? вѣдь я съ тобою,—прошепталъ я, стараясь казаться равнодушнымъ, несмотря на то, что и меня давно уже морозъ подиралъ по кожѣ. Вдругъ—и теперь не могу вспомнить безъ ужаса—въ десяти шагахъ отъ насъ раздался такой отвратительный и нелѣпый крикъ, что Машенька присѣла отъ страха, да и у меня ноги подкосились. Этотъ крикъ, похожій на безумный хохотъ, разлился по всей рощѣ, и въ то же время что-то сѣрое мелькнуло изъ-за куста; кровь застыла въ моихъ жилахъ, а Машенька совсѣмъ обезпамятѣла.—Не бойтесь, матушка Луиза Карловна,—раздался позади насъ голосъ Бобылева.—Это заяцъ: они всегда такъ перекликаются весною.—Здѣсь, здѣсь!—вскричала нѣмка, увидѣвъ насъ подъ деревомъ. Мой учитель протянулъ ужъ руку, чтобъ схватить меня за ухо, но положеніе, въ которомъ мы находились, перепугало и строгихъ нашихъ наставниковъ: насъ подняли, отвели домой, уло-

жили спать, и на другой день, давъ препорядочную нотацію, оставили безъ обѣда.

— Къ чему эти ничтожныя подробности? — скажутъ, можетъ-быть, мои читатели.—О! еслибъ вы знали, какъ эти мелочи для меня драгоцѣнны! съ какимъ наслажденіемъ, описывая первыя впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, я переношусь мыслію въ этотъ *золотой вѣкъ* моей жизни! Не мѣшайте мнѣ помолодѣть хотя на нѣсколько минутъ, и не гнѣвайтесь на меня, добрые мои читатели! Еще нѣсколько страницъ, посвященныхъ воспоминанію, и я поведу васъ вмѣстѣ со мною въ этотъ премудрый свѣтъ, въ которомъ знаютъ, что солнце не ложится спать, что оно почти въ полтора милліона разъ болѣе земли; а не знаютъ того, что изъ всѣхъ людей, имъ освѣщаемыхъ, одни только дѣти, или тѣ, которые *походятъ* на дѣтей, могутъ называться счастливыми.—Слѣдовательно глупцы счастливѣе умныхъ?— спроситъ какой-нибудь обросшій бородою *европеецъ*.— Слѣдовательно невѣжество мы должны предпочитать просвѣщенію?—Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, надобно прежде знать, какихъ людей эти господа называютъ глупцами, и что величаютъ просвѣщеніемъ и невѣжествомъ? Слова мѣняютъ часто свое значеніе. Было время (но, благодаря Бога, не у насъ), что кровожадный фанатизмъ именовали вѣрою, а исполненіе кроткихъ Евангельскихъ добродѣтелей,—равнодушіемъ къ вѣрѣ и вольнодумствомъ. Давно ли французы называли прихотливую волю нѣсколькихъ палачей — закономъ; право осуждать безъ суда—свободою, и каждое христіанское чувство—фанатизмомъ? Давно ли?.. Но объ этомъ поговоримъ послѣ.

II.

ГУБЕРНСКІЙ ГОРОДЪ.

Я уже сказалъ, что мы оба съ Машенькой вовсе не думали о нашемъ дальнемъ родствѣ, слѣдовательно и мысль, что она можетъ быть современемъ моей

женою, не приходила мнѣ никогда въ голову. Однажды нянюшка ея, выговаривая ей за какую-то рѣзвость, сказала:—Не стыдно ли вамъ, сударыня, вы ужъ невѣста!—Невѣста!—повторилъ я про себя.—Невѣста! да неужели Машенька выйдетъ когда-нибудь замужъ, будетъ любить другого больше, чѣмъ меня? О, нѣтъ, это невозможно! — Спустя мѣсяца два послѣ этого, намъ случилось быть на свадьбѣ у одного деревенскаго сосѣда, бѣднаго помѣщика, который выдавалъ сестру свою за нашего уѣзднаго засѣдателя. Я не могъ безъ досады смотрѣть на веселый видъ брата, который не скрывалъ своей радости.—Ахъ, какой злодѣй!—думалъ я,—сестра его выходитъ замужъ, а онъ еще радуется!—Когда въ церкви, при началѣ вѣнчанья, женихъ взялъ изъ рукъ брата свою невѣсту, сердце у меня замерло, и я невольно схватилъ Машеньку такъ крѣпко за руку, что она чуть-было не закричала. — Ахъ, сестрица!—шепнулъ я ей на-ухо,—что если когда-нибудь... Да нѣтъ! Тебя-то ужъ у меня никто не отыметъ! — Все это ни мало не удивляло Машеньку: ей казалось только, что я люблю ее гораздо болѣе, чѣмъ другіе братья любятъ своихъ сестеръ. Я и самъ не сомнѣвался въ этомъ до тѣхъ поръ, пока одинъ случай не открылъ мнѣ глазъ и не развилъ вполнѣ чувства, которое таилось въ душѣ моей. Вотъ какъ это было.

Наканунѣ праздника Петра и Павла, въ тотъ самый день, какъ мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, вошелъ ко мнѣ по утру Кондратій Бобылевъ. — Честь имѣю поздравить со днемъ вашего рожденія,—сказалъ онъ.—Извольте-ка вставать да одѣваться, пора къ обѣднѣ.—Я вскочилъ съ постели.—Мусью французъ захворалъ,—продолжалъ Бобылевъ,—такъ мнѣ приказано быть при васъ. Послѣ обѣдни господа ѣдутъ въ городъ.

— Такъ мы съ Машенькой останемся одни?

— Никакъ нѣтъ, сударь! Ихъ высокородія берутъ васъ и барышню вмѣстѣ съ собою.

— Какъ? Мы поѣдемъ въ городъ?

— Точно такъ-съ, въ городъ, на ярмарку.

— Возможно ли?.. Мы будемъ на ярмаркѣ!

— Какъ тутъ, сударь, поспѣемъ къ самому развалу. Извольте же одѣваться! Вонъ ужъ трезвонить начали.

Я почти обезумѣлъ отъ радости.—Увидѣть городъ! Быть на ярмаркѣ! — Господи Боже мой!.. Второпяхъ я раскидалъ все мое платье, надѣлъ на изнанку жилетъ, повязалъ на шею вмѣсто галстука носовой платокъ, наконецъ, при помощи Бобылева, кой-какъ одѣлся и отправился къ обѣднѣ. Надобно сказать правду, на этотъ разъ молитва моя была самая грѣшная, потому что я безпрестанно думалъ о городѣ и съ нетерпѣніемъ дожидался конца службы.—Ну, если уѣдутъ безъ меня? — думалъ я, стоя, какъ на огнѣ, и поглядывая безпрестанно на двери. Когда, отслушавъ обѣдню, я воротился домой, завтракъ былъ уже готовъ, и шестимѣстная линея, заложенная въ восемь лошадей, стояла у крыльца.

Мы отправились. Я сидѣлъ подлѣ Машеньки. Какъ она была хороша въ своемъ бѣломъ платьицѣ, съ распущенными по плечамъ волнистыми кудрями! Какъ блистали удовольствіемъ ея любопытные взоры, какъ всякій неожиданный предметъ возбуждалъ ея простодушную, дѣтскую радость! Сначала мы оба были въ восторгѣ: передъ нами раскрывался новый, безвѣстный для насъ міръ. Вотъ мы проѣхали мимо этого глубокаго оврага, на днѣ котораго въ тѣни густыхъ деревьевъ скрывалось нѣсколько крестьянскихъ избъ. Преданіе гласило, что тутъ былъ нѣкогда разбойничій притонъ. Въ самомъ дѣлѣ, странное положеніе этой деревушки, существованіе которой и подозрѣвать было невозможно, несмотря на то, что она была близехонько отъ большой дороги, оправдывало это народное повѣрье. Мы спустились въ лощину и оставили позади себя деревянный крестъ, врытый въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтъ двадцать тому назадъ убило громомъ тужиловскаго старосту. Это былъ крайній предѣлъ нашихъ лѣтнихъ прогулокъ. Разумѣется, вниманіе

наше удвоилось и, несмотря на единообразный видъ полей, намъ казалось, что все то, что мы видимъ, несравненно лучше того, къ чему пригляд́ѣлись мы съ нашего дѣтства. Вотъ забѣлѣлась вдали частая березовая роща.—Посмотри, посмотри, братецъ!—сказала Машенька.—Ахъ, какъ хорошо! точно бѣлый дождь!—Около двухъ часовъ любопытство наше поддерживалось, но подъ конецъ намъ стало скучно; одни поля смѣнялись другими, за однимъ холмомъ подымался другой, все тѣ-же рощи, перелѣски, лощины, и только изрѣдка кой-гдѣ, вдали отъ большой дороги, проглядывали, окруженныя огородами, деревни.—Скоро ли мы прiѣдемъ?—спросила Машенька, зѣвая.—Что это маменька, какъ городъ-то далеко отъ насъ; ѣдешь, ѣдешь, а все конца нѣтъ!—Авдотья Михайловна улыбнулась, и молча указала впередъ.—Что это, что это?—закричала Машенька.—Посмотри-ка, братецъ, звѣздочка!—Это блистала въ лучахъ полуденнаго солнца глава соборной церкви нашего губернскаго города.

Подъѣхавъ къ крутому спуску, мы вышли всѣ изъ линеи и прошли нѣсколько времени пѣшкомъ. Когда мы взобрались на противоположный скатъ, то высокiй холмъ, усыпанный домами, посреди которыхъ подымались кой-гдѣ выкрашенныя кровли каменныхъ палатъ, представился нашимъ взорамъ.—Такъ это-то городъ?—закричала Машенька.—Какъ онъ великъ! Сколько въ немъ домовъ!.. И въ нихъ во всѣхъ живутъ?.. Ахъ, Боже мой!—Я самъ обезумѣлъ отъ удивленiя, смотря на длинную, обставленную высокими домами улицу, которая шла въ гору и оканчивалась на вершинѣ холма площадью.—Фу, батюшки!—шепнулъ я вполголоса,—какая громада домовъ!.. Какiя огромныя палаты!

— И, сударь!—сказалъ Бобылевъ, который шелъ позади меня;—да что это за городъ—такъ, городишка! Такiе ли бываютъ города. Да и то сказать: одинъ побольше, другой поменьше; а всѣ они на одну стать: налѣво дома, направо дома, а посередкѣ улица—вотъ и все тутъ.

Восторгъ мой очень уменьшился, когда мы въѣхали въ городъ. Начиная отъ самой заставы, тянулись два ряда лачужекъ, одна другой безобразнѣе.—Что это?—вскричалъ я невольнымъ образомъ. — Да неужели это городъ?

— Городъ, душенька! — сказала Авдотья Михайловна.—Эта улица называется Мѣщанской слободою.

— Городъ!—повторила Машенька.—Да у нашего старосты Парѳена новая изба гораздо лучше этихъ домовъ. Ну, ужъ городъ!

— А вотъ погодите, милые! выѣдемъ на нижній базаръ, такъ дома пойдутъ красивѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ мы доѣхали до конца слободы, и передъ нами разостлалась огромная базарная площадь, или, лучше сказать, обширный лугъ, застроенный со всѣхъ сторонъ деревянными домиками, довольно ветхими, но которые имѣли уже городскую физіономію, и если не величиною, то, по крайней мѣрѣ, своей наружной формою отличались отъ деревенскихъ избъ. Почти треть этой площади была покрыта табунами малорослыхъ и некрасивыхъ собою лошадей; посреди нихъ рыскало человѣкъ тридцать всадниковъ въ безобразныхъ ушастыхъ шапкахъ. Эти наѣздники махали своими толстыми нагайками, скакали взадъ и впередъ и перекликивались межъ собой на какомъ-то странномъ языкѣ. Одинъ изъ нихъ, съ отвратительной широкой рожею, погнался при насъ за лошадью, которая отдѣлилась отъ табуна, накинулъ на шею веревку и, несмотря на то, что она становилась на дыбы, била задомъ и металась во всѣ стороны, черезъ минуту протащилъ ее мимо насъ, какъ борзую собаку на сворѣ.

— Ай да молодецъ!—сказалъ Иванъ Степановичъ.—Лихо съарканилъ.

— Что это за люди такіе?—спросила Машенька.—Ахъ, папенька! какіе они страшные!

— Это калмыки, душенька! Они всегда пригоняютъ къ намъ на ярмарку цѣлые косяки лошадей. Ихъ что-

то очень много — ну, видно этотъ разъ степныя лошади ни почемъ будутъ.

Подвигаясь медленно впередъ, мы поровнялись съ другою частію площади, установленной телѣгами: сотни возовъ, нагруженныхъ дугами, цыновками, лаптями, деревянной посудою и всякими другими сельскими издѣліями, стояли въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Тутъ простой народъ кишилъ какъ въ муравейникѣ: невнятный говоръ, гамъ и радостныя восклицанія сливались съ громкими возгласами продавцовъ и покупателей, которые съ ужаснымъ крикомъ торговались межъ собою: то били по рукамъ, то спорили, покупщики *корили* товаръ, продавцы отвѣчали имъ бранью. Въ одномъ мѣстѣ, собравшись въ кружокъ, пировали и веселились крестьяне, сбывшіе выгодно свой товаръ; въ другомъ, посадскія разряженныя дѣвушки лакомились орѣхами, покупали пряники и пѣли пѣсни; тутъ оборванный мальчишка дулъ изо всей силы въ хвостъ глиняной уточкѣ и налаживалъ плясовую; тамъ мѣщанскій сынокъ испытывалъ свое искусство на варганѣ; въ другомъ углу, четверо видныхъ дѣтинъ играли на дудкахъ, а пятый, закрывъ лѣвою рукою ухо и потряхивая своей кудрявой головою, заливался въ удалой пѣснѣ. Вся атмосфера была напитана испареніями свѣжаго сѣна, полевыхъ цвѣтовъ, огородныхъ душистыхъ травъ и овощей, все было кругомъ жизнь, движеніе и праздникъ.

— Ахъ, какъ здѣсь весело!—закричали мы въ одинъ голосъ съ Машенькой.—Такъ это-то ярмарка?

— Да, милые!—сказала Авдотья Михайловна.—А вонъ видите—тамъ, гдѣ стоитъ много экипажей—это ряды.

Черезъ нѣсколько минутъ мы проѣхали мимо обширнаго лубочнаго зданія, или, лучше сказать, нѣсколькихъ огромныхъ балагановъ, выстроенныхъ подъ одну кровлю. Кто видѣлъ московскіе большіе ряды, которые называются *городомъ*, тотъ можетъ имѣть нѣкоторое понятіе объ этомъ временномъ гостиномъ дворѣ.

Онъ также состоялъ изъ крытыхъ улицъ и переулковъ, также раздѣлялся по качеству продаваемыхъ товаровъ на ряды: суконный, москательный, панскій и суровскій; точно также толпился народъ по этимъ крытымъ улицамъ, въ которыхъ дома замѣнялись лавками, точно также вокругъ этихъ рядовъ не было проѣзда отъ тѣсноты и множества экипажей. Разница состояла только въ одной величинѣ и въ томъ, что въ Москвѣ ряды не лубочные, а каменные, что свѣтъ проникаетъ въ нихъ посредствомъ стеклянныхъ сводовъ, а не сквозь натянутую парусину, и что вмѣсто щегольскихъ столичныхъ каретъ и колясокъ, которыми бываетъ уставлена всякій день Ильинка и Никольская, — кругомъ лубочныхъ рядовъ стояли по бо̀льшей части такіе экипажи, какихъ не встрѣтишъ даже и въ Москвѣ на гуляньѣ въ Марьиной рощѣ, экипажи домашней работы, крѣпкіе, *вальяжные*, долговѣчные и переходящіе по прямой наслѣдственной линіи отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ дворянской грамотою и родовымъ имѣньемъ.

Миновавъ ряды, на которые я не успѣлъ порядкомъ насмотрѣться, мы повернули направо въ гору, и тутъ явился передъ нами губернскій городъ въ полномъ величіи своемъ и блескѣ. Мы ѣхали по Московской улицѣ. Боже мой, что за дома! Каменные, раскрашенные разными красками, съ лавками, балконами, съ итальянскими окнами, въ два и даже три этажа! Что шагъ, то новое удивленіе: вотъ зеленый домъ съ красной кровлею и огромными бѣлыми столбами; вотъ розовыя палаты съ палевыми обводами около оконъ; вотъ домъ совершенно пестрый, на воротахъ голубые львы съ золотою гривою—какое великолѣпіе!!—Я молча удивлялся, а Машенька осыпала вопросами Авдотью Михайловну.—Вѣрно это губернаторскій домъ?—спросила она, смотря на зеленыя палаты съ красной кровлею.

— Нѣтъ, душенька! Это домъ купца Вертлюгина.

— А этотъ?—продолжала Машенька, указывая на голубыхъ львовъ съ золотыми гривами.

— Купца Лоскутникова.

— А вотъ этотъ, который всѣхъ выше?

— Купца Грошевникова.

— Купеческіе — все купеческіе! — вскричалъ я съ удивленіемъ.—Боже мой! Какіе же должны быть дома у дворянъ?

— Деревянные, мой другъ!—отвѣчалъ съ улыбкою Иванъ Степановичъ.

— Странно! — подумалъ я. — Здѣсь все не такъ, какъ у насъ въ Тужиловкѣ.

Мы въѣхали, наконецъ, на главную городскую площадь. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, смотря на присутственныя мѣста, запачканныя, съ обитой штукатуркою, съ выбитыми стеклами и съ почернѣвшей отъ времени деревянной крышею; но болѣе всего сразилъ и зарѣзалъ меня губернаторскій домъ. Я воображалъ его мраморнымъ съ золоченою кровлею и, по крайней мѣрѣ, въ пять или шесть этажей; а онъ былъ только въ два этажа и выкрашенъ просто—желтой краской! Нѣтъ! этого уже я никакъ не ожидалъ.

Надобно вамъ сказать, что преувеличенныя понятія мои о званіи гражданскаго губернатора основывались не на однихъ предположеніяхъ; мой опекунъ былъ изъ числа людей, которые строго держатся правила: чинъ чина да почитаетъ. Онъ всегда упоминалъ съ особеннымъ уваженіемъ о тѣхъ, коимъ русскій царь ввѣряетъ управленіе цѣлой губерніи и, слѣдовательно, благосостояніе нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ. — Начальникъ губерніи—великое дѣло!—говаривалъ часто Иванъ Степановичъ.—Онъ глазъ царя и представитель его власти.—Однажды,—я былъ тогда еще ребенкомъ,— губернаторъ, не знаю по какому случаю, обѣдалъ въ деревнѣ у моего опекуна; это посѣщеніе, о которомъ много было толковъ и разговоровъ во всемъ нашемъ уѣздѣ, никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Какъ теперь гляжу на эту суматоху, на эти приготовленія и хлопоты, которыя начались въ нашемъ домѣ съ ранняго утра. Я былъ не очень здоровъ и сидѣлъ одинъ

въ своей комнатѣ на антресоляхъ. За воротами, въ мундирѣ и при шпагѣ, стоялъ уѣздный засѣдатель, плѣшивый старичекъ, котораго я очень любилъ за его ласковый и веселый нравъ; но на этотъ разъ онъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: онъ былъ и суетливъ, и очень важенъ, держалъ себя на вытяжку, поминутно поправлялъ мундиръ, снималъ шляпу и вытиралъ платкомъ свою лысину; впрочемъ, замѣтно было, что онъ храбрился такъ для виду, а въ самомъ-то дѣлѣ робѣлъ не шутя. Подлѣ него толпились старики и выборные экономическаго селенія. Эти сѣдые грѣшники всѣ были въ трезвомъ видѣ и стояли съ поникнутыми головами, какъ преступники: видно громъ грянулъ, такъ пришло перекреститься. Они слыхали не разъ, что губернаторъ

Правдивъ, какъ страшный судъ!

а цѣлый свѣтъ зналъ, то-есть все экономическое село и наша Тужиловка, что эти старые грѣховодники опивали порядкомъ бѣдныхъ крестьянъ и не давали никому суда и расправы иначе, какъ въ кабакѣ за ведромъ вина, за которое, разумѣется, не они платили деньги цѣловальнику. Вотъ, этакъ около полудня, зазвенѣлъ вдали колокольчикъ; черезъ минуту, забрызганный грязью капитанъ-исправникъ примчался на тройкѣ обывательскихъ къ нашему крыльцу. Выборные отвѣсили ему вдогонку по низкому поклону, а засѣдатель кинулся, чтобъ помочь своему начальнику выпрыгнуть изъ телѣги, но не поспѣлъ: исправникъ, вылѣзая, зацѣпилъ второпяхъ за колесо ногою, грянулся о-земь и, лежа еще на-боку, прокричалъ:—его превосходительство изволитъ ѣхать!—Все пришло въ движеніе: слуги бросились толпою къ воротамъ,—опекунъ мой вышелъ на крыльцо, и вся наша дворня,—женщины, дѣвки и даже малые ребятишки, высыпали изъ застольной и людскихъ, чтобъ взглянуть хотя мелькомъ на губернатора. Вотъ показалась его карета; помнится, позади ее стояли гусары, а впереди скакали двое казаковъ.

Когда губернаторскій экипажъ приблизился къ воротамъ, плѣшивый засѣдатель до того вытянулся, что вдругъ сталъ цѣлой головой выше обыкновеннаго; старики и выборные преклонили свои грѣшныя головы ниже пояса, а самый-то главный изъ нихъ, беззаконникъ и пьяница, сотникъ Вавила, *палъ* на колѣни и прослезился отъ умиленія. Капитанъ-исправникъ отворилъ дверцы кареты; я высунулся до половины изъ моего окна, но никакъ не могъ разсмотрѣть хорошенько губернатора, а замѣтилъ только, что у него преогромный носъ. Этотъ торжественный пріемъ, подобострастіе и почетъ, который оказывали губернатору, любопытство, съ которымъ всѣ желали его видѣть, а болѣе всего необычайный страхъ и трепетъ засѣдателя и выборныхъ сильно подѣйствовали на мое дѣтское воображеніе; мнѣ казалось, что начальникъ губерніи долженъ быть существомъ совершенно особеннаго рода, и хотя я не могъ въ умѣ своемъ облекать всѣхъ знаменитыхъ людей въ образъ нашего губернатора, потому что разсмотрѣлъ только его носъ, но зато во мнѣ укоренилась и долго не могла истребиться мысль, что каждый важный сановникъ долженъ быть непремѣнно съ большимъ носомъ.

Объяснивъ читателямъ причину моего удивленія при видѣ двухъ-этажнаго губернаторскаго дома, я возвращаюсь снова къ начатому разсказу.

Выѣхавъ на городскую площадь, мы тотчасъ повернули направо, и наша линея остановилась у крыльца большого деревяннаго дома, выкрашеннаго сѣрой краскою. Тутъ жилъ пріятель Ивана Степановича, нашъ губернскій предводитель, Алексѣй Андреевичъ Двинскій. Мой опекунъ всегда у него останавливался, когда пріѣзжалъ въ городъ. Этотъ Двинскій стòитъ того, чтобъ я сказалъ о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ видный собою и бодрый старикъ, лѣтъ шестидесяти-пяти; человѣкъ справедливый, исполненный чести, и готовый всегда и во всякомъ случаѣ стать грудью за послѣдняго дворянина своей губерніи. Отличительной

чертою его характера было необычайное добродушіе, съ нѣкоторой примѣсью спеси, или, лучше сказать, чванства родового дворянина, у котораго двѣ тысячи душъ крестьянъ, псовая охота, хоръ пѣвчихъ и огромная роговая музыка; но эта слабость была въ немъ извинительна, онъ съ такимъ простосердечіемъ хвастался своимъ древнимъ родомъ и богатыми помѣстьями, что, право, грѣшно бы было не только на него досадовать, но даже посмѣяться надъ его невиннымъ чванствомъ. Во всемъ городѣ одинъ только Григорій Ивановичъ Рукавицынъ, самый богатый помѣщикъ нашей губерніи, не любилъ Двинскаго; вѣроятно потому, что видѣлъ въ немъ своего единственнаго соперника по богатству и открытому образу жизни. Этотъ Григорій Ивановичъ Рукавицынъ не щадилъ ничего, чтобы уронить Двинскаго въ общемъ мнѣніи: давалъ чаще его обѣды, вечера, и наконецъ завелъ даже домашній театръ, на которомъ играли,—вы вѣрно думаете: «Недоросля» или «Бобыля?» Извините! «Діанино древо» и «Рѣдкую вещь». Къ нему ѣздилъ весь городъ, всѣ дивились его Илюшкѣ, который пѣлъ фистулою, и отдавали полную справедливость Дуняшѣ, которая заливалась соловьемъ въ бравурныхъ аріяхъ; но, несмотря на то, когда наступали дворянскіе выборы, Рукавицину наклали черныхъ шаровъ, а Двинскаго избрали единогласно губернскимъ предводителемъ.

До открытія губерній Алексѣй Андреевичъ Двинскій былъ воеводою въ одномъ небольшомъ городкѣ; потомъ, во время Пугачева, котораго отдѣльныя шайки возмущали народъ и долго злодѣйствовали въ нашей губерніи, онъ командовалъ небольшимъ отрядомъ уланъ. Чтобъ это не сочли анахронизмомъ, я долженъ сказать что такъ назывались въ то время летучіе конные отряды, составленные по бо̀льшей части изъ дворовыхъ людей. Такъ какъ въ нашей сторонѣ вовсе не было тогда регулярнаго войска, то нѣкоторые изъ богатыхъ помѣщиковъ должны были прибѣгнуть къ этому средству, чтобъ пріостановить хотя на время

успѣхи Пугачевской сволочи и держать въ повиновеніи крестьянъ. Двинскій оправдалъ вполнѣ довѣренность своихъ товарищей: онъ сдѣлался въ короткое время грозою мятежниковъ, его строгая справедливость и удальство вошли въ пословицу, и одно имя наводило робость не только на бунтующихъ крестьянъ, но даже и на самихъ казаковъ шайки Пугачева. Не разъ случалось, что появленіе его съ нѣсколькими уланами усмиряло цѣлыя селенія. Я очень любилъ слушать, когда онъ разсказывалъ о своихъ партизанскихъ подвигахъ; помню, однажды при мнѣ, говоря по своему обыкновенію протяжно и выговаривая всѣ слова на *о*, Двинскій разсказалъ одинъ случай, который доказываетъ, какъ сильно дѣйствуетъ на нашъ простой народъ имя человѣка, извѣстнаго своимъ удальствомъ и справедливостію.—Это было такъ подъ вечеръ,—говорилъ онъ;—я стоялъ по сю-сторону Суры, а на той высыпало изъ села сотни двѣ бунтовщиковъ. Вотъ кричатъ изъ-за рѣки:—Алексѣй Андреичъ, покорись!—Не покорюсь вамъ, злодѣи! — Эй, Алексѣй, сдайся! худо будетъ!—Не сдамся вамъ, разбойники! Постойте, постойте—вотъ я васъ!—Со мной было всего-на-всего человѣкъ пять уланъ;—да что тутъ думать—смѣлымъ Богъ владѣетъ! бухъ прямо въ рѣку, вплавь. Лишь только я выбрался съ моими уланами на берегъ, да пафъ изъ пистолета. Эге! гляжу, мужички-то мои и сробѣли. — Кто противъ нашей матушки Царицы? говори!—зыкнулъ я во все горло — они всѣмъ міромъ и брякъ на колѣни

— Виноваты, батюшка Алексѣй Андреевичъ! Глупость наша такая—помилуй!

— Вотъ я васъ помилую!.. Постойте-ка, постойте! Есть ли у васъ большой сарай на господскомъ дворѣ?

— Есть, кормилецъ.

— Такъ сберитесь же туда всѣ отъ мала до велика, и держите себя подъ карауломъ—слышите?

— Слышимъ, батюшка.

— Мнѣ некогда съ вами возиться; надобно еще у

сосѣдей вашихъ побывать. Завтра опять къ вамъ буду.

— Слышимъ-ста, батюшка! только помилуй!

— А вотъ посмотрю, утро вечера мудренѣе. Кого надо повѣсить—повѣшу; кого помиловать—помилую.— Ну, чтожъ стали! Ступай, говорятъ,—да у меня смотри, караулить себя хорошенько.

— Станемъ караулить, родимый!

— Ну, то-то же! Ждите меня завтра чѣмъ свѣтъ.

— Будемъ-ста ждать, батюшка, только помилуй!

Я воротился къ нимъ на другой день, — продолжалъ Алексѣй Андреевичъ.—Смотрю, у сарая стоитъ часовой съ дубиной. Я подъѣхалъ; караульный снялъ шапку, поклонился въ поясъ и сказалъ мнѣ: — Здравствуй, батюшка Алексѣй Андреевичъ!—А тамъ вдругъ какъ крикнетъ: «кто иде?» «командиръ!»—Вотъ онъ вытащилъ запоръ, отворилъ ворота, я вошелъ, и чтожъ вы думаете? Гляжу, вся вотчина поголовно сидитъ въ сараѣ.

Алексѣй Андреевичъ Двинскій былъ въ свое время человѣкъ довольно ученый, то-есть онъ любилъ читать, зналъ почти наизусть Ролленя, Іосифа Флавія и Квинта Курція, имѣлъ нѣкоторыя понятія о наукѣ, такъ какъ понимали ее у насъ лѣтъ семьдесятъ тому назадъ. Надобно сказать правду, онъ употреблялъ иногда во зло свою ученость, и подчасъ слишкомъ щеголялъ ею. Имена знаменитыхъ людей, а въ особенности древнихъ философофъ, поминутно были у него на языкѣ. Разумѣется, почти всѣ дворяне нашей губерніи преклоняли съ благоговѣніемъ свои главы предъ его глубокой ученостью, выключая однакожъ губернатора, который, несмотря на близкое свое родство съ Алексѣемъ Андреевичемъ, безпрестанно спорилъ и часто сбивалъ вовсе своими простодушными вопросами. Нашъ губернаторъ былъ человѣкъ не ученый, всю жизнь служилъ въ военной службѣ и, какъ говорится, былъ честенъ *по булату*. Конечно, и его иногда обманывалъ секретарь; но зато если онъ замѣчалъ гдѣ-нибудь упущенія по службѣ, или открывалъ нечаянно какое-нибудь злоупо-

требленіе, то подымалъ такой штурмъ, что не только присутствующіе въ нижнихъ инстанціяхъ, но и въ высшихъ мѣстахъ, мѣсяца по два сряду дрожкой дрожали и ходили всѣ по стрункѣ. Доступъ къ нему былъ вовсе не тяжелъ; онъ принималъ просьбы ото всѣхъ; говорилъ самъ съ послѣднимъ мѣщаниномъ; да только вотъ что было худо: если проситель изъяснялся не толковито, или говорилъ слишкомъ протяжно, то онъ отсылалъ его къ секретарю, или просто выталкивалъ вонъ изъ своего кабинета. Сестра его, Марья Степановна, жена Алексѣя Андреевича Двинскаго, слыла предоброю старушкою, не пропускала ни одной службы, помогала бѣднымъ, любила знать все, что дѣлается въ городѣ, и сверхъ того была большая мастерица раскладывать гран-пасіансъ и считать года всѣхъ невѣстъ, которыя позасидѣлись въ дѣвкахъ.

Алексѣй Андреевичъ Двинскій встрѣтилъ насъ въ гостиной; эта комната поразила меня своимъ роскошнымъ убранствомъ. Огромная хрустальная люстра, подъ зеркалами на подстольникахъ жирандоли, убранные также граненымъ хрусталемъ; по стѣнамъ *масляныя* картины въ золоченыхъ рамахъ, наклейные столы, кресла и канапе, обитыя полосатымъ штофомъ, все это показалось мнѣ чрезвычайно великолѣпнымъ. Хозяинъ обнялъ съ искреннею радостію моего опекуна и потрепалъ меня ласково по щекѣ, а супруга его расцѣловалась съ Авдотьей Михайловной и Машенькой. На канапе сидѣлъ какой-то гость съ большимъ носомъ, въ широкомъ сюртукѣ съ звѣздою. Онъ также встрѣтилъ ласковымъ словомъ Ивана Степановича, который поклонился ему весьма почтительно и сталъ величать превосходительствомъ; по всѣмъ этимъ примѣтамъ мнѣ не трудно было узнать въ немъ губернатора. Признаюсь, я очень обробѣлъ сначала; но какъ поосмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ точно такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, то сдѣлался посмѣлѣе, придвинулся поближе къ хозяину, который о чемъ-то съ нимъ спорилъ, и сталъ вслушиваться въ ихъ разговоръ.

— Да полно, братецъ, изъ пустого въ порожнее переливать, — говорилъ губернаторъ, набивая свой огромный носъ табакомъ.—Зналъ бы я наказъ нашей матушки Екатерины Алексѣевны, регламентъ Петра Перваго, отчасти уложенье Царя Алексѣя Михайловича, да правилъ бы губерніею честно, добросовѣстно и со всякимъ опасеніемъ, — такъ вотъ тебѣ и вся наука! — На что мнѣ ваши финты-фанты, да всякія ученыя премудрости!—Я, братъ, за нихъ и гроша не дамъ.

— И не давай, любезный!—сказалъ съ усмѣшкою Двинскій.—Вѣдь наука не что другое, она не всякому впрокъ идетъ; и премудрый Сократъ говорилъ однажды своему ученику Платону...

— Ужъ какъ ты мнѣ надоѣлъ съ этимъ Сократомъ, — прервалъ губернаторъ. — Наладилъ одно: Сократъ да Сократъ! — И что онъ былъ за человѣкъ такой?

— Аѳинскій гражданинъ, любезный!

— Только-то? Гражданинъ, то-есть по-нашему мѣщанинъ? Не велика птица!—Посмотрѣли бы мы его премудрости, еслибъ онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ! Тутъ, братъ, и не мѣщанинъ затылокъ у себя зачешетъ. Эка важность:—премудрый Сократъ!.. Видали мы этихъ Сократовъ!

— Едва ли, любезный! Ты книгъ не читаешь, такъ врядъ ли когда-нибудь съ нимъ встрѣтишься—хе, хе, хе!

— Да что въ книгахъ-то проку? Вотъ ты третьяго дня втеръ насильно мнѣ въ руки эту — какъ бишь ее зовутъ?.. прахъ ее возьми!..

— «Граціанъ—придворный человѣкъ».

— Да, да! Ну, ужъ книга! Чортъ знаетъ, что въ ней напечатано!—Въ толкъ не возьмешь!

— Хе, хе, хе! Что любезный, не про насъ видно писано? А не худо бы тебѣ прочесть со вниманіемъ регулу шестьдесятъ-первую о томъ, какъ мы должны преуспѣвать въ изрядствахъ.

— Читай, братъ, самъ по субботамъ.

— Ну, а прочелъ ли ты мою книгу о семи мірахъ?

— Чортъ ее возьми!—И какое мнѣ до нихъ дѣло?

— Какое?—Эхъ, ваше превосходительство!—Плохъ тотъ человѣкъ,—говоритъ Маркъ Аврелій,—который не знаетъ, по чему онъ ходитъ и что его покрываетъ.

— Да кто-жъ этого не знаетъ? Извѣстное дѣло: мы всѣ ходимъ по землѣ, а надъ нами небо.

— Да на небѣ-то что?

— Мало ли что: солнце, мѣсяцъ, звѣзды.

— А звѣзды-то что такое?

— Какъ что такое?.. Ну, звѣзды да и все тутъ.

— Нѣтъ не все!—Не знаешь, такъ я тебѣ скажу. Звѣзды небесныя такіе же міры, какъ и нашъ.

— Смотри пожалуй!—Ахъ, ты, мудрецъ, мудрецъ! видишь, что выдумалъ! Полно, братъ, разсказывай другимъ!

— Я тебѣ говорю.

— Да что ты тамъ былъ, что-ль?

— Не былъ, да знаю.

— Міры! Хороши міры по маковому зернышку!

— Такъ намъ отсюда кажется, а въ самомъ дѣлѣ они болѣе нашей земли, и, вѣроятно, служатъ жилищемъ для разумныхъ тварей. Статься можетъ, тамъ есть такіе же умные губернаторы, какъ ты, и такіе же глупые коллежскіе совѣтники, какъ я,—хе, хе, хе!

— Эку дичь поретъ!—Да развѣ тебѣ не случалось видѣть, что звѣзды-то съ неба падаютъ?

— Случалось, любезный!

— Такъ отчего же до сихъ поръ ни одного губернатора или колежскаго совѣтника оттуда не свалилось, и ни одна звѣзда никакихъ бѣдъ не надѣлала? Да еслибъ онѣ были не только съ нашу землю, а вотъ хоть съ нашъ губернскій городъ, такъ ужъ вѣрно бъ много народу передавили.

— То-то и есть, любезный! ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ты, сердечный, и этого не знаешь, что звѣзды, которыя падаютъ на землю, не тѣ, которыхъ мы видимъ на тверди небесной.

— Такъ чтожъ это за звѣзды такія?

Этотъ вопросъ, и въ наше время не вовсе еще рѣшенный, казалось, очень затруднилъ Двинскаго. Онъ наморщилъ лобъ, понюхалъ медленно табаку и сказалъ:—Ты хочешь знать, что это за звѣзды такія?

— Ну, да!

— Вотъ изволишь видѣть, любезный!—Эти падающія звѣзды не то, что звѣзды неподвижныя.

— А какія же?

— Какія! Ну, разумѣется, особыя, отличныя, тоесть—пойми меня хорошенько—онѣ, сирѣчь эти звѣзды не то что звѣзды, а, такъ сказать, подобіе звѣздъ.

— Да чтожъ онѣ такое?

— Экій ты, братецъ, какой! Вѣдь я тебѣ толкомъ говорю, тѣ звѣзды сами по себѣ, и эти сами по себѣ. Звѣзда звѣздѣ не указъ, любезный!

— Да не о томъ рѣчь! — Ты мнѣ скажи, что это за звѣзды, которыя падаютъ?.. А?.. что?.. видно ученость-то твоя втупикъ стала?

— Да что съ тобой говорить! — сказалъ съ примѣтной досадой Двинскій.—Вѣдь это для тебя халдейская грамота, любезный! Не даромъ сказано: не разсыпайте бисера...

— Спасибо, другъ сердечный! вотъ къ кому примѣнилъ!

— Не погнѣвайся! Такъ къ слову пришлось.

Я не могъ дослушать этотъ ученый диспутъ, потому что меня отвели во флигель, гдѣ я скинулъ дорожное платье и нарядился въ свой коричневый фракъ. Потомъ, часу въ шестомъ послѣ обѣда, заложили опять нашу линею, и мы всѣ вмѣстѣ отправились на сборное мѣсто цѣлаго города, то-есть въ лубочные ряды на ярмарку.

III.

ЯРМАРКА.

Вѣрно вамъ случалось не разъ слушать съ досадою, повидимому, совершенно несправедливыя жалобы ста-

риковъ на все то, что мы называемъ *улучшеніемъ;* не смѣйтесь надъ ними, не осуждайте ихъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ вы думаете, что старикъ — если онъ не совсѣмъ еще выжилъ изъ ума—не понимаетъ, что каменный, удобный и красивый домъ лучше какихъ-нибудь деревянныхъ неуклюжихъ хоромъ; что хорошо вымощенная и опрятная площадь несравненно приличнѣе для всякаго города, чѣмъ грязный лугъ, по которому и весной и осенью вовсе нѣтъ проѣзда; что ѣхать въ почтовой, спокойной каретѣ, по гладкому шоссе, во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ скакать въ тряской кибиткѣ по бревенчатой мостовой, или изрытой колеями дорогѣ; повѣрьте, онъ это все и видитъ, и чувствуетъ, и понимаетъ; почему же онъ почти всегда предпочитаетъ дурное старое хорошему новому?—почему? На это отвѣчать не трудно—послушайте!

Одинъ изъ моихъ столичныхъ знакомыхъ, который былъ съ ребячества искреннимъ пріятелемъ и воспитывался вмѣстѣ съ деревенскимъ моимъ сосѣдомъ Волгинымъ, прошлаго года пріѣхалъ изъ Петербурга нарочно для того, чтобъ съ нимъ повидаться. Онъ заѣхалъ по дорогѣ ко мнѣ; на ту пору былъ у меня въ гостяхъ сынъ Волгина, молодецъ лѣтъ двадцати, писаный красавецъ. Я тотчасъ ихъ познакомилъ, и когда этотъ молодой человѣкъ объявилъ пріѣзжему, что онъ мѣсяцъ тому назадъ похоронилъ своего отца, мой столичный пріятель залился слезами.

— Вотъ былъ человѣкъ!—говорилъ онъ всхлипывая. — Перевелись такіе люди! А молодецъ-то былъ какой!

— Полно такъ ли, любезный? — сказалъ я, когда молодой Волгинъ вышелъ изъ комнаты. — Покойникъ былъ некрасивъ собою;—вотъ сынъ его, такъ нечего сказать...

— Да, да! Конечно, сынъ хорошъ, а отецъ былъ еще лучше.

— Что ты, помилуй! У него все лицо было изрыто оспою.

— Да, это правда: мы съ нимъ занемогли въ одно время; меня Богъ помиловалъ, а его, бѣдняжку, больно злодѣйка изуродовала. Боже мой! какъ мы съ нимъ обрадовались, когда, продержавъ насъ мѣсяца два взаперти, выпустили въ первый разъ изъ комнаты. Ужъ то-то мы набѣгались до-сыта! съ ногъ сбили нашего дядьку Прохора, а пуще Волгинъ—куда легокъ былъ на ногу!

— Неужели? Да вѣдь онъ всю жизнь свою хромалъ!

— Да, да, прихрамывалъ! Ему не было еще и шести лѣтъ, какъ онъ переломилъ себѣ ногу; мы лѣзли съ нимъ черезъ заборъ, онъ какъ-то сорвался, упалъ неловко, и съ тѣхъ поръ... Ахъ, ты, Господи Боже мой! какъ вспомню: какіе мы были проказники! Бывало, я на любое дерево взбѣгу какъ по лѣстницѣ; няня меня ищетъ, а я-то сижу себѣ на суку да кричу кукушкою. Преживой былъ ребенокъ!

— Мнѣ помнится также,—продолжалъ я,—у покойника былъ носъ на сторону?

— Правда, правда! Да вѣдь это къ нему очень шло! Бывало, онъ станетъ намъ корчить гримасы: ротъ на одну сторону, носъ на другую, такъ мы всѣ и помремъ со смѣху! Линскій начнетъ его передразнивать, Мурашкинъ также... Боже мой!.. всѣ померли! А люди-то какіе были—люди!

— Не спорю, любезный! Только какъ же твой другъ Волгинъ, съ рябымъ лицомъ, хромой ногою и кривымъ носомъ былъ лучше своего сына, перваго молодца и красавца во всей нашей губерніи?

Пріятель мой задумался, покачалъ печально головою и, пожавъ мнѣ крѣпко руку, сказалъ:—Да, мой другъ! Волгинъ на мои глаза былъ лучше всѣхъ нынѣшнихъ красавцевъ; его лицо напоминало бы мнѣ самые блаженные годы моей жизни. Ты—дѣло другое: ты не выросъ съ нимъ вмѣстѣ; при встрѣчѣ съ нимъ не оживились бы въ твоей памяти всѣ дѣтскія радости, все счастіе юношескихъ лѣтъ, когда свѣтъ намъ кажется прекраснымъ,

надежда вѣрнымъ, неизмѣннымъ другомъ, а всѣ люди братьями. Если бы я его увидѣлъ, то помолодѣлъ бы тридцатью годами, пустился бы бѣжать съ тобою вза-пуски! Вмѣсто его я увидѣлъ сына, и меня опять пригнуло къ землѣ, все прошедшее какъ будто бы не бывало, а безъ него худо нашему брату старику. Настоящее хоть брось, а будущее... Ахъ, мой другъ, мой другъ! Ты еще не старъ, а мнѣ скоро восемьдесятъ стукнетъ. Нѣтъ! воля твоя, хорошъ сынъ, а отецъ былъ гораздо лучше!

Я думалъ почти то же самое, когда, спустя лѣтъ тридцать, попалъ нечаянно на эту годовую ярмарку нашего губернскаго города. Съ какою дѣтскою радостію торопился я воскресить въ душѣ своей всѣ прежнія впечатлѣнія, какъ встрепенулось мое сердце отъ удовольствія, когда лакей, притворивъ дверцы кареты, закричалъ: Пошелъ на ярмарку! Подъѣзжаю — и что же?.. Боже мой! какое превращеніе! Вмѣсто лубочныхъ балагановъ и лавокъ, удрапированныхъ рогожами, у которыхъ была такая праздничная, веселая наружность—пречопорный гостиный дворъ, раскрашенный, обитый тесомъ, и даже, — о, Господи! ожидалъ ли я такого несчастія!—выстроенный по плану и съ наблюденіемъ всѣхъ правилъ изящной архитектуры! Куда дѣвался этотъ упоительный запахъ сырыхъ лубковъ и свѣжихъ цыновокъ? Гдѣ эти дождевыя лужи, около которыхъ такъ осторожно и подбирая свои платьица обходили наши городскія барыни? На каждомъ шагу такія улучшенія, вездѣ такая чистота и опрятность, такое благочиніе! Нѣтъ ни суматохи, ни тѣсноты; ну, словомъ, все такъ чинно, такъ прекрасно, и такъ скучно, что я чуть-чуть не заплакалъ съ горя!—Хорошо,—думалъ я, прохаживаясь по широкимъ рядамъ.—Что и говорить—хорошо! Да эти щеголеватые ряды мнѣ ничего не напоминаютъ. Это ужъ не та ярмарка, на которой я такъ веселился; та сгибла и пропала вмѣстѣ съ моею молодостію! Та была просто годовой праздникъ, на которомъ въ лубочныхъ вре-

менныхъ балаганахъ веселились безъ причудъ, на распашку; а теперь, Боже мой! изящное зданіе съ колоннами! Ну, что тутъ будешь дѣлать? Хочешь—не хочешь, а надѣвай, вмѣсто полевого кафтана, фракъ или модный сюртукъ! Нѣтъ, прежняя ярмарка была гораздо лучше!

Попытаюсь описать ее.

Я ужъ сказалъ моимъ читателямъ, что мы, отобѣдавъ у Алексѣя Андреевича Двинскаго, отправились всей семьей на ярмарку. И теперь еще не могу вспомнить безъ восторга и радостнаго замиранія сердца о томъ, какъ мы подъѣхали къ рядамъ, какъ вышли изъ нашей линеи, какъ глазамъ моимъ представилась эта безконечная перспектива слабо освѣщенныхъ лавокъ, которыя, вмѣстѣ съ многолюдной толпой народа, терялись вдали въ какомъ-то заманчивомъ сумракѣ. Когда мы вошли въ одну изъ главныхъ улицъ этихъ ярмарочныхъ биваковъ, голова моя закружилась и стало рябить въ глазахъ. Я не зналъ на что смотрѣть: тутъ, лавочки наполнены серебряною посудою и образами, въ золоченыхъ окладахъ; тамъ, тульскій магазинъ съ блестящими стальными издѣліями; подлѣ, цѣлыя горы граненаго хрусталя; вотъ люстра огромнѣе и лучше той, которая поразила меня въ домѣ Алексѣя Андреевича Двинскаго.—Боже мой, Боже мой!—шепталъ я, протирая глаза.—Нѣтъ! такого богатства и роскоши я въ жизни своей не видывалъ!.. Да это все стоитъ милліоновъ! Боже мой, Боже мой!—Пройдя шаговъ сто, мы остановились подлѣ одной угольной лавки съ дамскими товарами. Авдотья Михайловна и Машенька стали торговать разныя шелковыя матеріи; Иванъ Степановичъ отправился покупать себѣ енотовую шубу; а я, оправясь немного отъ перваго изумленія, началъ расхаживать взадъ и впередъ по рядамъ, чтобъ людей посмотрѣть и себя показать. На мнѣ была пуховая круглая шляпа, которую, съ мѣсяцъ тому назадъ, братъ моего опекуна, проѣзжая изъ Москвы въ Саратовъ, подарилъ мнѣ на память. Эта шляпа съ высокой тульей

и тремя ленточками, изъ которыхъ каждая застегивалась особой серебряной пряжкою, была, по словамъ его, самой послѣдней моды. Я обновилъ ее для ярмарки и, признаюсь, думалъ, что народъ будетъ останавливаться и смотрѣть на эту щегольскую шляпу, что, можетъ-быть, многіе станутъ говорить: Посмотрите, какая шляпа! сколько пряжекъ!.. Кто этотъ молодой человѣкъ въ такой модной шляпѣ? Вотъ я себѣ хожу да посматриваю: не взглянетъ ли кто-нибудь? Никто! Какъ я ни старался выказать свою шляпу: то надѣвалъ ее на-бекрень, то закидывалъ назадъ—все напрасно! никто не удостоилъ ее ни однимъ взглядомъ; и когда я встрѣтилъ человѣкъ десять точно въ такихъ же шляпахъ, и даже одного, у котораго вся тулья снизу до верху была опутана ленточками и унизана пряжками, то поневолѣ смирился и почувствовалъ всю ничтожность суеты и гордости мірской. Видя, что нѣтъ никакой пользы себя показывать, я рѣшился смотрѣть на другихъ. Прислонясь къ одной лавкѣ, я стоялъ съ полчаса, не мѣняя мѣста, и глядѣлъ съ удивленіемъ на эту пеструю и многолюдную толпу гуляющихъ.— Откуда набралось столько народа?—думалъ я.—Господи Боже мой! и это все господа!—Они встрѣчались, здоровались, обнимались, хвастались своими покупками и разсказывали другъ другу всякія новости. Нѣсколько расфранченныхъ молодыхъ людей, въ сюртукахъ съ петлицами, въ венгеркахъ, въ модныхъ фракахъ съ узенькими фалдочками и высокими лифами, увивались около дамъ; они такими молодцами подходили къ барышнямъ, такъ ловко подчивали ихъ шепталою, финиками и разными другими сластями, отпускали такіе замысловатые комплименты съ примѣсью французскихъ словъ, что я не могъ смотрѣть на нихъ безъ зависти. Почти всѣ молодыя барыни и барышни сидѣли рядышкомъ по прилавкамъ, къ явному прискорбію купцовъ, которымъ не оставалось мѣста, гдѣ бы они могли показывать покупщикамъ свои товары. Я узналъ впослѣдствіи, что этотъ обычай пріѣзжать въ ряды для

того только, чтобъ сидѣть по нѣсколько часовъ сряду на прилавкахъ, не всегда имѣетъ своей цѣлію одно препровожденіе времени; для иныхъ зрѣлыхъ дѣвушекъ онъ служитъ —какъ бы это сказать повѣжливѣе?—онъ служитъ какимъ-то иносказательнымъ возвѣщеніемъ, что и онѣ, наравнѣ съ другими товарами. ожидаютъ покупщиковъ. Эта выставка невѣстъ, въ прежнихъ лубочныхъ рядахъ, была очень выгодна для дѣвицъ, которыя имѣютъ причины показывать себя въ полусвѣтѣ. Я замѣтилъ также, что чѣмъ дурнѣе была какая-нибудь барышня, тѣмъ болѣе отыскивалось у нея пріятельницъ, которыя старались наперерывъ сидѣть съ нею рядомъ. Слабый свѣтъ и безобразная сосѣдка удивительно какъ помогаютъ очарованію туалета; при этихъ двухъ средствахъ обольщенія, пріятная наружность становится плѣнительною, а тридцатилѣтняя красавица превращается въ ребенка.

Я забылъ сказать, что мой опекунъ, отправляясь вмѣстѣ съ нами на ярмарку, отдалъ въ полное мое распоряженіе синенькую ассигнацію и рубля два мелкимъ серебромъ. Сначала, развлеченный новостію предметовъ, которые на каждомъ шагу возбуждали мое удивленіе и любопытство, я совершенно позабылъ объ этомъ важномъ обстоятельствѣ. Наглядѣвшись до-сыта на толпы гуляющихъ и лавки, наполненныя дорогими товарами, я обратилъ, наконецъ, вниманіе на разбросанныя посреди рядовъ небольшія лавочки, или шкапы съ разными мелочными товарами. Я остановился подлѣ одного изъ нихъ: перочинные ножички различныхъ формъ, красные туалетцы съ зеркалами, точеные игольники, рулетки, сафьяновые бумажники съ приборомъ, готовальни, духи и сотни другихъ бездѣлушекъ, обворожили меня своимъ разнообразіемъ и приманчивой наружностію; я пожиралъ ихъ глазами.—Боже мой!— прошепталъ я невольнымъ образомъ, — что еслибъ у меня было Шереметьевское богатство! Я купилъ бы всѣ эти вещи разомъ, разложилъ бы у себя на столѣ и любовался бы ими съ утра до вечера. Э! да чтожъ

я въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь у меня есть деньги—куплю хоть что-нибудь!—Вотъ, собравшись съ духомъ, я рѣшился, наконецъ, спросить купца о цѣнѣ нѣкоторыхъ изъ его товаровъ. Мы скоро поладили, и надобно было видѣть, какъ важно и съ какою гордостію я вынулъ мою казну и отсчиталъ деньги, когда въ первый разъ въ жизни, самъ, лично своей особою, сторговалъ и купилъ костяной волчокъ, роговой тупейный гребешокъ и банку московской жасминной помады;—не правда ли—васъ это удивляетъ? *Молодой человѣкъ*, которому минуло *уже* шестнадцать лѣтъ, покупаетъ для своей забавы волчокъ! Да! теперь это было бы очень удивительно; но лѣтъ сорокъ тому назадъ, шестнадцатилѣтняго мальчика называли еще ребенкомъ, а молодой восемнадцатилѣтній человѣкъ не считалъ себя ни законодателемъ вкуса, ни публицистомъ, ни глубокимъ *мыслителемъ*; не старялся, безъ всякаго призванія, разыгрывать роли русскаго Канта, Окена или Шлегеля, и ни въ какомъ случаѣ не стыдился быть молодымъ и уважать заслуги старыхъ людей. Кто не знаетъ наизусть нашего русскаго родного поэта, который сказалъ:

Все идетъ чредой опредѣленной:
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ.
Смѣшонъ и юноша степенный...

и кто не согласится со мною, что послѣдній стихъ, къ несчастію, вовсе не выражаетъ духъ нашего времени. Молодые люди—юноши девятнадцатаго столѣтія! Повѣрьте старику, который, несмотря на то, что принадлежитъ къ прошедшему вѣку, не менѣе вашего ненавидитъ невѣжество и радуется успѣхамъ просвѣщенія—не торопитесь жить, оставайтесь подолѣе дѣтьми! Зачѣмъ весною украшать ваше юное чело поблекшими цвѣтами осени? Она придетъ, злодѣйка зима! не бойтесь—придетъ! засыплетъ васъ своимъ холоднымъ снѣгомъ, заморозитъ ваше воображеніе, убьетъ всю силу души, и прежде чѣмъ вы успѣете оглянуться съ горемъ на прошедшее, нокроетъ васъ на вѣки своимъ бѣлымъ саваномъ.

Истративъ на эту покупку не болѣе половины моей казны, я рѣшился на остальныя деньги купить знаменитый романъ Дюкредюмениля — «Яшенька и Жоржета», о которомъ слышалъ чудеса отъ одного изъ нашихъ сосѣдей. Книжная лавка была въ двухъ шагахъ; но около нея толпилось такъ много покупщиковъ, что я долженъ былъ минутъ десять дожидаться моей очереди. Въ то самое время, какъ я подошелъ къ прилавку, передо мною раздался голосъ дядьки моего Бобылева.—Хозяинъ!—проревѣлъ онъ своимъ густымъ басомъ,—есть у тебя арихметика съ числами?—Купецъ подалъ ему небольшую книжку.—Это не та!—сказалъ Бобылевъ, взглянувъ на заглавный листъ. Книгопродавецъ подалъ ему другую.—И это не та! Ты дай мнѣ настоящую!

— Да какую же тебѣ надобно ариѳметику?—спросилъ съ нетерпѣніемъ книгопродавецъ.

— Вѣстимо, какую! Дай мнѣ арихметику, которая начинается вотъ такъ: «Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю».

— Такой нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Я самъ видѣлъ у нашего попа Егора, въ красной оберткѣ, первая страничка позамарана.

— Добро, добро! Пошелъ прочь отъ лавки! не до тебя!

— Тише, тише, баринъ! что ты?

— Говорятъ тебѣ, пошелъ прочь!

— Эй, любезный! — закричалъ громкимъ голосомъ дюжій помѣщикъ въ нѣмецкомъ однобортномъ кафтанѣ и плисовыхъ сапогахъ:—есть у тебя Радклифъ?

— Есть сударь! Какой романъ прикажете?

— Какой? Вѣдь я тебѣ сказалъ, Радклифъ.

— Да, что, сударь? «Лѣсъ» или «Сенклерское Абатство».

— Лѣсъ? какой лѣсъ? Нѣтъ, кажется, жена не къ говорила.

— «Итальянецъ», «Грасвильское Абатство».

— Нѣтъ, любезный, нѣтъ!.. Что-то не такъ.

— «Удольфскія таинства?»

— Та, та, та! ихъ-то и надобно! Давай сюда!

— Есть у васъ — «Дѣти Абатства?» — пропищалъ тоненькій голосокъ.

— Послушайте!—сказала молодая дама съ томными голубыми глазами; — Пожалуйте мнѣ «Мальчика у ручья» Г. Коцебу и «Біанку Капеллу» Мейснера.

— Что послѣдняя цѣна «Моимъ бездѣлкамъ»?—спросилъ пришептывая растрепаный франтъ; у котораго виднѣлась только верхушка головы, а остальная часть лица утопала въ толстомъ галстукѣ.

— Позвольте, позвольте! — прохрипѣлъ, расталкивая направо и налѣво толпу покупщиковъ, небольшого роста краснолицый и круглый, какъ шаръ, весельчакъ, въ плисовомъ полевомъ чекменѣ и кожаномъ картузѣ. — Здорово, пріятель! — продолжалъ онъ, продравшись къ прилавку.—Ну, что? какъ торгъ идетъ?

— Слава Богу, сударь!

— А знаешь ли, братецъ? Вѣдь я хочу съ тобой ругаться.

— За что-съ?

— Что ты мнѣ третьяго дня продалъ за книги такія? «Житіе Клевеланда»; я думалъ и Богъ знаетъ что, анъ вышло дрянь, скука смертная: какіе-то острова да пещеры; гиль да и только! Вотъ вчера, спасибо, другъ, потѣшилъ, продалъ книжку! Сегодня я читалъ ее вмѣстѣ съ женою— такъ и помирали со смѣху; ну ужъ этотъ Совѣстдралъ-большой носъ! Ахъ, чортъ возьми—какія бадяги корчитъ! Продувной малый!

— Да-съ, книга веселая-съ!

— Дай-ка мнѣ, братецъ! Говорятъ также больно хороша «Странныя приключенія русскаго дворянина Димитрія Мунгушкина».

Наконецъ, пришелъ и мой чередъ.—Пожалуйте мнѣ романъ Дюкредюмениля «Яшенька и Жоржета»,—сказалъ я робкимъ голосомъ книгопродавцу. Онъ снялъ съ полки нѣсколько книгъ и подалъ мнѣ.—Ай, ай! четыре тома! ужъ вѣрно они стоятъ, по крайней мѣрѣ,

рублей восемь, а у меня не осталось и четырехъ рублей въ карманѣ; я спросилъ о цѣнѣ.—Десять рублей!— Можно ихъ немножко просмотрѣть? — сказалъ я заикаясь. — Сколько вамъ угодно! — отвѣчалъ вѣжливый книгопродавецъ. Я взялъ первый томъ, усѣлся на прилавкѣ подлѣ большой связки книгъ и началъ читать. Черезъ нѣсколько минуть пять или шесть барынь расположились на томъ же прилавкѣ подлѣ меня. Я могъ слышать ихъ разговоръ; но огромная кипа книгъ, которая насъ раздѣляла, мѣшала имъ меня видѣть; углубясь въ чтеніе моей книги, я не обращалъ сначала никакого вниманія на ихъ болтовню; но подъ конецъ имена Авдотьи Михайловны и Машеньки такъ часто стали повторяться, что я нехотя началъ прислушиваться къ рѣчамъ моихъ сосѣдокъ.

— Да!—говорила одна изъ дамъ, — эта Машенька Бѣлозерская — дѣвочка хорошенькая, — неловка — это правда; но она еще дитя.

— Дитя!—подхватила другая барыня.—Помилуйте! она съ меня ростомъ! Я думаю, ей, по крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ! не болѣе тринадцати.

— Такъ зачѣмъ же ее такъ одѣваютъ? Какъ смѣшна эта Авдотья Михайловна! Навѣшала на свою дочку золотыхъ цѣпочекъ, распустила ей по плечамъ репантиры и таскается за ней сама въ ситцевомъ платьѣ; ну точно гувернантка! Да что она? не ищетъ ли ужъ ей жениха?

— Какъ это можно! ребенокъ! да, кажется, имъ это и не нужно.

— А что?

— Такъ! Авдотья Михайловна смотритъ смиренницей, а хитра, Богъ съ нею.

— Да что такое?

— А вотъ изволите видѣть: у нихъ воспитывается сирота!..

— Ужъ не этотъ ли мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, который ходилъ съ ними сейчасъ по рядамъ?

— Да, тотъ самый.

— У него пріятная наружность.

— И восемьсотъ душъ.

— Вотъ что!

— Они живутъ безвыѣздно въ деревнѣ — сосѣдей почти нѣтъ... Всегда одна да одна въ глазахъ... Теперь понемножку свыкнутся, а тамъ какъ подростутъ...

— Понимаю!.. Ай да Авдотья Михайловна!.. восемьсотъ душъ!.. ни отца, ни матери!.. Да это такая партія, что я лучшей бы не желала и для моей Катеньки.

— Что эти барыни?—подумалъ я,—съ ума что ль сошли? Да развѣ я могу жениться на Машенькѣ?

— Постойте-ка, постойте? — заговорила барыня, которая не принимала еще участія въ разговорѣ. — Что вы больно проворны! тотчасъ и помолвили и обвѣнчали — погодите! Вѣдь этотъ сирота, кажется, близкій родственникъ Бѣлозерскимъ.

— Кто это вамъ сказалъ? — возразила одна изъ прежнихъ дамъ.—Да знаете ли вы, какъ они родня? Дѣдушка этого сироты былъ внучатнымъ братомъ отцу Ивана Степановича Бѣлозерскаго.

— Вотъ что! такъ они въ самомъ дальнемъ родствѣ?

— Да! немного подалѣе, чѣмъ ваша племянница, Марья Алексѣевна, была до свадьбы съ теперешнимъ своимъ мужемъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Ижорскимъ; а если не ошибаюсь, такъ для этой свадьбы вамъ не нужно было просить архіерейскаго разрѣшенія.

— Смотри пожалуй! Ну, Бѣлозерскіе! какъ ловко они умѣли все это смаскировать. — Сиротка! племянникъ, матушка! А у сиротки-то восемьсотъ душъ; а племянникъ-то въ двѣнадцатомъ колѣнѣ! Умны, что и говорить—умны!

— Да ну ихъ совсѣмъ! какое намъ до нихъ дѣло?

— Какое дѣло? Помилуйте! да это сущій развратъ; мальчикъ взрослый, дѣвочка также почти невѣста; чу-

жіе межъ собой — и допустить такое обращеніе!.. а все интересъ! Посмотришь на нихъ: точно родные братъ и сестра. Я сама видѣла—цѣлуются... фуй какая гадость!

— И, матушка Анна Лукьяновна! вѣнецъ все прикроетъ!.. Да что мы здѣсь усѣлись? Пойдемте-ка лучше въ галантерейный рядъ: здѣсь Богъ знаетъ что за народъ ходитъ.

Сосѣдки мои, продолжая межъ собой разговаривать, пошли прочь отъ книжной лавки, и я остался одинъ. Какъ теперь помню, какое странное впечатлѣніе произвело на меня это неожиданное открытіе: первое ощущеніе вовсе не походило на радость, я испугался, сердце мое сжалось, слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. — Я не братъ Машенькѣ, мы почти не родня! Боже мой!.. Но я могу на ней жениться, мы вѣчно будемъ вмѣстѣ, она не выйдетъ замужъ за какого-нибудь чужого человѣка—этотъ злодѣй не увезетъ ее за тридевять земель... не станетъ требовать, чтобъ она любила его болѣе меня... Нѣтъ! тогда ужъ никто насъ не разлучитъ?.. — Всѣ эти мысли закипѣли въ головѣ моей, заволновали кровь въ жилахъ, овладѣли душою, всѣ понятія мои перемѣшались; прошедшее, настоящее, будущее — все слилось въ какую-то неясную идею о неизъяснимомъ счастіи, о возможности этого счастія, и въ то же время, страхъ, котораго я описать не могу, это безотчетное чувство боязни, при видѣ благополучія, которое превосходитъ всѣ наши ожиданія, которому и вѣрить мы не смѣемъ, обдало меня съ ногъ до головы холодомъ. Я держалъ книгу по-прежнему передъ собою, перевертывалъ листы, глаза мои перебѣгали отъ одной строчки къ другой, но я ничего не понималъ, ничего не видѣлъ, всѣ слова казались мнѣ навыворотъ, и, чтобъ найти смыслъ въ самой обыкновенной фразѣ, я перечитывалъ ее по нѣскольку разъ сряду.

— Ну, что, сударь! — спросилъ меня купецъ. — Нравятся ли вамъ эти книжки?

— Очень, — отвѣчалъ я, не смѣя поднять кверху глаза.

— Прикажете завернуть?

— Нѣтъ-съ! теперь не надо. Возьмите ее. Боже мой! какъ жарко!

— Нѣтъ, кажется здѣсь довольно прохладно!

— Не знаю; а мнѣ что-то очень душно.

— Здравствуй, братецъ! — раздался подлѣ меня плѣнительный голосъ Машеньки. — А мы ужъ тебя искали, искали!

Я спрыгнулъ съ прилавка; Машенька взяла меня за руку и наклонилась, чтобъ поцѣловать въ щеку. Я вспыхнулъ и отскочилъ назадъ.

— Что это такое? — вскричала съ удивленіемъ Машенька.—Что ты, братецъ?

— Ничего, Машенька, ничего!

— Да чтожъ это значитъ?

— Молчи, пожалуйста!—сказалъ я въ полголоса.— Я все тебѣ разскажу.

— Что вы это? Ужъ не ссоритесь ли?—спросила Авдотья Михайловна, разсматривая полный мѣсяцесловъ, который лежалъ на прилавкѣ.

— Не знаю, маменька, братецъ что-то...

— Замолчи, Бога ради! — шепнулъ я, дернувъ за руку Машеньку.

— А! вы всѣ здѣсь?—сказалъ Иванъ Степановичъ, подойдя къ намъ съ двумя помѣщиками, изъ которыхъ одинъ былъ близкимъ нашимъ сосѣдомъ.—Вы, барыни, ступайте домой въ линеѣ, а мы пойдемъ теперь на конную; ты, Саша, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,— охотникъ до лошадей, пойдемъ вмѣстѣ съ нами.

— А какъ же вы домой? — спросила Авдотья Михайловна.

— Пѣшкомъ, матушка!

— Такую даль!

— Охъ, вы барыни, барыни! Вамъ все страшно. Эка даль: версты полторы! Добро, добро! ступайте

съ Богомъ, а мы ужъ дойдемъ какъ-нибудь. Да гдѣ ваши люди? Егоръ—здѣсь, а Филька гдѣ.

— Ушелъ куда-то.

— Ну, такъ и есть! вѣрно въ кабакѣ.

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ! онъ нынче не пьетъ, а такъ, зазѣвался гдѣ-нибудь; да мы доѣдемъ и съ однимъ человѣкомъ.

— Хорошо, хорошо! ступайте же!

Иванъ Степановичъ посадилъ въ линею жену и дочь, а самъ, вмѣстѣ со мною и съ двумя своими пріятелями, отправился пѣшкомъ на конную. Мы ходили уже около часу по площади, пересмотрѣли лошадей пятьдесятъ, и мнѣ подъ-конецъ сдѣлалось бы очень скучно, тѣмъ болѣе, что я горѣлъ нетерпѣніемъ переговорить съ Машенькой, еслибъ меня не забавляли отъ-времени-до-времени разныя ярмарочныя сцены, въ которыхъ особенно отличались цыгане. Надобно было видѣть, съ какимъ искусствомъ эти природные барышники надували русскихъ мужичковъ, несмотря на ихъ сметливость и догадку. При мнѣ одинъ цыганъ продалъ крестьянину кривую лошадь; онъ такъ проворно повертывалъ ее здоровымъ глазомъ къ мужику, такъ кстати подхлестывалъ кнутомъ и заставлялъ становиться на дыбы, когда покупщикъ заходилъ съ слабой стороны, что ему не удалось ни разу взглянуть на дурной глазъ. Другіе цыгане стояли кругомъ и кричали во все горло: — Экій конь, экій конь! эва грудь-то какая! вали смѣло сто пудовъ на телѣгу! А ноги-то — ноги! вовсе бабокъ нѣтъ!.. Всѣмъ взяла!.. Богатый конь!.. рѣдкостная лошадь... Мужичокъ вытащилъ изъ-за пазухи свою мошну, да на его счастье какой-то мѣщанинъ вклепался въ эту лошадь, привелъ полицейскаго, и цыганъ вынужденъ былъ, въ доказательство своей невинности, объявить, что у его клячи на правомъ глазу бѣльмо, тогда какъ, по словамъ мѣщанина, украденная лошадь была съ здоровыми глазами.

Иванъ Степановичъ, не найдя себѣ по нраву коня,

сбирался ужъ домой, какъ вдругъ подошелъ къ намъ Александръ Андреевичъ Двинскій.

— Здравствуйте, господа! — сказалъ онъ, — Пойдемте-ка, я васъ потѣшу русской забавою. Вотъ тутъ на площади кулачный бой; стѣна на стѣну, здѣшніе посадскіе—противъ фабричныхъ и дворовыхъ.

— Не люблю я этой забавы! — сказалъ мой опекунъ. — Ну, что хорошаго? Стравятъ людей какъ собакъ; тотъ безъ глазъ, у того рыло на сторону—за что?

— Экій ты, братецъ, какой! Да въ томъ-то и есть наше русское удальство: самъ безъ ребра, да зато и у другого зубовъ во рту не осталось. Нѣтъ! люблю эту потѣху; и у древнихъ римлянъ были подобныя забавы, да еще почище нашего: ихъ гладіаторы бились не на животъ, а на смерть.

— Да что въ этомъ хорошаго?

— А вотъ попробуй, посмотри, такъ, можетъ статься, у самого разыграется кровь молодецкая. Пойдемъ-ка, пойдемъ!

Мы вышли на просторъ, и передъ нами открылась часть площади, на которой стояли одна противъ другой двѣ густыя толпы народа; въ каждой было человѣкъ по пятидесяти, съ открытыми головами и въ большихъ кожаныхъ рукавицахъ. Посреди этихъ двухъ противныхъ сторонъ дюжины двѣ мальчишекъ, какъ застрѣльщики передъ колоннами, дрались вразсыпную, таскали себя за волосы и тузили другъ друга безъ всякаго милосердія; многіе изъ нихъ были ужъ съ разбитыми носами и ревѣли въ источный голосъ. Понемногу отъ каждой стѣны стали отдѣляться бойцы покрупнѣе; въ разныхъ мѣстахъ завязались отдѣльныя единоборства, мальчишки разсыпались врозь, и черезъ нѣсколько минутъ началась общая свалка,

— Ай да фабричные! — вскричалъ Двинскій. — Ай да дворовые! какъ они душатъ посадскихъ! Смотри-ка, смотри! кто это впереди?.. Такъ варомъ всѣхъ и варитъ!.. Ну, молодецъ!.. Эге! какъ онъ ихъ лущить

началъ!.. Экій чудо-богатырь! смотри, смотри!.. словно снопы, такъ и валятся!

— Что это?—сказалъ Иванъ Степановичъ.—Да это никакъ Филька?

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отличный боецъ былъ тотъ самый слуга, котораго отсутствіе замѣтилъ мой опекунъ, отправляя Авдотью Михайловну домой.

— Ну, такъ и есть!—продолжалъ Иванъ Степановичъ.—Точно Филька! Эка бестія!.. опять мѣсяцъ проходитъ съ подбитыми глазами! Вотъ я его, каналью!

— Что ты, любезный?—вскричалъ Алексѣй Андреевичъ Двинскій.—Да этотъ Филька у тебя хватъ дѣтина! Гляди, какой соколъ—такъ и бьетъ съ налету!.. Ну!!! сломили, погнали посадскихъ!.. Конецъ! не долго же они держались, видно, калачника Бычурина съ ними нѣтъ: тотъ постоялъ бы за себя.

Алексѣй Андреевичъ сѣлъ на свои бѣговыя дрожки, а мы отправились пѣшкомъ; завернули по дорогѣ напиться чаю къ одному старинному пріятелю моего опекуна, и когда пришли, наконецъ, домой, то первый предметъ, который кинулся намъ въ глаза въ передней, былъ изорванный, избитый и растерзанный Филька. Онъ стоялъ, однакоже, довольно бодро передъ хозяиномъ дома, который разспрашивалъ его о всѣхъ подробностяхъ кулачнаго боя.

— Какъ ты смѣлъ, негодяй!.. — сказалъ мой опекунъ, бросивъ грозный взглядъ на знаменитаго бойца, у котораго все лицо было на сторону.

— Полно, братецъ!—прервалъ Двинскій.—Не тронь его! Ну! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Филькѣ,— такъ ты съ перваго разу сбилъ съ ногъ Антона кузнеца?.. Молодецъ! Эй, дайте-ка ему чарку вина!

— Пошелъ, дуракъ! — закричалъ Иванъ Степановичъ, — примочи чѣмъ-нибудь свою рожу!. На что похожъ? образа нѣтъ человѣческаго! животное!

— Пойдемъ, пойдемъ!—сказалъ Двинскій.—Я велю отпустить ему склянку живой воды: помочить денька два-три, такъ все затянетъ.

— Что это, Филиппъ? какъ тебя разбили?—сказалъ я, пріостановясь на минуту и смотря съ ужасомъ на изуродованное лицо Фильки.

— Эхъ, сударь, не удалось бы этимъ посадскимъ заглянуть мнѣ въ харю, кабы самъ не сплоховалъ.

— Да чтожъ ты сдѣлалъ?

— Куражился больно, сударь! Какъ посадскіе побѣжали, такъ я вошелъ въ такой азартъ, что свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Наша стѣна давно-давнымъ остановилась, а я вдогонку, одинъ, ну-ка подбирать остальныхъ, благо руки расходились — щолкъ да щолкъ! то того, то другого — любо да и только! Глядь назадъ, ахти! одинъ какъ перстъ! Смотрю — всѣ ко мнѣ! Ну, бѣда! Вотъ я, не будучи глупъ, и брякъ о-земь, да и кричу: — Шабашъ, ребята! лежачаго не бьютъ! — Да мы лежачаго бить не станемъ! — сказалъ какой-то мужчина аршинъ трехъ росту, которому я вдогонку шею-то путемъ накостылялъ. — Эй, ребята, сюда!— Вотъ человѣкъ пять уцѣпились за меня, подняли молодца на ноги, приставили къ забору, да ну-ка обрабатывать! Ахъ, ты, Господи! небо съ овчинку показалось! Катали, катали! насилу вырвался!

— Бѣдняжка! какъ они тебѣ лицо-то избили.

— И, сударь, рожа ничего, заживетъ! А вотъ подъ бока-то они мнѣ насовали — черти! вздохнуть нельзя!

Я вошелъ въ гостиную. Авдотья Михайловна играла съ хозяйкою въ пикетъ, Двинскій схватился съ моимъ опекуномъ въ шахматы, а Машенька сидѣла, надувшись, поодаль отъ всѣхъ. Когда глаза ея встрѣтились съ моими, она отворотилась и взяла въ руки книгу, которая лежала на окнѣ.

IV.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ ГРИГОРЬЯ ИВАНОВИЧА РУКАВИЦЫНА.

Я думаю, ни о чемъ не было такъ много писано и говорено, какъ объ этомъ чувствѣ, которое мы назы-

ваемъ любовью;—а что такое любовь? Всѣ прочія душевныя свойства: дружба, милосердіе, благодарность, состраданіе, имѣютъ какой-то опредѣлительный смыслъ; но любовь? Любитъ ли мать своихъ дѣтей, когда готова броситься за нихъ въ огонь и въ воду? Любитъ ли жена мужа, когда, потерявъ его, зачахнетъ съ горя и сойдетъ вслѣдъ за нимъ въ могилу? Любитъ ли братъ сестру, когда идетъ стрѣляться въ трехъ шагахъ съ человѣкомъ, который осмѣлился оскорбить ее? Любили ли свое отечество Мининъ и Пожарскій, готовясь съ радостію положить за него свои головы? Любилъ ли свое созданіе, теперешнюю Россію, великій Петръ, этотъ гигантъ и тѣломъ и душою, когда подъ Прутомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ врагомъ, онъ написалъ сенату, не признавать его Царемъ и Государемъ и не исполнять его собственноручныхъ указовъ, если онъ попадется въ плѣнъ къ непріятелю? Всякій согласится, что всѣ эти различные *виды* любви, доведенной до высочайшей степени, любовь къ отечеству, любовь матери къ дѣтямъ, брата къ сестрѣ, и, наконецъ, тревожная, пламенная страсть любовника къ той, которую выбрало его сердце, выражаются всегда однимъ и тѣмъ же: безпредѣльнымъ и безусловнымъ самоотверженіемъ, и, несмотря на это сходство, не имѣютъ ничего общаго между собою. Лишать себя всѣхъ удовольствій для минутной прихоти другого, жертвовать для благополучія его всѣмъ благомъ собственной своей жизни и не видѣть въ этомъ никакой жертвы, однимъ словомъ: быть совершенно счастливымъ не своимъ, а его счастіемъ,—мнѣ кажется, больше этого любить не можно? Я точно такъ любилъ Машеньку, называя ее сестрою; теперь, когда узналъ, что мы почти чужіе, что она можетъ выйти за меня замужъ, я не сталъ любить ее болѣе прежняго—это было невозможно; но чувствовалъ, что люблю ее совсѣмъ иначе. За нѣсколько часовъ я почти не замѣчалъ, что Машенька прекрасна, а теперь не могъ смотрѣть на нее безъ восторга. Бывало я обра-

щался съ нею такъ свободно, повѣрялъ ей все, что приходило мнѣ въ голову, или, лучше сказать, не говорилъ съ нею, а мыслилъ вслухъ; теперь я вдругъ сталъ застѣнчивъ и робѣлъ передъ нею, ну, право, болѣе, чѣмъ передъ самимъ губернаторомъ! Минутъ десять собирался я съ духомъ и не могъ рѣшиться заговорить съ нею; наконецъ, подошелъ и спросилъ робкимъ голосомъ, что она читаетъ?

— Календарь,—отвѣчала Машенька, продолжая перебирать листы.

— Пріятное занятіе.

— Чтожъ дѣлать, когда другого нѣтъ.

Мы оба замолчали.

— Машенька!—шепнулъ я, взявъ ее за руку,—ты на меня сердишься?

— Конечно, сержусь. Зачѣмъ въ рядахъ вы не хотѣли меня поцѣловать?

Вы! странное дѣло, до моей прогулки на ярмарку, это *вы* разогорчило и разобидѣло бы меня до смерти, а теперь—не знаю почему—это церемонное словцо *вы* показалось мнѣ даже пріятнымъ.—Послушай, Машенька,—сказалъ я,—ты напрасно на меня сердишься; какъ можно намъ цѣловать другъ друга: мы ужъ не дѣти.

— Такъ чтожъ?

— Это неприлично.

— Неприлично!.. Да развѣ я тебѣ не сестра?

— Нѣтъ, Машенька.

— Ну, конечно, не родная; но, мнѣ кажется, двоюродныя сестры цѣлуютъ своихъ братьевъ.

— Да кто тебѣ сказалъ, что мы двоюродные?

— Ахъ, Боже мой! Да какіе же?

— Мы почти совсѣмъ не родня съ тобою.

— Не родня!—повторила Машенька; и я чуть не вскричалъ отъ ужаса: въ ея розовыхъ щекахъ не осталось ни кровинки, губы посинѣли; а рука, которую я держалъ въ моей рукѣ, вдругъ сдѣлалась холодна какъ ледъ.—Не родня!—продолжала она едва слышнымъ

голосомъ.—Ахъ, братецъ, какъ ты испугалъ меня! Ну, можно ли такъ глупо шутить.

— Успокойся, Машенька!—сказалъ я.—Да и чего ты испугалась? Ну да, конечно, мы не родня, я могу на тебѣ жениться, а ты можешь выйти за меня замужъ.

Машенька вздрогнула; ея блѣдныя щеки запылали; она вырвала изъ моей руки свою руку, и почти въ тоже самое время, протянувъ ее опять, сказала съ улыбкою:—Теперь я вижу, братецъ, ты шутишь.

— Право, не шучу.

— Да полно, перестань.

— Клянусь тебѣ, это правда.

— Какой вздоръ, и какъ тебѣ пришло въ голову...

— Не мнѣ, Машенька; я объ этомъ никогда не думалъ.

— Такъ съ чего же ты взялъ?..

— А вотъ послушай!

Тутъ я пересказалъ ей слово-отъ-слова разговоръ, который такъ нечаянно подслушалъ на ярмаркѣ. Машенька задумалась.—Нѣтъ!—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—это быть не можетъ, ты, вѣрно, ошибся. Послушай, братецъ, хочешь ли, я спрошу объ этомъ у маменьки?

— И ты думаешь, она скажетъ тебѣ правду?

— А почему же нѣтъ?

— Да если намъ до сихъ поръ никогда не говорили объ этомъ, такъ вѣрно и теперь не скажутъ. Можетъ-быть, на это есть причины, которыхъ мы не знаемъ.

— Да, да, въ самомъ дѣлѣ!.. А кто были эти дамы?

— Я ужъ говорилъ тебѣ, что когда онѣ сидѣли на прилавкѣ, такъ мнѣ за кучею книгъ нельзя было ихъ видѣть.

— Знаешь ли что? Мнѣ кажется, онѣ тебя замѣтили и хотѣли посмѣяться надъ тобою.

— Да если я ихъ не видѣлъ, такъ и онѣ не могли меня видѣть.

— Не примѣтилъ ли ты, по крайней мѣрѣ, какъ онѣ были одѣты?

— Да!.. я очень объ этомъ думалъ!.. Однакожъ, постой! такъ точно!.. на одной изъ нихъ былъ чепчикъ съ розовыми лентами и голубыми цвѣтами.

— Это Анна Саввична Лидина! — вскричала Машенька.—Я познакомилась и очень подружилась съ ея дочерью... О! Феничка мнѣ все скажетъ! Я попрошу ее, чтобъ она спросила свою маменьку, правда ли что мы не родня, и ты увидишь, братецъ... Погоди, погоди!.. Ахъ, какъ легко тебя одурачить!

Машенька очень развеселилась, безпрестанно говорила мнѣ: —Такъ вы, сударь, хотите на мнѣ жениться?— и умирала со смѣху.

— Тьфу ты благодарствуй! и вторую проигралъ!— вскричалъ Двинскій, оттолкнувъ съ досадою шахматную доску.—Ну! или ты, Иванъ Степановичъ, понаторѣлъ у себя въ деревнѣ, или я больно плохо сталъ играть. Однакожъ, не пора ли вамъ, барыни, одѣваться? — продолжалъ онъ, взглянувъ на своего эликота.—Безъ пяти минутъ семь! Авдотья Михайловна! вѣдь вы, кажется, также со всѣмъ семействомъ приглашены сегодня въ театръ къ Григорію Ивановичу Рукавицыну?

— Да, онъ просилъ насъ—и въ театръ, и въ воксалъ!—отвѣчала Авдотья Михайловна.

— Такъ ступайте же, наряжайтесь! Въ семь часовъ къ нему весь городъ съѣдется.

— Мы послѣдніе два короля доиграемъ завтра,— сказала хозяйка, вставая.

Черезъ полчаса мы отправились къ Григорію Ивановичу Рукавицыну. Его деревянный домъ, одинъ изъ лучшихъ въ Дворянской улицѣ, занималъ съ своимъ садомъ, дворомъ и всѣми принадлежностями почти цѣлый кварталъ. Когда мы вошли, то передъ нами открылась безконечная амфилада низкихъ комнатъ, не убранныхъ, а, лучше сказать, заваленныхъ различной мебелью. Народу было множество, и мы едва могли до-

браться до хозяина, который въ угольной, обитой китайскими обоями, комнатѣ, принималъ гостей. Мы только-что успѣли съ нимъ раскланяться, какъ онъ, подавъ съ низкимъ поклономъ руку губернаторшѣ, пригласилъ всѣхъ идти за собою въ мезонинъ, въ которомъ устроенъ былъ театръ. Господи! какая началась давка, а особливо по узкой лѣстницѣ, когда всѣ гости бросились толпою вслѣдъ за хозяиномъ. Губернаторшу и дамъ пустили впередъ; но зато мужчины стѣснились такъ въ дверяхъ театра, что у предсѣдателя уголовной палаты оборвали на фракѣ всѣ пуговицы, а одного совѣтника губернскаго правленія совсѣмъ сбили съ ногъ и до того растрепали, что онъ долженъ былъ уѣхать домой. Наконецъ, кой-какъ всѣ гости вошли въ театръ и размѣстились по лавочкамъ. Разумѣется, я попалъ на самую заднюю. Съ одной стороны подлѣ меня пыхтѣлъ толстый помѣщикъ въ замасленомъ кафтанѣ, съ отвислымъ подбородкомъ, раздутыми щеками и преогромной лысиною. Онъ безпрестанно протягивалъ чрезъ меня свою толстую лапу и нюхалъ табакъ у другого моего сосѣда, маленькаго человѣчка, тщедушнаго, съ длиннымъ острымъ носомъ и лицомъ, которое съ профиля походило почти на равносторонній треугольникъ. Если вамъ случалось видѣть ученыхъ чижей или канареекъ, одѣтыхъ по-человѣчески, то вы можете себѣ составить довольно вѣрную идею объ этомъ господинѣ, который, къ довершенію сходства, пряталъ въ толстый галстукъ свою бороду и, выставляя наружу одинъ носъ, не говорилъ, а пищалъ какимъ-то птичьимъ голосомъ.

Не имѣя никакого понятія о театрѣ, я смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ на сцену и на опущенный занавѣсъ, на которомъ написано было что-то похожее на облака или горы; посреди нихъ стоялъ, помнится, на одной ногѣ, но только не журавль, однакожъ, и не человѣкъ, а вѣроятно Аполлонъ, потому что у него въ рукѣ была лира. Пока музыканты играли увертюру, между моими сосѣдями завязался разго-

воръ.—Осмѣлюсь спросить,—сказалъ съ разстановкою плѣшивый толстякъ, — какую комедію будутъ представлять сегодня?

— Оперу «Свадьба Волдырева»,—отвѣчалъ почти съ присвистомъ мой чижикъ-сосѣдъ.

— Такъ-съ!.. Позвольте понюхать табачку... А послѣ ничего ужъ не будетъ?

— Какъ же! Дуняша будетъ пѣть арію изъ оперы: «Прекрасная Арсена».

— Такъ-съ!.. Смѣю спросить: скоро начнутъ?

— А вотъ какъ перестанутъ играть музыканты.

— Такъ-съ!.. «Свадьба Волдырева»... говорятъ, что это шутка очень забавная?

— Да!

Это «да!» сказано было немного въ носъ и такимъ важнымъ голосомъ, что, несмотря на мою неопытность, я тотчасъ догадался, что сосѣдъ мой изъ ученыхъ.

— Если хотите, — продолжалъ онъ, повертывая свою золотую табакерку между среднимъ и большимъ пальцами лѣвой руки—это такъ—бездѣлка! Впрочемъ, она написана изрядно, очень изрядно, авторъ ея— господинъ Левшинъ, человѣкъ съ талантомъ.

— Господинъ Левшинъ?.. Смѣю спросить: не тотъ ли это Левшинъ, который сочинилъ книгу о поваренномъ искусствѣ и выдалъ въ печать полнаго винокура?

— Тотъ самый. Человѣкъ извѣстный, съ дарованіемъ.

— Да-съ! Умный человѣкъ, съ большимъ разсужденіемъ. Весьма занимательна его книга подъ названіемъ: «Календарь повареннаго огорода»—очень занимательна!.. Позвольте табачку!.. А смѣю спросить...

— Постойте—начинаютъ.

Занавѣсъ поднялся. Въ продолженіе всей оперы я не сводилъ глазъ съ актеровъ, а особливо съ того, который представлялъ Волдырева. Я былъ очарованъ его игрою,—и подлинно, онъ, по выраженію толстаго моего сосѣда, отпускалъ такія отличныя *колѣнцы*, что всѣ зрители помирали со смѣху. Когда въ пятомъ

явленіи Волдыревъ, воображая, что госпожа Прельщалова въ него влюблена, запѣлъ:

Пущу къ ней ласки,
Прищурю глазки
И бровью поведу...

то поднялъ правую бровь на цѣлый вершокъ выше лѣвой и началъ ею пошевеливать съ такимъ неописаннымъ искусствомъ и быстротою, что вся публика ахнула отъ удивленія. Но все это не могло сравниться съ той сценою, въ которой Волдыревъ изъясняется въ любви своей. Я не могъ понять, да и теперь еще не понимаю,—какъ можетъ человѣкъ искривить до такой степени лицо. Боже мой! Какой поднялся хохотъ, когда онъ, въ пылу своей страсти, закричалъ какъ бѣшеный: «О, сладчайшій сахаръ! отложи стыденіе, не лишай меня своего снисходительства! я возгорѣлся, аки смоленая свѣща, и вся утроба моя подвиглася!»— При этихъ словахъ толстая утроба моего сосѣда, который давно уже крѣпился, вдругъ заколебалась, онъ прыснулъ, поперхнулся и, вмѣсто того, чтобъ засмѣяться по-человѣчески, принялся визжать, какъ собаченка, которую сѣкутъ розгами; и чтожъ вы думаете?—Даже этотъ странный хохотъ не обратилъ на себя вниманія публики,—такъ всѣ были увлечены прекрасной игрою Волдырева.

Впрочемъ, надобно сказать правду, сначала подгадилъ немного актеръ, представлявшій роль Лоботряса. Онъ, какъ видно, хлебнулъ черезъ край и не успѣлъ еще порядкомъ выспаться. Въ первой сценѣ, этотъ пьяница совсѣмъ забылъ свою роль, началъ кривляться, занесъ околесную и перепуталъ всѣхъ остальныхъ актеровъ; потомъ, вмѣсто того, чтобъ запѣть свою арію, затянулъ что-то изъ другой оперы; разумѣется, отъ этого вышла маленькая разноголосица: онъ пѣлъ одно, оркестръ игралъ другое, и хотя многіе изъ гостей этого не замѣтили, но хозяинъ тотчасъ догадался, что дѣло идетъ не ладно; вскочилъ съ своего

мѣста и побѣжалъ вонъ. Лишь только пьяненькій артистъ сошелъ со сцены, раздалось громкое рукоплесканіе, но только не въ залѣ театра, а за кулисами; минуты двѣ продолжалось безпрерывное: хлопъ, хлопъ, хлопъ! И когда Лоботрясъ явился опять на сцену, то, несмотря на то, что щеки его были еще краснѣе прежняго, онъ сталъ, къ удивленію всѣхъ зрителей, говорить какъ человѣкъ совершенно трезвый, и запѣлъ отлично-хорошо. Послѣ этой небольшой *оказіи* опера пошла какъ по маслу; съ каждымъ явленіемъ увеличивался общій восторгъ публики, и когда въ концѣ піесы всѣ актеры, обращаясь къ Волдыреву, запѣли въ одинъ голосъ:

Увѣнчалися желанья,
Прекратилися вздыханья,
И не даромъ былъ здѣсь ревъ —
Обвѣнчался Волдыревъ,

во всемъ театрѣ поднялся дѣйствительно ревъ: «браво!.. отлично, хорошо!.. чудесно!» — Я не смѣлъ кричать вмѣстѣ съ другими, но зато отбилъ себѣ ладони и подъ шумокъ стучалъ ногами изо всей мочи. Занавѣсъ опустился!—Уфъ, батюшки, охъ, смерть моя!—бормоталъ мой толстый сосѣдъ, придерживая руками свое чрево, которое все еще продолжало колыхаться.—Ну, комедія!.. животики надорвалъ!.. А ужъ этотъ Волдыревъ — ахъ онъ проклятый!.. какъ его коробило! какія шутки выкидывалъ!.. Ну, актеръ! славно играетъ!

— Да!—пропищалъ мой другой сосѣдъ, — Ванька Щелкуновъ былъ весьма хорошъ въ роли Волдырева; съ талантомъ, точно, съ талантомъ!.. и мимикъ хорошій!.. Замѣтили ли вы, какая у него игра въ бровяхъ?

— Да-съ, да-съ!.. большая игра въ бровяхъ!.. Одолжите табаку!

— Прошу покорно!.. Да, сударь, малый съ талантомъ и декламировка весьма хорошая,—каждую запятую слышно.

— Такъ-съ, такъ-съ!—дѣйствительно отличныя замашки!

— Да и Матреша въ роли Прельщаловой себя не уронила, —какъ вы думаете?

— Да-съ—нечего сказать, поддержала себя.

— Играетъ съ чувствомъ.

— Съ большимъ чувствомъ, и всѣ ухватки самыя деликатныя!.. А что, осмѣлюсь спросить, вы изволили быть и въ Петербургѣ и въ Москвѣ — что, какъ тамошніе актеры противъ здѣшнихъ?

Щедушный мой сосѣдъ поправилъ галстукъ, то есть дотянулъ его почти до самаго носа, и, повертѣвъ нѣсколько времени между пальцевъ свою табакерку, сказалъ:

— Вы хотите знать?.. да!.. Конечно, актеры столичные... кто и говоритъ!—Однакожъ, если взять въ разсужденіе, то признаться должно, и какъ станешь разбирать строго,—такъ Богъ знаетъ!.. Не то, чтобъ я хотѣлъ сказать... о, нѣтъ! напротивъ, въ столицахъ актеры отличные...

— Такъ-съ!

— И если говорить правду, такъ я вамъ доложу, что, конечно, съ одной стороны такъ! — Да зато съ другой—нѣтъ! — далеко!.. То-есть не въ разсужденіи чего другого—а какъ бы вамъ сказать?.. есть что-то такое... оно, если хотите, вздоръ, мелочь—а важно, очень важно!

— Такъ-съ! такъ-съ!

— Я не выдаю себя знатокомъ; но по крайней мѣрѣ это мое мнѣніе... Прикажите табачку.

— Благодарю покорно!

— А! вотъ ужъ и занавѣсъ подымаютъ!.. Послушаемте Дуняшу!.. Пѣвица отличная—съ большой методою!

Я слышалъ въ мой вѣкъ много европейскихъ пѣвицъ; было время, что я съ ангельскимъ терпѣніемъ высиживалъ цѣлыя итальянскія оперы, кричалъ вмѣстѣ съ другими «браво!..» и не зѣвалъ даже во время речитативовъ, отъ которыхъ да избавитъ Господь Богъ всякаго честнаго человѣка; но сколько я ни старался

увѣрить и себя и другихъ, что мнѣ очень весело, что я наслаждаюсь,—а дожилъ до старости, сохранивъ въ душѣ моей непреодолимое отвращеніе ко всякой италіанской музыкѣ. Веберъ, Мейерберъ, Герольдъ, Оберъ для меня понятны; они постигли этотъ неземной языкъ, этотъ языкъ звуковъ, который выражаетъ и буйную страсть и кроткое спокойствіе души, и горе и радость, и усладительное пѣніе жителей небесныхъ, и стоны падшихъ ангеловъ: я слушаю ихъ съ восторгомъ; но лишь только услышу звуки италіанской музыки, лишь только эти оперные салтомортали, эти бездушныя подражанія инструментамъ, эти безконечныя рулады раздадутся въ ушахъ моихъ, со мной дѣлается тоска, меня клонитъ сонъ, и я готовъ бѣжать на край свѣта, чтобъ только не слышать классическаго мяуканья музыкальныхъ машинъ, которыя, Богъ знаетъ почему, называютъ себя актерами. Если господа диллетанты, сирѣчь записные любители италіанскаго пѣнія, прогнѣваются на меня за такое неуваженіе къ *искусству*, то я попрошу ихъ излить всю желчь свою не на меня, а на Дуняшу, примадонну домашняго театра господина Рукавицына. Всѣмъ извѣстно, что первыя впечатлѣнія несравненно сильнѣе дѣйствуютъ на насъ, чѣмъ послѣдующія, а я въ первый разъ въ жизни слышалъ италіанскую бравурную арію въ домѣ Григорія Ивановича, и увѣренъ, что эта арія была основной причиною моей вѣчной и непримиримой ненависти къ италіанской музыкѣ. Негодная дѣвчонка такъ визжала, дѣлала такія дурацкія трели, такъ глупо подлаживала подъ флейту, однимъ словомъ, такъ трудилась и работала, что мнѣ сдѣлалось тошно, и я, глядя на нее, измучился и усталъ до смерти. Съ тѣхъ поръ эта окаянная пѣвица преслѣдуетъ меня какъ призракъ. Я помню, когда слушалъ въ первый разъ знаменитую Каталани, и начиналъ уже понемногу приходить въ восторгъ, вдругъ вмѣстѣ съ одной руладою—мерзкая Дуняшка оживилась въ моемъ воображеніи, стала передо мною, какъ тѣнь отца передъ Гамлетомъ, затя-

нула свою бравурную арію, и все очарованіе мое исчезло.

Когда занавѣсъ опять опустился и гости стали выбираться изъ театра, мой тщедушный сосѣдъ, оборотясь къ толстому, спросилъ:

— Ну, что, сударь, каково?

— Кажется хорошо; хитро только больно!

— Хитро! — да вѣдь это ни что другое: не «при долинушкѣ стояла», — не «выйду я на рѣченьку», — арія, сударь, арія!

— Такъ-съ, такъ-съ! Одолжите табачку!

— А каково спѣла?

— Что и говорить—соловьиный голосъ!

— Не о голосѣ рѣчь — метода, сударь, метода! Итальянская манера, чортъ возьми.

— Такъ-съ, такъ-съ!

Я вышелъ съ остальными гостями изъ театра, спустился по крутой лѣстницѣ внизъ, и вслѣдъ за толпою очутился на дворѣ. Вдали, за рѣшетчатымъ заборомъ, мелькали огоньки; весь обширный садъ Григорія Ивановича Рукавицына былъ освѣщенъ. Прямая дорожка, обсаженная съ обѣихъ сторонъ подстриженными деревьями, вела къ большой яркоосвѣщенной бесѣдкѣ, за которой чернѣлась густая березовая роща. Сначала всѣ гости разсыпались по саду, а потомъ, когда загремѣла большая музыка, собрались въ бесѣдку. Не видавъ никогда регулярныхъ садовъ, я не могъ довольно налюбоваться на эти зеленыя стѣны изъ живыхъ деревьевъ, на эти обдѣланныя пирамидами елки и обстриженныя липы, которыя стояли какъ будто бы въ шагахъ, — все это казалось мнѣ прекраснымъ; но болѣе всего мнѣ нравились крытыя аллеи, слабо освѣщенныя разноцвѣтными фонарями—ихъ таинственный сумракъ, эта длинная перспектива зеленыхъ и красныхъ фонарей, которые походили на огромные изумруды и яхонты, эта свѣжесть и прохлада подъ зелеными сводами сросшихся деревьевъ, — все приводило меня въ восторгъ. Обойдя весь садъ, я вошелъ, нако-

нецъ, въ беседку. Тутъ ожидало меня новое и никогда не виданное мною зрѣлище: пышный балъ во всемъ своемъ губернскомъ блескѣ, во всей провинціальной роскоши, со всѣми претензіями, чинопочитаніемъ, чванствомъ, злословіемъ и сплетнями, безъ которыхъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, не знаю теперь, а въ старину и праздникъ былъ не въ праздникъ, и балъ не въ балъ. Когда я вошелъ въ бесѣдку, круглый польскій уже кончился, и начался длинный. Въ первой парѣ Рукавицынъ, по праву хозяина, танцовалъ съ губернаторшею, во второй губернаторъ съ вице-губернаторшею, въ третьей вице-губернаторъ съ женою губернскаго предводителя, и такъ далѣе, сохраняя съ величайшей точностью постепенность, основанную на табели о рангахъ. Замѣтьте также, что я не говорю:— такой-то *велъ* такую-то въ длинно-польскомъ, а употребляю слово: «танцовалъ», потому что хозяинъ, губернаторъ и почти всѣ первыя пары шли не просто, а выступали мѣрно, въ тактъ, и выдѣлывали ногами особенное *па*, которое походило нѣсколько на минутное. Въ заднихъ парахъ молодые люди не придерживались этой старины и также, какъ теперь, не танцовали, а шли обыкновеннымъ шагомъ. Когда польскій кончился, всѣ почетныя дамы, старушки и пожилыя барыни усѣлись рядомъ вдоль стѣны, хозяинъ захлопалъ въ ладоши, и музыканты грянули матрадуръ. Такъ какъ мужчинъ было гораздо менѣе, чѣмъ дамъ, то многія изъ нихъ, въ томъ числѣ и Машенька съ своей пріятельницей Феничкой Лидиной не участвовали въ первомъ матрадурѣ. Не смѣя пускаться въ танцы, я пріютился подлѣ двухъ пожилыхъ дамъ, которыя сидѣли поодаль отъ другихъ; одна изъ нихъ, закутанная въ черную турецкую шаль, не спускала глазъ съ танцующихъ и только изрѣдка обращалась къ своей сосѣдкѣ, коротенькой, краснощекой и отмѣнно живой барынѣ, въ гродетуровомъ платьѣ съ отливомъ и лиловомъ дымковомъ чепцѣ. Эта барыня была въ безпрерывномъ движеніи, вертѣлась во всѣ стороны на сво-

емъ стулѣ и болтала безъ умолку.—Посмотрите, Елена Власьевна,—говорила она, указывая на одну дѣвицу, которая танцовала съ драгунскимъ офицеромъ. — Опять съ нимъ!.. Третьяго дня на балѣ у губернатора онъ танцовалъ съ ней два раза сряду... Срамъ да и только!—И чего смотритъ дура мать?.. Вчера въ рядахъ ужъ онъ съ ней перебивалъ, перебивалъ! И все вполголоса шу-шу да шу-шу!.. А она-то, моя голубушка, кобянится, ломается!.. ну, такъ и вѣшается къ нему на шею! Помилуйте, что это? Я запретила моей Варенькѣ и близко къ ней подходить... Батюшки!.. Антонъ Антоновичъ танцуетъ!.. Не прошло шести недѣль, какъ умерла его внучатная тетка, а онъ пускается въ танцы!—Хорошъ молодецъ!.. А еще человѣкъ естимованный!—Что это?.. Никакъ Феничка Лидина осталась безъ кавалера?—Ну! видно всѣ узнали, что ея дядюшка, этотъ жидоморъ-Сундуковъ, женился на своей крѣпостной дѣвкѣ и отдалъ ей все свое имѣнье. Бывало, около этой Фенички проходу нѣтъ отъ кавалеровъ, а теперь... То-то же! смекнули, что родового не много!.. Батюшки мои!.. что это за фигура? въ бѣломъ платьѣ съ розовой отдѣлкой... не знаете ли, Елена Власьевна?.. вотъ, что теперь танцуетъ вмѣстѣ съ вашей дочерью?..

— Не знаю, матушка.

— Видно пріѣзжая... Отцы вы мои!.. Что за прыгунья такая?.. Да она какая-то шальная!.. Смотрите, смотрите, какъ подняла ногу!.. ахъ, мой Создатель!.. Ну, вотъ прошу возить дочерей по баламъ!.. Насмотрятся!.. Слава Богу, что моей Вареньки здѣсь нѣтъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Зачѣмъ вы не привезли ее съ собою?

— Занемогла, матушка; простудилась на балѣ у губернатора; да какъ и не простудиться въ этомъ проклятомъ домѣ? вездѣ сквозной вѣтеръ, ни одно окно не притворяется — хуже всякаго хлѣва... а ужъ угощеніе-то было какое мизерное! Что за лимонадъ, что

за оршатъ!.. «Батюшки, дайте квасу!..» И того нѣтъ!.. За ужиномъ подали намъ стерлядку четверти въ двѣ... да, да! не больше; у меня глазъ вѣренъ—не ошибусь! а тамъ галантиръ изъ баранины; хоть ничего въ ротъ не бери!.. Ну, ужъ скряга! въ кой-то вѣкъ дастъ балъ, а ни пить, ни ѣсть нечего.

Злословіе производило на меня всегда одинаковое дѣйствіе съ итальянскою музыкою: со мною сдѣлалась тоска; я ушелъ на другой конецъ залы, забился въ уголъ и началъ смотрѣть оттуда то на Машеньку, которая перешептывалась съ своей пріятельницей Феничкой Лидиной, то на ловкихъ кавалеровъ, которые рисовались предо мною въ блестящемъ матрадурѣ; изъ числа послѣднихъ отличался одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, въ вишневомъ фракѣ, у котораго талія была почти подъ самымъ воротникомъ. Онъ выворачивалъ такъ мудрено свои руки и выдѣлывалъ такія важныя штуки ногами, что нельзя было смотрѣть на него безъ удивленія. Мой тщедушный театральный сосѣдъ прыгалъ также изо всей мочи, и всѣ остальные кавалеры — надобно сказать правду — танцовали весьма усердно и добросовѣстно, выключая одного франта лѣтъ тридцати. Это былъ пріѣзжій изъ Москвы. Я замѣтилъ, что почти всѣ танцующіе смотрѣли на него съ какою-то завистью и недоброжелательствомъ, что, впрочемъ, было весьма и натурально: этотъ пріѣзжій явнымъ образомъ оскорблялъ ихъ самолюбіе: онъ имѣлъ видъ разсѣянный, едва отвѣчалъ на вопросы, танцовалъ какъ будто нехотя и съ какимъ-то пренебреженіемъ; а сверхъ того былъ въ очкахъ и въ такомъ модномъ фракѣ, что совершенно уничтожалъ всѣхъ нашихъ губернскихъ фашіонабелей. Представьте себѣ: спинка его свѣтлосиняго фрака была вся цѣльная— въ ней не было ни одного шва! И этотъ наглецъ какъ будто-бы нарочно повертывался ко всѣмъ спиною. Вотъ какъ кончился матрадуръ, около вишневаго фрака столпилось человѣкъ десять молодежи; онъ разсказывалъ имъ что-то съ большимъ жаромъ и потомъ, замѣтивъ,

что пріѣзжій въ очкахъ вышелъ изъ бесѣдки, побѣжалъ вслѣдъ за нимъ; я также отправился въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ и выждать, какъ Машенька пойдетъ гулять, чтобъ спросить ее, узнала ли она отъ своей пріятельницы Лидиной всю правду о нашемъ дальнемъ родствѣ. Судьбѣ не угодно было разрѣшить на этотъ вечеръ мое сомнѣніе; совершенно неожиданный случай заставилъ насъ уѣхать изъ воксала гораздо прежде, чѣмъ мы думали, и сдѣлалъ меня свидѣтелемъ одной изъ тѣхъ бальныхъ *исторій*, которыя такъ часто начинаются и почти всегда такъ миролюбиво оканчиваются въ нашихъ благословенныхъ провинціяхъ.

Пройдя раза два по средней аллеѣ, я присѣлъ на дерновую скамью, за большимъ кустомъ сирени, почти у самаго входа въ бесѣдку. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ двое мужчинъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ. Одинъ изъ нихъ былъ вишневый фракъ, а другой—пріѣзжій въ очкахъ; послѣдній остановился и, обращаясь къ вишневому фраку, сказалъ:—Позвольте васъ спросить, чего вы отъ меня хотите?.. Вотъ ужъ четверть часа, какъ вы все ходите за мною.

Вишневый фракъ поправилъ жабо, застегнулся на всѣ пуговицы и отвѣчалъ толстымъ голосомъ, который, впрочемъ, казался вовсе ненатуральнымъ:—Милостивый государь!.. Государь мой!.. Я долженъ... мы должны...

— Ну, сударь!

— Намъ должно объясниться.

— Объясниться?—Въ чемъ?

— Вы меня обидѣли.

— Я васъ обидѣлъ?—Чѣмъ, если смѣю спросить?

— Вы танцовали матрадуръ.

— Да, танцовалъ;—такъ чтожъ?

— И два раза сряду не вертѣлись съ моей дамою.

— Неужели?

— Да, сударь, да!—два раза сряду!

— Если я это сдѣлалъ, такъ ужъ вѣрно нечаянно.

— Это, сударь, такъ не пройдетъ.

— Увѣряю васъ, я не имѣлъ никакого намѣренія,— и прошу васъ извинить меня передъ вашей дамою.

— Извинить! — Да что мнѣ изъ вашего извиненія шубу что ль шить?

— Помилуйте, зачѣмъ? Теперь жарко.

— Да вы еще, кажется, шутите?

— Смѣю ли я!

— Я, сударь, не позволю никому играть у себя на носу. Вы пріѣхали изъ столицы, такъ думаете, что можете манкировать нашимъ дамамъ.

— Я уже вамъ сказалъ... впрочемъ, если вы считаете себя обиженнымъ...

— Да, сударь!—Я этого такъ не оставлю... я съ вами раздѣлаюсь!..

— Какъ вамъ угодно!—Пожалуйте ко мнѣ завтра, часу въ седьмомъ по-утру.

— Къ вамъ?.. ни за что не поѣду.

— Такъ скажите мнѣ, гдѣ вы сами живете.

— Гдѣ я живу?—Вотъ еще!—Ни за что не скажу.

— Ахъ, батюшки!—вскричалъ пріѣзжій,—вотъ забавно!—Такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Чего?—я вамъ покажу, сударь, чего!

— Такъ показывайте скорѣе: мнѣ, право, становится скучно.

— Я еще поговорю съ вами!

— Очень хорошо; только прошу васъ теперь оставить меня въ покоѣ.

— Ни за что не оставлю.

— Тьфу, чортъ возьми! да чтожъ это значитъ?.. Послушайте, сударь, вы мнѣ надоѣли!

— Эка важность!—надоѣлъ!

— Вы, сударь, глупы!

— Что, что?..

— Я по-русски тебѣ говорю: ты глупъ!

— Какъ! ругаться?.. да какъ смѣешь?—Ну-ка, попробуй еще!

— Животное!

— Ну-ка еще!

— Дуракъ, съ которымъ я и словъ терять не хочу!—сказалъ пріѣзжій, повернувъ въ боковую аллею.

— Ага!—закричалъ ему вдогонку вишневый фракъ,— то-то же!.. видишь, прыткій какой! Надѣлъ очки да фракъ съ цѣльной спинкой, такъ и думаетъ... Нѣтъ, братъ, у насъ немного выторгуешь!

Изъ бесѣдки выбѣжалъ молодой человѣкъ, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ и, какъ теперь помню, въ атласной жилеткѣ gris de lin amour sans fin, съ розовой шалью и перламутровыми пуговками; онъ подошелъ къ вишневому фраку и спросилъ вполголоса: — ну, что?

— Да такъ, ничего! отдѣлалъ порядкомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—Какъ же ты это?..

— А такъ! догналъ его, остановилъ...

— Ну!

— Да вдругъ, не съ того слова: — Государь мой, вы меня обидѣли!

— Нѣтъ?..

— Видитъ Богъ, такъ!—Онъ извиняться: я,—говоритъ,—нечаянно,—а я говорю: знать этого не хочу!— Вотъ онъ было и расхорохорился—да нѣтъ! шутишь! не на того напалъ!—Онъ слово, а я два!

— Неужели?

— Какъ Богъ святъ!.. Чего же вы хотите?—Что вамъ угодно?—А я ему тотчасъ:—не позволю у себя на носу играть!—да и пошелъ—и пошелъ!

— А онъ-то что?

— Да что, зафинтилъ, заегозилъ, и туда и сюда, а я-то себѣ такъ и рѣжу!

— Ай-да молодецъ!

— Ужъ онъ вертѣлся, вертѣлся! — видитъ, что дѣло-то плохо, ругнулъ меня, да и давай Богъ ноги!

— Подлецъ!.. Послушай! ты сдѣлалъ свое дѣло, а мы сдѣлаемъ свое. Я ужъ со всѣми переговорилъ: Пыхтѣевъ, Бурсаковъ, Антонъ Антонычъ, Алексѣй Фурсиковъ, Гриша, всѣ согласились, когда этотъ мос-

ковскій франтъ станетъ танцовать, не вертѣться съ его дамою.

— Славно, братецъ, славно!

— Мы поубавимъ его спеси!

— Да, да! прошколимъ его порядкомъ!

— Пойдемъ же скорѣе!.. Надобно подговорить Егора Семеновича,—онъ на это молодецъ: первый начнетъ!

Эти господа пошли въ бесѣдку, и я также изъ любопытства отправился вслѣдъ за ними. Въ полминуты вѣсть объ этомъ бальномъ заговорѣ разлилась по всему обществу. Барыня въ лиловомъ чепцѣ такъ и бѣгала изъ одного конца залы въ другой.—Слышали ли вы, матушка Марья Тихоновна,—сказала она пожилой дамѣ, которая сидѣла у самыхъ дверей бесѣдки;—знаете ли, что затѣяла наша молодежь?

— А что такое, мать моя?

— Сговорились осрамить этого пріѣзжаго московскаго кавалера и сдѣлать ему публичный афронтъ.

— Что ты, мать моя?

— Да, Марья Тихоновна! Хотятъ совсѣмъ его оконфузить: какъ онъ станетъ танцовать, никто не будетъ вертѣться съ его дамою.

— Что ты говоришь? Ахъ, батюшки мои! Ну, да если онъ подыметъ мою Сонюшку? За чтожъ ей такая обида?

— Не велите ей ходить съ нимъ.

— Эхъ, мать моя, что ты? Долго ли до исторіи?— Онъ же, проклятый, смотритъ такимъ сорванцемъ... Охъ, этотъ Григорій Ивановичъ! назоветъ Богъ знаетъ кого!..

Тутъ подошло еще нѣсколько маменекъ и тетушекъ.—Изволили слышать?..—Да, да, слышала!.. Скажите пожалуйста!.. И охота имъ!.. Да что онъ такое сдѣлалъ?.. Два раза обошелъ въ танцахъ Прасковью Минишну Костоломову... Ахъ, Боже мой!.. Какая дерзость... Ужъ эти пріѣзжіе!.. вѣчно отъ нихъ исторіи! такіе наглецы!.. Не всѣ, Мавра Степановна... Ну, хороши всѣ, матушка!.. хоть этотъ: я уронила платокъ—

мимо прошелъ, а нѣтъ чтобъ поднять—мужикъ!.. Ко мнѣ чуть-чуть не сѣлъ на колѣни—грубіянъ!.. На всѣхъ смотритъ въ очки—невѣжа!.. Вотъ онъ!.. вотъ онъ!.. Каковъ?.. Посмотрите, расхаживаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Да, да, какъ будто бы не его дѣло!.. Какой наглецъ!.. Ништо ему!.. Пускай проучатъ!..

Авдотья Михайловна, которая ужасно боялась всякихъ исторій, очень перетревожилась, когда до нея дошла вѣсть объ этомъ заговорѣ; она шепнула слова два Ивану Степановичу на-ухо, и мы тотчасъ отправились потихоньку домой. Я думалъ, что успѣю въ тотъ же вечеръ переговорить съ Машенькою, не тутъ-то было! Намъ объявили, что мы чѣмъ свѣтъ отправляемся назадъ въ деревню, и приказали ложиться спать. На другой день, когда мы катились ужъ въ нашей линеѣ по большой дорогѣ, какъ я ни заговаривалъ съ Машенькой, но не могъ никакъ добиться отъ нея толку: она дремала, притворялась спящею, а межъ тѣмъ—я очень это замѣтилъ—безпрестанно поглядывала на меня украдкою. По возвращеніи нашемъ въ деревню, Машенька какъ будто бы нарочно не отходила ни на минуту отъ Авдотьи Михайловны, и только къ вечеру, когда мы, прогуливаясь вокругъ нашей усадьбы, вышли на обширный лугъ передъ рощею, мнѣ удалось остаться съ нею нѣсколько времени наединѣ.—Ну, что, сестрица,—сказалъ я,—теперь ты знаешь навѣрное?..

Машенька какъ будто бы не слышала, что я говорю съ нею, и, вмѣсто отвѣта, наклонилась и начала рвать полевые цвѣты, которыми весь лугъ былъ усѣянъ.

— Ты говорила съ Феничкой Лидиной? — продолжалъ я.

— Какже! — отвѣчала Машенька, не перемѣняя положенія, — я много съ ней говорила; она премилая!

— Что? Она узнала отъ своей маменьки?..

— О чемъ?

— Разумѣется о томъ, родня ли мы, или нѣтъ.

— Ахъ, да!.. Что это за травка такая? Посмотри, посмотри, братецъ!

— Не знаю! Ну, чтожъ она тебѣ сказала?

— Кто?

— Феничка.

— Что сказала?—Ничего!.. А это что за цвѣтокъ?— Кажется, Иванъ-да-Марья?.. Да, да!.. Какой миленькій!.. Да какой же онъ душистый!..

— Что ты, сестрица! онъ ничѣмъ не пахнетъ. Такъ Феничка тебѣ ничего не сказала?

— Ничего! Мы объ этомъ и не говорили.

— Какъ? Ни одного слова?

— Ахъ, вотъ и маменька! — вскричала Машенька, увидѣвъ вдали Авдотью Михайловну.

— Сестрица!—сказалъ я, взявъ ее за руку, — это нехорошо: ты говоришь неправду.

Машенька вспыхнула и бросилась отъ меня бѣжать какъ сумасшедшая. Бѣдняжечка! она еще въ первый разъ въ жизни рѣшилась солгать, говоря со мною.

V.

ОТЪѢЗДЪ.

Прошло два года послѣ этой поѣздки въ городъ— два года самые счастливѣйшіе въ моей жизни: они пролетѣли какъ два часа. Моя любовь къ Машенькѣ давно уже не была тайною; мы были помолвлены. По просьбѣ Ивана Степановича, губернаторъ записалъ меня въ службу, то-есть я считался въ его канцеляріи, и успѣлъ уже получить первый офицерскій чинъ. Когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ, мой опекунъ объявилъ рѣшительно, что откладываетъ нашу свадьбу еще на три года и что я долженъ прослужить это время въ Петербургѣ или въ Москвѣ, а не въ нашемъ губернскомъ городѣ, чтобъ хотя нѣсколько познакомиться со свѣтомъ и сдѣлаться человѣкомъ.—Да, Сашенька! — сказалъ онъ мнѣ, когда за нѣсколько дней

до моего отъѣзда зашла у насъ объ этомъ рѣчь,—да, мой другъ! Ты еще совсѣмъ ребенокъ, и долго имъ останешься, если все будешь жить у насъ подъ крылышкомъ. Эхъ, досадно! Зачѣмъ я послушался жены и сжалился надъ слезами этой дѣвчонки. То ли бы дѣло!.. хотѣлъ я записать тебя въ военную службу, такъ нѣтъ! подняли такой вой, что хоть святыхъ вонъ понеси! Ну, дѣлать нечего, а жаль, право жаль! Военная служба лучшая школа для молодого человѣка, не правда ли, старый товарищъ?—продолжалъ мой опекунъ, обращаясь къ Бобылеву, который стоялъ, вытянувшись молодцомъ, у дверей гостиной.

— Не могу знать, ваше высокородіе! — отвѣчалъ заслуженый воинъ съ примѣтнымъ замѣшательствомъ.

— Я спрашиваю тебя, гдѣ лучше служить: въ какомъ-нибудь приказѣ, или въ лихомъ драгунскомъ полку?

— Не могу знать, ваше высокородіе! Наше дѣло темное: гдѣ прикажутъ, тамъ и служишь!

— Эге!—вскричалъ Иванъ Степановичъ.— Бобылевъ, да ты никакъ сталъ хитрить? Я спрашиваю: какая служба больше тебѣ по-сердцу? Ну, чѣмъ бы ты хотѣлъ быть, подъячимъ или вахмистромъ? Ну, что переминаешься!—Говори!

— Не могу знать, ваше высокородіе!

— Тьфу ты, братецъ, какой! Я толкомъ говорю; ну, послушай: въ какой службѣ молодой парень сдѣлается скорѣе человѣкомъ: въ статской, или въ военной?

— Гдѣ въ статской, ваше высокородіе!—промолвилъ переминаясь Бобылевъ;—тамъ выправка совсѣмъ не та; вотъ въ нашей фронтовой, не то что господинъ, а какой-нибудь зипунникъ, вахлакъ, и тотъ какъ разъ молодцомъ будетъ... Оно, конечно,—продолжалъ Бобылевъ, посматривая на Авдотью Михайловну и Машеньку,—подчасъ трудненько бываетъ; да и не наше дѣло толковать, гдѣ хуже, гдѣ лучше: про то знаютъ старшіе.

— Ну, видно, старшіе-то тебя порядкомъ напу

гали,—прервалъ мой опекунъ, указывая съ улыбкою на свою дочь и жену:—не смѣешь про свою прежнюю службу добраго слова вымолвить; а вспомни-ка, Бобылевъ, старину! Помнишь, какъ мы съ тобой подъ Абесферсомъ...

— Эхъ, не извольте говорить, ваше высокородіе! не мутите душу!

— То-то же! Да и то правда, что объ этомъ толковать — дѣло кончено!.. Послѣзавтра, Сашенька, ты получишь подорожную изъ города, а тамъ отслужимъ молебенъ, да и съ Богомъ! Ну, нахмурились!.. опять плакать!.. Полно, жена!.. Машенька!.. Что въ самомъ дѣлѣ?.. вѣдь не навѣки разстаетесь!

— Да ужъ позволь ему, Иванъ Степановичъ,— сказала Авдотья Михайловна, — хоть черезъ годъ-то пріѣхать въ отпускъ.

— Эхъ, полно, матушка! ужъ я вамъ сказалъ, что этого не будетъ. Дайте ему хоть три годка-то сряду послужить порядкомъ.

— Да вѣдь Москва не такъ далеко отсюда, —проговорилъ я робкимъ голосомъ;—я въ три недѣли успѣю побывать у васъ и воротиться.

— Нѣтъ, мой другъ Сашенька! — прервалъ Иванъ Степановичъ,—это дѣло рѣшеное: ты три года сряду не увидишься съ твоей невѣстою. Я очень люблю тебя, не сомнѣваюсь въ твоей привязанности къ моей дочери; но ты еще ребенокъ, ничего не видѣлъ, ничего не испыталъ; почему знать: быть-можетъ любовь твоя къ Машенькѣ одно ребячество.

— Какъ!—вскричалъ я,—вы можете думать!..

— Не только могу, но долженъ, мой другъ! Послушай. Если ты точно ее любишь, то три года не убавятъ ни на волосъ твоей любви; если жъ это одна дѣтская привычка, то не лучше ли и для тебя и для нея, когда ты догадаешься объ этомъ передъ свадьбою, а не послѣ свадьбы? Въ эти три года ты успѣешь повѣрить собственныя твои чувства, ты будешь встрѣчать дѣвицъ и прекраснѣе и милѣе Машеньки...

— О, это невозможно!

— Почему знать? Въ твои года я раза по четыре въ годъ влюблялся, и всегда послѣдняя красавица казалась мнѣ лучше всѣхъ прежнихъ.

— Но подумайте, Иванъ Степановичъ: три года!..

— Не три вѣка, мой другъ! они какъ-разъ пройдутъ, и если, несмотря на то, что Машенька во все это время ни разу съ тобою не увидится, ты будешь чувствовать къ ней все то-же самое, что чувствуешь теперь... о, тогда я съ радостію благословлю васъ, тогда и я увѣрюсь, что вы созданы другъ для друга. Только смотри, Сашенька!—продолжалъ Иванъ Степановичъ, пожавъ крѣпко мою руку, — помни уговоръ: будь откровененъ, не обманывай ни себя, ни насъ, не торгуйся съ своею совѣстью, не думай, что ты обязанъ наперекоръ своимъ чувствамъ изъ одного приличія или благодарности идти къ вѣнцу съ моею дочерью. Боже тебя сохрани отъ этого! Ты можешь жениться на другой и остаться нашимъ сыномъ, а ея братомъ; но если ты обманешь насъ, если благодарность, это святое чувство, ты унизишь до простой обязанности, если ты захочешь, какъ должникъ, котораго тяготитъ долгъ, чѣмъ бы ни было, но только скорѣе расплатиться съ нами, то знай, мой другъ, что тогда-то ты будешь истинно неблагодаренъ, и за наше добро заплатишь зломъ. Передъ людьми ты будешь правъ: они станутъ хвалить тебя, называть великодушнымъ, благороднымъ; но будешь ли ты правъ передъ Богомъ передо мною—вторымъ отцомъ твоимъ?—передъ бѣдной женой моею и этимъ ребенкомъ, котораго ты называлъ своею сестрою? Подумай хорошенько! — Съ той самой минуты, какъ ты скажешь въ душѣ своей: я съ ними поквитался — начнется вѣчное несчастіе моей дочери; какъ честный человѣкъ, ты станешь твердить себѣ: я обязанъ сдѣлать ее счастливой—мой *долгъ* быть хорошимъ мужемъ. Пустыя слова, мой другъ! Тамъ, гдѣ все благополучіе основано на взаимной любви, тамъ не можетъ быть ни долга, ни обя-

занности, — съ этими плохими помощниками недалеко уйдешь. Супружество не служба; въ службѣ есть и долгъ и обязанности; но зато вѣдь есть и отставка. Нѣтъ, Сашенька! еще разъ повторяю: Боже тебя сохрани отъ этого.

— Такъ, батюшка Иванъ Степановичъ,—такъ!— сказала со вздохомъ Авдотья Михайловна;—ты говоришь умно, да срокъ-то больно длиненъ,—шутка ли три года!

— И, матушка! онъ будетъ занятъ службой; а мы въ первый годъ съѣздимъ въ Кіевъ помолиться Богу, на второй отправимся въ Казань погостить у брата, а на третій станемъ его дожидаться, такъ и не увидишь, какъ время пройдетъ.

Наступилъ день моего отъѣзда. Кибитка, заложенная тройкою почтовыхъ, стояла у крыльца; лихіе степные кони взрывали копытами землю, коренная вскидывала отъ нетерпѣнья голову, и колокольчикъ побрякивалъ на расписной дугѣ. Все было готово. Мой слуга, Егоръ, уложивъ чемоданъ и нѣсколько коробокъ со всякой всячиною, стоялъ подлѣ кибитки въ своей дорожной курткѣ, подвязанной широкимъ патронташемъ, изъ-за котораго выглядывали двѣ пистолетныя головки. Не пугайтесь! Лѣтъ сорокъ назадъ, такъ же какъ и теперь, по большимъ дорогамъ не грабили проѣзжающихъ: эти пистолеты были съ нами только такъ—ради щегольства, и мой слуга не убилъ бы изъ нихъ и цыпленка. Я очень помню, что у одного изъ нихъ не спускался курокъ, а у другого не было собачки. Точно такъ же, какъ нѣкогда при посѣщеніи губернатора, вся наша дворня высыпала изъ людскихъ и дожидалась моего выхода. Въ гостиной отслужили молебенъ. Иванъ Степановичъ отдалъ мнѣ пучекъ ассигнацій и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ; Авдотья Михайловна, обливаясь слезами, благословила меня образомъ Божіей Матери, а Машенька повѣсила на шею небольшой медальонъ, въ которомъ съ одной стороны вложенъ былъ свѣтлорусый локонъ волосъ, а съ другой написано соб-

ственной ея рукою три слова: «не забудь меня». Бѣдная Машенька, чтобъ не разстроить еще болѣе слабой и больной матери, старалась глотать свои слезы. Она безпрестанно выбѣгала вонъ изъ комнаты, но, несмотря на то, что всякій разъ притворяла дверь, я слышалъ ея рыданія, и сердце мое разрывалось на части. Вотъ, по старому обычаю, мы всѣ присѣли, потомъ встали молча, помолились святымъ иконамъ и вышли на крыльцо. Иванъ Степановичъ взялъ меня за руку, отвелъ къ сторонѣ и сказалъ вполголоса:—Прощай, Сашенька! Пиши къ намъ чаще; веди себя такъ, чтобъ намъ весело было о тебѣ слышать, и не забывай, что безчестный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не получитъ никогда руки моей дочери. Ты знаешь мой образъ мыслей: по мнѣ, тотъ, кто съ намѣреніемъ измѣнитъ своему честному слову, обыграетъ на-вѣрную пріятеля, продастъ себя за деньги, украдетъ платокъ изъ кармана, не безчестнѣе того, кто погубитъ навсегда невинную дѣвушку, или разведетъ мужа съ женою. Не всѣ такъ думаютъ, но это *мой* образъ мыслей, а ты хочешь жениться на моей дочери. Помни это, мой другъ!—Ну, теперь прощай—съ Богомъ!

Онъ обнялъ меня, Авдотья Михайловна также; я поцѣловалъ Машеньку, которая продолжала притворяться спокойною,—и сѣлъ въ кибитку. Что это, Сашенька!—вскричала Авдотья Михайловна,—ты ѣдешь въ дорогу въ бѣломъ галстукѣ? Скинь его! Я дамъ тебѣ сейчасъ цвѣтную косынку.—Но прежде, чѣмъ она успѣла послать за нею, Машенька сорвала съ себя шелковый голубой платочекъ, подбѣжала ко мнѣ и, обвязывая его около моей шеи, облила всю грудь мою слезами.

— Дальніе проводы—лишнія слезы!—сказалъ мой опекунъ.—Эй, голубчикъ, трогай лошадей—съ Богомъ!

Ямщикъ поправилъ шляпу, подобралъ возжи, свистнулъ, колокольчикъ залился, и мы тронулись съ мѣста шибкой рысью.—Прощайте, батюшка Александръ Михайловичъ! прощайте!—кричала мнѣ въ дорогу вся дво-

ровая челядь.—Благополучнаго пути, ваше благородіе!—заревѣлъ басомъ старикъ Бобылевъ,—счастливой дороги!—Прощай, братъ Егоръ... прощай,—Егорушка.

— Прощайте, братцы!—отвѣчалъ мой слуга, приподымая свой картузъ.—Эй, тетка Ѳедосья! не забудь отвести теленка-то на село къ старостѣ Парфену!.. Антонъ! пожалуйста, братецъ, не покинь моего Барбоса!.. Прощайте, ребята!

Когда мы выѣхали на большую дорогу и поднялись въ гору, ямщикъ остановился, чтобъ выровнять постромки пристяжныхъ лошадей; въ ту самую минуту, какъ онъ садился опять на козлы, я привсталъ и оглянулся назадъ. Вдали противъ меня, по ту сторону пруда, чернѣлась дубрава, направо тянулся длинный порядокъ крестьянскихъ избъ; но господскаго дома со всей его усадьбою было уже не видно. Вдругъ что-то бѣлое показалось изъ-за горы, и тонкій прелестный станъ обрисовался на облачномъ небѣ... Такъ, это Машенька! Она стояла одна на большой дорогѣ; сильный вѣтеръ разбрасывалъ по открытымъ плечамъ ея густые локоны, игралъ бѣлымъ платьемъ и, казалось, хотѣлъ умчать ее вслѣдъ за мною. Она протянула ко мнѣ руки, «не забудь меня», прошепталъ вѣтеръ, унося съ собою послѣднія слова моей невѣсты. Я закричалъ, хотѣлъ выпрыгнуть изъ повозки, но ямщикъ гаркнулъ, лошади понеслись, все исчезло въ облакахъ пыли, и я упалъ почти безъ чувствъ въ кибитку. Не стану вамъ описывать моей тоски; кто изъ насъ не испыталъ ея, разставаясь съ людьми, безъ которыхъ и жизнь намъ кажется не жизнью? Мнѣ жаль тебя, любезный читатель, если эти неизъяснимо грустныя минуты встрѣчались часто въ твоей жизни; но я еще болѣе пожалѣю о тебѣ, когда, проживъ весь вѣкъ, ты не испыталъ ни разу этого горя. Грустно разставаться съ тѣмъ, кого любишь, а, право, еще грустнѣе, когда некого любить.

Въ первыя сутки моего путешествія тоска и грусть такъ меня одолѣли, что я не хотѣлъ смотрѣть на свѣтъ

Божій, не выходилъ на станціяхъ и сердился на Егора, когда онъ просилъ меня выпить чашку чаю или перекусить чего-нибудь. Закрывшись въ моей кибиткѣ и не видя новыхъ предметовъ, которые меня окружали, я могъ переноситься мыслію въ прошедшее; Машенька была со мною, я слышалъ ея голосъ, говорилъ съ нею и даже иногда, покрывая поцѣлуями голубой платочекъ, воображалъ, что прижимаю ее къ груди моей. Проспавъ нѣсколько часовъ сряду, я проснулся на другой день гораздо спокойнѣе. Мысль, что я скоро буду въ Москвѣ, что увижу этотъ большой свѣтъ, о которомъ такъ много наслышался, этихъ знатныхъ баръ и сенаторовъ, передъ которыми, говорятъ, и нашъ губернаторъ подчасъ стоитъ на вытяжку,—эта мысль начинала понемногу сливаться съ моими воспоминаніями о прошедшемъ; а сверхъ того я чувствовалъ, что не могу уже вполнѣ предаваться моимъ мечтаніямъ: я очень проголодался, и тощій желудокъ убѣждалъ меня, гораздо краснорѣчивѣе Егора, перейти скорѣе изъ очаровательнаго міра мечтаній къ жизни дѣйствительной; эта физическая потребность взяла, наконецъ, такой верхъ надъ моими моральными ощущеніями, что я вышелъ на первой станціи изъ кибитки, и весьма обрадовался, когда смотритель поставилъ передо мною чашку сытныхъ щей и горшокъ гречневой каши.—Ну, что? далеко ли осталось до Москвы?—спросилъ я станціоннаго смотрителя.

— Шестьсотъ двадцать верстъ, сударь.

— Возможно ли?.. Такъ мы въ цѣлыя сутки и ста верстъ не отъѣхали?

— И то слава Богу!—сказалъ Егоръ:—вѣдь на двухъ станціяхъ лошадей не было. Вы изволили дремать, сударь, такъ и не замѣтили, что мы часовъ по пяти дожидались.

— Для чего же ты не нанималъ вольныхъ?

— Вольныхъ? Нѣтъ, сударь! вольныя-то кусаются! Тройные прогоны заплатишь!

— Такъ чтожъ?

— Помилуйте! Да этакъ мы переплатимъ и Богъ вѣсть что.

— Дѣлать нечего; не вѣкъ же намъ ѣхать до Москвы.

— И, сударь!—прервалъ Егоръ,—доѣдемъ когда-нибудь; вѣдь этихъ ямщиковъ не удивишь. Что, въ самомъ дѣлѣ, поломаются часокъ, другой, а тамъ дадутъ и почтовыхъ.

— Вотъ вздоръ, стану я дожидаться!

— По мнѣ, все равно, какъ прикажете, только, воля ваша, эти разбойники такъ дерутъ...

— Ужъ нечего сказать, точно, разбойники!—прервалъ почтальонъ.—Вотъ и теперь, посмотрите, что они съ васъ заломятъ.

— Да на что намъ вольныхъ?—закричалъ Егоръ;—вѣдь ты сказалъ мнѣ, что лошади черезъ часъ придутъ?

— Нѣтъ, батюшка! и часика два потерпите! Кто ихъ знаетъ? Будутъ дожидаться на той станціи попутчика, а тамъ часа три, четыре надо лошадямъ дать выстояться.

— Такъ сыщи мнѣ вольныхъ,—прервалъ я;—дожидаться пять часовъ я не намѣренъ.

— Слушаю, сударь!—отвѣчалъ смотритель, выходя вонъ.

— Эхъ, батюшка Александръ Михайловичъ!—шепнулъ мнѣ Егоръ,—догадки въ васъ вовсе нѣтъ: ужъ я вамъ мигалъ, мигалъ! Сказали бы, что будете дожидаться, такъ и за двойные прогоны поѣдутъ, а теперь, посмотрите, слупятъ вчетверо!

Егоръ не ошибся: мы поѣхали на тройкѣ, а съ насъ взяли за двѣнадцать лошадей.

Я давно не ѣздилъ на почтовыхъ; говорятъ, что нынче станціонные смотрители, съ тѣхъ поръ какъ пользуются офицерскими чинами, стали вести себя благороднѣе и не прижимаютъ проѣзжающихъ; о большой Петербургской дорогѣ и говорить нечего: тамъ ходятъ теперь дилижансы; но въ старину!.. Боже мой! чего бывало не натерпится бѣдный проѣзжающій!.. Замѣтьте однакожъ: «бѣдный». Люди богатые или чи-

новные не знаютъ этихъ мытарствъ, и подчасъ не хотятъ даже вѣрить, что онѣ существуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Знатный человѣкъ могъ, въ старину, однимъ словомъ погубить станціоннаго смотрителя, а богатый и прежде сыпалъ деньгами, и теперь бросаетъ ихъ для своей потѣхи, такъ для нихъ всегда бывали лошади; но если у проѣзжающаго въ подорожной *имѣлось:* «такому-то коллежскому регистратору, или губернскому секретарю давать изъ почтовыхъ»,—а межъ тѣмъ въ его карманѣ, сверхъ прогонныхъ денегъ, было только нѣсколько рублей на харчи, то онъ могъ заранѣе быть увѣренъ, что изъ трехъ станцій, ужъ вѣрно на одной всѣ лошади будутъ въ разгонѣ.—Конечно, былъ способъ и въ старину бѣдному человѣку добиваться почтовыхъ лошадей,—сказалъ мнѣ однажды пріятель, теперь человѣкъ богатый, а нѣкогда весьма недостаточный;—но чего это стоило! Сколько надобно хитрости и терпѣнія, чтобъ расшевелить самолюбіе станціоннаго смотрителя, и замѣнить подленькой лестію благородную синюю ассигнацію богатаго человѣка.—Что, батюшка, лошадей нѣтъ?—Нѣтъ!—Нельзя ли какъ-нибудь, почтеннѣйшій!—А почтеннѣйшій стоитъ въ изорванномъ тулупѣ и съ подбитымъ глазомъ.—Мнѣ, право, крайняя нужда, пожалуйста, любезнѣйшій!—А любезнѣйшій едва шевелитъ языкомъ съ перепою. Э! пріятель, да ты никакъ покуриваешь? Дай-ка, я набью тебѣ трубочку: у меня славный вакштабъ; да ужъ сдѣлай милость, другъ сердечный, дай лошадокъ!—Что обижать своего брата чиновника!—И вотъ иногда сердечный другъ смягчится, и за то, что я произвелъ его въ чиновники, отпуститъ меня часомъ прежде. Повѣришь ли,—продолжалъ мой пріятель,—и теперь еще не могу хладнокровно объ этомъ вспомнить—да, да!.. бывало, въ старые годы, нечиновному и бѣдному человѣку не приведи Господи ѣздить на почтовыхъ.

Я былъ человѣкъ нечиновный, но не жалѣлъ денегъ и потому на пятый день по-утру перемѣнилъ въ

послѣдній разъ лошадей въ двадцати-двухъ верстахъ отъ Москвы. Садясь въ мою повозку, я съ ужасомъ посмотрѣлъ на тройку чахлыхъ, измученныхъ клячъ, на которыхъ долженъ былъ ѣхать послѣднюю станцію.

— Что это за лошади? — сказалъ я; — да мы на нихъ и въ сутки не доѣдемъ.

— Доѣдемъ, сударь!—отвѣчалъ ямщикъ, садясь на козлы.

— Нѣтъ, братъ!—замѣтилъ мой Егоръ,—развѣ дойдемъ. Экъ коренная-то у тебя, хоть сейчасъ на живодерню.

— Эй, вы, соколики!—гаркнулъ ямщикъ, не обращая вниманія на обидное замѣчаніе Егора.

Соколики захлопали ушами, какъ лягавыя собаки, рванулись впередъ и стали.

— Ну, вотъ, не говорилъ ли я!—вскричалъ Егоръ.— Ахъ, ты горе-ямщикъ, капусту бы тебѣ возить!

— Да вотъ постойте! — сказалъ ямщикъ, — только бы съ мѣсто-то взяли, а тамъ разойдутся; лошади битыя!

— Не бойтесь, пойдутъ! — прервалъ ямской староста, мужикъ съ рыжею бородою и косыми глазами.— Кони знатные!—продолжалъ онъ съ такою анаѳемскою улыбкою, что всѣ другіе ямщики лопнули со смѣху.— Эхъ, баринъ, дайте-ка парню на водку, такъ даромъ что они на взглядъ одры, а ужъ онъ васъ потѣшитъ.

— Пять рублей на водку!—закричалъ я,—только поставь меня черезъ два часа въ Москву.

— Слышишь, Ванька! — сказалъ староста; — вишь баринъ-то какой. Ну, смотри же—прокати!

Ванька выхватилъ изъ-за пояса кнутъ и началъ имъ работать съ такимъ усердіемъ, что три лошадиные остова, послѣ минутнаго размышленія, рѣшились двинуться впередъ и побѣжали рысью. Мы проѣхали довольно скоро первые десять верстъ; до Москвы оставалось только двѣнадцать; и хотя лошади все еще бѣжали рысцею, но я видѣлъ уже и сердце мое зами-

рало отъ ужаса, я видѣлъ, что скоро наступитъ роковая минута, въ которую ямщикъ отмотаетъ себѣ вовсе правую руку, спадетъ съ голоса и мы остановимся полдничать на большой дорогѣ. Вотъ пришла небольшая горка; я былъ увѣренъ, что если лошади остановятся на полугоркѣ, то ужъ ничто въ мірѣ не заставитъ ихъ двинуться съ мѣста, и потому вылѣзъ изъ повозки и пошелъ пѣшкомъ. Москвы еще не было видно, но въ полуверстѣ отъ большой дороги возвышался красивый господскій домъ, окруженный обширными садами. Я остановился, чтобъ полюбоваться его живописнымъ мѣстоположеніемъ; вдругъ изъ ближайшей рощи выѣхали верховые. Тотъ, который ѣхалъ впереди, возбудилъ въ высочайшей степени мое любопытство. — Какъ странно сидитъ на лошади этотъ господинъ,—подумалъ я.—Ахъ, батюшки!.. что это?— да это никакъ женщина? — Черезъ нѣсколько минутъ я могъ увѣриться, что бойкій кавалеристъ въ круглой шляпѣ и полумужскомъ нарядѣ была точно прекрасная женщина лѣтъ двадцати. Какъ теперь гляжу на ея черный бархатный спенсеръ, украшенный золотыми шнурками, какъ гусарскій доломанъ. У насъ въ провинціи я и не слыхивалъ о дамскихъ сѣдлахъ, на которыхъ сидятъ бокомъ [1]), слѣдовательно весьма было естественно, что смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ и даже удивленіемъ на эту амазонку. Когда она, переѣзжая черезъ дорогу, поровнялась со мною, то взоры ея встрѣтились съ моими, и я прочелъ въ нихъ какое-то удивленіе; на мой вѣжливый поклонъ прекрасная наѣздница кивнула головою, вся вспыхнула, поѣхала тише, и до тѣхъ поръ, пока не скрылась за густымъ березовымъ лѣсомъ, безпрестанно оглядывалась назадъ. Я все это замѣтилъ, хотя рѣшительно не понималъ, чѣмъ могъ обратить на себя ея вниманіе.— Ахъ, какъ она хороша! — прошепталъ я невольно. —.

---

[1]) Я долженъ однажды на всегда попросить моихъ читателей не забывать, что разсказываю имъ о приключеніяхъ моей молодости, и что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Вотъ глаза!.. жаль только, что черные; мнѣ кажется, еслибъ они были голубые... да нѣтъ, нѣтъ!.. у Машеньки глаза несравненно лучше!.. Что это она на меня такъ часто поглядываетъ?.. Вѣрно въ моемъ дорожномъ платьѣ есть что-нибудь странное, смѣшное... Ну, точно, она замѣтила, что я провинціалъ!—Теперь вы можете судить, до какой степени я былъ простодушенъ; мнѣ даже и въ голову не пришло то, о чемъ я имѣлъ уже честь намекать вамъ, любезные читатели, а именно, что съ молоду я былъ очень хорошъ собою, высокъ и строенъ какъ Аполлонъ Бельведерскій... Да не смѣйтесь! Про покойниковъ можно говорить, не краснѣя, правду; а моя красота и молодечество давнымъ-давно скончались.

Мы проѣхали или, лучше сказать, протащились еще верстъ восемь; нетерпѣніе мое возрастало съ каждымъ шагомъ усталыхъ лошадей, которыя, хотя медленно, а все-таки подавались впередъ. — Да гдѣ же Москва?—спросилъ я, наконецъ, ямщика.

— Близехонько, сударь!

— Такъ чтожъ ея не видно?

— Да ужъ дорога такая, баринъ; вотъ по Смоленской, такъ мы бы ужъ давно поклонились матушкѣ Москвѣ золотымъ маковкамъ: за семь верстъ вся какъ на ладонькѣ.

— А это что за лѣсъ такой?—спросилъ я;—вотъ направо-то? Зачѣмъ онъ обнесенъ заборомъ?

— Это звѣринецъ, сударь!

— Звѣринецъ!.. столичный звѣринецъ!—подумалъ я.—О, да тутъ ужъ вѣрно должны быть всѣ дикіе звѣри и львы, и тигры, и барсы, а можетъ-быть и слоны!.. А что, братецъ!—продолжалъ я,—чай, этотъ звѣринецъ очень великъ?

— Да, сударь! не скоро кругомъ объѣдешь.

— И много въ немъ звѣрей?

— Вѣстимо дѣло, какъ не быть? лѣсъ заповѣдный.

— А какіе же въ немъ звѣри?

— Да мало ли какихъ? вотъ и зайцовъ много.

— Какъ! только зайцы?

— А Богъ вѣсть! Говорятъ есть и лисицы, только наврядъ!

— Зайцы, лисицы!.. Боже мой, какое разочарованіе.

Вотъ, наконецъ, этотъ длинный звѣринецъ безъ звѣрей остался у насъ позади. Холмистыя окрестности дороги, по которой мы ѣхали, продолжали заслонять отъ насъ Москву; изрѣдка проглядывали кой-гдѣ кровли домовъ, высокія колокольни приходскихъ церквей; потомъ все исчезло снова, и голубыя небеса сливались по-прежнему съ густыми рощами, которыя, не знаю теперь, а лѣтъ сорокъ тому назадъ какъ зеленымъ лавровымъ вѣнкомъ опоясывали всю нашу древнюю столицу. Мы проѣхали еще съ полверсты; вдали забѣлѣлась церковь святого Сергія; гораздо ближе поднялась передъ нами красивая колокольня Андроньевскаго монастыря, направо отъ дороги выглянулъ изъ-за рощи Головинскій дворецъ, одно изъ тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми вправѣ гордиться наше отечество; налѣво показалось старообрядское кладбище, слобода, нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и вдругъ безпредѣльная Москва всплыла и обрисовалась на обширномъ горизонтѣ. Вотъ она — Москва бѣлокаменная, вотъ она — родная мать и кормилица всей святой Руси! — Колыбель православныхъ царей русскихъ, родина великаго Петра, престольный градъ единодержавія, источника всей славы и могущества Россіи. Вотъ онъ, этотъ живущій собственной своей жизнію, самобытный городъ, столько разъ разрушенный до основанія и всегда возникавшій изъ пепла въ новой красотѣ и въ новой славѣ нашей родины! Мой ямщикъ снялъ шляпу и набожно перекрестился; я невольно послѣдовалъ его примѣру. — Вотъ, сударь!—сказалъ онъ, указывая на группу церквей и башенъ, которыя подымались вдали изъ средины безчисленныхъ кровель; — вонъ, сударь, Кремль, Иванъ-Великій, святыя соборы, терема царскіе!...

Правду сказалъ Пушкинъ:

«Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!..»

Да, Москва, Кремль, Иванъ-Великій—волшебныя слова! Какъ сильно потрясаютъ они душу каждаго русскаго... — Каждаго?.. Полно, такъ ли? — О, безъ всякаго сомнѣнія: вѣдь я называю русскимъ не того только, кто носитъ русское имя, родился въ Россіи и по ея милости имѣетъ хлѣбъ насущный — нѣтъ! для этого необходимо еще небольшое условіе...—У меня очень много родственниковъ,—сказалъ однажды пріятель мой Зарѣцкій,—да не всѣ они мои *родные*. Тотъ мнѣ вовсе чужой, кто зоветъ меня роднею потому только, что носитъ одну со мною фамилію; а кто *истинно меня любитъ*, тому не нужно быть моимъ однофамильцемъ: я и безъ этого готовъ назвать его роднымъ братомъ.

Я не долго могъ любоваться великолѣпной панорамою Москвы; вмѣстѣ съ приближеніемъ къ заставѣ она спряталась опять за домами весьма некрасиваго предмѣстья. Измученныя лошади давно уже тащились шагомъ, а я шелъ пѣшкомъ подлѣ моей повозки; почти у самаго въѣзда въ Новую деревню, слободу, идущую отъ Рогожской заставы, я поровнялся съ человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, въ сѣромъ опрятномъ сюртукѣ и круглой шляпѣ съ большими полями. Опираясь на трость и волоча съ усиліемъ правую ногу, онъ едва подвигался впередъ.

— Вы, кажется, съ трудомъ идете?—сказалъ я, подойдя къ этому господину.

— Да, батюшка!—отвѣчалъ онъ, приподнимая вѣжливо свою шляпу.—Вотъ четверть часа назадъ, я шелъ почти такъ же бодро, какъ вы.

— Чтожъ съ вами случилось?

— Самъ виноватъ: хотѣлъ перепрыгнуть черезъ канаву, оступился и теперь вовсе не могу стать на правую ногу.

— Вы, можетъ-быть, ее вывихнули?

— Авось нѣтъ, батюшка; а, кажется, жилу потянулъ.

— Какъ же вы дойдете до дому?

— Дотащусь какъ-нибудь. Я живу близехонько отсюда, въ Рогожской, противъ самаго Андроньевскаго монастыря.

— Да не угодно ли, я васъ подвезу.

— Сдѣлайте милость, батюшка! Ужъ въ самомъ дѣлѣ не повредилъ ли я ноги: что-то больно расходилась!

При помощи Егора и моей, старикъ сѣлъ въ повозку; я помѣстился подлѣ него.—Дай Богъ вамъ здоровья!—сказалъ онъ.—Вотъ теперь мнѣ какъ будто бы полегче; а если бы пришлось тащиться до дому пѣшкомъ, такъ я очень бы натрудилъ больную ногу; и какъ мнѣ пришло въ голову, что я могу еще прыгать? Пора бы, кажется, перестать рѣзвиться: седьмой десятокъ доживаю.

— Неужели?—сказалъ я съ удивленіемъ:—да вамъ на лицо и шестидесяти нѣтъ.

— Да, да, сударь, безъ году семьдесятъ,—продолжалъ старикъ.—Я [illegible] служилъ уже [illegible] и находился при взятіи Мемеля: а это давно, батюшка, очень давно.

— Безъ году семьдесятъ!—повторилъ я, смотря съ удивленіемъ на [illegible] лицо незнакомца. Въ первой разъ еще въ моей жизни я увидѣлъ, да и послѣ никогда не встрѣчалъ семидесятилѣтняго старика съ такой [illegible] въ лицѣ. Можно было [illegible] какъ снѣгъ, волнистые [illegible] улыбка была такъ [illegible] глаза и [illegible] неподдѣльное [illegible] имѣли въ себѣ что-то [illegible].

— Надолго ли [illegible]—спросилъ онъ [illegible] время [illegible] у ва[illegible] пришлось [illegible].

Я назвалъ ему нашъ губернскій городъ.

— Да, это не близко, — продолжалъ старикъ: — слишкомъ семьсотъ верстъ! Что, батюшка, вы къ намъ на житье въ Москву, или только проѣздомъ?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда для того, чтобъ служить.

— Доброе дѣло! Такому молодцу, какъ вы, служить надобно; и вѣрно вы остановитесь гдѣ-нибудь у знакомаго или родственника?

— У меня есть письмо къ господину Днѣпровскому.

— Алексѣю Семеновичу?

— Точно такъ! Вы его знаете?

— И очень давно. Онъ живетъ на Арбатѣ, верстъ пять отсюда; а, кажется, лошади-то у васъ вовсе смучились, врядъ ли дотащутъ... Да постойте?.. Вѣдь Алексѣя Семеновича нѣтъ въ городѣ: онъ ужъ около мѣсяца живетъ въ своей подмосковной и, если не ошибаюсь, на этихъ дняхъ отправится прямо изъ деревни за-границу, кажется въ Германію къ минеральнымъ водамъ.

— А развѣ онъ боленъ?

— Не онъ, а жена его.

— Какая досада! Ну, дѣлать нечего, я остановлюсь въ трактирѣ.

— Да нѣтъ ли у васъ кого-нибудь еще знакомыхъ?

— Со мною есть рекомендательныя письма; но я не знаю, могу ли?

— Такъ наймите лучше квартиру: въ этихъ трактирахъ можно подчасъ сдѣлать весьма дурное знакомство... Извините! вы еще такъ молоды, такъ неопытны. Право, батюшка, послушайтесь меня, не живите долго въ трактирѣ, и если вамъ нельзя будетъ пристать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ вашего батюшки...

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери,—сказалъ я.

— Ни отца, ни матери!—повторилъ старикъ.—А сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Бѣдняжка!—прошепталъ онъ, поглядѣвъ на меня съ состраданіемъ.

— Пошелъ! — закричалъ караульный унтеръ-офицеръ. Часовой поотпустилъ цѣпь тяжелаго шлагбаума, и мы въѣхали въ Москву.

VI.

МОСКВА.

— Куда прикажете ѣхать? — спросилъ ямщикъ, когда колеса моей повозки застучали по мостовой. — Куда? — вопросъ былъ затруднительный. — Ступай, — сказалъ я, — въ трактиръ, гдѣ останавливаются пріѣзжающіе.

— Да въ какой, сударь? Вѣдь этихъ постоялыхъ дворовъ здѣсь много; вотъ, пожалуй, на Тверской Царьградскій трактиръ — знатный!.. И въ Зарядьѣ много всякихъ подворьевъ—куда хотите.

— Ступай куда-нибудь, мнѣ все равно.

Мы поѣхали. Не доѣзжая шаговъ пятидесяти до Андроньевскаго монастыря, лошади стали и, несмотря на крикъ и удары ямщика, рѣшительно не хотѣли двинуться съ мѣста.

— Эхъ, другъ любезный!—сказалъ старикъ.—Господь Богъ велѣлъ и скотовъ миловать! Ну, что ты лошадей-то понапрасну тиранишь? Видишь, онѣ, сердечныя, вовсе изъ силъ выбились. Да полно, братъ! Что толку-то? Вѣдь на одномъ кнутѣ не уѣдешь!

— И впрямь дѣлать-то нечего! — проговорилъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ. — Ужъ такъ и быть, сударь, повремените, я сбѣгаю на ямской дворъ и приведу другихъ лошадокъ; это близехонько, разомъ вернусь.

— А я ужъ какъ-нибудь добреду до дому,—сказалъ старикъ, вылѣзая изъ кибитки.—Вотъ моя квартира, не далеко. Да чѣмъ вамъ на улицѣ дожидаться,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—милости прошу, зайдите хоть на минуту въ мой домишко.

Я принялъ охотно его предложеніе и, оставивъ при повозкѣ Егора, пошелъ съ нимъ по лѣвой сторонѣ улицы. Старикъ все еще прихрамывалъ, однакожъ, шелъ несравненно бодрѣе прежняго.—Мнѣ кажется,— сказалъ онъ,— я только-что зашибъ ногу и, можетъ-быть, завтра совсѣмъ буду здоровъ. Дай-то, Господи!— Мы подошли къ деревянному домику съ зелеными ставнями; старикъ постучалъ въ ворота; человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ поношенномъ сюртукѣ, отперъ намъ калитку, и мы вошли на чистый дворикъ, въ глубинѣ котораго посажено было съ полдюжины яблонь, нѣсколько липъ и два или три куста сирени. Прямо изъ сѣней мы вошли въ комнату, убранную вовсе не роскошно, но свѣтлую и весьма опрятную; всѣ ея стѣны были въ полкахъ, уставленныхъ книгами. Не трудно было по величинѣ и переплету отгадать, что большая часть этой библіотеки состояла изъ книгъ духовныхъ; въ одномъ углу помѣщался отличной работы токарный станокъ, въ другомъ кивотъ изъ дубоваго дерева, съ иконами, передъ которыми теплилась лампада, а въ простѣнкѣ, между двухъ оконъ, висѣлъ портретъ русскаго генерала въ голубой лентѣ; налѣво, въ растворенныя двери видна была угольная комната. Въ ней не было ничего, кромѣ деревянной скамьи съ кожаною подушкою и налоя, который стоялъ передъ большимъ распятіемъ

— Какъ много у васъ книгъ!—сказалъ я, когда мы сѣли съ хозяиномъ на канапе, обитое простымъ затрапезомъ.

— Я собираю ихъ тридцать лѣтъ,—отвѣчалъ старикъ,—такъ мало-по-малу и накопилось книгъ до тысячи.

— Пріятно имѣть такую большую библіотеку.

— Да! если она составлена изъ книгъ полезныхъ и служитъ не для одного украшенія и хвастовства. Есть люди, которые называютъ библіотеку мертвымъ капиталомъ. Они ошибаются: этотъ капиталъ можетъ давать большіе проценты. И деньги становятся мертвымъ

капиталомъ, когда ихъ зарываютъ въ землю... Вы любите чтеніе?

— До безумія!

Старикъ улыбнулся. — До безумія! — повторилъ онъ.—Я думаю, что мы не должны ничего любить до безумія, а всего менѣе книги. Конечно, онѣ самые лучшіе друзья, но зато подчасъ и самые злѣйшіе враги наши; а сверхъ того такіе хитрые, что иногда не только безъ ума, да и съ умомъ не вдругъ разберешь, на кого напалъ, на друга или на своего злодѣя.

— Позвольте спросить,—сказалъ я,—чей это портретъ?

— Это портретъ моего бывшаго начальника и благодѣтеля, фельдмаршала Румянцева.

— Великій человѣкъ!

— Да, батюшка, точно, великій! Онъ умѣлъ съ горстью войска разбить стотысячныя арміи; однимъ взглядомъ, однимъ словомъ воспламенялъ душу каждаго солдата, и безъ всякой строгости, шутя, превращать какого-нибудь шалуна въ хорошаго и полезнаго офицера. Чтобъ доказать истину моихъ словъ, я разскажу вамъ, какъ онъ исправилъ одного молодого человѣка, который имѣлъ нѣкогда счастіе служить подъ его начальствомъ.

Это было въ 1760 году. Русскія и союзныя войска занимали тогда большую часть сѣверной Пруссіи; наша дивизія, подъ командою графа Румянцева, расположена была близъ города Кросена на Одерѣ. Война кипѣла въ Помераніи и Польшѣ; но около насъ все было такъ тихо и спокойно, какъ будто мы стояли на контониръквартирахъ; однакожъ, несмотря на это, отданы были приказанія, чтобъ въ лагерѣ наблюдался самый строгій порядокъ, и войска были во всякое время готовы къ бою. Графъ Румянцевъ постигалъ вполнѣ необыкновенный геній великаго Фридриха, который почти всегда являлся тамъ, гдѣ его никакъ не ожидали, и часто, быстрымъ движеніемъ войскъ и внезапнымъ натискомъ всѣхъ силъ своихъ, совершенно уничтожалъ предпо-

ложеніе самыхъ опытныхъ генераловъ. Изъ отдаваемыхъ ежедневно приказовъ по дивизіи, болѣе всѣхъ не понравился многимъ офицерамъ приказъ не отлучаться безъ позволенія изъ лагеря и наблюдать строго военно-походную форму. Молодой человѣкъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, былъ также изъ числа недовольныхъ. Надобно вамъ сказать, что этотъ офицеръ имѣлъ нѣкоторыя похвальныя качества; но одинъ недостатокъ или, лучше сказать, порокъ губилъ въ немъ все хорошее, переданное ему отъ добрыхъ и благочестивыхъ родителей. Онъ былъ лихой малый, славный товарищъ, какъ говорили его пріятели, то-есть въ немъ вовсе не было этой постоянной твердости характера, безъ которой и доброе сердце ни къ чему не служитъ. Безпрерывно увлекаясь примѣромъ другихъ, онъ никогда не имѣлъ собственной своей воли: съ добрыми былъ добръ, съ повѣсами повѣса, а что всего хуже—старался всегда въ дурномъ перещеголять своихъ товарищей. Несмотря на природное отвращеніе отъ пьянства, онъ готовъ былъ для компаніи выпить одинъ за другимъ дюжину стакановъ пунша; ненавидѣлъ карты, и понтировалъ какъ сумасшедшій, для того, чтобъ не отставать отъ другихъ; имѣя довольно кроткій и тихій нравъ, всегда первый вызывался на какую-нибудь шалость, и, чтобъ потѣшить пріятелей и похвастаться своимъ удальствомъ, смѣло пускался на самый дерзкій поступокъ, а особливо, когда дѣло шло за споромъ, и у него была въ головѣ лишняя рюмка вина.

Вотъ однажды по-утру собралось у него въ палаткѣ человѣкъ пять или шесть молодыхъ офицеровъ, отъявленныхъ повѣсъ и шалуновъ; начали завтракать; разумѣется, стали пить, подгуляли и принялись, по обыкновенію, осуждать распоряженія своихъ начальниковъ. Одинъ сердился, что его, за ошибку во фронтѣ, нарядили безъ очереди въ караулъ; другой гнѣвался на своего полковника за то, что онъ не позволилъ ему отлучиться въ городъ, третій доказывалъ, что его ротный начальникъ не умѣетъ обходиться съ офицерами, четвер-

тый называлъ своего баталіоннаго командира педантомъ потому, что онъ требовалъ во всемъ точнаго исполненія службы, и всѣ эти различныя жалобы слились, наконецъ, въ одну общую—на послѣдній приказъ, которымъ предписывалось офицерамъ не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ походной формы.—Ну, помилуйте, къ чему это?—вскричалъ поручикъ Зноевъ, допивая третій стаканъ пуншу;—добро бы непріятель былъ близко, или бы мы стояли въ городѣ; а то драться не деремся, щеголять не передъ кѣмъ, такъ на что же это?

— Да такъ!—прервалъ одинъ прапорщикъ;—видно, нечего приказывать.

— Что въ самомъ дѣлѣ!—продолжалъ поручикъ;—засадили насъ какъ колодниковъ въ лагерѣ, да и отдохнуть-то порядкомъ не дадутъ; жара смертная, а не смѣй безъ галстука выйти изъ палатки.

— Да! вчера за это арестовали подпоручика Бушуева,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Неужели?

— На цѣлую недѣлю.

— Такъ пусть же меня арестуютъ на двѣ!—закричалъ поручикъ:—я сегодня цѣлый день галстука не надѣну.

— Эка важность!—прервалъ хозяинъ, у котораго въ головѣ давно уже шумѣло;—безъ галстука!.. Да если на то пошло, такъ я надѣну халатъ и сяду передъ палаткою.

— Ужъ и халатъ!—повторилъ одинъ изъ гостей,—да развѣ ты не знаешь, что графъ безпрестанно ходитъ по лагерю?

— Такъ чтожъ? У меня халатъ славный, пусть онъ имъ полюбуется.

— А что вы думаете, товарищи?—подхватилъ поручикъ,—вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ это сдѣлаетъ: онъ молодецъ!

— Да, да!—продолжалъ хозяинъ, у котораго отъ этой похвалы вовсе голова закружилась;—я сяду передъ палаткой и выкурю цѣлую трубку табаку въ

халатѣ... въ желтыхъ сапожкахъ... съ открытой грудью!

— Ну, полно! — сказалъ прапорщикъ, — что ты больно расхрабрился? шутишь, братъ!

— Право? Такъ вы сейчасъ увидите!.. Гей, Ванька! халатъ, туфли, трубку!

Во всей этой буйной компаніи не нашлось ни одного добраго пріятеля, который удержалъ бы его отъ такого безумнаго поступка. Онъ надѣлъ свой красный халатъ, желтые сапожки, и съ раскрытой грудью, растрепанный, въ самомъ безобразномъ видѣ, вышелъ изъ палатки, расположился передъ нею на скамьѣ и закурилъ трубку. Несмотря на свою опьянѣлость, онъ чувствовалъ однакожъ, что дѣлаетъ очень дурно, и посматривалъ съ безпокойствомъ въ ту сторону, гдѣ стояла палатка его батальоннаго командира; но громъ ударилъ не съ той стороны: въ близкомъ разстояніи послышался шумъ, онъ обернулся—передъ нимъ стоялъ графъ Румянцевъ, а въ десяти шагахъ весь штабъ и нѣсколько казаковъ. Вся храбрость полупьянаго офицера исчезла; онъ мигомъ протрезвился, хотѣлъ спрятаться въ палатку; но графъ остановилъ его, закричавъ грознымъ голосомъ: «Ни съ мѣста, господинъ офицеръ!»—Потомъ отдалъ потихоньку какія-то приказанія. Черезъ минуту во всей линіи раздался барабанный бой, солдаты высыпали изъ палатокъ, построились, офицеры заняли свои мѣста, и графъ, подойдя къ злосчастному повѣсѣ, сказалъ очень ласково: «Вы такъ легко одѣты, господинъ офицеръ, что вѣрно вамъ не тяжело будетъ пройтись со мною по лагерю? Прошу покорно сдѣлать мнѣ эту честь!»—продолжалъ онъ, взявъ его за руку. Офицеръ обмеръ, но долженъ былъ повиноваться. Вы можете себѣ представить удивленіе и потомъ общій хохотъ всего войска. Если бы этотъ молодой человѣкъ могъ умереть или провалиться сквозь землю, то почелъ бы себя совершенно счастливымъ; но онъ остался живъ, и, какъ преступникъ, привязанный къ позорному столбу, рука-объ-руку съ графомъ

прошелъ въ своемъ шутовскомъ красномъ халатѣ и желтыхъ сапожкахъ отъ одного конца лагеря до другого. Графъ безпрестанно останавливался, говорилъ съ полковыми командирами, дѣлалъ свои замѣчанія, и когда всѣ наглядѣлись до-сыта на этого чуднаго адъютанта, котораго онъ такъ вѣжливо водилъ подъ руку, графъ сказалъ ему: «Господинъ офицеръ, извольте сейчасъ отправиться къ авангардному начальнику, полковнику Велину, и скажите ему, что я сегодня въ три часа буду смотрѣть его полкъ. Казачью лошадь!»—продолжалъ графъ, обращаясь къ своей свитѣ,—«и двухъ конвойныхъ казаковъ».

— Ваше сіятельство! — проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ,—я чувствую вполнѣ мою вину и не смѣю себя оправдывать... Но, будьте милостивы, позвольте мнѣ переодѣться...

— Переодѣться?—повторилъ графъ; — зачѣмъ?.. Я нашелъ васъ передъ палаткою, слѣдовательно вы должны быть во всей формѣ. Въ военное время нѣтъ минуты, въ которую бы исправный офицеръ не былъ готовъ исполнять приказаній начальника. Извольте ѣхать!—прибавилъ онъ, когда подвели казачью лошадь.—Исполнивъ мое порученіе, вы можете снова сѣсть подлѣ палатки и докурить вашу трубку.

Я не стану вамъ разсказывать, что чувствовалъ несчастный шалунъ, когда долженъ былъ въ своемъ дурацкомъ нарядѣ скакать, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, по большой дорогѣ, усыпанной народомъ. День былъ праздничный, погода прекрасная и почти всѣ жители Кросена гуляли за городомъ; но это еще было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало его впослѣдствіи: онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ всѣхъ своихъ товарищей, сказкою и забавой ихъ пирушекъ; на него указывали пальцами, прозвали краснымъ халатомъ, однимъ словомъ, онъ сдѣлался шутомъ и посмѣшищемъ для всей дивизіи. Вы не можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало не только на душу, но даже на здоровье бѣднаго молодого человѣка. Вся

веселость его исчезла, онъ прятался отъ товарищей, не смѣлъ глядѣть на начальниковъ, и въ двѣ недѣли такъ исхудалъ, какъ будто бы пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сильной горячкѣ; наконецъ, это сдѣлалось для него совершенно несноснымъ: обиженное самолюбіе, какъ демонъ-искуситель, не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью; къ несчастію, давно уже буйное общество и дурные примѣры поколебали христіанскія правила, посѣянныя въ душѣ его добрыми родителями; онъ забылъ, что отчаяніе есть смертный грѣхъ, въ головѣ его начали бродить дурные помыслы: онъ сталъ свыкаться съ ужасною мыслію самоубійства, и однажды, говоря съ родственникомъ своимъ, адъютантомъ графа Румянцева, сказалъ, что если черезъ недѣлю не откроются военныя дѣйствія и ему нельзя будетъ умереть на непріятельской батареѣ, то онъ самъ размозжитъ себѣ голову. На другой день онъ получилъ приказаніе явиться къ девизіонному командиру. Графъ былъ одинъ, когда офицеръ вошелъ къ нему въ палатку.

— Живы ли твои отецъ и мать?—спросилъ Румянцевъ, кинувъ строгій взглядъ на молодого человѣка.

— Живы, ваше сіятельство!

— Жаль, очень жаль! А есть ли у нихъ еще дѣти?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я у нихъ одинъ.

— Одинъ!.. Тяжко же ихъ наказалъ Господь!.. Послушай, молодой человѣкъ! До меня дошло, что ты хочешь самъ поднять на себя руки. Если преступная мысль сдѣлаться самоубійцею и навѣки погубить свою душу не пугаетъ тебя, если ты не жалѣешь своихъ стариковъ, то и тебя жалѣть нечего: дурная трава изъ поля вонъ! Только скажи мнѣ, что ты хочешь этимъ доказать? Ужъ не благородный ли образъ твоихъ мыслей? Не величіе ли и твердость души человѣка, презирающаго смерть? Ошибаешься, братецъ!.. Ты докажешь только, что можно быть въ одно и то-же время и дурнымъ офицеромъ, и дурнымъ христіани-

номъ, и дурнымъ сыномъ; а стоитъ ли такая пошлая истина, чтобъ ее доказывали? Неужели ты думаешь, что негодяй, который убьетъ того, кто назвалъ его негодяемъ, сдѣлается, по милости этого новаго преступленія, честнымъ человѣкомъ? Неужели ты думаешь, что тотъ, кто изъ пустого и буйнаго хвастовства не станетъ исполнять своихъ обязанностей, и потомъ, чтобъ избѣжать заслуженнаго наказанія, прострѣлитъ себѣ голову, загладитъ этимъ безумнымъ поступкомъ свою вину? Нѣтъ, любезный! безчестный человѣкъ останется безчестнымъ, хотя бы онъ каждый день стрѣлялся; а повѣса не докажетъ, что онъ былъ порядочнымъ человѣкомъ, если, къ довершенію своихъ дурачествъ, умретъ какъ богоотступникъ и бездушный сынъ. Хорошій солдатъ не боится смерти: онъ долженъ быть неустрашимъ, но одно это еще не дѣлаетъ его достойнымъ уваженія: и разбойникъ Стенька Разинъ былъ храбрый человѣкъ, и ты, я думаю, видалъ совершенныхъ негодяевъ и подлецовъ, для которыхъ жизнь копѣйка. Впрочемъ,—продолжалъ графъ гораздо ласковѣе,—я знаю, ты не рожденъ, чтобъ быть какимъ-нибудь безпутнымъ сорванцомъ, ты могъ бы сдѣлаться полезнымъ и достойнымъ уваженія офицеромъ, если бы тебѣ ни вздумалось прослыть первымъ шалуномъ во всей дивизіи; да знаешь ли, что ты къ этому рѣшительно не способенъ! Тебя слишкомъ пугаетъ презрѣніе людей порядочныхъ; чтобъ сдѣлаться образцовымъ повѣсою, не надобно имѣть ни стыда, ни совѣсти, а въ тебѣ есть и то и другое. Записной негодяй сталъ бы хвастаться, что онъ прогуливался въ халатѣ, рука-объ-руку съ своимъ начальникомъ, а ты не хочешь пережить этого срама; нѣтъ! ты напрасно хлопочешь,—ты никогда не будешь первостатейнымъ негодяемъ. Послушайся меня, молодой человѣкъ, выкинь этотъ вздоръ изъ головы, веди себя лучше прежняго, не увлекайся дурными примѣрами; однимъ словомъ, будь тѣмъ, чѣмъ ты можешь и долженъ быть: этимъ только средствомъ ты загладишь вину свою и заслужишь

мое уваженіе, котораго ты до сихъ поръ вовсе не заслуживалъ. Не забывай никогда, что первый долгъ военнаго человѣка — свято и не разсуждая исполнять приказанія своихъ начальниковъ. Вы, молодые люди, рѣдко понимаете всю важность этой обязанности или, лучше сказать, христіанской добродѣтели, которую мы называемъ повиновеніемъ. Если бъ вы поболѣе разсуждали, то тотчасъ бы увидѣли, что это круговая порука, на которой основано благосостояніе всякаго общества; что мы всѣ болѣе или менѣе должны однихъ слушаться, а другимъ приказывать, и что тотъ, кто не умѣлъ повиноваться, не будетъ умѣть и повелѣвать. Прощай!

Тронутый до глубины сердца родительскимъ увѣщаніемъ и добротою своего начальника, молодой офицеръ вышелъ отъ него совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ далъ себѣ честное слово исправиться и, при помощи Божіей, сдержалъ его: пересталъ пить, играть въ карты и вести развратную жизнь; но онъ не могъ воротить прошедшаго, а быть-можетъ, примѣръ его былъ пагубенъ для многихъ. О! какъ эта мысль сокрушала его впослѣдствіи! Да, да! онъ не могъ ничѣмъ смыть этого чернаго пятна, которое осталось во всю жизнь на его совѣсти!.. Этотъ молодой офицеръ былъ я. Теперь вы видите, что я не даромъ называю моимъ благодѣтелемъ фельдмаршала графа Румянцева: по милости его я не погубилъ навѣки своей души, не уморилъ съ горя моихъ стариковъ, и даже, говоря мірскимъ языкомъ, сдѣлался изъ негоднаго повѣсы человѣкомъ порядочнымъ.

Я пробесѣдовалъ съ этимъ почтеннымъ старикомъ болѣе часу; его милое, простодушное обращеніе совершенно меня обворожило. Я также, въ свою очередь, сталъ ему разсказывать о себѣ, о моемъ настоящемъ положеніи, о моихъ надеждахъ, о Машенькѣ, однимъ словомъ, обо всемъ; не утерпѣлъ, чтобъ не похвастаться передъ нимъ моимъ богатствомъ, и даже вовсе не кстати, а такъ, какъ говорится, ни къ селу, ни къ

городу, объявилъ ему, что у меня въ карманѣ три тысячи рублей ассигнаціями, и что я совершенно воленъ располагать этими деньгами.

— Ну!—сказалъ старикъ, покачавъ головою, — не легко вамъ будетъ избѣжать дурныхъ знакомствъ. У васъ много простодушія, откровенности, а что всего опаснѣе, много лишнихъ денегъ и, если не ошибаюсь, охота смертная всѣмъ объ этомъ разсказывать. Теперь я вижу, вамъ рѣшительно не должно останавливаться въ трактирѣ: въ этихъ гостиницахъ живутъ иногда не одни проѣзжіе. У насъ въ Москвѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, есть разбойники, которыхъ изъ вѣжливости называютъ другимъ именемъ; они не живописцы, не скульпторы, не музыканты, а большіе художники, и живутъ рукодѣльемъ. Сохрани васъ Господи, попасться къ нимъ въ передѣлъ! Деньги ничего, если только вы отдадите ихъ даромъ; а вотъ, бѣда, когда вы промѣняете ваши тысячи на шампанское, къ которому васъ пріучатъ, на развратныя забавы, которыми станутъ разсѣивать ваше горе, и этотъ пагубный образъ мыслей, которымъ они постараются заглушить голосъ вашей дѣвственной совѣсти. Знáете ли что?.. Если вы хотите, я познакомлю васъ съ однимъ добрымъ моимъ пріятелемъ; у него отдаются въ наемъ три комнаты; кажется, онѣ теперь свободны. Домъ его у самыхъ Арбатскихъ воротъ, на веселомъ мѣстѣ и, я думаю, очень вамъ понравится. Этотъ старикъ и его жена люди набожные, смирные и такіе радушные, что, проживя у нихъ нѣсколько дней, вы вѣрно ихъ полюбите какъ родныхъ. Позвольте, я сейчасъ напишу къ нимъ записку.

Пока мой хозяинъ писалъ, я развернулъ большую рукописную книгу, которая лежала на столѣ: это было собраніе разныхъ изреченій и выписокъ изъ духовныхъ и философическихъ сочиненій.

— Вы смотрѣли мой сборникъ, —сказалъ старикъ, подавая мнѣ запечатанное письмо. — Въ немъ много есть хорошаго, и если вы дадите мнѣ слово хотя

изрѣдка посѣщать меня,—прибавилъ онъ съ улыбкою,—то я оставлю вамъ въ наслѣдство эту рукопись, только съ уговоромъ: не дѣлайте изъ нея мертваго капитала, а берите проценты, хоть самые маленькіе, по страничкѣ въ недѣлю;—право слюбится!

Мой Егоръ пришелъ доложить, что лошади готовы; я простился съ хозяиномъ, далъ слово навѣщать его и отправился къ Арбатскимъ воротамъ. Дорогою Егоръ сказалъ мнѣ, что онъ распросилъ у стараго слуги обо всемъ. Этотъ почтенный человѣкъ, мой первый московскій знакомецъ, назывался Яковомъ Сергѣевичемъ Луцкимъ, имѣлъ полковничій чинъ и жилъ небольшимъ пенсіономъ, который получилъ при отставкѣ. — Баринъ - то, говорятъ, очень добрый, — продолжалъ Егоръ,—только глуповатъ немного.

— Вотъ вздоръ какой!—прервалъ я.

— Нѣтъ, сударь, не вздоръ! Его старикъ-слуга поразсказалъ мнѣ такія диковинки, что и, Господи!.. Вѣдь ему досталось отъ отца и матери душъ двѣсти крестьянъ, да вотчины-то какія знатныя!.. Такъ чтожъ? отдалъ ихъ своей двоюродной сестрѣ да внучатному брату.—У нихъ, дескать, дѣтей много, а я одинъ-одинехонекъ, какъ перстъ! они дескать меня на старости не покинутъ.—Да! подставляй карманъ! И сестрица и братецъ живутъ теперь припѣваючи, а ему подчасъ перекусить нечего. Сначала присылали ему хлѣбца, крупъ, того-другого, да какъ узнали, что онъ все чужимъ людямъ раздаетъ, такъ и полно!—Что, дескать, ему давать, коли впрокъ нейдетъ? глупому сыну не въ помощь богатство. А вѣдь какой мотоватый! Чуть завелась лишняя копѣйка, такъ онъ ее и по-боку! Кто ни попроси, всякому дастъ. То-то и есть, сударь! дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а ума-то видно не нажилъ.

Напрасно мой Егоръ истощалъ свое краснорѣчіе: я даже не потрудился сказать ему, что онъ вретъ; все вниманіе мое было обращено на великолѣпную панораму, которая постепенно развертывалась передъ моими глазами. Вотъ *городъ* съ своими безконечными

рядами, вотъ знаменитая Красная площадь съ своимъ Лобнымъ мѣстомъ и дивнымъ храмомъ Василія Блаженнаго, этимъ архитектурнымъ капризомъ, въ которомъ попраны всѣ правила искусства, въ которомъ все дико, тяжело и даже безобразно; но который, несмотря на это, поражаетъ васъ невольнымъ удивленіемъ. Вотъ безмолвные свидѣтели и славы и бѣдствій нашей родины, высокія стѣны Кремля, огромныя башни, соборы, Иванъ-Великій и древніе чертоги царей русскихъ. Мы въѣхали въ Кремль Спасскими воротами. Восторгъ мой удвоился, когда, поровнявшись съ Архангельскимъ соборомъ, я взглянулъ прямо внизъ по скату Кремлевской горы: передо мной тихо струилась свѣтлая рѣка; направо она бушевала и пѣнилась подъ тяжелыми сводами *Каменнаго* моста, вдали за нимъ сверкали позлащенныя главы Донской обители, еще далѣе подымались увѣнчанныя рощами Воробьевы горы. Прямо за рѣкою разстилалось покрытое церквами обширное Замоскворѣчье; налѣво, по изгибистому берегу рѣки, тянулись: стѣна Китай-города, огромный Воспитательный домъ, и взоръ упирался въ высокій унизанный домами холмъ, у подошвы котораго рѣчка Яуза впадаетъ въ Москву-рѣку. Я недолго любовался этимъ очаровательнымъ видомъ: мы спустились Боровицкими воротами на Неглинную. Боже мой! какой переполохъ!.. Я заткнулъ носъ, зажмурилъ глаза!.. Говорятъ, теперь это одна изъ лучшихъ частей города. Тамъ, гдѣ прежде мутный и зловонный ручей пробирался медленно по грязному дну заваленнаго нечистотою оврага, теперь цвѣтутъ роскошные сады; вмѣсто запачканныхъ безобразныхъ лавокъ, возвышаются красивые дома, выстроенный подъ одну кровлю желѣзный рядъ и огромнѣйшій въ мірѣ манежъ, или экзерциръ-гаузъ, который, по необъятной величинѣ своей, можетъ назваться крытой площадью, а по изящной наружности прекраснымъ и великолѣпнымъ зданіемъ.

Построенный на высокомъ мѣстѣ противъ самаго Кремля трехъ-этажный домъ съ бельведеромъ поми-

рилъ меня опять съ Москвою. Я думаю, знаменитый Петергофскій водометъ Самсона не столько бы удивилъ меня теперь, какъ удивлялся я тщедушнымъ фонтанчикамъ, которые били изъ бассейновъ, украшавшихъ садъ этого дома. Толпы зѣвакъ стояли у желѣзной рѣшетки и съ нѣмымъ восторгомъ любовались и на эти трехъ-аршинные фонтаны колодезной воды и на бѣлоснѣжныхъ лебедей, которые плавали или, лучше сказать, кружились на одномъ мѣстѣ въ небольшихъ бассейнахъ изъ дикаго камня. Черезъ нѣсколько минутъ мы доѣхали до Арбатскихъ воротъ, то-есть до того мѣста, гдѣ нѣкогда въ стѣнѣ, окружавшей Бѣлый городъ, были Арбатскія вороты. Мнѣ не трудно было отыскать домъ купца Правикова. Онъ принялъ меня очень ласково и, прочитавъ письмо своего пріятеля, тотчасъ отвелъ мнѣ три чистенькія комнаты, убранныя весьма опрятно и снабженныя всѣмъ нужнымъ для холостого хозяйства. Яковъ Сергѣевичъ Луцкій сказалъ правду: хозяева мои были люди истинно добрые, и я, проживъ въ ихъ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ съ ними свыкся и такъ полюбилъ ихъ, что мнѣ и въ голову не приходило искать себѣ другой квартиры, до тѣхъ поръ, пока я не встрѣтился съ этимъ... Ну, воля ваша, и теперь не знаю, какъ *его* назвать!— Мнѣ не хочется, чтобъ вы смѣялись надо мною, любезные читатели, а назвать его человѣческимъ именемъ я, право, не могу.

Здѣсь долженъ я предувѣдомить читателей, что первые два года и шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Москвѣ, не заключаютъ въ себѣ ничего любопытнаго, слѣдовательно о нихъ и говорить нечего. Конечно, описанія и самыхъ обыкновенныхъ приключеній человѣка знаменитаго имѣютъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть и возбуждаютъ въ высочайшей степени наше любопытство; мы съ удовольствіемъ читаемъ, что Фридрихъ Великій нюхалъ испанскій табакъ, а Наполеонъ любилъ носить бѣлое исподнее платье и не терпѣлъ духовъ; что лордъ Байронъ во-

зилъ съ собою пѣтуха и обезьяну, а Вольтеръ принималъ своихъ гостей въ халатѣ,—все это чрезвычайно какъ занимательно; но я человѣкъ самый обыкновенный, и подробное описаніе моего домашняго быта, образъ мыслей и занятій, вѣроятно не будетъ забавно даже и для самыхъ снисходительныхъ читателей; и потому, для соблюденія необходимой связи между происшествіями, я полагаю достаточнымъ сказать только нѣсколько словъ объ этихъ двухъ съ половиною годахъ, проведенныхъ мною въ Москвѣ. Я не успѣлъ познакомиться съ Алексѣемъ Семеновичемъ Днѣпровскимъ, который вмѣстѣ съ женою отправился прямо изъ своей подмосковной за границу. По милости рекомендательныхъ писемъ моего опекуна, я очень скоро былъ помѣщенъ въ число чиновниковъ, служащихъ въ канцеляріи московскаго главнокомандующаго. Около года я жилъ весьма уединенно: бывалъ каждый день въ должности, почти всегда обѣдалъ дома и очень любилъ ѣздить въ театръ, а особливо, когда давали «Отца семейства», «Графа Вальтрона», «Эмилію Галотти» и другія чувствительныя драмы, въ которыхъ Плавильщиковъ приводилъ меня въ ужасъ, а Померанцевъ заставлялъ плакать какъ ребенка. Сначала знакомыхъ было у меня очень мало, потомъ число ихъ стало умножаться примѣтнымъ образомъ, и я къ концу второго года попалъ въ кругъ молодыхъ людей, хотя принадлежащихъ къ самому лучшему обществу, но которыхъ правила и образъ мыслей перепугали бы до смерти моего добраго опекуна. Ихъ веселая и разгульная жизнь, ихъ забавы, удовольствія и даже самые пороки были такъ плѣнительны, такъ любезны!..

Буйная компанія распутной и необразованной молодежи никогда не была для меня опасною: порокъ въ безобразной наготѣ своей казался для меня всегда отвратительнымъ, но прикрытый блестящимъ покровомъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, остроумный и раздушеный, усыпанный цвѣтами, онъ незамѣтнымъ образомъ вкрадывался въ мою душу. Я не имѣлъ понятія

о какомъ-нибудь *полынъковомъ* винѣ, и вѣрно бы не отличилъ хорошаго рома отъ скверной французской водки; но зато очень любилъ шампанское и никогда не смѣшивалъ шатомарго съ лафитомъ, не сталъ бы ни за что проигрывать деньги на трактирномъ биліардѣ, но зналъ однакожъ, сколько надобно загнуть угловъ, чтобъ поставить на десять кушей съ транспортомъ; не гонялся подъ вечеръ на Тверскомъ бульварѣ за каждымъ хорошенькимъ личикомъ, не заглядывалъ подъ шляпки; но, несмотря на мою любовь къ Машенькѣ, начиналъ понемногу убѣждаться, что вѣрность вовсе не мужская добродѣтель и что для мужчины довольно и того, когда онъ *постояненъ;* однимъ словомъ, если я не привыкъ пить шампанское какъ воду, не сталъ игрокомъ и не сдѣлался вовсе недостойнымъ любви моей невѣсты, то, конечно, былъ обязанъ за это не столько прежнему моему воспитанію, сколько дружескимъ совѣтамъ и наставленіямъ Луцкаго, котораго, несмотря на мою разсѣянную жизнь, я посѣщалъ довольно часто.

Теперь я долженъ сообщить моимъ читателямъ одно письмо, которое, по содержанію своему, принадлежитъ къ этой первой половинѣ моего разсказа. Какимъ образомъ это письмо, писанное къ женщинѣ совершенно мнѣ незнакомой, попалось мнѣ въ руки, за нѣсколько мѣсяцевъ до моего отъѣзда изъ Москвы, на это отвѣчать можетъ только тотъ, кто мнѣ его отдалъ. Конечно, я догадываюсь, что *ему* вовсе не трудно было достать его изъ шифоньерки, или бюро, въ которомъ оно хранилось—*онъ* подчасъ и не такія чудеса дѣлаетъ,—да знаю напередъ, что мои догадки покажутся невѣроподобными, и потому совѣтую вамъ, любезные читатели, потрудиться самимъ придумать что-нибудь, и, если можно, изъяснить это естественнымъ образомъ; а лучше всего вовсе объ этомъ не думать.

Вотъ это письмо:

«Ахъ, Лиза, Лиза! Ахъ, другъ мой!.. что ты сдѣлала со мною?.. Ты не хотѣла вѣрить моимъ пред-

чувствіямъ—ты называла ихъ дурачествомъ, сумасшествіемъ... Послушай! Помнишь ли ты, когда два года тому назадъ, гуляя съ тобою въ слободскомъ саду, я разсказала тебѣ мой сонъ?—Ты улыбалась, когда я говорила тебѣ, что этотъ идеалъ красоты, созданный моею душою, существуетъ, что онъ являлся мнѣ во снѣ и неизъяснимо пріятнымъ голосомъ шепталъ: Надина, мы встрѣтимъ другъ друга!—Ты умирала со смѣха, когда я описывала тебѣ его голубые, блестящіе глаза, его темнорусыя шелковыя кудри, этотъ мужественный, исполненный задумчивости взоръ;—ты называла меня мечтательницею, и когда Днѣпровскій предложилъ мнѣ свою руку, ты первая была за него. Ни воля отца моего, ни желаніе всѣхъ родныхъ, ничто не заставило бы меня согласиться быть его женою; я не могла только устоять противъ тебя. Что ты дѣлаешь, Надина?—говорила ты мнѣ;—отказать человѣку умному, любезному и богатому, который истинно тебя любитъ, и отказать ему для того только, чтобъ не измѣнить какому-то мечтательному существу, которое ты видѣла во снѣ и съ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, ты никогда не встрѣтишься. Никогда — Боже мой!.. Лиза, другъ мой, я его видѣла! — Да! я его видѣла!.. Кто онъ?—Куда ѣхалъ?—Увижу ли его опять?—не знаю; но онъ существуетъ, этотъ идеалъ, который ты называла мечтою! — Мы встрѣтились, мы нашли другъ друга!

Я часто говорила тебѣ, что сердце мое спокойно,—ты этому радовалась. Ахъ, Лиза, Лиза! спокойно!—и мертвые спокойны, мой другъ! Вчера оно въ первый разъ забилось снова въ груди моей. Мой мужъ, отправляясь съ визитомъ къ одному изъ сосѣдей, уговорилъ меня ѣхать верхомъ. Утро было прекрасное, но, несмотря на это, я съ трудомъ согласилась исполнить его желаніе; не знаю, какое-то темное предчувствіе опасности, какая-то грусть наполняла мое сердце. Вотъ я выѣхала изъ рощи, гляжу—на большой дорогѣ ѣдетъ шагомъ откидная кибитка, передъ нею идетъ

какой-то мужчина высокаго роста, въ дорожномъ платьѣ... Увидѣвъ меня, онъ остановился; я стала переѣзжать черезъ дорогу—взоры наши встрѣтились... Праведный Боже!—это онъ!.. Вотъ эти давно знакомыя черты, этотъ задумчивый взглядъ, эта плѣнительная улыбка!.. Я прочла въ глазахъ его и удивленіе и радость... Казалось, онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ... но я не остановилась, проѣхала мимо, и этотъ второй сонъ исчезъ какъ первый... О, Лиза, Лиза! я не сомнѣваюсь: онъ также искалъ меня, — онъ вѣрно свободенъ... а я!..

Прощай, мой другъ!—Мы послѣзавтра отправляемся за границу:—третьяго дня эта мысль приводила меня въ восторгъ, а теперь... О, нѣтъ! не вѣрь мнѣ!.. я и теперь радуюсь этому. Думать, мечтать о немъ я могу вездѣ; но быть съ нимъ вмѣстѣ, видѣть его, слышать его голосъ и не забыть, что я принадлежу другому,—о, это невозможно!.. Нѣтъ, Лиза, нѣтъ!.. твоя Надина можетъ быть несчастлива, но преступною никогда не будетъ».

NB. Ахъ, мой другъ! какъ хорошо написанъ «*Островъ Борнгольмъ!*»—Какой слогъ!.. Какая истина!.. Прочти эту повѣсть: она разогрѣетъ и твое холодное сердце...

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ!

О, какъ это справедливо!—Милый Карамзинъ!»

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

КОЛОМЕНСКОЕ.

Насъ было пятеро. Обо мнѣ говорить нечего; но я долженъ сказать нѣсколько словъ о моихъ товарищахъ. Первый: сіятельный сослуживецъ мой, Григорій Владиміровичъ Двинскій, московскій природный князь; русскій—не русскій, французъ—не французъ, а такъ, существо какого-то средняго рода, впрочемъ, острый малый, избалованный женщинами повѣса, большой шалунъ, но только самаго хорошаго тона. Второй: Антонъ Антонычъ фонъ-Нейгофъ, магистръ Дерптскаго университета, ипохондрикъ, ужасный чудакъ, послѣдователь мистической школы Сведенборга, фанатикъ, мечтатель, всегда живущій въ какомъ-то невещественномъ мірѣ, отъявленный защитникъ всѣхъ алхимиковъ, астрологовъ, духовидцевъ, и даже извѣстнаго обманщика, итальянца Каліостро. Третій: капитанъ Архаровскаго полка, Андрей Андреевичъ Возницынъ, человѣкъ не больно грамотный, но честный, простодушный и веселый малый; и, наконецъ, четвертый: Василій Дмитричъ Закамскій, очень умный и замѣчательный молодой человѣкъ. Онъ много путешествовалъ и только-что воротился изъ чужихъ краевъ; но это

вовсе не расхолодило его чистую и просвѣщенную любовь къ отечеству. Встрѣчая дурное на своей родинѣ, онъ горевалъ, а не радовался, не спѣшилъ указывать пальцемъ на каждое черное пятно и не щеголялъ передъ иностранцами своимъ презрѣніемъ къ Россіи. Совершенно чуждый этой исключительной и хвастливой любви къ отечеству, которою гордились нѣкогда наши предки, онъ любилъ все прекрасное, какому бы народу оно ни принадлежало; но только прекрасное *свое* радовало еще болѣе его сердце; а онъ находилъ это прекрасное и въ своемъ отечествѣ, потому что не искалъ въ немъ одного дурного. Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ, несмотря на свое европейское просвѣщеніе, вовсе не походилъ на этихъ жалкихъ проповѣдниковъ европеизма, для которыхъ все сряду хорошо чужое и все безъ исключенія дурно свое. Онъ живетъ теперь въ моемъ сосѣдствѣ. Сколько разъ, читая вмѣстѣ со мною какую-нибудь новую выходку противъ русскихъ художниковъ и писателей, онъ смѣялся отъ всей души надъ пустословіемъ и безсильной злобою этихъ грозныхъ судей, которые стараются изъ-за угла забросать всѣхъ своей природной грязью. Бѣдные мученики!—говоритъ онъ всегда,—ну изъ-за чего они хлопочутъ? Ихъ имена или исчезнутъ вмѣстѣ съ ними, или передадутся потомству какъ условныя названія скупыхъ и лицемѣровъ, оставленныя въ наслѣдство нашему вѣку безсмертнымъ Мольеромъ, который, къ сожалѣнію, не успѣлъ заклеймить никакимъ общимъ и позорнымъ названіемъ этихъ литературныхъ трутней, оскверняющихъ все своимъ прикосновеніемъ.

Время было прекрасное; несмотря на то, что дѣло шло ужъ къ осени, и что у насъ сентябрь мѣсяцъ почти всегда *смотритъ сентябремъ*, день былъ жаркій, на небѣ ни одного облачка, и самый пріятный, лѣтній вѣтерокъ чуть-чуть колебалъ осенній листъ на деревьяхъ; мы всѣ согласились ѣхать въ Коломенское; хотя это историческое село, которое долго почиталось колыбелью Петра Великаго, не далѣе пяти верстъ отъ

заставы, но мнѣ не удалось еще побывать въ немъ ни разу. Сначала древняя церковь Вознесенья и разбросанные кой-гдѣ остатки знаменитыхъ Коломенскихъ чертоговъ, которымъ нѣкогда дивились послы и гости иноземные, обратили на себя все мое вниманіе; но когда мы обошли временныя палаты, построенныя Екатериною Второй, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину возвышались шести-ярусные терема, и красивыя вышки любимаго потѣшнаго дворца царя Алексѣя Михайловича, то очаровательный видъ окрестностей села Коломенскаго заставилъ меня забыть все. Внизу, у самой подошвы горы, на которой мы стояли, изгибалась Москва-рѣка; за нею, среди роскошныхъ поемныхъ луговъ, подымались стѣны и высокая колокольня Перервинской обители; далѣе обширныя поля, покрытыя нивою, усѣянныя селами, рощами и небольшими деревушками. Верстъ на десять кругомъ взоръ не встрѣчалъ никакой преграды: онъ обѣгалъ свободно этотъ обширный, ни чѣмъ не заслоняемый горизонтъ, который, казалось, не имѣлъ никакихъ предѣловъ.

— Какой очаровательный видъ!—вскричалъ я;—да это прелесть! И я живу третій годъ въ Москвѣ, а не бывалъ здѣсь ни разу?

— То-то и есть,—подхватилъ Вознидынъ;—мы видно всѣ на одинъ покрой: ѣздимъ за тридевять земель, чтобъ посмотрѣть на что-нибудь хорошее, а не видимъ его, когда оно близехонько у насъ подъ носомъ.

— Да неужели ты думаешь,—сказалъ съ улыбкою князь Двинскій,—что этотъ обыкновенный и пошлый видъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ? Небольшая горка, ничтожная рѣка, монастырь, въ которомъ строеніе не греческое, не готическое, не азіятское, а Богъ знаетъ какое, нѣсколько десятинъ луговъ и сотни двѣ разбросанныхъ по полю безобразныхъ избъ—ну, есть чѣмъ любоваться!.. Охъ, вы, господа русскіе!.. Вамъ все въ диковинку!

— Русскіе!—повторилъ Вознидынъ.—А ваше сіятельство французъ что ль?

— Не французъ, а побольше вашего видѣлъ. Посмотрѣли бы вы Швейцарію...

— Да къ чему тутъ Швейцарія?—сказалъ Закамскій;—и что общаго между альпійскими горами и берегомъ Москвы-рѣки? Конечно и въ Саксоніи множество видовъ лучше этого...

— Ну, вотъ слышите!—закричалъ князь.

— Да только это ничего не доказываетъ,—продолжалъ Закамскій;—и въ чужихъ краяхъ, и въ самой Россіи есть мѣстоположенія гораздо красивѣе; но и этотъ веселый сельскій видъ весьма пріятенъ и я всякій разъ имъ любуюсь.

— Изъ патріотизма!—сказалъ Двинскій съ насмѣшливой улыбкою.

— Да погляди кругомъ, князь! Развѣ это дурно?

— Конечно не дурно, потому что у насъ нѣтъ ничего лучше...

— Вокругъ Москвы? быть-можетъ! Но поѣзди по Россіи...

— Нѣтъ, ужъ я лучше останусь въ Москвѣ. Послушай, фонъ-Нейгофъ,—вѣдь ты философъ,—скажи: не правда ли, что изъ двухъ золъ надобно выбирать то, которое полегче?

— Неправда! – отвѣчалъ магистръ.—Гдѣ болѣе зла, тамъ болѣе и борьбы; а гдѣ борьба, тамъ есть и побѣда.

— Вотъ еще что выдумалъ!—вскричалъ Возницынъ;—а если я не хочу бороться?

— Не хочешь! да вся наша жизнь есть ничто иное какъ продолжительная борьба, и чѣмъ геніальнѣе человѣкъ, тѣмъ эта борьба для него блистательнѣе. Развитіе душевныхъ силъ есть необходимое слѣдствіе...

— Бога ради!—прервалъ князь,—не давайте ему говорить, а не то онъ перескажетъ намъ Эккартсгаузена отъ доски до доски.

— Не смѣйся, князь!—сказалъ Закамскій,—нашъ пріятель Нейгофъ говоритъ дѣло; да вотъ, напримѣръ, не всю ли жизнь свою боролся съ невѣжествомъ этотъ

необычайный геній, который родился здѣсь въ селѣ Коломенскомъ?

— Неправда!—прервалъ Нейгофъ —Историкъ Миллеръ доказалъ неоспоримыми доводами, что Петръ Великій родился въ Кремлѣ.

— Быть-можетъ,—продолжалъ Закамскій;—только здѣсь, въ Коломенскомъ, онъ провелъ почти все свое дѣтство. Здѣшній садовникъ, Осипъ Семеновъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ частехонько игралъ и бѣгалъ съ нимъ по саду.

— Какой вздоръ!—подхватилъ Возницынъ.—Сколько же лѣтъ этому садовнику?

— Да только сто двадцать четыре года [1]).

— Miséricorde!—закричалъ князь;—сто двадцать четыре года!.. Да развѣ можно прожить сто двадцать четыре года?

— Видно что можно.

— Ахъ, батюшки!.. Сто двадцать четыре года!.. Ну, если мой дядя... Да нѣтъ, нынче не живутъ такъ долго.

— А ты вѣрно наслѣдникъ?—спросилъ Возницынъ.

— Единственный и законный,—отвѣчалъ князь, вынимая свои золотые часы съ репетиціею.—Господа!—продолжалъ онъ,—половина второго; теперь порядочные люди въ городѣ завтракаютъ, а мы въ деревнѣ, такъ не пора ли намъ обѣдать?

— А гдѣ мы обѣдаемъ?—спросилъ Закамскій.

— Разумѣется здѣсь, на открытомъ воздухѣ! —отвѣчалъ Возницынъ.—Я велѣлъ моему слугѣ приготовить все—вонъ тамъ внизу, въ рощѣ.

— Какъ! въ этомъ оврагѣ?—сказалъ князь.

— Такъ чтожъ? тамъ гораздо лучше; здѣсь печетъ солнцемъ, а тамъ, посмотрите, какая прохлада; что дерево, то шатеръ,—вѣкъ солнышко не заглядывало.

Мы всѣ отправились за Возницынымъ, прошли шаговъ сто по узенькой тропинкѣ, которая вилась

---

[1]) Этотъ старикъ умеръ въ 1801 году.

между кустовъ, и непримѣтнымъ образомъ очутились на днѣ поросшаго лѣсомъ оврага, или, лучше сказать, узкой долины, которая опускалась пологимъ скатомъ до самаго берега Москвы-рѣки. Колоссальные кедры, пихты, вязы и липы покрыли насъ своей непроницаемой тѣнью; кругомъ все дышало прохладою, и приготовленный на крестьянскомъ столѣ обѣдъ ожидалъ насъ подъ навѣсомъ огромной липы, въ дуплѣ которой можно было въ случаѣ нужды спрятаться отъ дождя. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь хорошо! — сказалъ Двинскій, садясь за столъ;—совсѣмъ другой воздухъ; жаль только, что эту рощу не держатъ въ порядкѣ: она вовсе запущена.

— А мнѣ это-то и нравится,—прервалъ Нейгофъ.—Неужели вамъ еще не надоѣли эти чистыя, укатанныя дорожки и гладкій дернъ, на которомъ ни одна травка не смѣетъ расти выше другой? Признаюсь, господа, эта нарумяненная, затянутая въ шнуровку природа, которую мы, какъ модную красавицу, одѣваемъ по картинѣ,—мнѣ вовсе не по-сердцу; я люблю дичь, просторъ, раздолье...

— А эти полусгнившія, уродливыя деревья также тебѣ нравятся?—спросилъ князь.

— Прошу говорить о нихъ съ почтеніемъ! — прервалъ Закамскій;—они живые памятники прошедшаго. Быть-можетъ, подъ самой этой липой отдыхали въ знойный день цари: Алексѣй Михайловичъ и отецъ его, Михаилъ Ѳеодоровичъ; быть-можетъ, подъ тѣнью этого вяза Іоаннъ Васильевичъ Грозный бесѣдовалъ съ любимцемъ своимъ Малютою Скуратовымъ, и пилъ холодный медъ изъ золотой стопы, которую подносилъ ему съ низкимъ поклономъ будущій правитель, а потомъ и царь Русскій, Борисъ Годуновъ.

— Все это хорошо, — сказалъ князь, принимаясь за ѣду;—а попробуйте-ка этотъ паштетъ: онъ, право, еще лучше.

Когда мы наѣлись до-сыта и выпили рюмки по двѣ шампанскаго, фонъ-Нейгофъ закурилъ свою трубку,

а мы всѣ улеглись на травѣ и начали разговаривать между собою.

— Закамскій!—сказалъ князь,—знаешь ли, кого я вчера видѣлъ—отгадай!

— Почему мнѣ знать? ты знакомъ со всей Москвою.

— Какъ она похорошѣла, какъ мила! Она спрашивала о тебѣ, и даже очень тобою интересовалась. Ты вѣрно къ ней поѣдешь?

— Непремѣнно, если ты скажешь, кто она.

— Отгадай; ты видѣлся съ нею въ послѣдній разъ два года тому назадъ... Мы оба познакомились съ нею въ Вѣнѣ... Ее зовутъ Надиною... Ну, отгадалъ?

— Неужели?.. Днѣпровская?..

— Она.

— Такъ она пріѣхала изъ чужихъ краевъ? Давно ли?

— Около мѣсяца. Помнишь въ Карлсбадѣ этого англичанина, который влюбился въ нее по-уши?

— Какъ не помнить.

— Помнишь, какъ онъ каждое утро являлся къ ней съ букетомъ цвѣтовъ?

— Который она всякій разъ при немъ же отдавала мужу.

— Бѣдный Джонъ-Буль чуть-чуть не умеръ съ горя.

— Мнѣ помнится, князь, и ты былъ немножко влюбленъ въ эту красавицу.

— Да, сначала! Но это скоро прошло. Цѣлыхъ двѣ недѣли я ухаживалъ за нею, потомъ мы изъяснились, и она...

— Признала тебя своимъ побѣдителемъ?

— Нѣтъ, Закамскій, предложила мнѣ свою дружбу.

— Бѣдненькій!

— Да! это была довольно грустная минута.

— И ты не взбѣсился, не сошелъ съ ума, не заговорилъ какъ отчаянный любовникъ?

— Pas si bête, mon cher! я не привыкъ хлопотать изъ пустого.

— Ага, князь! такъ ты встрѣтилъ, наконецъ, женщину, которая умѣла вскружить тебѣ голову и остаться вѣрною своему мужу.

— Своему мужу! Вотъ вздоръ какой! Да кто тебѣ говорилъ о мужѣ?

— Право! Такъ это еще досаднѣе. И ты знаешь твоего соперника?

— О, нѣтъ! я знаю только, что она скрываетъ въ душѣ своей какую-то тайную страсть; но кого она любитъ, кто этотъ счастливый смертный, этого я никакъ не могъ добиться. А надобно сказать правду, что за милая женщина! Какое живое, шипучее воображеніе! Какая пламенная голова! Какой умъ, любезность!.. въ Карлсбадѣ никто не хотѣлъ вѣрить, что она русская?

— Постойте-ка! — сказалъ я, — Днѣпровская?.. Не жена ли она Алексѣя Семеновича Днѣпровскаго?

— Да! А развѣ ты его знаешь?

— У меня есть къ нему письмо отъ моего опекуна.

— Теперь ты можешь отдать его по адресу.

— Не поздно ли? Оно писано слишкомъ два года назадъ. Да и къ чему мнѣ заводить новыя знакомства? я и такъ не успѣваю визиты дѣлать.

— Что, Нейгофъ, молчишь?—сказалъ Закамскій.— Я вижу, ты любуешься этими деревьями?

— Да! — отвѣчалъ магистръ, вытряхивая свою трубку,—я люблю смотрѣть на этихъ маститыхъ старцевъ природы: безмолвные свидѣтели давно прошедшаго, они оживляютъ въ моей памяти минувшіе вѣка; глядя на нихъ, я невольно переношусь изъ нашего прозаическаго вѣка, въ которомъ безвѣріе и положительная жизнь убиваетъ все, въ эти счастливые вѣка чудесъ, очарованій—плѣнительной поэзіи...

— И немытыхъ рожъ, —подхватилъ князь,—небритыхъ бородъ, варварства, невѣжества и скверныхъ лачугъ, въ которыхъ всѣ первобытные народы отдыхали по-уши въ грязи, если не дрались другъ съ другомъ за кусокъ хлѣба.

— Не правда ли, Закамскій, — продолжалъ Нейгофъ, не обращая никакого вниманія на слова Двинскаго,—здѣсь можно совершенно забыть, что мы такъ близко отъ Москвы?—Какая дичь! Какой сумракъ подъ тѣнью этихъ вѣтвистыхъ деревъ! Я думаю, что заповѣданные лѣса друидовъ, ихъ священныя дубравы, не могли быть ни таинственнѣе, ни мрачнѣе этой рощи.

— Я видѣлъ въ Богеміи, — сказалъ Закамскій, — одну глубокую долину, которая чрезвычайно походитъ на этотъ оврагъ; она только несравненно болѣе и оканчивается не рѣкою, а небольшимъ озеромъ. Тамошніе жители разсказывали мнѣ про эту долину такія чудеса, что у меня отъ страха и теперь еще волосы на головѣ дыбомъ становятся. Говорятъ, въ этой долинѣ живетъ какой-то лѣсной духъ, котораго всѣ записные стрѣлки и охотники признаютъ своимъ покровителемъ. Онъ одѣтъ егеремъ, и когда ходитъ по лѣсу, то ровенъ съ лѣсомъ.

— Эка диковинка!—прервалъ Возницынъ;—это просто лѣшій.

— Они, кажется, называютъ его вольнымъ стрѣлкомъ и говорятъ, что будто бы онъ умѣетъ лить пули, изъ которыхъ шестьдесятъ попадаютъ въ цѣль, а четыре бьютъ въ сторону.

— Надобно сказать правду,—подхватилъ князь,—Германія классическая земля всѣхъ нелѣпыхъ сказокъ.

— Не всѣ народныя преданія можно называть сказками,—прошепталъ сквозь зубы магистръ.

— Бьюсь объ закладъ,—продолжалъ князь,—нашъ премудрый магистръ былъ вѣрно въ этой долинѣ.

— Да, точно былъ. Такъ чтожъ?

— И, безъ всякаго сомнѣнія, познакомился съ этимъ лѣснымъ духомъ?

— Почему ты это думаешь?

— А потому, что ты большой мастеръ лить пули.

— Славный каламбуръ! Ну, чтожъ вы, господа, не смѣетесь? Потѣшьте князя!

— Послушай, Нейгофъ,—сказалъ князь,—я давно

сбираюсь поговорить съ тобою не-шутя. Скажи мнѣ пожалуйста, неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь этимъ народнымъ преданіямъ?

— Не всѣмъ.

— Не всѣмъ! Такъ поэтому нѣкоторыя изъ нихъ кажутся тебѣ возможными?

— Да.

— Помилуй, мой другъ! ну, можно ли въ нашъ вѣкъ вѣрить чему-нибудь сверхъестественному?

— Кто ничему не вѣритъ,—сказалъ важнымъ голосомъ магистръ,—тотъ поступаетъ также неблагоразумно, какъ и тотъ, кто вѣритъ всему.

— Полно дурачиться, братецъ! Ну, можетъ ли быть, чтобъ ты, человѣкъ образованный, ученый, почти профессоръ философіи, вѣрилъ такимъ вздорамъ?

Нейгофъ затянулся; дымъ повалилъ столбомъ изъ его краснорѣчивыхъ устъ, и онъ, взглянувъ почти съ презрѣніемъ на князя, сказалъ:—Видѣлъ ли ты, Двинскій, прекрасную комедію фонъ-Визина «Недоросль»?

— Не только видѣлъ, мой другъ, но даже читалъ, и сердцемъ сокрушался, что я читать учился: площадная комедія!

— Не объ этомъ рѣчь: тамъ, между прочимъ, сказано: «въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, что не знаешь».

— Фу, какая сентенція! Ужъ не на мой ли счетъ?

— Не прогнѣвайся.

— Такъ по-твоему, любезный другъ, тотъ невѣжда, кто не вѣритъ, что есть вѣдьмы, черти, домовые, кол дуны...

— Не знаю, есть ли вѣдьмы, — прервалъ Возницынъ; — это что-то невѣроподобно, и домовымъ я не больно вѣрю; а колдуны есть, точно есть.

— Такъ ужъ позволь быть и вѣдьмамъ, — сказалъ съ усмѣшкою князь;—за что ихъ бѣдныхъ обижать.

— Смѣйся, смѣйся, братецъ! а колдуны точно есть; въ этомъ меня никто не переувѣритъ: я видѣлъ самъ своими глазами...

— Неужели?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Да, любезный! Это было лѣтъ десять тому назадъ; я служилъ тогда въ Нашембургскомъ полку, который стоялъ въ Рязанской губерніи. Вы, я думаю, слыхали о полутатарскомъ городѣ Касимовѣ? Въ этомъ-то городѣ я видѣлъ одного татарина, который слылъ по всему уѣзду престрашнымъ колдуномъ и знахаремъ; про него и Богъ вѣсть что разсказывали. Вотъ, однажды, я согласился съ товарищами испытать его удали. Позвали татарина, поставили ему штофъ вина; проклятый басурманъ въ два глотка его опорожнилъ и пошелъ на штуки. Подали ему рѣдьку; онъ пошепталъ надъ нею, — рѣдька почернѣла какъ уголь. Я спросилъ его, отгадаетъ ли онъ, что дѣлается теперь съ моимъ братомъ, отставнымъ полковникомъ, который жилъ у себя въ деревнѣ. Я только-что получилъ отъ него извѣстіе, что онъ помолвленъ на дочери своего сосѣда. Колдунъ сказалъ, чтобъ ему подали мое полотенце, сталъ на него смотрѣть, пошепталъ что-то, да и говоритъ, что братъ мой подрался въ кабакѣ и сидитъ теперь въ острогѣ. Вотъ мы всѣ такъ и лопнули со смѣху; да не долго посмѣялись: на повѣрку вышло, что мой деньщикъ, Антонъ, подалъ ошибкою, вмѣсто моего полотенца, свое; а у него дѣйствительно родной братъ за драку въ питейномъ домѣ попалъ въ острогъ, и Антонъ получилъ объ этомъ на другой день письмо отъ своей матери. Но послѣдняя-то штука этого колдуна болѣе всего насъ удивила; у меня была лягавая собака, такая злая, что всѣ ее прозвали недотрогою; кромѣ меня никто не смѣлъ не только ее погладить, да и близко-то подойти. Чтожъ вы думаете сдѣлалъ татаринъ? Онъ поднялъ соломенку и уставилъ ее противъ моего Трувеля. Батюшки мои, какъ стало его коверкать! Онъ началъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, визжать, грянулся о-земь и поднялъ такой ревъ, какъ будто бы его въ три кнута жарили; а какъ татаринъ бросилъ соломенку, такъ онъ, поджавши хвостъ, кинулся благимъ матомъ вонъ, забился подъ крыльцо, и я насилу.

насилу, часа черезъ два, его оттуда выманилъ. Ну, что, господа, чай, это все было спроста? Небось, скажете—фортель?

— Да, это странно!—прошепталъ Закамскій.

— Обманъ!—закричалъ князь.

— Нѣтъ, не обманъ,—прервалъ Нейгофъ,—а просто магнетизмъ.

— А что такое магнетизмъ?—спросилъ Двинскій.

— Что такое магнетизмъ? Да развѣ ты никогда не слыхалъ о Месмерѣ?

— Постой, постой!.. Месмеръ... да, да, знаю! Это такой же шарлатанъ и обманщикъ, какъ графъ Сентъ-Жерменъ, Каліостро, Пинетти...

— Фуй!..—сказалъ магистръ,—какъ тебѣ не стыдно, князь!.. Пинетти!.. фокусникъ, который показываетъ свои штуки за деньги...

— А, чай, эти господа показывали ихъ даромъ?

— Они были люди необыкновенные, князь, а особливо графъ Сентъ-Жерменъ...

— Хорошъ, голубчикъ!—прервалъ Двинскій;—онъ былъ еще безстыднѣе Каліостро: тотъ намекалъ только о своей древности, а этотъ говорилъ не шутя, что онъ былъ коротко знакомъ съ Юліемъ Цезаремъ, что, несмотря на свою пріязнь къ Антонію, волочился за Клеопатрою и имѣлъ честь знать лично Александра Македонскаго.

— Я этого не знаю,—сказалъ Нейгофъ;—но всѣмъ извѣстно, что графъ Сентъ-Жерменъ появлялся въ разныя эпохи, то во Франціи, то въ Германіи, и что тѣ, которые были съ нимъ знакомы лѣтъ за пятьдесятъ, не находили въ немъ никакой перемѣны; почти столѣтніе старики узнавали въ немъ своего современника, несмотря на то, что онъ казался на лицо не старѣе тридцати лѣтъ.

— Сказки!

— Да на это есть неоспоримыя доказательства; прочти, что говорятъ о немъ современные писатели, и ты увидишь.

— Ровно ничего, мой другъ! Никто не увѣритъ меня, чтобъ дважды два было пять. По-моему все то, чего нельзя объяснить извѣстными законами природы, вздоръ, выдумки, басни...

— А ты увѣренъ, что всѣ законы природы тебѣ извѣстны? Полно, князь! Мы еще не приподняли и уголка этой завѣсы, которая скрываетъ отъ насъ истину, и несмотря на успѣхи просвѣщенія и безпрерывныя открытія, все еще играемъ въ жмурки и ходимъ ощупью. Намъ удалось подмѣтить нѣсколько неизмѣнныхъ законовъ природы, мы отгадали главныя свойства воды, огня, воздуха, магнита и умѣли ими воспользоваться; у насъ есть фонтаны, насосы, водяные прессы; мы выдумали духовыя ружья, паровыя машины, кампасъ, но все-таки не знаемъ, что такое огонь; почему воздухъ имѣетъ упругость, а вода нѣтъ, и отчего намагниченная стрѣлка указываетъ всегда на сѣверъ. Мы любимъ дѣлать опредѣленія и говоримъ очень важно: «темнота есть ничто иное, какъ недостатокъ свѣта, а холодъ отсутствіе теплоты».—Большое открытіе! А знаемъ ли мы, что такое свѣтъ и теплота? Конечно, опытъ вѣковъ познакомилъ насъ нѣсколько съ міромъ вещественнымъ; но міръ духовный остается и теперь еще для насъ загадкою; мы постигаемъ нашей душою, что этотъ міръ существуетъ; но что такое жизнь безъ тѣла, пространство безъ границъ, время безъ конца и начала?.. Что такое душа? Существо безтѣлесное, слѣдовательно неимѣющее никакихъ видимыхъ и осязаемыхъ формъ, никакого образа, а межъ тѣмъ есть случаи, которые доказываютъ, что сообщеніе міра земного съ міромъ духовнымъ возможно; что мы видимъ иногда этихъ жителей другой страны, слышимъ ихъ голосъ, узнаемъ въ нихъ родныхъ, друзей нашихъ...

— Вотъ то-то и есть, — прервалъ князь,—что не видимъ, не слышимъ и не узнаемъ, а только повторяемъ то, что говорятъ другіе. Одинъ плутъ солжетъ, сто легковѣрныхъ невѣждъ повѣрятъ; тысяча добрыхъ старушекъ начнутъ пересказывать, и безчисленное

множество глупцовъ, вся безграмотная толпа народа, закричитъ въ одинъ голосъ: «чудо»!—А тамъ, какой-нибудь грамотный мечтатель построитъ на этомъ чудѣ цѣлую систему, напишетъ толстую книгу и, по любви къ собственному своему творенію, будетъ, вопреки здравому смыслу и логикѣ, защищать эту ложь до послѣдней капли своихъ чернилъ.

— Такъ по-твоему, князь, всѣ тѣ, которые писали объ этомъ предметѣ, или обманщики, или мечтатели?

— Непремѣнно одно изъ двухъ.

— Скажи мнѣ, князь, случалось ли тебѣ читать демономанію Будена?

— Нѣтъ, Богъ помиловалъ!

— Но, вѣроятно, ты имѣешь нѣкоторое понятіе о Штиллингѣ, Эккартсгаузенѣ, Бемѣ...

— Нѣтъ, душенька, я нѣмцевъ не люблю.

— Такъ прочти, по крайней мѣрѣ, Калмета: онъ французъ, и самъ Вольтеръ отдавалъ справедливость его учености и обширнымъ познаніямъ.

— А что разсказываетъ этотъ господинъ Калметъ?

— Въ своей книгѣ о «Привидѣніяхъ и Вампирахъ» онъ приводитъ различные случаи, которые доказываютъ, что умершіе могутъ имѣть сообщеніе съ живыми, что явленія духовъ не всегда бываютъ слѣдствіемъ растроеннаго воображенія, болѣзни, или какого-нибудь обмана, и что они рѣшительно возможны, хотя противорѣчатъ нашему здравому смыслу, или, вѣрнѣй сказать, нашимъ ограниченнымъ понятіямъ о мірѣ духовномъ и сокровенныхъ силахъ видимой природы. Я совѣтую тебѣ, князь, хотя изъ любопытства пробѣжать эту книгу.

— Да знаешь ли, Нейгофъ, что я читалъ книги еще любопытнѣе этой, и если ужъ пошло на чудеса, такъ прочти это таинственное, исполненное глубокой мудрости твореніе, которое мы, Богъ знаетъ почему, называемъ «Тысяча одною ночью, или Арабскими сказками».

— Ты не хочешь никому вѣрить, князь, ни нѣмцамъ, ни французамъ, такъ слушай! Сочинитель книги подъ названіемъ «Чудеса небесныя, адскія, и земель планетныхъ, описанныя сходно съ свидѣтельствомъ моихъ глазъ и ушей»—этотъ ученый мужъ, который говоритъ, начиная свою книгу: «Богъ далъ мнѣ возможность бесѣдовать съ духами, и эти бесѣды продолжались иногда по цѣлымъ суткамъ» — былъ не сумасшедшій, не обманщикъ, а любимецъ Карла XII, знаменитый и всѣми уважаемый Сведенборгъ.

— Мало ли кого уважали въ старину: въ царствѣ слѣпыхъ и кривой будетъ въ чести.

— Нѣтъ, князь, ошибаешься; его станутъ всѣ называть обманщикомъ или безумнымъ за то, что онъ хотя и плохо, а все-таки видитъ своимъ глазомъ то, чего не видятъ слѣпые, которые готовы божиться, что солнца нѣтъ, потому что они не могутъ его ощупать руками. Признаюсь всякій разъ, когда я говорю съ такимъ моральнымъ слѣпцомъ, мнѣ хочется сказать: «procul, ô procul este profani!»

— Ай, ай! Латынь!—закричалъ князь.—Ну, бѣда теперь—его не уймешь.

— Да, да!—продолжалъ Нейгофъ,—эти полу-ученые, которые все знаютъ и ничему не вѣрятъ, вреднѣе для науки, чѣмъ безграмотные невѣжды, и я не могу удержаться при встрѣчѣ съ ними, чтобъ не шептать про себя: — отъ этихъ мудрецовъ спаси насъ, Господи! Libera nos Domine!

— Опять! Да полно, братецъ, не ругайся,—говори по-русски. Послушай, Закамскій, ты также проходилъ ученыя степени и можешь съ нимъ перебраниваться латинскими текстами; ну-ка, вступись за меня и докажи аргументальнымъ образомъ этому мистику, что человѣкъ просвѣщенный ни въ какомъ случаѣ не долженъ вѣрить тому, что противорѣчитъ здравому смыслу и очевидности... Ну, чтожъ ты молчишь?

— Да раздумье беретъ, любезный; я самъ бы хотѣлъ назвать вздоромъ все то, что несходно съ нашимъ

понятіемъ о вещахъ, но только вотъ бѣда: мнѣ всякій разъ придетъ въ голову, что еслибъ мы съ тобою были, напримѣръ, древніе греки, современники Сократа, Перикла, Алкивіада, то вѣроятно думали бы о себѣ, что мы люди просвѣщенные; и еслибъ тогда какой-нибудь мудрецъ сказалъ намъ, что по его догадкамъ земля вертится и ходитъ кругомъ солнца, а солнце стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ ты думаешь, князь, вѣдь мы назвали бы этого мудреца или обманщикомъ, или мечтателемъ потому, что сказанное имъ было бы вовсе несходно съ тогдашнимъ понятіемъ о вещахъ, и явно бы противорѣчило и здравому смыслу, и очевидности.

— Софизмъ, mon cher, софизмъ! — Неподвижность солнца и движеніе земли доказаны математическимъ образомъ,—и всѣ эти бредни мистиковъ и духовидцевъ...

— До сихъ поръ еще однѣ догадки, — прервалъ Закамскій;—а почему ты думаешь, что эти догадки не превратятся современемъ, также какъ и понятія наши о солнечной системѣ, въ математическую истину? Почему ты знаешь, что этотъ міръ духовный не будетъ для насъ такъ же доступенъ, какъ звѣздный міръ, въ которомъ мы дѣлаемъ безпрерывно новыя открытія? Почему ты знаешь, гдѣ остановятся эти открытія и человѣкъ скажетъ: я не могу идти далѣе? Наша жизнь коротка, умственныя способности развиваются медленно; сначала жизнь растительная, потомъ нѣсколько лѣтъ жизни дѣятельной, а тамъ старость и смерть,—слѣдовательно для ума одного человѣка есть границы; но умъ всего человѣчества, этотъ опытъ вѣковъ, который одно поколѣніе передаетъ другому, кто, кромѣ Бога, положитъ ему границы? Онъ не умиралъ, не дряхлѣетъ отъ годовъ, но растетъ, мужаетъ и съ каждымъ новымъ столѣтіемъ становится могучѣе.

— Все это, Закамскій, прекрасно, да напрасно; ты не только не заставишь меня вѣрить глупымъ сказкамъ, но даже не убѣдишь и въ томъ, что самъ находишь ихъ вѣроподобными. Ну, можетъ ли быть, чтобъ

ты повѣрилъ, если я скажу, что мой покойный отецъ приходилъ съ того свѣта со мною побесѣдовать.

— Да, князь, ты правъ: я этому не повѣрю, а подумаю, что ты шутишь и смѣешься надо мною; однакожъ, не скажу, что это рѣшительно невозможно, потому что не знаю, возможно ли это или нѣтъ. Вотъ если бы я самъ что-нибудь увидѣлъ...

— Не безпокойся! Мы не мистики и люди грамотные, такъ ничего не увидимъ.

— Послушай, князь,—сказалъ Нейгофъ,—ты самолюбивъ; слѣдовательно не хочешь быть въ дуракахъ, это весьма натурально; ты не повѣришь ни мнѣ, ни Закамскому, однимъ словомъ, никому, и это также естественно. Мы могли принять пустой сонъ за истину, могли быть обмануты, или, можетъ-быть, желаемъ сами обманывать другихъ; но если бы ты—не во снѣ, а на яву — увидѣлъ какое-нибудь чудо, еслибъ въ самомъ дѣлѣ твой покойный отецъ пришелъ съ тобою повидаться, чтобы ты сказалъ тогда?

— Я сказалъ бы тогда моему слугѣ: Иванъ, приведи цырюльника и вели мнѣ пустить кровь: у меня бѣлая горячка.

— Слѣдовательно, нѣтъ никакого способа увѣрить тебя, что явленія духовъ возможны—ты не повѣришь самому себѣ?

— Нѣтъ, мой другъ, не повѣрю.

— О, если такъ, то и говорить нечего; и хоть бы я могъ легко доказать тебѣ не словами, а самымъ дѣломъ...

— Что, что?—вскричалъ князь.

— Ничего,—сказалъ Нейгофъ, набивая свою трубку.

— Нѣтъ, нѣтъ, постой! Ты этакъ не отдѣлаешься, и если можешь что-нибудь доказать не словами, а дѣломъ, такъ доказывай!

Нейгофъ посмотрѣлъ пристально на князя и не отвѣчалъ ни слова.

— Что, братъ,—продолжалъ князь,—похвастался, да и самъ не радъ? Я давно замѣчаю, что тебѣ страхъ

хочется прослыть колдуномъ; да нѣтъ, душенька, напрасно! Vous n'êtes pas sorcier, mon ami!

— Въ самомъ дѣлѣ, Нейгофъ,—подхватилъ Возницынъ, — не знаешь ли ты какихъ штукъ? Покажи, братъ, потѣшь!

— Этимъ не забавляются, — промолвилъ магистръ, нахмуривъ свои густыя брови.

— Да разскажи намъ, по крайней мѣрѣ, что ты знаешь?—сказалъ Закамскій.

— Это цѣлая исторія,—отвѣчалъ Нейгофъ.

— Тѣмъ лучше!—подхватилъ князь;—я очень люблю исторію, а особливо, когда она походитъ на сказку.

— Что это не сказки, въ этомъ вы можете быть увѣрены,—прервалъ Нейгофъ.

— Такъ разскажи, братъ,—вскричалъ Возницынъ,— а мы послушаемъ!

— Разскажи, Нейгофъ! — повторяли мы всѣ въ одинъ голосъ.

Магистръ долго упрямился; но подъ-конецъ, докуривъ свою трубку, согласился исполнить наше желаніе.

II.

графъ Каліостро.

— Я также, какъ и ты, много путешествовалъ и объѣхалъ почти всю Европу,—началъ говорить Нейгофъ обращаясь къ Закамскому.—Въ 1789 году я прожилъ всю осень въ Римѣ. У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ и въ томъ числѣ одно къ графу Ланцелоти; но я слишкомъ мѣсяцъ не былъ ни съ кѣмъ знакомъ, кромѣ услужливыхъ цицероніевъ и моего хозяина, претолстаго и преглупаго макаронщика, который ревновалъ свою жену къ цѣлому міру, несмотря на то, что она была стара и дурна, какъ смертный грѣхъ. Съ утра до вечера я бѣгалъ по городу, и каждый разъ возвращался домой съ новымъ запасомъ для моихъ путевыхъ записокъ. Я не намѣренъ вамъ раз-

сказывать обо всѣхъ прогулкахъ по римскимъ улицамъ, не стану описывать мой восторгъ при видѣ Колизея, Пантеона и другихъ остатковъ древняго Рима; не скажу даже ни слова о томъ, какъ я былъ пораженъ огромностію и величіемъ храма святого Петра; какія воспоминанія пробудились въ душѣ моей при видѣ Капитолія и съ какимъ наслажденіемъ я смотрѣлъ на произведенія великихъ художниковъ Италіи,—все это тысячу разъ повторялось каждымъ путешественникомъ, и этотъ неизбѣжный заказной восторгъ, эти приторныя фразы а-ла-Дюпати и казенныя восклицанія давно ужъ опротивили и надоѣли всѣмъ до смерти.

Однажды—это было мѣсяца два по пріѣздѣ моемъ въ Римъ—я отправился безъ всякой цѣли шататься по городу. Пройдя нѣсколько времени берегомъ Тибра, я повернулъ на мостъ, весьма красивой наружности, но, къ сожалѣнію, обезображенный статуями, которыя не только въ Римѣ, но и во всякомъ порядочномъ городѣ были бы не у мѣста. Я остановился по срединѣ моста, чтобъ полюбоваться видомъ замка святого Ангела; онъ подымался передо мною по ту сторону Тибра, какъ угрюмый исполинъ, посѣдѣвшій на стражѣ священнаго Рима. Эта городская тюрьма походитъ издали на огромную круглую башню съ плоской кровлею, на которой выстроенъ цѣлый замокъ. Несмотря на свою строгую и даже нѣсколько тяжелую архитектуру, замокъ святого Ангела мнѣ очень понравился, и я глядѣлъ на него съ такимъ вниманіемъ, что не замѣтилъ сначала какого-то прохожаго, закутаннаго въ широкій плащъ, который, прислонясь къ мостовымъ периламъ, казалось, еще внимательнѣе меня разсматривалъ это зданіе. Онъ былъ росту средняго, не дуренъ и не хорошъ собою, но глаза его... въ самой Италіи, классической землѣ пламенныхъ, одушевленныхъ взоровъ, я не видывалъ ничего подобнаго; казалось, искры сыпали изъ этихъ глазъ, не очень большихъ, но быстрыхъ, исполненныхъ огня и черныхъ какъ смоль. Не знаю, почему, но я не могъ удержаться, чтобъ съ нимъ не

заговорить.—Вы вѣрно такъ же, какъ и я, любуетесь этимъ чуднымъ зданіемъ? — сказалъ я по-итальянски, указывая на замокъ святого Ангела. Незнакомый бросилъ на меня такой недовѣрчивый и въ то-же время проницательный взглядъ, что я совершенно смутился. Повторяя мой вопросъ, я сбился съ толку, заговорилъ вздоръ и сдѣлалъ непростительную ошибку. Незнакомый улыбнулся, поглядѣлъ на меня довѣрчивѣе и сказалъ вполголоса:—Вы иностранецъ?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Вы вѣрно путешественникъ и, если не ошибаюсь, родина ваша далеко отсюда?

— Вы отгадали, я русскій.

— Русскій,—повторилъ незнакомый, взглянувъ на меня еще веселѣе. — Вамъ должно быть здѣсь очень жарко; я знаю вашу холодную Россію; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Петербургѣ; у меня есть тамъ пріятели; я имѣлъ честь знать лично князя Потемкина; но мы, кажется, не понравились другъ другу. Я также очень часто бывалъ...

Тутъ назвалъ онъ мнѣ пять или шесть извѣстныхъ именъ и, поговоривъ еще нѣсколько времени о Петербургѣ, вдругъ остановился и сказалъ мнѣ: — Вы, кажется, спрашивали меня, нравится ли мнѣ этотъ замокъ? Не знаю какъ вамъ, а мнѣ онъ вовсе не нравится.

— Однакожъ вы очень пристально на него глядѣли.

— И очень часто это дѣлаю. Если зло неизбѣжно, то надобно стараться заранѣе къ нему привыкнуть.

— Привыкнуть! — прервалъ я съ удивленіемъ.— Да на что вамъ къ нему привыкать—вѣдь этотъ замокъ тюрьма...

— Хуже, — прервалъ незнакомый: — это римская Бастилія; а кто знаетъ парижскую... Но вы меня не поняли: это зданіе не всегда было тюрьмою. Знаете ли вы, для чего оно было построено?

Я почти обидѣлся этимъ вопросомъ. Спросить у магистра Дерптскаго университета, знаетъ ли онъ, что замокъ святого Ангела былъ нѣкогда мавзолеемъ

императора Адріана! Да этотъ вопросъ стыдно даже сдѣлать и студенту. Я закидалъ незнакомца историческими фактами, прочелъ ему наизусть сказаніе знаменитаго Прокопія о томъ, какъ Велизарій, осажденный въ Римѣ Готами, защищался, бросая въ нихъ мраморныя статуи, которыми этотъ мавзолей былъ украшенъ, какъ въ средніе вѣка папа Бонифацій IX-й превратилъ его въ крѣпостной замокъ, какъ герцогъ Бурбонскій, осаждая въ немъ папу Климента VII, былъ убитъ на приступѣ.—Послѣ этого... — продолжалъ я.

— Хорошо, хорошо,—закричалъ незнакомый, стараясь прервать потокъ моего краснорѣчія.—Я вижу, вы человѣкъ ученый; но дѣло не въ томъ: если вы знаете первобытное назначеніе замка святого Ангела, то поймете, для чего я прихожу смотрѣть на это роскошное кладбище, построенное для одного покойника. Смерть — зло неизбѣжное! — продолжалъ незнакомецъ съ глубокимъ вздохомъ. — Да, неизбѣжное!— прибавилъ онъ почти шопотомъ, — даже и для того, кто измѣряетъ свою жизнь не годами, а столѣтіями.

— Какъ столѣтіями!—повторилъ я.—Да неужели есть такіе люди?

Незнакомый вздрогнулъ и, какъ будто бы спохватясь, сказалъ съ улыбкою:—Вы опять меня не поняли. Развѣ жизнь цѣлой націи не походитъ на жизнь одного человѣка? Развѣ повелитель безчисленныхъ народовъ, владыка міра, древній Римъ, не умеръ, какъ умеръ вотъ этотъ, быть-можетъ, безвѣстный гражданинъ,— продолжалъ незнакомый, указывая на похоронную процессію братьевъ кающихся, которая въ эту минуту показалась на берегу Тибра. — Не думаете ли, что обширная могила, которую мы называемъ Римомъ, хотя нѣсколько походитъ на этотъ гордый, могучій, кипящій жизнію Римъ? О, если-бъ вы его видѣли!— прибавилъ незнакомецъ и черные глаза его засверкали;— если-бъ вы видѣли этотъ живой Римъ, эту родину всего высокаго и прекраснаго, вы не стали бы тогда

называть римлянами народъ, который выдумалъ арлекина, создалъ паяца и славится своими макаронами, а Римомъ, этотъ жалкій городъ, напоминающій мнѣ цыганскій таборъ, расположенный на развалинахъ Пальмиры. И вы разсуждаете о высокомъ и прекрасномъ! Перестаньте! Вы не знаете ни того, ни другого. Вы называете изящнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ ваши кукольныя комедіи! Горсть людей сберется въ какой-нибудь каменный балаганъ, его назоветъ Санъ-Карло, или Ла-Скала, а себя публикою, и думаетъ, что видитъ передъ собою высокое и прекрасное зрѣлище!.. Жалкіе пигмеи!.. Да если вы не вѣрите преданіямъ, такъ посмотрите на развалины Колизея: не говорятъ ли онѣ вамъ, что всѣ ваши дѣтскія затѣи суть не что иное, какъ жалкія пародіи забавъ великаго Рима. Вы плачете, когда въ вашемъ балаганѣ, на этихъ презрѣнныхъ подмосткахъ, какой-нибудь паяцъ-трагикъ заколетъ себя деревяннымъ кинжаломъ; а въ Колизеѣ сотни людей умирали не-шутя, чтобъ заслужить рукоплесканія восьмидесяти тысячъ зрителей. Вы удивляетесь вашимъ холстиннымъ морямъ и трехъ-аршиннымъ кораблямъ изъ картузной бумаги, а Колизей, по мановенію кесаря, превращался въ обширное озеро, и настоящія военныя галеры не представляли морское сраженіе, но дрались въ самомъ дѣлѣ, для забавы гордыхъ римлянъ. Да! все это было, — промолвилъ незнакомый грустнымъ голосомъ, —давно, очень давно!.. Вѣка прошли, настанутъ другіе; но Римъ не воскреснетъ...

Незнакомый замолчалъ; потомъ, какъ будто бы говоря съ самимъ собою, продолжалъ: — Давно ли, кажется?.. Да! такъ точно, это было восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова... Какой волшебный праздникъ!.. Императоръ торжествовалъ открытіе Колизея... Съ восходомъ солнечнымъ началъ волноваться и шумѣть вѣнчанный Римъ, какъ море хлынулъ онъ съ своихъ семи холмовъ, и высокія стѣны Колизея унизались народомъ... Раздался громъ рукоплеска-

нiй; онъ вошелъ, царь вселенной, радость мiра, кроткiй, богоподобный Титъ! О, какъ онъ былъ прекрасенъ!.. Какъ шли къ нему эти шелковыя кудри, эта томная блѣдность лица, эти усталые глаза, и даже этотъ прыщикъ на лѣвой щекѣ...

— Прочь съ дороги! — раздался грубый голосъ, и кто-то толкнулъ меня очень невѣжливо въ спину.— Шляпу долой! — закричали изъ-подъ своихъ бѣлыхъ колпаковъ нѣсколько братьевъ кающихся; я повиновался. Мимо меня тянулась похоронная процессiя; за нею несли гробъ, а позади человѣкъ триста всякаго рода людей и нищихъ, подвигаясь медленно впередъ, заняли почти всю ширину моста. Когда этотъ нечаянный приливъ народа схлынулъ, я остался опять на просторѣ; но незнакомца уже не было. Вы можете судить, какое впечатлѣнiе произвели на меня странныя слова этого чудака, который разсказывалъ о праздникѣ, данномъ за восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, какъ о балѣ, на которомъ онъ танцовалъ недѣли двѣ тому назадъ.—Если это не сумасшедшiй, — подумалъ я,— такъ ужъ вѣрно какой-нибудь балагуръ, который хотѣлъ надо мною позабавиться.—На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Дня черезъ три, прогуливаясь по знаменитой улицѣ Корсо, которая служитъ въ обыкновенные дни гуляньемъ, а на масляницѣ маскарадною залою для цѣлаго Рима, я сошелъ съ тротуара, чтобъ перейти на противоположную сторону. На самой срединѣ улицы стоялъ человѣкъ въ большой бѣлой шляпѣ съ широкими полями; казалось, онъ вовсе забылъ, что вокругъ него ѣздятъ безпрестанно экипажи. Въ ту самую минуту, какъ я дѣлалъ это замѣчанiе, щеголеватая коляска, заложенная парою великолѣпныхъ лошадей, мчалась во всю рысь по самой срединѣ улицы; кучеръ зазѣвался, коляска была уже въ десяти шагахъ отъ человѣка въ бѣлой шляпѣ, и этотъ бѣднякъ былъ бы непремѣнно задавленъ, еслибъ я не успѣлъ схватить его за руку и оттащить въ сторону. Когда опасность

миновалась и незнакомый сталъ благодарить меня, я узналъ въ немъ чудака, съ которымъ повстрѣчался на мосту святого Ангела.

— Если не ошибаюсь,—сказалъ онъ,—мы ужъ съ вами знакомы: вы тотъ русскій путешественникъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе разговаривать дня три тому назадъ.

— Да,—отвѣчалъ я,—помнится, вы мнѣ разсказывали о какомъ-то праздникѣ, который давался въ Колизеѣ восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, и на которомъ вы любовались императоромъ Титомъ.

Незнакомый улыбнулся.—Вы, господа сѣверные жители, — сказалъ онъ, — никогда не поймете насъ, живыхъ, пламенныхъ дѣтей юга; то, что представляется вашему воображенію, мы видимъ въ самомъ дѣлѣ; вы переноситесь иногда мыслію въ прошедшее, вспоминаете о немъ; а для насъ оно становится настоящимъ. Когда я говорилъ съ вами о древнемъ Римѣ, вѣка исчезали и *вѣчный городъ* подымался изъ своихъ развалинъ; я видѣлъ его—я жилъ въ немъ... Смѣйтесь, господинъ русскій, смѣйтесь! Наши итальянскія вулканическія головы кажутся вамъ полоумными—пусть такъ! Но мы живемъ двойною жизнію; для насъ и среди русскихъ снѣговъ будутъ цвѣсти розы; наше южное воображеніе украситъ померанцевыми цвѣтами, усыплетъ золотыми апельсинами и ваши гробовыя сосны и эти мертвыя однообразныя березы; оно растопитъ вѣчные льды Сибири и разрисуетъ прозрачной лазурью туманныя небеса вашей родины. Что нужды, если обманъ не истина, когда этотъ обманъ дѣлаетъ насъ счастливыми.

— Посмотрите, посмотрите! — прервалъ я; — вотъ ѣдетъ назадъ та самая коляска, которая чуть-чуть васъ не задавила.

Незнакомый поднялъ глаза. Въ коляскѣ сидѣлъ развалясь какой-то франтъ; онъ посматривалъ гордо на проходящихъ; инымъ кланялся по римскому обыкновенію рукою, другимъ отвѣчалъ на низкіе поклоны едва

замѣтной улыбкою, и такъ явно чванился и важничалъ своимъ нарядныиъ экипажемъ, съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣхъ бѣдныхъ пѣшеходцевъ, что вотъ такъ и хотѣлось плюнуть ему въ лицо.

— А! — вскричалъ незнакомый, — да это кавалеръ Габріелли! такъ онъ-то хотѣлъ задавить меня?—Бѣдняжка!

— Однакожъ, у этого бѣдняжки славный экипажъ,— сказалъ я шутя.

— Да не долго онъ имъ провладѣетъ.

— А что, видно изъ послѣднихъ денегъ?.. Тьфу, батюшки! какія лошади, какая упряжь!

— Да, это правда,—сказалъ незнакомый,—все хорошо, кромѣ кучера.

— Помилуйте! чѣмъ же онъ дуренъ? Посмотрите, какой молодецъ!

— Ну, нѣтъ, не очень красивъ собою.

— Что вы?.. славный кучеръ! — А какая богатая ливрея!

— Да я вамъ говорю не объ этомъ ливрейномъ кучерѣ, а вотъ что сидитъ подлѣ него.

— Подлѣ него!—Да гдѣ же?

— Съ лѣвой стороны.

— Я никого не вижу!

— Видно я позорчѣе васъ. Этотъ ливрейный кучеръ для одного парада. Бѣдненькій! Онъ только что держитъ вожжи, а въ самомъ-то дѣлѣ правитъ лошадьми не онъ, а пріятельница, которая сидитъ съ нимъ рядомъ на козлахъ.

— Пріятельница! Что за пріятельница?

— Смерть! — шепнулъ отрывисто незнакомый, и прежде чѣмъ я опомнился отъ удивленія, коляска помчалась какъ вихрь, зацѣпила за каменный столбъ, опрокинулась и понеслась далѣе. Почти у самыхъ воротъ Дель-Пополо остановили лошадей; мы подошли; вокругъ изломанной коляски стояла толпа народа. Мы съ трудомъ продрались впередъ: на мостовой лежали кавалеръ Габріелли и кучеръ его, оба мертвые.

— Ну!—сказалъ незнакомый, посмотрѣвъ на меня пристально,—вы вѣрно ужъ не думаете, что я сумасшедшій?

Я такъ былъ пораженъ, что не могъ выговорить ни слова.

— Послушайте! — продолжалъ незнакомый. — Кажется, мы не даромъ такъ часто встрѣчаемся другъ съ другомъ; а сверхъ того,—прибавилъ онъ съ улыбкою,—вы сегодня спасли меня отъ смерти, или хотѣли спасти, а это одно и тоже; мы должны познакомиться короче. Какъ васъ зовутъ?

— Фонъ-Нейгофъ.

— Фонъ-Нейгофъ! Это не русская фамилія.

— Мой дѣдушка былъ нѣмецъ.

— Тѣмъ лучше! Я очень люблю нѣмцевъ; ихъ называютъ мечтателями, идеалистами — да, это правда! Они не французы и не русскіе, которые стараются подражать французамъ; они не смѣются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ, и несмотря на свою ученость, не называютъ обманомъ и заблужденіемъ все то, чего нельзя объяснить разсудкомъ и доказать какъ дважды два четыре. Вы каждый день въ первомъ часу можете застать меня дома, я нанимаю квартиру въ улицѣ Дель-Пелигрино, почти напротивъ палатъ кардинала вице-канцлера; входъ съ улицы; спросите графа Александра Каліостро.

— То-есть, — прервалъ князь Двинскій, который давно уже вертѣлся отъ нетерпѣнія, — не графъ, не Александръ и не Каліостро, а просто сынъ бѣднаго ремесленника, Іосифа Бальзамо.

— Это еще не доказано, — сказалъ магистръ; — да прошу ваше сіятельство не прерывать меня, а не то я замолчу.

— Вотъ и разсердился! А за что? Ну, подумай самъ, когда колдуны бываютъ графами? Сентъ-Жерменъ былъ такой же точно графъ, какъ и этотъ Бальзамо; Нострадамусъ и Фаустъ были ученые; Твардовскій—также; Фламель—Богъ знаетъ кто; Сведенборгъ—

также; Брюсъ... Ахъ, да бишь—виноватъ!—онъ былъ графъ—совсѣмъ забылъ!

— Да перестань, князь!..—закричалъ я;—что ты мѣшаешь ему разсказывать. Ну, что, Нейгофъ, ты очень удивился, когда онъ сказалъ тебѣ свое имя?

— И удивился и обрадовался. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ этимъ знаменитымъ человѣкомъ, и я на другой же день явился къ нему въ двѣнадцатомъ часу утра. Онъ только-что всталъ съ постели и едва успѣлъ накинуть на себя халатъ изъ богатой турецкой матеріи. Комната, въ которой онъ меня принялъ, была убрана очень просто; на полкахъ стояли книги, и на большомъ столѣ лежали бумаги и толстые свитки пергамента; на окнѣ стояла раскрытая аптечка съ стеклянными пузырьками и баночками; въ одномъ углу на бронзовомъ треугольникѣ лежала мертвая голова, а у самыхъ дверей сидѣла черная огромная кошка; когда я вошелъ, она ощетинилась и глаза ея засверкали. — Біондетта!—закричалъ Каліостро, — пошла вонъ!

Кошка, какъ умная лягавая собака, тотчасъ отправилась въ другую комнату; но, проходя мимо, очень на меня косилась. Графъ сѣлъ подлѣ меня на канапе и началъ разговаривать со мною о Россіи. Все, что онъ говорилъ, было такъ умно, всѣ замѣчанія его были такъ справедливы, что я слушалъ его съ истиннымъ наслажденіемъ. Отъ-времени-до-времени вырывались однакожъ у него какія-то странныя фразы; напримѣръ, онъ спросилъ меня, часто ли бываютъ наводненія въ Петербургѣ, и когда я отвѣчалъ ему, что это бываетъ очень рѣдко, то онъ значительно улыбнулся и сказалъ: «Я былъ увѣренъ въ этомъ—я знаю, *онъ* теперь ужъ не такъ злится на русскихъ: они ему угодили, украсили любимую дочь его, великолѣпную Неву, одѣли ее гранитомъ». И когда я спросилъ, о комъ онъ говоритъ, Каліостро тотчасъ перемѣнилъ рѣчь и началъ разспрашивать меня о другомъ. Во время нашего разговора я замѣтилъ на столѣ, между различныхъ бумагъ, манускриптъ на папирусѣ. Вы знаете мою страсть ко всѣмъ

древнимъ рукописямъ. Я не могъ скрыть моего любопытства. — Этотъ манускриптъ привезенъ мною изъ Египта,—сказалъ Каліостро,—и вы можете его видѣть только въ такомъ случаѣ, если вы... Дайте мнѣ вашу руку.

Я повиновался. Графъ пожалъ ее какимъ-то особеннымъ образомъ и какъ будто бы ждалъ отвѣта. Я молчалъ.—О!—сказалъ онъ,—да вы еще не родились, такъ о годахъ васъ спрашивать нечего. А для того, чтобъ разобрать что-нибудь въ этомъ манускриптѣ, надобно имѣть по крайней мѣрѣ семь лѣтъ. Оставьте его.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату старикъ лѣтъ шестидесяти; голова его была повязана пестрымъ платкомъ, а блѣдное лицо выражало нетерпимое страданіе.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ Каліостро.

— Извините, синьоръ!—сказалъ старикъ;—я живу подлѣ васъ; мнѣ сказали, что вы докторъ.

— А ты боленъ?

— Вотъ третьи сутки глазъ не смыкаю — такая головная боль, что не приведи Господи! Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою! Если это продолжится, то я брошусь въ Тибръ, или размозжу себѣ голову.

— Поверето!..—шепнулъ Каліостро,—постой на минутку!—Онъ вынулъ изъ аптечки небольшой пузырекъ и, подавая его старику, сказалъ:—На, любезный, понюхай изъ этой стклянки въ три пріема; при каждомъ разѣ говори про себя...—Тутъ прошепталъ онъ какое-то слово, котораго я не могъ разслышать. Едва старикъ исполнилъ его приказаніе, какъ схватилъ себя обѣими руками за голову и закричалъ:—Боже мой!.. Что это?.. Не сонъ ли?.. Моя голова такъ свѣжа, такъ здорова!.. Ахъ, синьоръ, позвольте мнѣ взять съ собою это лѣкарство!

— Не нужно, мой другъ! —сказалъ Каліостро:— теперь ужъ у тебя голова болѣть не станетъ. Ступай съ Богомъ!

Старикъ началъ было говорить о своей благодар-

ности, но графъ разсердился и почти вытолкалъ его за двери.—Благодарность!—повторилъ онъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ;—я знаю эту людскую благодарность!.. Нѣтъ, старикъ, меня не обманешь!.. Если когда-нибудь невѣжды приговорятъ сжечь на кострѣ бѣднаго Каліостро, какъ злодѣя и чернокнижника, то, можетъ-быть, первую вязанку дровъ принесешь ты, чтобъ угодить палачамъ твоего благодѣтеля!

Двери опять отворились; молодая женщина въ рубищѣ, съ двумя оборванными ребятишками, вошла въ комнату и бросилась въ ноги къ Каліостро.

— Что ты, милая? Что ты?—спросилъ графъ.

— Вы нашъ спаситель!—проговорила женщина, всхлипывая:—вы дали мнѣ лѣкарство, отъ котораго мой мужъ въ одни сутки почти совсѣмъ выздоровѣлъ. Онъ еще слабъ и не можетъ самъ придти изъявить вамъ свою благодарность...

— Опять благодарность!—прервалъ Каліостро, нахмуривъ брови.—Хорошо, хорошо, голубушка! Я знаю, чего ты хочешь; на возьми и ступай вонъ!—Онъ сунулъ ей въ руку кошелекъ, набитый деньгами, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, выпроводилъ ее вонъ и захлопнулъ за нею двери.

— Ну, князь, теперь я спрошу тебя: неужели эти дѣла и поступки, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, доказываютъ, что Каліостро былъ шарлатанъ и безстыдный обманщикъ?

— А по-твоему они доказываютъ противное?—сказалъ съ усмѣшкою князь.

— Какъ, Двинскій!.. А старикъ, котораго при мнѣ вылѣчилъ?..

— Мастерски притворился больнымъ,—прервалъ князь.

— А это бѣдное семейство?..

— Славно сыграло свою роль.

— А кавалеръ Габріелли?..

— Котораго убили лошади?

— Ну, да! Ты вѣрно скажешь, что и онъ былъ въ

заговорѣ, потому что Каліостро предузналъ его смерть?

— Случай, мой другъ, и больше ничего. Развѣ нельзя было лошадямъ понести, изломать коляску, убить кучера и сѣдока? Все это могло случиться самымъ естественнымъ образомъ, и надобно признаться, случилось очень кстати, чтобъ оправдать дичь, которую поролъ тебѣ этотъ архишарлатанъ Каліостро. Да чтожъ ты, любезный другъ, вѣдь ты обѣщался доказать не словами, а самымъ дѣломъ, что я напрасно не вѣрю твоимъ мистическимъ574 бреднямъ, а вмѣсто этого вотъ ужъ цѣлый часъ ты разсказываешь намъ сказки.

— Хочешь, князь, слушать, такъ слушай! а не хочешь!..

— Хочу, хочу!..

— Эхъ, братецъ,—сказалъ я,—не мѣшай ему! Ну, Нейгофъ, разсказывай!

— Недѣли двѣ сряду,—продолжалъ Нейгофъ,—я почти не разлучался съ графомъ Каліостро; бесѣды наши становились съ каждымъ днемъ интереснѣе; казалось, онъ полюбилъ меня, но, несмотря на это, всякій разъ заминалъ рѣчь, когда я просилъ его сдѣлать меня если не участникомъ, то, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ необычайныхъ явленій, о которыхъ онъ такъ много мнѣ разсказывалъ. Ужъ не воображаете ли вы, что это сущая бездѣлка,—говорилъ всегда Каліостро.—Что этимъ можно забавляться, какъ какимъ-нибудь физическимъ опытомъ? Не думаете ли вы, что сблизить васъ съ существами не здѣшняго міра также для меня легко, какъ свести съ какимъ-нибудь изъ моихъ знакомыхъ? Вы очень ошибаетесь. Для моихъ глазъ эти существа видимы и въ особенномъ ихъ образѣ; но, чтобъ сдѣлать ихъ доступными до вашихъ земныхъ чувствъ, я долженъ ихъ облекать въ формы вещественныя, а этого они очень не любятъ.

Однажды онъ спросилъ меня, знакомъ ли со мною графъ Ланцелоти, и когда я отвѣчалъ, что у меня есть

къ нему рекомендательное письмо, Каліостро сказалъ:— Ступайте къ нему сегодня, познакомтесь съ нимъ, а послѣзавтра, часу въ восьмомъ вечерао, тправьтесь въ Тиволи; тамъ, не далеко отъ малыхъ каскадовъ, вы встрѣтите человѣка въ бѣлой шляпѣ и черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ; скажите ему ваше имя и ступайте за нимъ. Быть-можетъ, вы знаете виллу, которую нанимаетъ графъ Ланцелоти; но вамъ все-таки нуженъ проводникъ; если вы пріѣдете одни, васъ не примутъ, да и ворота будутъ заперты; вамъ надобно будетъ пройти садомъ.

— Ого!—сказалъ я шутя,—да это походитъ на какое-то любовное приключеніе! Такая таинственность...

— Необходима,—прервалъ Каліостро. —То, что вы увидите у графа Ланцелоти, не должно имѣть много свидѣтелей.

— А чтожъ такое я увижу?

— То, что вы хотѣли давно уже видѣть. Вотъ въ чемъ дѣло: у графа Ланцелоти умеръ на этихъ дняхъ скоропостижно богатый родственникъ; онъ сдѣлалъ еще при жизни духовное завѣщаніе, которымъ отказываетъ по смерти все свое имѣніе графу. Что духовная существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но ее не могли никакъ отыскать въ бумагахъ покойника, и все это огромное имѣніе можетъ достаться, вмѣсто графа Ланцелоти, одному ближайшему родственнику, который теперь въ Неаполѣ. Я обязанъ семейству графа единственнымъ благомъ, испытаннымъ мною въ теченіе всей бѣдственной и бурной моей жизни: мой другъ, моя милая жена Лоренца, была воспитана въ ихъ домѣ, и вотъ почему, несмотря на опасность, которая мнѣ угрожаетъ, я рѣшился... Да!—продолжалъ Каліостро, поглядѣвъ съ робостію вокругъ себя,—я рѣшился вызвать покойника съ того свѣта и заставить его сказать, гдѣ спрятана духовная, безъ которой его послѣдняя воля не можетъ быть исполнена.

— Какъ!—вскричалъ я, почти обезумѣвъ отъ радости,—вы хотите сдѣлать меня свидѣтелемъ...

— Да! и если предчувствіе меня не обманываетъ,— продолжалъ Каліостро, взглянувъ печально на замокъ святого Ангела, который виденъ былъ изъ окна, вдали за Тибромъ,—если меня погребутъ за-живо въ этой обширной могилѣ, если ничто не спасетъ меня отъ злобы и невѣжества людей, то я сдѣлаю васъ моимъ наслѣдникомъ. Да!.. Я не хочу, чтобъ вмѣстѣ со мною погибло то, что стоило мнѣ такъ дорого. Моя Лоренца не переживетъ меня... и ее также ждутъ высокія стѣны, тѣсная келья и медленная смерть!.. О! зачѣмъ я не устоялъ противъ искушенія!.. Зачѣмъ хотѣлъ утолить эту неутолимую жажду познаній... О! если бы я могъ возвратиться, забыть все!..—Каліостро закрылъ руками лицо и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:—Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Кто разъ поднесъ эту чашу къ устамъ своимъ, тотъ будетъ пить ее до конца, и какая бы горечь не была на днѣ, онъ не долженъ и не можетъ остановиться!.. Теперь ступайте!—прибавилъ онъ, пожавъ мою руку.—Не забудьте! послѣзавтра, въ восемь часовъ, въ Тиволи. Мы до тѣхъ поръ не увидимся: я хочу эти два дня провести съ моей Лоренцею. Прощайте!

На другой день я познакомился съ графомъ Ланцелоти; а на третій, часу въ восьмомъ послѣ обѣда, былъ уже въ Тиволи. На дворѣ было душно. Хотя солнце начинало садиться, но жаръ все еще былъ нестерпимъ, и я не встрѣтилъ почти никого изъ гуляющихъ даже подлѣ самыхъ каскадовъ, гдѣ было нѣсколько посвѣжѣе. Прошло болѣе часа. Я умиралъ отъ нетерпѣнія. Вмѣсто того, чтобъ любоваться великолѣпною картиною Тивольскихъ водопадовъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, не могъ стоять спокойно на одномъ мѣстѣ и ходилъ взадъ и впередъ какъ часовой, который ждетъ не дождется, чтобъ его смѣнили. Наконецъ, вдали, между миртовыхъ деревьевъ, мелькнула бѣлая шляпа и черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ въ черномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ сошелъ подъ гору. Я поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, сказалъ мое имя, и черный

плащъ, поклонясь мнѣ очень вѣжливо, попросилъ за собою слѣдовать. Съ полчаса мы шли молча по тропинкѣ, которая изгибалась по скату горы. Вилла Адріана осталась у насъ по лѣвой рукѣ. Пройдя поберекъ густую оливковую рощу, мы повернули по широкому проспекту, обсаженному тополями, и подошли къ запертымъ воротамъ довольно большого дома, у котораго на лицевой сторонѣ всѣ окна были закрыты ставнями. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ вдоль каменной стѣны, мы вошли узкой калиткою въ обширный садъ; я увидѣлъ въ концѣ длинной аллеи красивый портикъ, у котораго всѣ колонны были обвиты виноградными лозами; передъ нимъ на широкой, уставленной цвѣтами террасѣ, встрѣтилъ меня графъ Ланцелоти. Онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ ласковымъ голосомъ:—Я давно васъ ожидаю, господинъ Нейгофъ. Каліостро хотѣлъ, чтобъ вы были свидѣтелемъ того, что будетъ у меня происходить сегодня. Вы другъ его, слѣдовательно я могу положиться на вашу скромность. Прошу покорно войти, я представлю васъ всему обществу.

Мы вошли въ круглую залу, которая освѣщалась сверху стекляннымъ куполомъ. Жена хозяина и еще какая-то пожилая дама сидѣли на канапе; подлѣ нихъ стоялъ высокій мужчина, меньшой братъ графа Ланцелоти, а поодаль, въ темномъ углу, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти въ черномъ платьѣ. Признаюсь, я очень удивился, когда, разсмотрѣвъ хорошенько этого господина, замѣтилъ на головѣ его скуфью римскаго аббата.—Чтожъ это значитъ?—подумалъ я:—неужели въ присутствіи духовной особы Каліостро рѣшится вызывать съ того свѣта покойника? Это что-то больно неловко!—Вѣроятно хозяинъ замѣтилъ мое удивленіе: онъ подвелъ меня къ аббату и сказалъ:—Вотъ искренній другъ нашего семейства, синьоръ Казоти... Не безпокойтесь! онъ только по своему платью принадлежитъ къ здѣшнему духовенству, и не раздѣляетъ его ненависти къ графу Каліостро, котораго любитъ и уважаетъ отъ всей души.—Поговоривъ еще нѣсколько ми-

нутъ со мною, хозяинъ скрылся. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, какъ будто бы въ ней никого не было. Я замѣчалъ, что всѣ посматривали на меня весьма недовѣрчиво; изрѣдка хозяйка шептала что-то на-ухо своей сосѣдкѣ и покачивала головою. Аббатъ также молчалъ какъ убитый. Я нѣсколько разъ начиналъ съ нимъ говорить; но онъ всякій разъ отвѣчалъ мнѣ однимъ наклоненіемъ головы и улыбкою, которая походила на самую отвратительную гримасу.

Болѣе двухъ часовъ продолжалась эта молчаливая бесѣда. Хозяинъ не возвращался; братъ его ходилъ взадъ и впередъ по залѣ; графиня продолжала перешептываться съ своею сосѣдкою, а господинъ аббатъ отправился гулять по саду. Сначала этотъ таинственный шопотъ и тишина возбуждали во мнѣ не вовсе непріятное ощущеніе; это торжественное и продолжительное молчаніе казалось мнѣ необходимымъ приготовленіемъ къ тѣмъ чудесамъ, которыя я долженъ былъ видѣть; оно располагало мою душу къ принятію необычайныхъ впечатлѣній, и даже наводило на меня какой-то невольный трепетъ. Сердце мое рвалось вонъ изъ груди отъ нетерпѣнія; при каждомъ шорохѣ я вздрагивалъ и робко озирался кругомъ; но когда прошло часа полтора безъ всякой перемѣны, то это однообразное молчаніе, прерываемое едва слышнымъ шопотомъ, начало казаться незабавнымъ. Хозяинъ не возвращался, и я рѣшился, наконецъ, послѣдовать примѣру синьора Казоти, то-есть отправился гулять по саду. На темносинихъ небесахъ, вовсе не похожихъ на наше сѣверное блѣдное небо, сіяла полная луна, и въ саду было гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ залѣ. Я пошелъ по первой попавшейся мнѣ дорожкѣ; она привела меня къ небольшой померанцовой рощѣ, посаженной вдоль садовой стѣны. Прохладный вѣтерокъ доносилъ до меня шумъ Тивольскихъ водопадовъ; я остановился, чтобъ прислушаться къ этимъ отдаленнымъ звукамъ, въ которыхъ было что-то гармоническое и музыкальное. Не прошло двухъ минутъ, какъ у садовой стѣны за поме-

ранцовыми деревьями кто-то сказалъ вполголоса:— Спрячтесь здѣсь въ кустахъ, чтобъ васъ не замѣтили; когда будетъ надобно, я самъ приду за вами.—Вслѣдъ за этимъ раздался шорохъ, и все умолкло. — Что бъ это значило?—подумалъ я: —неужели здѣсь, какъ въ Террачинѣ, разбойники грабятъ у самыхъ городскихъ воротъ? Быть не можетъ! Я давно бы объ этомъ слышалъ. Но ктожъ эти люди, которые должны прятаться въ кустахъ, чтобъ ихъ не замѣтили?— Теряясь въ догадкахъ, я рѣшился, наконецъ, возвратиться въ залу и объявить графу Ланцелоти или женѣ его, что подлѣ ихъ дома есть какая-то засада. На террасѣ встрѣтилъ меня аббатъ Казоти. — Скорѣе, скорѣе, — сказалъ онъ, — васъ только однихъ и дожидаются.—Въ круглой залѣ никого ужъ не было; аббатъ взялъ меня за руку и, пройдя со мною нѣсколько темныхъ комнатъ, повелъ длиннымъ коридоромъ. Онъ остановился въ концѣ его, постучалъ въ запертую дверъ; она растворилась и мы вошли въ обширную комнату, которая слабо освѣщалась повѣшенною сверху лампадою о трехъ рожкахъ. Графъ Ланцелоти и все остальное общество сидѣли на поставленныхъ рядомъ креслахъ; я помѣстился въ самыхъ крайнихъ, а Казоти сталъ позади меня. Занавѣсъ, повѣшенный во всю ширину комнаты, раздѣляетъ ее на двѣ части. Я поглядѣлъ вокругъ себя: ни на одномъ изъ присутствующихъ лица не было; мужчины старались, по крайней мѣрѣ, казаться спокойными, но женщины не скрывали своего страха и дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ. Признаюсь, и мое сердце замирало отъ ужаса, но вскорѣ любопытство и нетерпѣніе совершенно подавили во мнѣ всякое чувство боязни. Прошло нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ ароматическое куреніе наполнило всю комнату, тихо отдернулся занавѣсъ, и мы увидѣли графа Каліостро передъ небольшимъ жертвенникомъ, на которомъ стояла жаровня и лежала толстая книга въ черномъ бархатномъ переплетѣ. Вся эта часть комнаты освѣщалась огромнымъ серебря-

нымъ подсвѣчникомъ о семи свѣчахъ. Каліостро былъ въ черномъ платьѣ безъ галстука и съ распущенными по плечамъ волосами; лицо его было блѣдно, черные глаза блистали вдохновеніемъ, а изъ полуоткрытыхъ устъ вылетали какія-то невнятныя слова. Онъ держалъ въ рукахъ золотую коробочку, изъ которой продолжалъ сыпать порошокъ въ жаровню; изъ нея подымались облака зеленоватаго дыма, и сильный ароматическій запахъ распространялся болѣе и болѣе по всей комнатѣ. Позади меня раздался громкій вздохъ; всѣ вздрогнули. — Я задыхаюсь! — проговорилъ болѣзненнымъ голосомъ синьоръ Казоти: — мнѣ дурно! — Ступайте вонъ! — шепнулъ графъ Ланцелоти, и аббатъ, шатаясь какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты. Никогда не забуду взгляда, который бросилъ вслѣдъ за нимъ Каліостро, — казалось, онъ хотѣлъ имъ превратить въ пепелъ бѣднаго Казоти. Когда все пришло опять въ прежній порядокъ, Каліостро взялъ съ жертвенника книгу, отошелъ къ сторонѣ и началъ читать вполголоса. Какъ я ни напрягалъ мой слухъ, но не могъ ничего разобрать; зато ни одно движеніе Каліостро не укрылось отъ моихъ глазъ. Онъ часъ-отъ-часу становился тревожнѣе, грудь его волновалась, посинѣвшія губы дрожали, волосы примѣтнымъ образомъ становились дыбомъ, крупныя капли пота текли по лицу, — и онъ, какъ будто бы изнемогая отъ сильнаго напряженія, отъ-времени-до-времени переставалъ читать и, казалось, съ трудомъ переводилъ дыханіе. Вдругъ вся наружность его измѣнилась; глаза запылали, яркій румянецъ разлился по блѣднымъ щекамъ: замѣтно была, что послѣ тяжкой борьбы наступила минута одолѣнія и торжества. Каліостро закрылъ книгу и мощнымъ голосомъ, который и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ, повторилъ трижды какое-то таинственное слово; при третьемъ разѣ, что-то, похожее на электрическое потрясеніе, пробѣжало по всѣмъ моимъ нервамъ; стоящій передъ жертвенникомъ семисвѣтильникъ погасъ, и на насъ повѣяло могиль-

нымъ холодомъ. Не знаю, что происходило съ другими, я могу говорить вамъ только о моихъ собственныхъ ощущеніяхъ, — мнѣ было страшно; но этотъ страхъ вовсе не походилъ на тотъ, который при видѣ опасности стѣсняетъ наше сердце; онъ скорѣй напоминалъ это страданіе, эту неизъяснимую тоску, которая въ смертный часъ, какъ жадный коршунъ, падаетъ на грудь умирающаго грѣшника. Я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, никто ко мнѣ не прикасался; но, несмотря на это, *отгадывалъ* чье-то невидимое присутствіе. За минуту насъ было только шестеро, а теперь я чувствовалъ, — да, господа! смѣйтесь надо мною,— а я, точно, не видѣлъ, не слышалъ, а *чувствовалъ*, что кто-то седьмой былъ вмѣстѣ съ нами. Межъ тѣмъ Каліостро бросилъ еще въ жаровню нѣсколько щепотей порошка; дымъ заклубился, поднялся аршина на три кверху, и вмѣсто того, чтобъ разойтись по всей комнатѣ, остановился неподвижно надъ жертвенникомъ; мало-по-малу оконечности его стали принимать опредѣленную форму; верхняя часть этого дымнаго облака округлилась, что-то похожее на сложенныя крестомъ руки обрисовалось на его серединѣ, которая начала бѣлѣть, и черезъ нѣсколько минутъ представилось намъ, хотя еще тусклое, но уже совершенно правильное изображеніе человѣка въ бѣломъ саванѣ. Съ каждымъ мгновеніемъ это явленіе дѣлалось яснѣе и вещественнѣе, формы округлялись, черты лица стали отдѣляться одна отъ другой, и вдругъ полупрозрачный образъ блѣднаго, измозженнаго болѣзнію старика, съ лицомъ грустнымъ, но спокойнымъ, тихо опустился на полъ и сталъ передъ жертвенникомъ.

— Праведный Боже! — вскричалъ графъ Ланцелоти,—это онъ!

Двери съ шумомъ распахнулись и нѣсколько слугъ вбѣжало торопливо въ комнату. Привидѣніе исчезло.

— Екселенце! — проговорилъ одинъ изъ людей,— домъ окруженъ солдатами!

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Намъ измѣнили,—вскричалъ хозяинъ.

— Кажется, ищутъ графа Каліостро,—продолжалъ слуга.—Самъ синьоръ баржелло[1]) ведетъ сюда своихъ сбировъ.

— Спасайтесь, Каліостро!—сказала торопливо графиня. — Вы можете задними дверьми выйти въ садъ.

— Тамъ стоятъ двое часовыхъ, — шепнулъ слуга.

Каліостро не трогался съ мѣста.

— Спасайтесь! Бога ради, спасайтесь!—закричалъ графъ Ланцелоти. — Вы и насъ погубите вмѣстѣ съ собою!

— Нѣтъ! — сказалъ Каліостро, — всѣ ваши усилія спасти меня будутъ напрасны: мой часъ наступилъ!

Въ коридорѣ раздались шаги поспѣшно идущихъ людей. Каліостро подошелъ ко мнѣ.—Я обѣщалъ сдѣлать васъ моимъ наслѣдникомъ, и долженъ сдержать мое слово,—сказалъ онъ вполголоса, подавая мнѣ запечатанный пакетъ. — Тутъ не болѣе десяти словъ; но этого довольно, чтобъ сблизить васъ съ тѣмъ, отъ кого вы узнаете все.

Я взялъ пакетъ и спряталъ его поспѣшно въ мой карманъ.

— Еще одно слово, — продолжалъ Каліостро.—Я былъ обязанъ клятвою передать кому-нибудь мою тайну; но ничто не обязываетъ васъ воспользоваться этимъ пагубнымъ наслѣдствомъ. Не забывайте этого!

Тутъ полицейскій начальникъ съ толпою сбировъ вошелъ въ комнату.

— Кто здѣсь Каліостро? — спросилъ онъ повелительнымъ голосомъ.

— Я!—отвѣчалъ графъ Каліостро.

— Именемъ правительства,—продолжалъ полицейскій начальникъ,—я беру васъ подъ стражу.

— Позвольте спросить...—сказалъ графъ Ланцелоти.

— И вы также, графъ,—прервалъ полицейскій,—

---

[1]) Баржелло—названіе главнаго начальника полицейской команды въ Римѣ.

должны явиться со мною въ Дель-Говерно [1]). Ваша связь съ этимъ негодяемъ — все что я вижу въ этой комнатѣ... Но вы могли быть обмануты, и я надѣюсь... Гости ваши свободны; я запишу ихъ имена. Этого самозванца! — продолжалъ чиновникъ, указывая на Каліостро, — въ замокъ святого Ангела; а вы, графъ, извольте ѣхать со мною.

На другой день меня попросили выѣхать изъ Рима. Спустя шесть лѣтъ послѣ этого приключенія, я узналъ, что Каліостро умеръ въ замкѣ святого Ангела, а жена его пропала безъ вѣсти. Говорятъ, что она также кончила жизнь въ заключеніи. Бѣдная Лоренца, какъ она была прекрасна!

III.

НЕЗНАКОМЫЙ.

Нейгофъ замолчалъ.

— Ну, что,—спросилъ князь Двинскій,—только-то?

— А чего жъ тебѣ еще больше?—отвѣчалъ равнодушно магистръ, принимаясь снова за свою трубку.

— Да чтожъ ты намъ доказалъ этимъ разсказомъ?

— Какъ что?—вскричалъ Возницынъ:—да развѣ ты не слышалъ?.. Нѣтъ, любезный! если онъ не лжетъ...

— Я никогда не лгу,—прервалъ магистръ.

— Такъ этотъ колдунъ,—продолжалъ Возницынъ,— заткнулъ бы за поясъ и моего Касимовскаго знахаря... Экій дока, подумаешь! тотъ еще мертвецовъ-то съ того свѣта не выкликалъ, а этотъ чортовъ сынъ, Каліостро...

— Мастеръ былъ показывать китайскія тѣни! — подхватилъ князь.

— А что такое было въ запечатанномъ пакетѣ, который онъ тебѣ отдалъ?—спросилъ Закамскій.

— Нѣсколько словъ о томъ...

— Какъ дѣлать золото?—сказалъ князь.

---

[1]) Дель-Говерно римскій уголовный судъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ магистръ;—тайна, которую повѣрилъ мнѣ Каліостро, была гораздо важнѣе: онъ открылъ мнѣ способъ, посредствомъ котораго я могу призывать духовъ...

— И ты вѣрно испыталъ его?

— Нѣтъ.

— Почему же ты не хотѣлъ этого сдѣлать?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Потому что я не забылъ послѣднихъ словъ и бѣдственной участи графа Каліостро.

— Ахъ, душенька Нейгофъ!—вскричалъ князь,—сдѣлай милость, покажи мнѣ чорта!

— Что ты, что ты, князь! перекрестись!—сказалъ Возницынъ:—иль ты не боишься...

— Кого? Чорта? Ни крошечки.

— Шути, братъ, шути! а какъ попадешься въ лапы къ сатанѣ и сдѣлаешься его батракомъ...

— Чего князю бояться сатаны,—пробормоталъ магистръ: — тотъ, кто ничему не вѣритъ, и безъ этого принадлежитъ ему.

— А если такъ, — продолжалъ князь, — такъ почему жъ ты не хочешь меня потѣшить?

Нейгофъ закурилъ трубку и, не отвѣчая ни слова, пошелъ бродить по рощѣ.

— Какой чудакъ!—сказалъ Закамскій.

— Что за чудакъ!—вскричалъ князь:—онъ просто сумасшедшій.

Я не слышалъ, что отвѣчалъ на это Закамскій, потому что пошелъ вслѣдъ за магистромъ.—Послушай, Антонъ Антонычъ,—сказалъ я, когда мы, отойдя шаговъ пятьдесятъ отъ нашихъ товарищей, потеряли ихъ вовсе изъ виду,—ты нѣсколько разъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ; докажи мнѣ ее на самомъ дѣлѣ.

Нейгофъ взглянулъ на меня исподлобья и покачалъ головою.

— Ты догадался о чемъ я хочу просить тебя? — продолжалъ я.

— Можетъ-быть. Говори, говори!

— Сдѣлай милость, открой мнѣ свой секретъ.

— Какой?

— Ну, тотъ, которымъ ты не хотѣлъ воспользоваться.

Магистръ нахмурилъ брови и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:—На что тебѣ это?

— На то, чтобъ узнать, наконецъ, кто изъ васъ правъ: ты или Двинскій!

— И ты точно рѣшился испытать это на самомъ дѣлѣ?

— А почему нѣтъ? На твоемъ мѣстѣ я давно бы ужъ это сдѣлалъ.

— Право?

— Увѣряю тебя.

Нейгофъ задумался.—Послушай, Александръ,—сказалъ онъ,—я не хочу тебя обманывать; я могу тебѣ передать это незавидное наслѣдство, и признаюсь, давно ищу человѣка, который могъ бы снять съ меня это тяжкое бремя; но знаешь ли, что тебя ожидаетъ, если ты, подобно мнѣ, не рѣшишься имъ воспользоваться?

— А что такое?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— Я еще молодъ,—продолжалъ магистръ,—а посмотри на эти сѣдые волосы, на это увядшее лицо; не года, не болѣзни, а страданія душевныя провели на лбу моемъ эти глубокія морщины. Видалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ я улыбался? Ты вѣрно думалъ, что этотъ вѣчно пасмурный и мрачный видъ есть только наружное выраженіе моего природнаго характера?.. Природнаго! Нѣтъ, Александръ! я нѣкогда былъ, также какъ и ты, воплощенной веселостію; было время, когда меня все радовало, все забавляло; было время, когда мой сонъ былъ покоенъ; но съ тѣхъ поръ, какъ эта пагубная тайна сдѣлалась моей собственностію, я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; ужасные сны, какое-то безпрерывное безпокойство, а пуще всего,—промолвилъ Нейгофъ вполголоса и оглядываясь съ робостію кругомъ,—этотъ неотвязный, сиповатый голосъ, который и теперь... да и теперь!.. Чу!.. слышишь,

какъ онъ раздается надъ моимъ ухомъ!.. О, какъ этотъ адскій шопотъ отвратителенъ! Каждый день и каждую ночь... и всегда одно и то-же: «Зачѣмъ ты похитилъ наслѣдство, которымъ не хочешь пользоваться? Я не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты не передашь его другому. Передай его... передай!»

Магистръ остановился; мрачное, но почти всегда спокойное лицо его совершенно измѣнилось; отчаяніе, страхъ и неизъяснимое отвращеніе поперемѣнно изображались во всѣхъ чертахъ лица его.—Ну, Александръ!— сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени, — хочешь ли ты и послѣ этого узнать мою тайну? Если ты поступишь какъ я, то тебя ожидаютъ тѣ же самыя мученія; а если будешь смѣлѣй меня, то, можетъ-быть... Нѣтъ, нѣтъ!.. Прочь, искуситель, прочь!.. Я не хочу быть причиною его погибели!

Странное дѣло! мнѣ не приходило въ голову, что Нейгофъ сумасшедшій, я видѣлъ, что онъ не шутитъ, вѣрилъ его словамъ, и, вмѣсто того, чтобъ отказаться отъ своего требованія, еще настоятельнѣе принялся просить его. Говорятъ, есть люди, которые не могутъ смотрѣть на гладкую поверхность глубокой рѣки или озера, не чувствуя неодолимаго желанія броситься въ воду; точно такое же *обаяніе* свершалось и надо мною: я видѣлъ всю опасность, которой подвергался, а хотѣлъ непремѣнно испытать ее. Магистръ оставался долго непреклоннымъ, но, подъ конецъ, убѣжденный моими просьбами и обѣщаніемъ, что я не употреблю во зло его тайны, онъ рѣшился мнѣ передать ее. Вынувъ изъ бокового кармана лоскутокъ бумаги и карандашъ, Нейгофъ написалъ на немъ нѣсколько словъ. Отдавая мнѣ эту бумажку, онъ сказалъ:—Ты долженъ рано по-утру придти на покинутое кладбище, на которомъ давно ужъ не совершалось никакой церковной службы; тамъ, оборотясь на западъ, очерти два круга: въ одномъ сожги эту записку, а въ другомъ дожидайся появленія духа; но только не забывай, что если ты не хочешь сдѣлаться рабомъ его, то не долженъ

выходить изъ круга, пока на ближайшей колокольнѣ не начнется благовѣстъ къ обѣднѣ; остальное зависитъ отъ тебя. Смотри, Александръ! не заплати дорого за свое любопытство; не засыпай безпечно на краю бездонной пропасти, а лучше всего... Но я не могу ничего сказать тебѣ болѣе... онъ не дозволяетъ... онъ снова начинаетъ шептать мнѣ на-ухо... Прощай!

Нейгофъ пустился почти бѣгомъ въ гору, и черезъ нѣсколько минутъ его дрожки застучали по дорогѣ, ведущей вонъ изъ села Коломенскаго. Я возвратился къ моимъ товарищамъ.

— Куда ты пропадалъ?—спросилъ меня Возницынъ.

— Я прошелся немного по рощѣ.

— Вмѣстѣ съ Нейгофомъ?—подхватилъ князь:—и вѣрно выпытывалъ изъ него тайну, какъ познакомиться съ чортомъ?

— Вотъ вздоръ какой! Да развѣ вы не замѣтили, что онъ смѣялся надъ нами?

— Кто? Антонъ Антонычъ? О, нѣтъ! Онъ говорилъ пресерьезно! Не правда ли, Закамскій?

— Я то же думаю,—отвѣчалъ Закамскій.—Мистическіе писатели вскружили ему немного голову.

— Немного? Помилуй! Онъ вовсе съ ума сошелъ.

— Да, подчасъ онъ походитъ на сумасшедшаго,—прервалъ Возницынъ.—Замѣчали ли вы, господа, что Нейгофъ иногда смотритъ совершенно помѣшаннымъ, озирается, вздрагиваетъ, трясетъ головою и какъ будто бы съ кѣмъ-нибудь разговариваетъ?

— Конечно,—продолжалъ Закамскій,—онъ большой чудакъ, и даже, если хотите, ипохондрикъ, но вовсе не сумасшедшій; онъ разсуждаетъ обо всемъ такъ умно и становится страннымъ только тогда, когда рѣчь дойдетъ до чертовщины.

— Ну, да!—вскричалъ князь:—на этомъ-то пунктѣ онъ и помѣшанъ; у него именно то, что французы называютъ: une idée fixe. Слыхали ли вы про одного сумасшедшаго, который исправлялъ въ Бедламѣ должность чичероне, водилъ по всему дому посѣтителей,

разсказывалъ имъ исторіи всѣхъ больныхъ, которые въ немъ содержались, и говорилъ такъ умно, что посѣтители почти всегда принимали его за одного изъ начальниковъ дома сумасшедшихъ до тѣхъ поръ, пока не подходили къ одному изъ больныхъ, который почиталъ себя Юпитеромъ; тутъ ихъ провожатый всегда останавливался и говорилъ имъ вполголоса:—Я долженъ васъ предувѣдомить, что этотъ господинъ называетъ себя Юпитеромъ и хочетъ попалить огнемъ всю землю. Да не бойтесь! Онъ точно Юпитеръ—это правда; но вѣдь и я не дюжинный богъ: я—Нептунъ и подпущу такую воду, что мигомъ потушу этотъ пожаръ.

— Куда ты дѣвалъ нашего колдуна?—спросилъ Возницынъ.

— Онъ уѣхалъ.

— Да не пора ли и намъ ѣхать?—сказалъ Закамскій.—Мы, помнится, князь, съ тобою сегодня въ театрѣ?

— Какъ же! Сегодня играетъ Воробьева, а ты знаешь, я ей протежирую. Пожалуй, безъ меня никто не хлопнетъ, когда она выйдетъ на сцену.

— Да, знатная актриса!—сказалъ Возницынъ, вставая:—а пострѣлъ Ожогинъ еще лучше!

Мы поѣхали; у заставы распрощались другъ съ другомъ. Возницынъ отправился куда-то въ гости на Зацѣпу, Закамскій и князь въ Петровскій театръ, а я домой. Мнѣ было вовсе не до театра и до визитовъ.

Я провелъ этотъ вечеръ въ раздумьѣ, и всю ночь не могъ заснуть. Меня вовсе не пугала мысль, что я пускаюсь на опытъ, который можетъ имѣть весьма дурныя для меня послѣдствія. Желаніе увѣриться въ истинѣ и любопытство, которое доходило до какого-то безумія, не допускали меня и думать объ опасности; а сверхъ того эта опасность могла быть мечтательная; быть-можетъ, Каліостро хотѣлъ только до конца играть роли обманщика и шарлатана, а Нейгофъ былъ просто ипохондрикъ и полуумный; меня мучило одно только условіе, которое я не зналъ какъ выполнить: гдѣ найти покинутое кладбище, на которомъ давно уже не раз-

давались христіанскія молитвы? На дворѣ разсвѣтало, а я все еще не спалъ. Желая чѣмъ-нибудь усыпить себя, я взялъ въ руки двѣнадцатый томъ историческаго словаря, который, не знаю почему, валялся на столѣ подлѣ моей кровати; развернулъ наудачу, попалъ на біографію знаменитаго Таверніе и прочелъ слѣдующія слова: «онъ (то-есть Тавернiе) отправился въ Москву, и лишь только въ оную пріѣхалъ, то и окончилъ бродящую жизнь свою въ іюлѣ 1689 года». Тутъ я вспомнилъ, что Закамскій, говоря однажды со мною объ этомъ неутомимомъ путешественникѣ, сказалъ:—онъ вѣрно похороненъ въ теперешней Марьиной рощѣ, гдѣ въ его время было нѣмецкое кладбище. Чего жъ лучше,—подумалъ я.—Вотъ не только оставленное, но вовсе забытое кладбище; на этомъ народномъ гуляньѣ давно уже заросшіе травою могильные камни превратились въ столы, за которыми раздаются веселыя пѣсни цыганъ и пирують въ семикъ разгульныя толпы московскихъ жителей.

Я вскочилъ съ постели, велѣлъ заложить мои дрожки, и черезъ часъ былъ уже за Троицкой заставой. У самаго поворота съ большой дороги въ Марьину рощу я приказалъ кучеру остановиться и ожидать меня подлѣ аллеи, ведущей въ село Останкино. Солнце еще не показывалось на небѣ, на которомъ не было ни одного облачка. Не знаю, оттого ли, что легкій плащъ плохо защищалъ меня отъ утренняго холоднаго воздуха, или отчего другого, но я помню, что у меня была лихорадка: я дрожалъ. Пройдя съ четверть версты скорымъ шагомъ, я посогрѣлся. Разумѣется, ни одной живой души не было въ рощѣ. Вдали, въ концѣ широкой просѣки, бѣлѣлись стѣны трактира и нѣсколько разбросанныхъ между кустовъ палатокъ; далѣе, къ Сущовской заставѣ, выли собаки на медвѣжьей травлѣ, и только вдоль опушки ближайшей Останкинской рощи раздавалась по зарѣ протяжная пѣсня одного крестьянина, который выѣхалъ чѣмъ свѣтъ въ поле, чтобъ спахать свой осминникъ. У Рождества Божіей Матери,

на Бутыркахъ, заблаговѣстили къ заутрени. Я невольно снялъ шляпу, перекрестился, и мысль воротиться назадъ, какъ молнія, мелькнула въ головѣ моей.—Не искушай твоего Господа!—раздалось въ душѣ моей; но этотъ благой помыслъ былъ непродолжителенъ; проклятое любопытство и желаніе, какъ говорится, выдержать характеръ, то-есть во что бъ ни стало поставить на своемъ, заглушили во мнѣ этотъ слабый отголосокъ дѣтскихъ чувствъ и моихъ первыхъ христіанскихъ впечатлѣній. Я вошелъ въ рощу.

Пройдя шаговъ сто по широкой просѣкѣ, я повернулъ направо между деревьевъ: тутъ было разбросано въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого нѣсколько надгробныхъ камней. Я остановился, поглядѣлъ кругомъ себя: все было пусто и тихо какъ въ полночь, и слабый свѣтъ, который проникалъ сквозь вѣтки деревьевъ, походилъ болѣе на лунное сіяніе, чѣмъ на блескъ утренняго солнца. Я сыскалъ толстый сукъ, очертилъ имъ два круга; въ одномъ сдѣлалъ небольшой костеръ изъ сухихъ спичекъ, которыя привезъ съ собою, бросилъ на него таинственную записку, высѣкъ огня, подложилъ и, войдя въ другой кругъ, сталъ дожидаться, чѣмъ все это кончится. Съ той самой минуты, какъ я занялся этими приготовленіями, робость моя исчезла и я сдѣлался такъ спокоенъ, какъ будто бы занимался какимъ-нибудь физическимъ опытомъ. Въ минуту огонь обхватилъ записку, она запылала; въ то же самое время стая птицъ поднялась со всѣхъ окружныхъ деревьевъ и съ громкимъ крикомъ понеслась вонъ изъ рощи. Съ одной только березы, подлѣ которой я стоялъ, не слетѣлъ огромный воронъ и принялся каркать такимъ зловѣщимъ голосомъ, что я снова почувствовалъ въ себѣ какую-то робость. Вотъ прошло полчаса—все та же тишина; еще прошло столько же—все смирно вокругъ, никто не является, не слышно никакого шороха, даже вѣтерокъ не колышетъ листьевъ на деревьяхъ, а солнце ужъ высоко.—Чтожъ это?—подумалъ я:—въ самомъ дѣлѣ, не повѣрилъ ли я сума-

сшедшему? или, что еще хуже, не дурачитъ ли меня этотъ магистръ?.. Ахъ, чортъ возьми!—Вотъ гляжу, ѣдетъ мимо меня крестьянинъ въ телѣгѣ, черезъ минуту другой, вонъ мелькнулъ красный сарафанъ; вотъ зашевелились кругомъ трактира; еще полчаса и вся роща оживится, а я буду стоять въ кругу и дожидаться какого-то чуда... Онъ совѣтовалъ мнѣ не выходить изъ него, пока не заблаговѣстятъ къ обѣднѣ... Слуга покорный!.. Три часа сряду быть пошлымъ дуракомъ!..—Ахъ, ты, проклятый нѣмецъ!—вскричалъ я, выходя изъ круга.—Нѣтъ, голубчикъ, будетъ съ тебя и того, что я битый часъ простоялъ здѣсь на караулѣ!

— Позвольте узнать, гдѣ большая дорога?—сказалъ кто-то позади меня на чистомъ французскомъ языкѣ. Я вздрогнулъ, обернулся: въ двухъ шагахъ отъ меня стоялъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти въ модномъ гороховомъ сюртукѣ съ длиннымъ висячимъ воротникомъ, въ круглой шляпѣ и щегольскихъ сапогахъ съ бѣлыми кожаными отворотами. Нечаянное появленіе этого незнакомца такъ меня испугало, что я съ полминуты не могъ оправиться и понять, чего онъ отъ меня хочетъ. Онъ повторилъ свой вопросъ на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Большая дорога отсюда въ двухъ шагахъ,—сказалъ я, наконецъ.—Я самъ пробираюсь къ заставѣ, и если вамъ угодно идти со мною...

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча. Я поглядывалъ украдкою на этого господина, сначала съ какимъ-то страхомъ: мнѣ все казалось, что у него подъ шляпою припрятаны рога, а щегольскіе сапоги надѣты на козлиныя ноги. Съ перваго взгляда наружность его мнѣ вовсе не понравилась; смуглое продолговатое лицо, орлиный носъ, ротъ до ушей и свѣтлосѣрые блестящіе глаза, на которые тяжело было смотрѣть; но голосъ такой пріятный, такой гармоническій, что когда онъ начиналъ говорить, то мой слухъ рѣшительно былъ очарованъ.

— Я, кажется, нигдѣ не имѣлъ удовольствія съ вами встрѣчаться?—сказалъ я для того, чтобъ что-нибудь сказать.

— Я не болѣе трехъ дней какъ пріѣхалъ въ Москву,—отвѣчалъ незнакомый,—и почти никого здѣсь не знаю. Мнѣ расхвалили московскія окрестности, такъ я хотѣлъ ими полюбоваться. У всякаго свои причуды: я люблю бродить по полямъ, шататься по лѣсу; но только не въ то время, когда гуляютъ другіе. Сегодня, вмѣстѣ съ утренней зарею; я выѣхалъ за заставу и, признаюсь, очень удивился, когда встрѣтилъ васъ въ этой рощѣ.

Незнакомый сказалъ послѣднія слова съ какой-то сатанинской улыбкою, отъ которой меня бросило въ жаръ.—Боже мой!—подумалъ я,—ну, если онъ подсмотрѣлъ, что я здѣсь дѣлалъ!

— Мнѣ показалось, — продолжалъ незнакомый, — что вы были чѣмъ-то заняты; вы вѣрно разсматривали древніе надгробные камни, которые въ этой рощѣ на каждомъ шагу попадаются.

— Да, я разбиралъ надписи.

— И вѣрно не позавидовали краснорѣчію тѣхъ, которые ихъ сочиняли? Я также прочелъ надписи двѣ—одна другой глупѣе. Надобно сказать правду, древніе заставляли говорить умнѣе своихъ покойниковъ. Но вотъ, кажется, и большая дорога, — продолжалъ незнакомый.—Моя коляска стоитъ у самой заставы, и если вамъ не наскучило еще идти пѣшкомъ...

— Извините!—прервалъ я, чувствуя въ себѣ какое-то неизъяснимое желаніе поскорѣй отдѣлаться отъ этого товарища.—Мнѣ некогда... я тороплюсь въ городъ.

Незнакомый улыбнулся и замолчалъ, а я махнулъ моему кучеру; но лишь только онъ принялся за вожжи, чтобъ ѣхать ко мнѣ навстрѣчу, лошади начали храпѣть, становиться на дыбы, вдругъ бросились въ сторону, понесли цѣликомъ, по пенькамъ, чрезъ канавки, а менѣе чѣмъ въ полминуты пристяжная лежала на-

боку, а изъ дрожекъ остались цѣлыми только одно колесо и оглобли. Къ счастію, мой кучеръ также уцѣлѣлъ. Надобно было непремѣнно отпрячь лошадей и отвезти изломанныя дрожки на извозчикѣ. При помощи проходящихъ мы скоро все уладили; одинъ крестьянинъ взялся сбѣгать за извозчикомъ, а я никакъ не могъ отговориться отъ незнакомаго, который хотѣлъ непремѣнно довезти меня до дому. Мы подошли къ заставѣ. Красивая вѣнская коляска, заложенная парою отличныхъ вороныхъ коней, стояла у самаго шлагбаума. Мальчикъ, одѣтый англійскимъ жокеемъ, отворилъ дверцы; мы сѣли и шибкой рысью помчались по улицѣ.

Отъ Троицкой заставы до Арбатскихъ воротъ, гдѣ я жилъ, будетъ, по крайней мѣрѣ, версты четыре; однакожъ мы ѣхали не болѣе четверти часа. Дорогою я узналъ, что мой новый знакомецъ называется баронъ Брокенъ, что онъ два раза объѣхалъ кругомъ свѣта и теперь отдыхаетъ, гуляя по Европѣ; что онъ, имѣя непреодолимую страсть къ путешествіямъ, выучился говорить почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, и что русскій нравится ему всѣхъ болѣе. Не знаю оттого ли что онъ потѣшилъ мое національное самолюбіе, похваливъ нашъ родной языкъ, или потому, что этотъ баронъ говоритъ отмѣнно умно и пріятно, но только онъ успѣлъ совершенно помирить меня съ собою; его блестящіе лукавствомъ глаза, насмѣшливое выраженіе лица, и даже эта почти безпрерывная сардоническая улыбка, которая показалась мнѣ сначала такъ отвратительною, не возбуждала уже во мнѣ никакого непріятнаго чувства. Когда мы подъѣхали къ воротамъ моей квартиры, я пригласилъ его войти и выпить со мною чашку чая.

— Скажите мнѣ, — спросилъ я своего новаго знакомца, усадивъ его на канапе, — долго ли вы у насъ въ Москвѣ прогостите?

— Право не знаю, какъ вамъ отвѣтить, — сказалъ баронъ. — Если ваша Москва мнѣ понравится, то я проживу здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, цѣлый годъ—даже два; а, можетъ-быть, не погнѣвайтесь, уѣду и черезъ

недѣлю. Я шатаюсь по свѣту безъ всякаго плана, безъ всякой цѣли—просто для своей забавы. До сихъ поръ я могъ прожить два года сряду только въ одномъ Парижѣ и, вѣроятно, остался бы еще долѣе; но этотъ первый консулъ съ своимъ порядкомъ, съ своими законами до смерти мнѣ надоѣлъ. Народъ пересталъ мѣшаться въ дѣла правительства, по улицамъ тихо, тюрьмы опустѣли, нѣтъ жизни, нѣтъ движенія; опять зазвонили на всѣхъ колокольняхъ—тоска да и только! Я вижу, слова мои васъ удивляютъ,—промолвилъ баронъ, взглянувъ на меня съ улыбкою;—да и можетъ ли быть иначе: вы русскій, живете въ православной Москвѣ, такъ, конечно, этотъ образъ мыслей долженъ казаться вамъ...

— Нѣсколько страннымъ — это правда, — сказалъ я.—Говорятъ, теперь можно жить въ Парижѣ; но когда онъ тонулъ въ крови...

— Тонулъ!.. И полноте! Это риторическая фигура. И что такое нѣсколько тысячъ людей менѣе или болѣе для Парижа? Развѣ не бываютъ въ большихъ городахъ повальныя болѣзни? А какъ зовутъ эту болѣзнь: повѣтріемъ, тифомъ, чумою, гильотиною — не все ли это равно?

— Но что за радость жить въ чумномъ городѣ? И позвольте вамъ сказать: когда Маратъ, Робеспіеръ, Дантонъ и сотни другихъ злодѣевъ управляли Франціею...

— Тогда въ тысячу разъ было веселѣе, чѣмъ теперь,—прервалъ съ живостію баронъ.—Все дѣло зависитъ отъ взгляда. Какая-нибудь слезная нѣмецкая драма, отъ которой плачетъ глупецъ, заставитъ васъ смѣяться. При Робеспіерѣ давались точно такія же представленія въ Парижѣ и во всей Франціи, какъ нѣкогда въ древнемъ Римѣ; только число актеровъ, которые умирали для потѣхи зрителей, было поболѣе. А какая кипучая жизнь!.. Какъ проявлялось [1]) она во всей своей

---

[1]) Это слово вошло недавно въ употребленіе; но могу васъ увѣрить, что я точно въ первый разъ услышалъ его отъ барона *Брокена.*

силѣ и энергіи!.. Представьте себѣ: въ одномъ углу Парижа рѣзали, рубили головы, въ другомъ плясали, пѣли, бѣсновались. Сегодня одно правительство, завтра другое, послѣзавтра третье, ну, точно китайскія тѣни. Сегодня Дантонъ выше всѣхъ цѣлой головою, а завтра онъ безъ головы; сегодня Робеспіеръ приказываетъ и Франція повинуется, а завтра его волочатъ по грязи. На улицахъ вѣчный базаръ, всѣ въ какомъ-то опьяненіи, въ чаду. Жизнь текла такъ быстро, опомниться было нѣкогда, всякій спѣшилъ наслаждаться, потому что не зналъ, будетъ ли живъ завтра. А эти публичныя вакханаліи, эти языческіе праздники, эти братскіе ужины, на манеръ спартанскихъ обѣдовъ, эти Бруты въ толстыхъ галстукахъ и Гораціи въ красныхъ колпакахъ, эти французскія гречанки, которыя въ газовыхъ тюникахъ, съ босыми ногами, вальсировали какъ безумныя на балахъ, даваемыхъ въ память ихъ отцовъ, мужей и братьевъ, погибшихъ на эшафотѣ [1]). Все это было такъ пестро, такъ необыкновенно! Вся Франція походила въ это время...

— На обширный домъ сумасшедшихъ!—сказалъ я.

— Не спорю! — продолжалъ баронъ; — но это безуміе, эта общая и безпрерывная оргія цѣлой націи имѣла въ себѣ тьму поэзіи, передъ которой наша блѣдная общественная жизнь, съ своими пошлыми приличіями, съ своими обветшалыми условіями и лицемѣрной добродѣтелью, такъ скучна, такъ безцвѣтна, что мочи нѣтъ! Признаюсь, я смотрѣлъ съ восторгомъ на это броженіе умовъ, на этотъ избытокъ жизни: они ручались мнѣ за будущее. Французы не шли, а бѣжали впередъ. Они были нѣкогда религіозными фанатиками; при Филиппѣ жгли на кострахъ рыцарей храма, а при Карлѣ IX-мъ рѣзали протестантовъ. Эти же самые французы, во время революціи, ничему не вѣрили, ничего не признавали, кромѣ богини разума,

---

[1]) Les bals de victimes.

которую, скажу вамъ мимоходомъ, представляла очень не дурно одна балетная фигурантка. Да, французы были тогда отмѣнно забавны, а Парижъ—о! Парижъ былъ очарователенъ, и я еще разъ повторяю вамъ, что въ это лихорадочное, тревожное время онъ былъ точно мой городъ: я любилъ его. Вамъ это странно? Чтожъ дѣлать! я люблю смуты, движеніе, тревогу. Конечно, миръ, тишина и спокойствіе прекрасны; но они такъ походятъ на смерть, такъ напоминаютъ могилу!..

Я слушалъ моего новаго знакомца и нѣсколько разъ подымалъ невольно руку, чтобъ перекреститься; всѣ опасенія мои возобновились.—Господи Боже мой! что это? Кто, кромѣ дьявола, будетъ говорить съ такою любовью о французской революціи? кто, кромѣ ангела тьмы, станетъ вспоминать съ восторгомъ объ этой человѣческой бойнѣ и жалѣть, что она прекратилась? Вѣроятно баронъ отгадалъ, что происходило въ душѣ моей: онъ засмѣялся и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ:—Не бойтесь! я, право, не былъ пріятелемъ ни Робеспіеру, ни Марату, и вовсе не то, что вы думаете. Вамъ странно, что я говорю шутя о французской революціи? Поживите подолѣе, пошатайтесь по свѣту, такъ, можетъ-быть, и вы перестанете говорить о ней съ такимъ отвращеніемъ и ужасомъ: вѣдь ко всему можно приглядѣться. Когда вы узнаете хорошенько людей и все, къ чему способна эта порода двуногихъ животныхъ, то вы будете дивиться только одному, какъ они до сихъ поръ не передушили другъ друга. Вольтеръ называлъ французовъ полу-обезьянами и полу-тиграми; да, всѣ люди таковы. Родъ человѣческій въ одно и то же время такъ гадокъ и такъ смѣшонъ, что нѣтъ никакой средины: или, глядя на него, должно, какъ Гераклиту, безпрестанно плакать, или, какъ Демокриту, поминутно смѣяться. Я выбралъ послѣднее. Теперь вы видите, почему этотъ шутовской маскарадъ, этотъ трагикомическій фарсъ, который мы называемъ французской революціею, казался для меня очень забавнымъ... Да что объ этомъ говорить! Вы, кажется,

не любите ни политики, ни философіи; я и самъ ихъ терпѣть не могу. Мы живемъ не долго, а для умнаго человѣка такъ много наслажденій въ жизни, что, право, стыдно терять время на эту пустую болтовню. Поговоримте лучше о другомъ. Прошлаго года я познакомился въ Карлсбадѣ съ одной русской дамою, которая теперь должна быть въ Москвѣ. Можетъ-быть, вы ее знаете? Въ Карлсбадѣ ее называли просто русской красавицею, прекрасной Надиною; а мужа, который вовсе не красавецъ, кажется, зовутъ Алексѣемъ Семеновичемъ Днѣпровскимъ.

— Да, точно, они теперь въ Москвѣ; но я не знакомъ съ ними.

— Такъ познакомтесь! Вамъ будетъ у нихъ очень весело. Жена мила какъ ангелъ, прелесть собою; а мужъ такой добрый, такой довѣрчивый, такой глупый! Отличный хлѣбосолъ, кормитъ прекрасно, и всегда въ большой дружбѣ съ тѣмъ, кто волочится за его женою.

— У меня есть къ нимъ рекомендательное письмо отъ моего опекуна; но когда я пріѣхалъ въ Москву, они были за границей.

— Чего жъ лучше? Ступайте къ нимъ... Или нѣтъ, я сегодня ихъ отыщу. Днѣпровскій далъ мнѣ при разставаньи свой московскій адресъ. Я ихъ предувѣдомлю, и мы завтра же поѣдемъ къ нимъ вмѣстѣ.

— Но я не знаю, отыщу ли мое рекомендательное письмо.

— И, полноте! Взгляните на себя: на что вамъ рекомендательныя письма? Вотъ, напримѣръ, я, о, это другое дѣло! и я могу понравиться, но ужъ конечно не съ перваго взгляда. И такъ это рѣшено; пріѣзжайте завтра ко мнѣ, мы позавтракаемъ, выпьемъ бутылку шампанскаго и сговоримся, когда ѣхать къ Днѣпровскимъ. Я живу на Тверской въ венеціянскомъ домѣ, номеръ тридцать третій. До свиданья! Я жду васъ часу въ первомъ—не забудьте!

Баронъ пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

IV.

НАДИНА ДНѢПРОВСКАЯ.

Я не забылъ своего обѣщанія, и ровно въ двѣнадцать часовъ былъ уже въ венеціянскомъ домѣ [1]). Мальчикъ, одѣтый жокеемъ, побѣжалъ доложить обо мнѣ барону.—О! да вы преаккуратный молодой человѣкъ! — сказалъ Брокенъ, идя ко мнѣ навстрѣчу.— Давайте завтракать, а потомъ вы скажете мнѣ свое мнѣніе объ этомъ винѣ. Клянусь честію, такого шампанскаго я не пивалъ въ самомъ Парижѣ! Честь и слава вашей Москвѣ! Я вижу, въ ней за деньги можно имѣть все.

Мы позавтракали, выпили по два бокала шампанскаго, которое въ самомъ дѣлѣ показалось мнѣ превосходнымъ. Баронъ сказалъ мнѣ, что отыскалъ Днѣпровскихъ, что они очень ему обрадовались и весьма желаютъ со мною познакомиться. — Мы поѣдемъ къ нимъ сегодня вечеромъ, — продолжалъ онъ. — Знайте напередъ, что хозяинъ замучитъ васъ своими вѣжливыми фразами и, вѣрно, полюбитъ до-смерти, если вы станете любезничать съ его женою. Не знаю, будете ли вы довольны пріемомъ хозяйки; на нее находитъ иногда какая-то задумчивость и грусть. Если вы нападете на одну изъ этихъ минутъ, то, быть-можетъ, эта любезная женщина покажется вамъ вовсе нелюбезною. Изо всѣхъ ея знакомыхъ, одинъ только мужъ не отгадываетъ причины этихъ меланхолическихъ припадковъ, и когда бъ ему сказали: «твоя жена тоскуетъ вѣроятно оттого, что влюблена», такъ онъ вѣрно бы отвѣчалъ: «да отчего же ей тосковать, вѣдь я ее люблю?» А еслибъ нашелся добрый человѣкъ, который сказалъ бы ему: «дуракъ! да она любитъ не тебя!» то этотъ образцовый мужъ умеръ бы со смѣха.

---

[1]) Въ этомъ домѣ теперь гостиница Европа.

— Да почему же вы думаете,—спросилъ я,—что Днѣпровская влюблена?

— Потому, что женщина съ такой романической головою и чувствительнымъ сердцемъ должна непремѣнно любить, а такъ какъ мужъ ея вовсе не любезенъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, она любитъ когонибудь другого и, вѣроятно, тоскуетъ о томъ, что не можетъ принадлежать тому, кого любитъ. Это такъ просто, такъ натурально!.. А, впрочемъ, статься можетъ, что Днѣпровская никого еще не любила; бытьможетъ, ее тревожитъ это безотчетное желаніе любви, эта потребность упиться страстью, слить свою душу съ душою другого; и почему знать, — прибавилъ съ улыбкою баронъ,—можетъ-быть, вы тотъ счастливецъ, на груди котораго это бѣдное сердце забьется новой жизнію и перестанетъ тосковать.

Я покраснѣлъ. — Ого! — вскричалъ баронъ,—да вы въ самомъ дѣлѣ человѣкъ опасный! Знаете ли, какъ эта дѣвственная стыдливость нравится женщинамъ? Вы прекрасный мужчина, живете въ большомъ свѣтѣ, вамъ за двадцать лѣтъ, и вы умѣете краснѣть!.. Ну, Днѣпровскій, держись!

— Ему нечего бояться,—сказалъ я, шутя.—Нѣтъ человѣка, который менѣе моего опасенъ для женщинъ: у меня есть невѣста, баронъ.

— Такъ чтожъ!

— Какъ что? Я люблю мою невѣсту, и хотя мы живемъ далеко другъ отъ друга...

Громкій хохотъ барона прервалъ мои слова. — И такъ, вы любите ее заочно?—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха. — Заочно!.. Ахъ, сдѣлайте милость, скажите мнѣ, въ какой части свѣта этотъ счастливый уголокъ земли, гдѣ вы набрались такихъ патріархальныхъ правилъ? Вы живете розно съ вашей невѣстою и не смѣете... О! да вы прекрасный Іосифъ, воплощенная добродѣтель!

— Но развѣ я могу принадлежать другой женщинѣ?

— Принадлежать и любить, двѣ вещи совершенно

разныя. Кто вамъ мѣшаетъ принадлежать одной, а любить всѣхъ?

— И дѣлиться со всѣми моимъ сердцемъ?

— Сердцемъ! Да кто вамъ говоритъ о сердцѣ? И что такое сердце? Сердце принадлежность женщинъ, у мужчинъ должна быть только голова.

— Такъ по-вашему, баронъ, постоянство...

— Постоянство! И, полноте! Что за рыцарскія правила! Вѣкъ Амадисовъ прошелъ. Помилуйте! Кто нынче говоритъ объ этихъ допотопныхъ добродѣтеляхъ? Да знаете ли, что, несмотря на вашу прекрасную наружность, вы вовсе пропадете во мнѣніи у женщинъ; онѣ станутъ вслухъ хвалить васъ, а потихоньку надъ вами смѣяться, и, воля ваша, женщины будутъ правы. Пусть хвастается своимъ постоянствомъ тотъ, который и хотѣлъ бы, да не можетъ быть непостояннымъ; но вы!.. Неужели вы думаете, что природа создала васъ красавцемъ для того, чтобъ вы любили одну только женщину! Какой вздоръ! Одну! когда вы можете свободно выбирать изъ этого прелестнаго цвѣтника, отъ пышной розы переходить къ скромной незабудкѣ, любоваться какимъ-нибудь пестрымъ, махровымъ цвѣткомъ, и бросать его при видѣ чистой и бѣлой, какъ снѣгъ, лиліи. Вы созданы для наслажденій, такъ наслаждайтесь! Можетъ-быть, вы скажете: женщины не цвѣтки: онѣ могутъ страдать, умирать съ тоски, гибнуть отъ вашего непостоянства. Не бойтесь! эти женскія горести, какъ весеннія тучи: лишь только начнутъ сбираться, анъ, глядишь, солнышко и проглянуло. Умираютъ съ тоски только тѣ, которыя не находятъ утѣшителей. Послушайтесь меня: любите однѣхъ хорошенькихъ и почивайте спокойно: никто не умретъ отъ вашего непостоянства.

Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на воображеніе молодого человѣка, какъ эти блестящіе софизмы, разбросанные въ простомъ, дружескомъ разговорѣ, высказанные шутя и представленные въ видѣ давно принятыхъ истинъ. Это ядъ, который подносятъ ему въ

прекрасномъ сосудѣ, и даютъ выпить не разомъ, а понемногу, каплю по каплѣ, чтобъ онъ не чувствовалъ всей его горечи, не догадался, что въ этомъ сосудѣ ядъ и не помѣшалъ отравить себя навѣрное. Еслибъ новый мой знакомецъ сталъ преподавать мнѣ свои правила систематически, какъ науку общежитія, то они показались бы мнѣ отвратительными; но этотъ веселый, шутливый тонъ, эти піитическія сравненія, эти насмѣшливыя фразы плѣняли меня своимъ остроуміемъ; въ нихъ развратная мысль таилась какъ змѣя подъ цвѣтами. Я былъ молодъ, вѣтренъ, но сердце мое было еще невинно, порокъ не овладѣлъ имъ; слѣдовательно, я уважалъ женщинъ и не вѣрилъ словамъ барона; а, несмотря на это, не смѣлъ ему противорѣчить, и даже, чтобъ не показаться смѣшнымъ педантомъ, или, какъ говорятъ нынче, *отсталымъ*, слушалъ его иногда съ одобрительною улыбкою.

Я пробылъ у барона часовъ до двухъ. Во все это время онъ говорилъ безпрестанно; переходя отъ одного предмета къ другому, онъ все болѣе и болѣе раскрывалъ мнѣ свою философію; нечувствительно становился смѣлѣе въ своихъ сужденіяхъ, осыпалъ эпиграммами старый образъ мыслей, говорилъ то шутя, то съ восторгомъ о новыхъ идеяхъ, о требованіяхъ вѣка, смѣялся надъ предразсудками и называлъ предразсудкомъ все, что я привыкъ съ дѣтства почитать святымъ. Сначала, когда змѣя стала приподымать изъ-за цвѣтовъ свою голову, я испугался; но баронъ говорилъ такъ мило, во всѣхъ словахъ его замѣтно было такое отличное образованіе, такой прекрасный тонъ, что подъ конецъ я рѣшительно увлекся, началъ слушать его не только безъ досады, но даже съ удовольствіемъ, и если не совсѣмъ сошелъ съ ума, то, по крайней мѣрѣ, опьянѣлъ совершенно. Возвратясь домой, я не вспомнилъ даже, что пропустилъ почтовый день и не писалъ къ Машенькѣ.

Въ восемь часовъ вечера баронъ заѣхалъ за мною, и мы отправились къ Днѣпровскимъ. Хозяинъ встрѣ-

тилъ насъ въ гостиной. Когда баронъ назвалъ меня по имени, Днѣпровскій, пожавъ мою руку, сказалъ:— Очень радъ, Александръ Михайловичъ, что могу съ вами познакомиться; надѣюсь, мы часто будемъ видѣться. Я васъ сейчасъ представлю моей Надеждѣ Васильевнѣ. Я иногда обѣдаю въ англійскомъ клубѣ, но она всегда дома; милости просимъ къ намъ каждый день.

Радушный пріемъ Днѣпровскаго мнѣ очень понравился; онъ показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ пятидесяти, но довольно пріятной наружности, и хотя я былъ предубѣжденъ на счетъ его ума, однакожъ не замѣтилъ ничего ни въ его словахъ, ни въ поступкахъ, что могло бы оправдать мнѣнія барона. Минутъ черезъ пять вошла въ гостиную молодая женщина, одѣтая просто, но съ большимъ вкусомъ.—Вотъ жена моя!—сказалъ Днѣпровскій. Я хотѣлъ подойти и поцѣловать ея руку (не смѣйтесь, это было лѣтъ сорокъ тому назадъ), но Днѣпровскій предупредилъ меня: онъ бросился съ испуганнымъ видомъ къ своей женѣ и вскричалъ:—Что ты, Надина, что съ тобою? Сядь, мой другъ, сядь!

— Ничего! — прошептала Днѣпровская, стараясь улыбаться.

— Ты совсѣмъ въ лицѣ перемѣнилась. Тебѣ дурно?

Въ самомъ дѣлѣ, она была блѣдна, какъ смерть.

— Ничего! — повторила Днѣпровская, садясь на кресла, которыя подалъ ей мужъ.—Это пройдетъ... Вчерашній балъ... Я такъ устала!.. Не безпокойтесь!— продолжала она, обращаясь ко мнѣ,—вотъ ужъ мнѣ и лучше.

— Да, да!—вскричалъ хозяинъ,—у тебя опять показался румянецъ... Какъ ты меня испугала, Надина!

— Знаете ли, Надежда Васильевна,—сказалъ баронъ, взглянувъ на меня съ улыбкою,—еслибъ мой пріятель былъ также дуренъ, какъ я, то можно было бы подумать, что вы его испугались.

— О нѣтъ!—прервалъ шутя хозяинъ:—Александръ

Михайловичъ страшенъ, да только не для женъ. Не правда ли, ma chère?

Надежда Васильевна, не отвѣчая на вопросъ мужа, пригласила меня сѣсть возлѣ себя. Разговоры людей, которые въ первый разъ видятъ другъ друга, почти всегда бываютъ одинаковы: двѣ, три фразы о томъ, что погода дурна или хороша, нѣсколько словъ о городскихъ новостяхъ, о балахъ; а иногда, если одинъ изъ разговаривающихъ бывалъ въ чужихъ краяхъ, рѣчь пойдетъ о томъ, что въ Россіи отмѣнно скучно, а за границей очень весело, что у насъ холодно зимою, а въ Италіи жарко лѣтомъ, или о томъ, какъ живописны берега Рейна, какъ высоки горы въ Швейцаріи, и какъ много въ Парижѣ театровъ. Все это очень ново, занимательно и отмѣнно забавно, а особливо для того, кто учился не у приходскаго дьячка и получилъ какое-нибудь образованіе. Мой первый разговоръ съ Надеждой Васильевной былъ именно въ этомъ родѣ; но она говорила такъ мило, голосъ ея былъ такъ пріятенъ, улыбка такъ очаровательна, что мнѣ показалось, будто я слышу въ первый разъ отъ роду, что въ Парижѣ есть театры, а въ Швейцаріи высокія горы и обширныя озера. Впрочемъ, надобно сказать правду, я гораздо внимательнѣе смотрѣлъ на мою прелестную собесѣдницу, чѣмъ слушалъ ея разсказы о *прекрасной* Франціи и благословенныхъ берегахъ Женевскаго озера; мнѣ все казалось, что мы не въ первый разъ въ жизни встрѣтились другъ съ другомъ: я гдѣ-то видѣлъ эти великолѣпные черные глаза, эти длинныя рѣсницы, этотъ унылый, но полный жизни взглядъ былъ точно мнѣ знакомъ... Вдругъ что-то прошедшее оживилось въ моей памяти, и я совсѣмъ некстати, даже очень невѣжливо, прервалъ ея рѣчь вопросомъ, который не имѣлъ ничего общаго съ нашимъ разговоромъ.—У васъ, кажется, есть подмосковная?—спросилъ я.

— Да, —отвѣчала Днѣпровская, — на двѣнадцатой верстѣ отъ Москвы, по Владимірской дорогѣ.

— И вы любите ѣздить верхомъ?

Этотъ второй вопросъ, который также довольно плохо клеился къ первому, заставилъ покраснѣть Надежду Васильевну. Я повторилъ его.

— Третьяго года я очень часто ѣздила верхомъ,— прошептала она тихимъ голосомъ.

— И такъ, это были вы!

Днѣпровская не отвѣчала, но покраснѣла еще болѣе; томные глаза ея заблистали радостію, и если бы я былъ хотя нѣсколько поопытнѣе, то прочелъ бы въ нихъ: какъ я счастлива—онъ узналъ меня!

— Ma chère amie!—закричалъ Днѣпровскій:—графиня Марья Сергѣевна!

Надежда Васильевна вскочила съ своего мѣста и побѣжала навстрѣчу къ дамѣ лѣтъ сорока, которая входила въ гостиную. Эта барыня была виднаго роста, но такъ желта и худа, такъ пряма, плоска и опутана золотыми цѣпочками, что, глядя на нее, я невольно вспомнилъ эти пряничныя, размалеванныя сусальнымъ золотомъ, человѣческія фигурки, до которыхъ былъ въ старину большой охотникъ. Я узналъ послѣ, что графиня великая музыкантша, то-есть она говорила съ восторгомъ объ итальянской музыкѣ, знала всѣ техническія музыкальныя названія, и сама, какъ разсказывали ея пріятели, пѣла бы прекрасно, еслибъ у нея былъ голосъ.—Поздравь меня, Надина!—вскричала она расцѣловавъ хозяйку,—я слышала сегодня Манжолети и на этой недѣлѣ буду пѣть съ нею тотъ самый дуэтъ который пѣла третьяго года съ Марою... Ахъ, мой другъ! какой голосъ! какая метода!.. Въ жизнь мою я не слыхала ничего подобнаго!.. Она пѣла... ты знаешь эту арію Чимарозы... эту прелесть... Ахъ, вспомнить не могу!..

Я объявилъ ужъ моимъ читателямъ, со всѣмъ простодушіемъ музыкальнаго невѣжды, что не люблю итальянской музыки; слѣдовательно, неохотно слушаю, когда о ней говорятъ, а особливо съ этимъ безпредѣльнымъ восторгомъ, который допускаетъ однѣ только восклицанія; мнѣ все кажется, что передо мною играютъ к

медію и сговорились меня дурачить [1]). Чтобъ не слышать возгласовъ этой *музыкальной* графини, я подошелъ къ барону.—Сегодня по-утру,—сказалъ онъ вполголоса,—я говорилъ вамъ, что, можетъ-быть, вы тотъ счастливецъ, на груди котораго бѣдное сердце Надины забьется новой жизнію; это было одно предположеніе, а теперь!.. О! да вы человѣкъ ужасный!.. При первомъ свиданіи, съ перваго взгляда... ну!!!

— Что вы, баронъ!.. Перестаньте!

— Виноватъ! Я стоялъ позади васъ и слышалъ все: это не первое, а второе свиданіе. Теперь я не скажу:—ну, Днѣпровскій, держись!—а подумаю про себя: бѣдный Днѣпровскій—терпи!

— Да полноте! Какъ вамъ не стыдно!

— Впрочемъ, оно такъ и быть должно: мужья прекрасныхъ женъ созданы для этого.

— Вы вѣрно забыли, баронъ...—сказалъ я шутя.

— Что вы помолвлены?.. О, нѣтъ! Но прежде, чѣмъ вы сдѣлаетесь похожимъ на Днѣпровскаго, ваша будущая супруга успѣетъ постарѣть, а это совсѣмъ дурное дѣло. Конечно, и тутъ есть монополія,—прибавилъ баронъ съ улыбкою;—по всей справедливости, все прекрасное,—а что можетъ быть прекраснѣе милой женщины?—не должно принадлежать исключительно одному; но, по крайней мѣрѣ, тутъ будутъ счастливы двое, такъ это еще сносно; а здѣсь, посмотрите: ну, не грустно ли видѣть такое уродливое сочетаніе весны съ глубокой осенью? Черезъ десять лѣтъ Надина все еще будетъ прекрасна, а этотъ Днѣпровскій... Представьте себѣ, что онъ будетъ черезъ десять лѣтъ? Старый изношенный колпакъ, нестерпимый брюзга, крапотунъ, въ подагрѣ, въ хирагрѣ и въ

[1]) Вотъ ужъ второй разъ сочинитель этой книги говоритъ съ неуваженіемъ объ итальянской музыкѣ. Я не хочу отвѣчать за чужіе грѣхи: у меня и своихъ довольно. Александръ Михайловичъ можетъ думать и говорить все, что ему угодно; чтожъ касается до меня, то я объявлю здѣсь торжественно, что вовсе не раздѣляю его мнѣнія, и слушаю всегда съ восторгомъ итальянскую музыку даже и тогда, когда ее поютъ аматеры. *М. З.*

разныхъ другихъ лихихъ болѣстяхъ!.. Когда въ супружествѣ тысячи молодыхъ людей пьютъ горькую чашу, вы думаете, что этотъ старый вампиръ, который заѣлъ вѣкъ прекрасной дѣвушки, останется безъ наказанія?.. Не бойтесь!.. Найдется утѣшитель—не вы, такъ другой... А, право, будетъ жаль!.. Посмотрите, какъ она мила!

Съ Днѣпровской говорили въ эту минуту пріятели мои, князь Двинскій и Закамскій; они только-что вошли въ комнату. Надежда Васильевна очень холодно отвѣчала на вѣжливыя фразы князя; но, казалось, весьма обрадовалась, увидя Закамскаго.

— Я сейчасъ отъ моей кузины,—сказалъ князь.—Знаете ли что, Надежда Васильевна: вѣдь я уговорилъ ее будущей весною ѣхать на воды. Она никакъ не хотѣла послушаться своего доктора; но я увѣрилъ ее, что Карлсбадскія воды дѣлаютъ чудеса, и въ доказательство привелъ васъ.

— Меня? Да какое чудо сдѣлали со мною Карлсбадскія воды?

— Вы пріѣхали съ нихъ еще прекраснѣе, чѣмъ были прежде; если это не чудо...

Надежда Васильевна улыбнулась.

Знаете ли вы эту женскую улыбку, которая страшнѣе всякой злой эпиграммы, эту улыбку, за которую мы стали бы стрѣляться на двухъ шагахъ съ мужчиною, и которая на розовыхъ губкахъ красавицы въ тысячу разъ еще обиднѣе? Вызвать эту улыбку на уста любимой женщины—такое несчастіе, съ которымъ ничего въ свѣтѣ сравниться не можетъ. Если она предпочитаетъ другого, не обращаетъ на васъ никакого вниманія, и даже ненавидитъ васъ, вы все еще можете надѣяться; но когда, говоря съ вами, она улыбнется, какъ улыбнулась Надежда Васильевна въ отвѣтъ на пошлую вѣжливость бѣднаго Двинскаго, то вы рѣшительно человѣкъ погибшій: вы должны непремѣнно или зачахнуть съ горя, или перестать любить ее.

— Клянусь честію,—продолжалъ Двинскій,—это

совершенная правда! Вы сдѣлались еще прекраснѣе; и если вы мнѣ не вѣрите...

— Какъ не вѣрить, князь, — прервала Днѣпровская: — вотъ ужъ третій разъ, какъ вы мнѣ это говорите.

— Il y a des choses qu'on ne peut assez répéter, madame!—пробормоталъ Двинскій, не зная, какъ скрыть свое смущеніе. Къ счастію, ему попался на глаза баронъ: онъ узналъ въ немъ своего парижскаго знакомца, и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился къ нему навстрѣчу.

— Вы ли это, Брокенъ? — вскричалъ онъ. — Возможно ли?..

— Да, князь, это я.

— Представьте себѣ: меня увѣрилъ пріятель мой, Вельскій, который вовсе не лгунъ, что вы умерли въ Парижѣ...

— На эшафотѣ?—прервалъ баронъ съ улыбкою.

— Да, да! Онъ божился, что видѣлъ самъ своими глазами...

— Какъ мнѣ отрубили голову?

— Да! Онъ разсказывалъ, что васъ казнили въ одинъ день съ Сент-Жюстомъ и Робеспіеромъ.

— Скажите пожалуйста!

— И что, взойдя на эшафотъ, вы очень долго разговаривали съ народомъ.

— Вотъ ужъ этого я не помню.

— Ну, можно ли такъ сочинять?

— Почему жъ сочинять? Это правда.

— Какъ правда?

— Да, мнѣ точно отрубили голову; но, къ счастію, я попалъ на руки къ хорошему доктору: онъ меня вылѣчилъ.

— Что за вздоръ!

— Право такъ.

— Вы вовсе не перемѣнились, баронъ.

— Да, князь, я люблю попрежнему быть вѣжливымъ, и скорѣе солгу самъ, чѣмъ скажу о другомъ

что онъ лжетъ, а особливо, если говорю съ его пріятелемъ.

— Какой оригиналъ этотъ баронъ, — сказалъ хозяинъ.—Не угодно ли вамъ въ бостонъ съ дамами?— продолжалъ онъ, подавая мнѣ карту.

Я отказался. Черезъ полчаса въ гостиной стало тѣсно; но скоро все пришло въ надлежащій порядокъ: партіи составились, по всѣмъ угламъ гостиной начали козырять, и самъ хозяинъ сѣлъ играть въ пикетъ съ однимъ напудреннымъ эмигрантомъ, у котораго въ петличкѣ висѣлъ орденъ святого Людовика. Надежда Васильевна пригласила въ диванную остальныхъ гостей, то-есть меня, Закамскаго, барона, князя и двухъ молодыхъ дамъ, изъ которыхъ одна была мнѣ знакома. Я хотѣлъ сѣсть подлѣ нея на диванѣ, но хозяйка предупредила меня.—Садитесь здѣсь, противъ насъ,—сказала она, показывая на большія вольтеровскія кресла.— Баронъ расположился подлѣ меня, а князь и Закамскій на другомъ концѣ дивана.

— Я надѣюсь, Александръ Михайловичъ,—сказала Днѣпровская,--мы часто будемъ васъ видѣть. Я почти всегда дома, мое здоровье такъ разстроено, и если васъ не пугаетъ общество больной женщины...

— Которая однимъ взглядомъ можетъ дать жизнь и отнять ее,—прервалъ князь.

— Охъ!—шепнулъ Закамскій.

Обѣ гостьи взглянули другъ на друга и улыбнулись.

— Скажите мнѣ, Александръ Михайловичъ,—продолжала хозяйка, не обращая никакого вниманія на Двинскаго,—вы постоянный здѣшній житель?

— Я былъ имъ до сихъ поръ, Надежда Васильевна: но, можетъ-быть, скоро мнѣ должно будетъ ѣхать въ деревню, на свою родину...

— Такъ вы насъ покидаете?..

— Чтожъ дѣлать! у меня есть обязанности.

— Обязанности?..

— Не вѣрьте ему!—прервалъ баронъ:—это совершенно зависитъ отъ него.

— Вы ошибаетесь, баронъ,—подхватилъ князь,—это могло зависѣть отъ него прежде: онъ еще не былъ знакомъ съ Надеждою Васильевною; но теперь...

Днѣпровская взглянула такъ ласково на князя, что вѣрно онъ подумалъ про себя: что это какъ женщины капризны! Ну, чѣмъ этотъ комплиментъ лучше прежнихъ?

— Ахъ, здравствуйте, Андрей Семеновичъ!—сказала хозяйка, привставая.—Давно ли пріѣхали въ Москву, на долго ли?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ худощавому старику, который вошелъ въ диванную. Несмотря на большой красный носъ, черты лица его были довольно пріятны, а въ веселой и даже нѣсколько насмѣшливой улыбкѣ, замѣтенъ былъ умъ и природная острота. Онъ былъ въ нѣмецкомъ кафтанѣ стараго покроя, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, въ рыжеватомъ парикѣ съ длиннымъ пучкомъ, и держалъ въ рукѣ толстую камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ.

— Здравствуйте, матушка, Надежда Васильевна!—сказалъ этотъ гость, цѣлуя руку хозяйки. — Вчера только пріѣхалъ изъ Калуги, и за первый долгъ поставилъ явиться къ вамъ. Здравствуйте, сударь, Василій Дмитріевичъ! — продолжалъ онъ, кланяясь Закамскому.—Сердечно радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ.

Хозяйка сѣла подлѣ новаго гостя и стала съ нимъ разговаривать; а князь, наклонясь къ Закамскому, спросилъ его вполголоса: — Изъ какой кунсткамеры вырвался этотъ антикъ съ краснымъ носомъ и длиннымъ пучкомъ?

— Это деревенскій сосѣдъ мой, Лугинъ,—отвѣчалъ Закамскій,—весьма хорошій и, не прогнѣвайся, очень умный и просвѣщенный человѣкъ.

— Ужъ и просвѣщенный!

— Можетъ-быть не по-твоему, князь; но вѣдь это еще вопросъ нерѣшенный: въ томъ ли состоитъ про-

свѣщеніе, чтобъ безпрестанно кричать о немъ, или молча любить его. Знать наизусть имена всѣхъ хорошихъ и дурныхъ французскихъ писателей, умѣть при случаѣ говорить обо всемъ и носить костюмъ своего времени, конечно, все это самые вѣрные признаки просвѣщенія; однакожъ, повѣрь, мой другъ, можно и донашивая платье своего отца и не зная, что Доратъ писалъ плохіе стихи, а Прудонъ дурныя трагедіи, быть очень почтеннымъ дворяниномъ, хорошимъ помѣщикомъ, и даже, какъ я имѣлъ уже честь докладывать вашему сіятельству, весьма просвѣщеннымъ человѣкомъ.

— Что, Василій Дмитричъ,—сказалъ Лугинъ, обращаясь къ Закамскому,—вы совсѣмъ сдѣлались москвичемъ, вовсе насъ забыли и заглянуть въ Калугу не хотите.

— Все не сберусь, Андрей Семеновичъ.

— Скажите лучше, охоты нѣтъ. Видно Москва-то вамъ больно приглянулась.

— Поживите съ нами годикъ-другой, Андрей Семенычъ, такъ она, можетъ-быть, и вамъ полюбится. Право, Москва старушка добрая; немножко сплетница, любитъ иногда красное словцо отпустить, прикинуться француженкой, позлословить—все такъ! Но гдѣ найдете вы болѣе гостепріимства, ласки, радушія?..

— Да, батюшка, что правда, то правда — гостепріимный городъ! Да вотъ хоть сегодня, заѣхалъ я поутру къ Брянскимъ;—Господи, какой поднялся крикъ! И матушка, и дочка, и отецъ... «Андрей Семенычъ, вы ли это?.. Сколько зимъ, сколько лѣтъ!.. Какое для насъ удовольствіе!.. Какъ мы рады!.. Ахъ, Боже мой!. » Я и словъ не нашелъ, какъ благодарить за такой пріемъ; думаю только про себя: «фу, батюшки, какъ они меня любятъ!.. А за что бы, кажется?.. Ну, дай Богъ имъ добраго здоровья!» Не прошло пяти минутъ, вдругъ поднялся радостный крикъ громче прежняго; гляжу, что такое?.. пришелъ тиролецъ съ коврижками.

— Андрей Семеновичъ!—сказала съ улыбкою хозяйка,—вы вѣчно нападаете на Москву.

— Помилуйте, сударыня! я только-что разсказываю.

— Разскажите-ка намъ что-нибудь, — продолжала Днѣпровская, — объ Алексѣѣ Ивановичѣ Хопровѣ; мы познакомились съ нимъ въ Парижѣ. Я слышала, онъ живетъ теперь въ вашей губерніи.

— Въ пяти верстахъ отъ меня, Надежда Васильевна.

— Ну, что, здоровъ ли онъ?

— Да какъ бы вамъ сказать? Не то что боленъ, однакожъ, не вовсе здоровъ, матушка; не худо бы его полѣчить.

— Что съ нимъ такое?

— Да такъ, что-то вовсе одурѣлъ. Онъ былъ прежде человѣкъ хоть и небольно грамотный, а все-таки брело кой-какъ: нашлось бы въ нашемъ уѣздѣ два-три дворянина не умнѣй его; а вотъ съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ Парижѣ, такъ Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Крестьянъ разорилъ, а толкуетъ все о правахъ человѣка; себя называетъ философомъ, а насъ всѣхъ варварами и кричитъ въ источный голосъ: «ну, скажите, Бога ради, какая разница между мной и мужикомъ?» Я ему сказалъ однажды, что никакой— такъ разсердился. Помилуйте, какъ же онъ не сумасшедшій?

— Извините! — прервалъ князь, — можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что этотъ господинъ Хопровъ прослылъ у васъ въ Калугѣ сумасшедшимъ по той же самой причинѣ, по какой называли Абдериты глупцомъ своего соотечественника Демокрита.

— То-есть, вы изволите думать, что въ нашей губерніи дворяне всѣ дураки, а уменъ одинъ Хопровъ? Быть-можетъ, батюшка.

— Я не говорю этого; но скажите мнѣ, что находите вы смѣшного въ этой философической идеѣ вашего сосѣда объ естественныхъ правахъ человѣка? Я самъ дворянинъ и даже князь, слѣдовательно могу разсуждать безпристрастно объ этомъ предметѣ. У насъ нѣтъ наслѣдственной аристократіи; но тамъ, гдѣ она есть,

скажите, за что одинъ классъ людей пользуется исключительными правами, и справедливо ли, что эти права переходятъ отъ отца къ сыну? За что я долженъ уважать и кланяться какимъ-нибудь лордамъ, герцогамъ или испанскимъ грандамъ? Ужъ не за то ли, что они, говоря словами Бомарше, взяли на себя трудъ родиться?

— Оно, кажется, какъ будто бы и такъ, ваше сіятельство, — сказалъ Лугинъ, понюхавъ табаку изъ своей серебряной табакерки; — да только вотъ бѣда, что тамъ, гдѣ нѣтъ аристократіи, чиновъ и званій, такъ ужъ навѣрное есть аристократія богатства. Посмотрите, батюшка, хоть на Соединенные Американскіе Штаты: тамъ не станутъ кланяться герцогу, а также гнутъ шеи передъ богатымъ капиталистомъ, то-есть уважаютъ въ немъ не доблести и великія дѣла его предковъ, но милліоны, полученные имъ въ наслѣдство отъ отца и нажитые, можетъ-быть, самымъ низкимъ и подлымъ образомъ. Позвольте спросить, ваше сіятельство, неужели это уваженіе къ богатству менѣе оскорбительно для нашего самолюбія, чѣмъ уваженіе къ знаменитому имени? Вы скажете, можетъ-быть: ну, пусть отецъ заслужилъ званіе князя, графа, герцога и, за свои труды или подвиги, сдѣлался изъ простого человѣка вельможею; да за что же сынъ его, который ничего еще не сдѣлалъ для общества, получитъ въ наслѣдство это званіе, и слѣдовательно нѣкоторую часть почестей, съ нимъ соединенныхъ?

— Какъ за что, батюшка? гдѣ же будетъ справедливость? Богачъ можетъ передать сыну свои милліоны и вмѣстѣ съ ними уваженіе, которое мы всѣ грѣшные имѣемъ къ богатству; и вѣрный слуга царскій, добросовѣстный, неутомимый судья, ученый мужъ, геній, просвѣтившій свою родину, и великій полководецъ, которому она обязана своимъ спасеніемъ, не будутъ имѣть права передать, съ знаменитыми своими именами, хоть часть этого невещественнаго богатства, этой святой и не подлежащей никакому

спору собственности? Въ такомъ случаѣ не долженъ ли каждый добрый отецъ, изъ любви къ дѣтямъ, избрать лучше званіе ростовщика, чѣмъ служить вѣрой и правдою своему государю и отечеству?

— Да развѣ всѣ служатъ вѣрой и правдою?—прервалъ князь.—Развѣ не было вельможъ, которые сдѣлались вельможами, поступая всю жизнь вопреки чести и совѣсти?

— Правда, сударь, правда! Но вѣдь и богатство-то не всегда наживается честнымъ образомъ, а все-таки переходитъ въ наслѣдство къ дѣтямъ. Сынъ богача можетъ промотать свое наслѣдіе, сынъ знаменитаго человѣка можетъ обезчестить свое имя; слѣдовательно и въ этомъ отношеніи они подвергаются равной участи; такъ позвольте же имъ, батюшка, и пользоваться равными выгодами, или скажите рѣшительно, что здравый смыслъ и логика—вздоръ, а правосудіе—старый предразсудокъ, потому что ваше мнѣніе о справедливости и равныхъ гражданскихъ правахъ совершенно имъ противорѣчатъ.

Лугинъ замолчалъ и преспокойно открылъ опять свою табакерку.

— Здравый смыслъ! здравый смыслъ! — шепталъ сквозь зубы князь, покачиваясь на своемъ стулѣ.—Эти господа вѣчно опираются на здравый смыслъ.

— Да на что же и опираться-то, ваше сіятельство?—прервалъ Лугинъ.—Опора хорошая,—не подломится.

— Да что такое здравый смыслъ? Вещь совершенно арбитрерная...

— То-есть условная, хотите вы сказать? Не думаю. Хоть и есть русская пословица: «что головъ, то умовъ», а я все-таки увѣренъ, что умъ одинъ.

— И я тоже думаю,—сказалъ съ насмѣшливой улыбкою баронъ;—но, къ сожалѣнію, мы часто называемъ умомъ и здравымъ смысломъ то, что вовсе не умъ и не здравый смыслъ, а одинъ отголосокъ закоренѣлаго невѣжества и старыхъ предразсудковъ. Я увѣренъ,

что если бы князь взялъ на себя трудъ поразвернуть эту идею, которая, по нашему мнѣнію, совершенно противорѣчитъ здравому смыслу, то, можетъ-быть, большинство голосовъ осталось бы не на вашей сторонѣ; еслибъ онъ сказалъ...

Тутъ баронъ началъ говорить съ такимъ увлекающимъ краснорѣчіемъ; исполненныя силы филантропическія выходки, пересыпанныя остротами фразы такъ быстро слѣдовали однѣ за другими, что не было никакой возможности отдѣлить ложь отъ истины. Все, что ни говорилъ баронъ, казалось, носило на себѣ отпечатокъ неподдѣльнаго чувства справедливости и душевнаго убѣжденія. Онъ обладалъ вполнѣ великой наукою, посредствомъ звучныхъ словъ и блестящихъ софизмовъ смѣшивать всѣ понятія, замѣнять идеи фразами, употреблять кстати слова: *человѣчество*, *просвѣщеніе*, *европеизмъ*, *требованія вѣка;* однихъ плѣнять этими модными словцами, другихъ удивлять новостью своихъ ученыхъ выраженій и вообще всѣхъ, если не убѣждать, то, по крайней мѣрѣ, сбивать съ толку. Говорятъ, что будто бы эта наука и теперь еще въ большомъ ходу. Быть-можетъ, только пора бы похоронить ее вмѣстѣ съ площадными шарлатанами, которые изъ *любви къ человѣчеству* лѣчатъ за деньги отъ всѣхъ болѣзней хлѣбными пилюлями и подкрашеной водою.

Я не стану повторять вамъ слова барона. Если вы читали французскихъ философовъ восемнадцатаго столѣтія, то не скажу вамъ ничего новаго; если жъ вы ихъ не читали, съ чѣмъ отъ всего сердца васъ поздравляю, то къ чему *засаривать* ваше воображеніе, зачѣмъ охлаждать душу софизмами этихъ мудрецовъ, которые, не умѣя создавать ничего, старались только разрушать, и, отнимая у человѣка все—даже надежду—называли себя благодѣтелями и просвѣтителями рода человѣческаго... Шарлатаны! если бы, по крайней мѣрѣ, они продавали хлѣбныя пилюли и безвредную подкрашеную воду... Нѣтъ! они торговали ядомъ.

Закамскій слушалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ барона; старикъ Лугинъ улыбался и покачивалъ головою; а я совершенно бы увлекся его краснорѣчіемъ, если бы по временамъ какое-то внутреннее чувство не убѣждало меня, что онъ говоритъ хотя и очень красно, но вовсе не добросовѣстно. Зато князь Двинскій и дамы были въ восторгѣ; первый потому, что баронъ взялъ его сторону, а другія по чувству, которое сродно всѣмъ женщинамъ—чувству благородному, но, къ несчастію, почти всегда безотчетному. Все, что съ перваго взгляда кажется высокимъ и прекраснымъ, найдетъ всегда отголосокъ въ ихъ сердцѣ. Онѣ не станутъ разбирать, можетъ ли общество существовать безъ власти и закона, могутъ ли быть всѣ люди съ равными правами и равнымъ богатствомъ; имъ какое дѣло до разстоянія, которое существуетъ и будетъ всегда существовать между человѣкомъ образованнымъ и невѣждою, между умнымъ и глупцомъ, дѣятельнымъ и лѣнивцемъ, сильнымъ и слабымъ: имъ скажутъ, что всѣ люди могутъ быть счастливы, что богатые и сильные не станутъ угнетать бѣдныхъ и слабыхъ, что всѣ будутъ равны, что это возможно, что для этого надобно только искоренить всѣ предразсудки, усыпить всѣ страсти, сравнять всѣ состоянія, измѣнить нравы, обычаи, законы, а остальное придетъ само собою. Имъ скажутъ это, и добрыя, чувствительныя женщины будутъ слушать съ восторгомъ этотъ философическій бредъ, потому что онъ обѣщаетъ блаженство всей вселенной и, можетъ-быть, многимъ изъ нихъ не придетъ даже въ голову, что этотъ новый порядокъ вещей помѣшаетъ имъ ѣздить въ каретахъ и носить блондовыя платья.

— Да!—продолжалъ баронъ, оканчивая однимъ изъ своихъ краснорѣчивыхъ періодовъ.—Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ то же самое въ своемъ безсмертномъ «Contrat social»: онъ сравниваетъ власть...

Тутъ баронъ вдругъ остановился, робко посмотрѣлъ вокругъ себя и всталъ.

— Что вы, баронъ?—вскричала хозяйка.

— Мнѣ что-то дурно... Извините, я не могу долѣе у васъ оставаться.

Въ самомъ дѣлѣ, на поблѣднѣвшемъ лицѣ барона замѣтно было какое-то болѣзненное ощущеніе; встревоженный взоръ его выражалъ испугъ. Онъ схватилъ торопливо свою шляпу.

— Не хотите ли одеколона? спирта?..—сказала заботливо Днѣпровская.

— Благодарю васъ! —прошепталъ баронъ, спѣша уйти изъ комнаты.—Это такъ! приливъ крови къ головѣ... Я чувствую, что мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ...— Онъ прошелъ черезъ гостиную мимо хозяина такъ скоро, что тотъ не успѣлъ даже этого и замѣтить.

— Что это съ нимъ сдѣлалось?—сказалъ князь Двинскій:—ужъ не оттого ли, что онъ говорилъ съ такимъ жаромъ?..

— А что вы думаете?—прервалъ Лугинъ;—вѣдь можетъ быть. Я только слушалъ этого барона, а у меня голова закружилась.

— Какъ онъ уменъ!—сказала одна изъ гостей.

— Какой прекрасный тонъ!—прибавила другая.

— Какая начитанность, какое просвѣщеніе! —воскликнулъ князь.

— Да! онъ чрезвычайно какъ милъ!—присовокупила хозяйка.

— И, кажется, очень добрый человѣкъ,—сказалъ Лугинъ.—Какъ онъ хлопочетъ о томъ, чтобъ всѣ люди были счастливы. Дай Богъ ему здоровья!

— Онъ истинный космополитъ!—произнесъ торжественнымъ голосомъ князь.

— То-есть, гражданинъ вселенной!—прервалъ Закамскій.—Да этакъ жить-то ему очень легко: отечество требуетъ иногда большихъ жертвъ, а вся вселенная можетъ ли чего-нибудь требовать отъ одного человѣка?

— Какъ, Закамскій!—вскричалъ князь,—неужели по-твоему космополитизмъ...

— Ихъ два рода, мой другъ!—прервалъ Закамскій.—Одинъ духовный, другой земной. Первый ведетъ ко всему прекрасному; но эта чистая, безкорыстная любовь къ человѣчеству доступна только до сердца истиннаго христіанина, а, кажется, этимъ поклепать барона грѣшно. Другой, то-есть земной, общественный космополитизмъ есть не что иное, какъ холодный эгоизмъ, прикрытый сентиментальными фразами, и, воля твоя, князь, по моему мнѣнію, тотъ, кто говоритъ не въ смыслѣ религіозномъ, а философическомъ, что любитъ не человѣка, а *все человѣчество*, просто не любитъ никого.

Князь принялся было спорить съ Закамскимъ, но гость, который вошелъ въ диванную, помѣшалъ ихъ разговору. Я очень обрадовался, когда узналъ въ немъ моего перваго московскаго знакомца, Якова Сергѣевича Луцкаго.

— Здравствуйте, Надежда Васильевна! — сказалъ онъ хозяйкѣ.—Поздравляю васъ съ пріѣздомъ! Я сейчасъ проходилъ мимо вашего дома, увидѣлъ огни, и по этому только узналъ, что вы возвратились изъ чужихъ краевъ. Ну, чтожъ, поправилось ли ваше здоровье?

— Да, я чувствую себя лучше,—отвѣчала вѣжливо, но очень холодно, Днѣпровская.

— Слава Богу! Здравствуй, Александръ Михайловичъ!—продолжалъ Луцкій, взявъ меня за руку.—Ты совсѣмъ меня забылъ.

Я извинился недосугомъ. Князь Двинскій кинулъ любопытный взоръ на Луцкаго и, вѣроятно, не найдя ничего смѣшного ни въ его наружности, ни въ платьѣ, весьма простомъ, но очень чистомъ и опрятномъ, не удостоилъ его дальнѣйшаго вниманія. Закамскій и Лугинъ оба были знакомы съ Яковомъ Сергѣевичемъ; первый видалъ его у меня, а второй служилъ съ нимъ нѣкогда въ одномъ полку. Они стали разговаривать, а я сѣлъ подлѣ хозяйки.

— Вы давно знакомы съ Луцкимъ?—спросила она вполголоса.

— Слишкомъ два года,—отвѣчалъ я.

— Онъ весьма хорошій человѣкъ; мой мужъ безъ памяти его любитъ... я и сама очень уважаю Якова Сергѣевича; но онъ такъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ, такъ неумолимъ, когда онъ говоритъ о нашихъ страстяхъ и порокахъ; а порокомъ онъ называетъ все, даже самыя извинительныя слабости, и сверхъ того требуетъ отъ насъ, бѣдныхъ женщинъ, такого невозможнаго совершенства, что—признаться ль вамъ? я не люблю, а боюсь его.

— Вы меня удивляете! Онъ самый снисходительный и кроткій человѣкъ.

— Ну, нѣтъ, не всегда. Впрочемъ, я не обвиняю его. Когда подъ старость человѣкъ перестанетъ жить сердцемъ, когда всѣ страсти его умираютъ, весьма натурально, что онъ становится строже, если не къ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ другимъ. Онъ думаетъ, что можно подчинить сердце разсудку, потому что его собственное сердце давно уже перестало биться для любви. Еслибъ всѣ старые люди почаще вспоминали про свою молодость, то были бъ къ намъ гораздо снисходительнѣе; но эти строгіе моралисты такъ безпамятливы... А, кстати о памяти!—прибавила Надина, опустивъ книзу свои длинныя рѣсницы;—вы, кажется, не можете на нее пожаловаться: вы вспомнили, что тому назадъ почти три года...

— Мы встрѣтились съ вами около Москвы на большой дорогѣ? Да развѣ я могъ это забыть, Надежда Васильевна?

Днѣпровская взглянула на меня такъ мило, что показалась мнѣ еще во сто разъ лучше прежняго.

— Я узнала васъ съ перваго взгляда,—шепнула она вполголоса;—но, кажется, вы...

— О, повѣрьте, и я также!

Я солгалъ, и, конечно, эта ложь была не *во спасеніе*; но мнѣ было двадцать лѣтъ, а Надина была такъ прекрасна! Ея черные, пламенные глаза смотрѣли на меня такъ ласково, съ такимъ робкимъ ожиданіемъ...

Ну, воля ваша! а эта первая ложь, право, была извинительна.

— Что, Александръ Михайловичъ,—сказалъ Луцкій, подойдя ко мнѣ,—что пишутъ тебѣ изъ деревни? Здорова ли твоя невѣста?

— Невѣста!—подхватила Днѣпровская.

— А вы этого не знали, Надежда Васильевна? Александръ Михайловичъ помолвленъ.

— Здравствуй, Яковъ Сергѣевичъ!—закричалъ хозяинъ, входя въ диванную:—здравствуй, другъ сердечный!—продолжалъ онъ, обнимая Луцкаго. —Извини, что я не прислалъ сказать тебѣ—самъ хотѣлъ пріѣхать. Ну, что, какъ ты находишь Надину? Ей воды, кажется, помогли?—Да что это, Наденька, тебѣ опять дурно? Ты такъ блѣдна, мой другъ!.. Что это такое?.. Въ другой разъ сегодня.

— Нѣтъ, я чувствую себя хорошо,—сказала Днѣпровская.

— То-то хорошо! Охъ эти балы!.. Ну, Яковъ Сергѣевичъ, разскажи-ка мнѣ, что ты безъ насъ дѣлалъ? Какъ поживаешь? Да пойдемъ въ гостиную: здѣсь тѣсно.

Хозяинъ увелъ съ собою Луцкаго.

— Вы помолвлены, Александръ Михайловичъ?—сказала Днѣпровская.—Можно ли спросить, на комъ?

— На Марьѣ Михайловнѣ Бѣлозерской.

— Дочери вашего опекуна? Я думала, что она еще ребенокъ.

— Да! она очень молода.

— А, понимаю! эта свадьба по расчету?

— И по любви,—хотѣлъ я сказать громко, во услышаніе всѣмъ; но проклятый языкъ мой какъ будто бы не хотѣлъ повернуться.

— Да это такъ и быть должно,—продолжала Днѣпровская:—въ ваши года можно жениться только по какимъ-нибудь семейственнымъ причинамъ... Впрочемъ, это можетъ-быть и по страсти... Вы вѣрно влюблены?

— Мы росли и воспитывались вмѣстѣ.

— Я не о томъ васъ спрашиваю... Вы очень любите вашу невѣсту?

— Какъ родную сестру,—отвѣчалъ я, стараясь не покраснѣть.

Вотъ ужъ эта вторая ложь была гораздо хуже первой; она какъ тяжелый камень легла мнѣ на душу.— Такъ зачѣмъ же вы солгали?—спросятъ меня читатели.—Зачѣмъ? Вотъ то-то и дѣло, что мы, господа мужчины, почти всѣ такія же кокетки, какъ и женщины. Мы часто желаемъ нравиться не потому, что любимъ сами, а изъ одного ничтожнаго самолюбія. Въ женщинахъ мы называемъ это самолюбіе кокетствомъ и ужасно на него нападаемъ, а сами... Да что и говорить! мы и въ этомъ отношеніи ничѣмъ ихъ не лучше. Конечно, не всякій изъ насъ, любя искренно одну, увѣрять въ томъ же станетъ другую; но также и не всякій рѣшится сказать прекрасной женщинѣ, а особливо, если она смотритъ на него ласково:—да, точно! я люблю, но только не васъ!

Мой разговоръ съ Днѣпровскою не долго продолжался: къ намъ въ диванную пришла музыкантша-графиня, которая кончила свою партію въ рокамболь. Она завладѣла хозяйкою; потомъ разговоръ сдѣлался общимъ, и когда всѣ пошли ужинать, я уѣхалъ потихоньку домой.

V.

ВЕЧЕРЪ У БАРОНА БРОКЕНА.

На другой день, вспоминая объ этомъ вечерѣ, я рѣшительно былъ недоволенъ самимъ собою. Что за вздоръ!—думалъ я, стараясь какъ-нибудь себя оправдать:—неужели мнѣ должно объявлять всякому, что я влюбленъ въ Машеньку? Пусть думаютъ себѣ, что я люблю ее просто какъ родственницу; что нужды до этого, когда въ самомъ-то дѣлѣ я не промѣняю ее на тысячу Днѣпровскихъ... Однакожъ какіе прекрасные глаза у этой Надины!.. Какая очаровательная улыбка!..

Ахъ, Машенька, Машенька! какъ я люблю тебя!.. Да! эта Днѣпровская очень мила... чрезвычайно мила!.. Она вовсе не пара своему мужу... Неужели въ самомъ дѣлѣ баронъ правъ?.. Не можетъ быть!.. Нельзя жъ съ перваго раза... нѣтъ, нѣтъ... я даже и нравиться не хочу никому, кромѣ Машеньки... Ну, а если это правда?.. Боже сохрани!.. Конечно, я могу предложить ей мою дружбу... дружбу!.. ну, да... какъ будто бы нельзя быть другомъ женщины, потому что она хороша собою?.. А если эту дружбу назовутъ другимъ именемъ? Если вздумаютъ сказать... Нѣтъ, нѣтъ... всего лучше, не стану къ нимъ часто ѣздить... вотъ такъ, одинъ или много два раза въ мѣсяцъ; буду обращаться съ ней очень вѣжливо, очень холодно... А надобно сказать правду, она необыкновенно любезна!.. Эхъ, Боже мой! зачѣмъ баронъ познакомилъ меня съ этимъ Днѣпровскимъ!

Баронъ, какъ видно, былъ очень легокъ на поминѣ: онъ вошелъ въ мою комнату.—Что съ вами сдѣлалось вчера?—спросилъ я моего гостя.

— Такъ, кровь бросилась въ голову: это часто со мной случается. Ну, что? какъ вы провели ночь? Я не спрашиваю, что вы видѣли во снѣ...

— Право ничего.

— Неужели? И вамъ ни разу не приснилась Днѣпровская?

— Ни разу.

— Жестокій человѣкъ!

— Эхъ, полноте, баронъ!

— Какъ полноте? Что вы? Да это ни на что не походитъ! Вотъ мѣсяца черезъ два я позволяю вамъ не видѣть ее во снѣ; но теперь, при самомъ началѣ романа...

— Да съ чего вы взяли?..

— Съ чего? Спросите объ этомъ у Двинскаго. Бѣдный малый въ отчаяніи; вы его совсѣмъ раздавили, уничтожили... Однакожъ, послушайте: если вы не видѣли Днѣпровской во снѣ, такъ не хотите ли съ нею на яву сегодня отобѣдать?

— Нѣтъ, баронъ: я не могу сегодня.

— Такъ завтра?

— И завтра нельзя.

— Когда же вамъ будетъ можно?

— Право не знаю. Можетъ-быть недѣли черезъ двѣ.

— Черезъ двѣ недѣли?.. Скажите мнѣ, Александръ Михайловичъ, что это ужъ такъ водится у васъ въ Россіи?

— Что такое?

— Да то, что если молодой человѣкъ понравится прекрасной и милой женщинѣ, то не онъ, а она должна искать случая съ нимъ видѣться.

— Вы шутите, баронъ!

— Право? А если я докажу вамъ, — продолжалъ баронъ, подавая мнѣ письмо, которое я сообщилъ уже моимъ читателямъ въ концѣ первой части моего разсказа.—Вы знаете этотъ почеркъ?

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу: это писано рукою Днѣпровской, и чтобъ вы не могли сомнѣваться въ истинѣ моихъ словъ, прочтите его. Ну,—прибавилъ баронъ, давъ мнѣ время прочестъ письмо,—что вы скажете теперь?

— Ничего. Если это письмо точно писано Днѣпровскою, то почемужъ вы думаете, что я тотъ идеалъ...

— Съ которымъ она третьяго года встрѣтилась на большой дорогѣ?—подхватилъ баронъ.—Кажется, Днѣпровская говорила съ вами вчера при мнѣ объ этой встрѣчѣ?

— Все это быть-можетъ,—прервалъ я;—но это было давно; она была тогда почти ребенкомъ и, вѣроятно, теперь думаетъ не то, что думала прежде.

— Да, это замѣтно,—сказалъ баронъ съ насмѣшливою улыбкою: — она почти упала въ обморокъ, когда васъ увидѣла, конечно, оттого, что ваша наружность не сдѣлала на нее никакого впечатлѣнія. Она во весь вечеръ смотрѣла только на васъ и говорила только съ вами вѣроятно потому, что вы вовсе ей не понравились...

— Все это ничего не доказываетъ, баронъ; но еслибъ въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ несчастіе понравиться Днѣпровской...

— Несчастіе!..

— То ужъ, конечно, не я сталъ бы искать случая съ нею встрѣтиться.

— Ну,—прервалъ баронъ,—на вашемъ мѣстѣ французъ былъ бы гораздо вѣжливѣе. Теперь я вижу, вы настоящій русскій.

— И вовсе не жалѣю объ этомъ.

— Какъ жалѣть! Вы, я думаю, этимъ гордитесь!—Насмѣшливый тонъ барона зацѣпилъ за-живое мое національное самолюбіе.

— Да, баронъ, горжусь!—сказалъ я:—и что тутъ страннаго? Я увѣренъ, вы также любите свое отечество.

— Отечество? Какое?

— А развѣ у васъ ихъ два?

— Можетъ-быть и больше. Да что такое отечество? Отечество умнаго человѣка тамъ, гдѣ ему хорошо.

Я покраснѣлъ отъ досады.

— Если это справедливо, баронъ,—сказалъ я, помолчавъ нѣсколько времени, — то вы заставите меня ненавидѣть умъ.

— Полноте, что вы! ему, бѣдному, и отъ глупцовъ порядкомъ достается! Да скажите мнѣ, что такое отечество? Ваши пріятели, друзья? Вы ихъ можете имѣть вездѣ. Родные? Да отъ нихъ иногда не знаешь куда дѣваться. Вотъ, напримѣръ, князь Двинскій хочетъ уѣхать изъ Москвы отъ того, что у него здѣсь двое дядей, три тетки и пятнадцать кузинъ. Итакъ ваше отечество—земля, на которой вы живете? Поздравляю! Слѣдовательно вы должны любить голыя степи, всегда непостоянную погоду, вьюги, снѣжные бугры, морозъ въ тридцать градусовъ. Вѣдь все это ваше отечество? Конечно, о вкусахъ спорить нечего; быть-можетъ, вамъ очень пріятно зимою отмораживать носъ,

не смѣть лѣтомъ выѣхать въ дорогу безъ шубы, въ маѣ мѣсяцѣ любоваться на голыя деревья, а въ августѣ на желтые листья—все это прекрасно; но за чтожъ вы *обязаны* любить это даже и тогда, когда вамъ это не нравится? Ужъ не потому ли, что вы имѣли несчастіе родиться въ Россіи, а не въ Италіи? Такъ не смѣйтесь надъ камчадаломъ, если онъ предпочитаетъ всѣмъ ароматамъ востока запахъ вонючей рыбы и не хочетъ никакъ промѣнять свою землянку на ваши мраморныя палаты.

На этотъ разъ краснорѣчивые софизмы барона не сдѣлали на меня никакого впечатлѣнія. — Ваше опредѣленіе совершенно несправедливо,—сказалъ я.—Перенесите всѣхъ русскихъ съ ихъ нравами, языкомъ, обычаями и вѣрою въ другую часть свѣта, и она сдѣлается моей родиною. Слѣдовательно я признаю отечествомъ не землю, не поля, не лѣса, не рѣки, а это собраніе людей, которое мы называемъ народомъ, и который я люблю потому, что онъ исповѣдуетъ одну со мной вѣру, говоритъ однимъ языкомъ, повинуется одной власти, потому что его слава и могущество веселятъ, а бѣдствія и униженіе сокрушаютъ мое сердце. Пріятелей и друзей можно найти вездѣ—это правда; но найду ли я на чужой сторонѣ людей, съ которыми провелъ всю жизнь мою, которыхъ дружба ко мнѣ началась съ самаго ребячества, съ которыми я могу и на краю гроба вспоминать о своей молодости. Не всѣ дяди и тетки надоѣдаютъ своимъ племянникамъ. Князь Двинскій хочетъ бѣжать изъ Москвы отъ своихъ родныхъ, а я убѣжалъ бы для того, чтобъ навсегда остаться жить вмѣстѣ съ моими. Вы всѣ, господа иностранцы, говорите только о нашихъ *ледяныхъ степяхъ*, какъ будто бы у насъ, кромѣ льда и степей, ничего нѣтъ; вы думаете, что мы круглый годъ живемъ по уши въ снѣгу. Конечно, большая часть Россіи не можетъ похвалиться своимъ климатомъ; однакожъ и у насъ солнышко иногда проглядываетъ и розаны цвѣтутъ не въ однѣхъ оранжереяхъ. Отморо-

зить носъ точно такъ же непріятно, какъ и задохнуться отъ жара; но я думаю, никто не обязанъ находить это хорошимъ, никто не заставляетъ англичанъ любить ихъ вѣчные туманы, римлянъ заразительный воздухъ ихъ окрестностей, неаполитанцевъ разрушительныя изверженія Везувія, испанцевъ нестерпимый лѣтній зной, а жителей Перувіи безпрерывныя землетрясенія и ураганы. Они точно такъ же на это жалуются, какъ мы жалуемся на свои вьюги и морозы.

— Съ тою только разницею,—прервалъ баронъ,— что у нихъ есть вознагражденія: у однихъ роскошная природа, у другихъ науки, художества, просвѣщеніе; но тамъ, гдѣ все сряду дурно...

— То-есть у насъ?

— Я не виноватъ, Александръ Михайловичъ, вы сами откликнулись. Да къ тому жъ я повторю только слова вашихъ единоземцевъ. Я тысячу разъ слышалъ это не только за границею, но даже здѣсь въ Москвѣ, и могу васъ увѣрить, что это говорятъ не мужики, не безграмотные, а люди воспитанные...

— Иностранцами! Да, баронъ, къ несчастію, это правда; я самъ встрѣчалъ людей, изъ которыхъ одни не хотятъ, а другіе не смѣютъ сказать добраго слова о своемъ отечествѣ; ихъ такъ запугали бѣдняжекъ, что они не вѣрятъ собственнымъ своимъ чувствамъ, и даже не смѣютъ наслаждаться, если предметъ или причина этого наслажденія не привезена изъ чужихъ краевъ, а родилась и образовалась въ ихъ отечествѣ.

— Такъ чтожъ?—сказалъ съ насмѣшливою улыбкою баронъ: — вы русскіе народъ набожный и, можетъ-быть, дѣлаете это по чувству смиренія.

— Нѣтъ, баронъ! Чувство, которое мертвитъ и убиваетъ возникающій талантъ, обдаетъ холодомъ пламенную душу художника и поэта, это чувство не можетъ проистекать изъ чистаго источника. Безотчетное пристрастіе ко всему иноземному, желаніе не быть, а казаться только просвѣщеннымъ, глупость и невѣжество, вотъ основныя причины этой явной несправедли-

вости; не всѣхъ — Боже сохрани отъ этого! — но, къ сожалѣнію, весьма многихъ, ко всему тому, что принадлежитъ намъ—намъ однимъ—безъ всякаго раздѣла съ другими народами.

— Послушайте, Александръ Михайловичъ, — сказалъ баронъ.—Вы человѣкъ умный, образованный, такъ съ вами говорить можно. Ну, будьте справедливы, скажите, чтожъ такое принадлежитъ вамъ однимъ?.. Старые предразсудки, ненависть къ просвѣщенію, фанатизмъ, суевѣріе...

Эти слова возмутили мою русскую душу: въ ней пробудились чувства справедливости и негодованія, усыпленныя сладкими рѣчами барона. — Вы ошибаетесь,—сказалъ я;—мы ненавидимъ не просвѣщеніе, а то, что вы называете просвѣщеніемъ; мы не возстанемъ противъ законной власти, не превращаемъ публичныхъ танцовщицъ въ богинь разума, церквей въ конюшни и театры: не хвастаемся своимъ безвѣріемъ, не стараемся закидать грязью небеса—нѣтъ, баронъ! благодаря Бога, народъ русскій вѣруетъ, народъ русскій любитъ царей своихъ! Онъ вѣритъ, что всякая власть отъ Господа, потому что вѣритъ словамъ Спасителя.

Лицо моего гостя вытянулось на цѣлый аршинъ. Я продолжалъ.

— Да, баронъ! Мы не покинули еще старой привычки, въ радости благодарить Бога, въ горѣ прибѣгать къ Нему съ молитвою; мы думаемъ, что безъ религіи нѣтъ просвѣщенія, и несмотря на примѣръ вашей просвѣщенной Франціи, увѣрены, что не палачи, а одно время и общее мнѣніе могутъ искоренять предразсудки. Если все это, баронъ, по вашему невѣжество, такъ дай Богъ, чтобъ мы его никогда не промѣняли на ваше просвѣщеніе.

Въ жару разговора я не замѣчалъ, что баронъ совсѣмъ измѣнился въ лицѣ: глаза его сверкали, но щеки были такъ блѣдны и всѣ черты выражали такое тревожное, болѣзненное состояніе, что я испугался. —

Вы, кажется, нездоровы? — вскричалъ я. — Что съ вами?

— Ничего! — прошепталъ баронъ, закрывая платкомъ лицо.—Пройдетъ!.. Я вижу, мнѣ должно непремѣнно пустить кровь... Вотъ и прошло!.. Знаете что, Александръ Михайловичъ? Будемте впередъ говорить о чемъ-нибудь другомъ: отъ этихъ философическихъ диспутовъ у меня всегда кровь бросается въ голову. Да и къ чему намъ спорить? У каждаго свой взглядъ: вы видите вещи однимъ образомъ; я другимъ. Ну, что? скажите мнѣ: вы рѣшительно не ѣдете со мною къ Днѣпровской?

— Право, не могу.

— Такъ пріѣзжайте сегодня вечеромъ ко мнѣ. Я встрѣтилъ здѣсь много карлсбадскихъ знакомыхъ; они почти всѣ иностранцы и я хочу дать имъ послушать вашихъ московскихъ цыганъ. Мы поужинаемъ, выпьемъ шампанскаго, не станемъ говорить о политикѣ и, право, проведемъ время очень весело

Я далъ слово барону. Онъ пробылъ со мною около часа, разсказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ, и между прочимъ весьма много объ Испаніи, въ которой, по его словамъ, онъ прожилъ болѣе двухъ лѣтъ. Говоря объ окрестностяхъ Гранады, онъ плѣнилъ меня своимъ піитическимъ воображеніемъ. И подлинно, нельзя было не дивиться жизни, съ которою баронъ описывалъ этотъ земной рай, эти вѣчно голубыя небеса счастливой Андалузіи. Слушая его, мнѣ казалось, что я гуляю вмѣстѣ въ нимъ по очаровательнымъ садамъ Хенералифа и любуюсь великолѣпными остатками роскошной Альгамбры. Баронъ простился со мною, заставилъ меня повторить снова обѣщаніе пріѣхать къ нему вечеромъ.

Я отправился къ нему часу въ восьмомъ. Въ прежнихъ комнатахъ барона дожидался меня жокей, съ которымъ я былъ уже знакомъ. Онъ попросилъ меня на дурномъ французскомъ языкѣ идти вслѣдъ за нимъ, и сказалъ мнѣ дорогою, что его господинъ перемѣнилъ

квартиру и занимаетъ теперь почти весь бельэтажъ венеціанскаго дома. Въ передней встрѣтили меня двое слугъ въ богатыхъ ливреяхъ, а въ залѣ и у дверей всѣхъ гостиныхъ стояли официанты... Меня поразило великолѣпное убранство комнатъ. Бронзы, зеркала, картины, мраморныя статуи, все было очаровательно. Я не могъ также не замѣтить, что сюжеты картинъ и мраморныхъ группъ были всѣ безъ исключенія *болѣе* чѣмъ анакреонтическіе. Баронъ ожидалъ меня въ угольной комнатѣ; онъ сидѣлъ на турецкомъ отоманѣ, обитомъ какой-то восточной тканью; подлѣ него, на малахитовомъ столикѣ, изъ серебряной жаровни, клубился благовонный дымъ, а въ широкомъ зеркалѣ, которое занимало почти всю стѣну надъ диваномъ, отражался тусклый хрустальный шаръ, который, опускаясь съ потолка, отдѣланнаго палаткою, освѣщалъ всю комнату.

— Что это, баронъ!—сказалъ я.—Какое великолѣпіе! Какая роскошь!

— Да, эти комнаты довольно опрятны,—отвѣчалъ баронъ, пожимая мою руку. — Садитесь, Александръ Михайловичъ, вотъ здѣсь, подлѣ меня.

— Неужели онѣ были всегда такъ убраны?—спросилъ я.

— О нѣтъ! я отдѣлалъ ихъ на мой счетъ.

— Да когда же? помилуйте!.. Когда вы успѣли?.. Ну, право, это волшебство!

— А что вы думаете?—прервалъ съ улыбкою баронъ,—быть-можетъ.

— Откуда взялись эти картины, мраморы?..

— Изъ вашихъ мѣняльныхъ лавокъ, а остальное изъ магазиновъ. Я не зналъ прежде, долго ли проживу въ Москвѣ, и для того не хотѣлъ заводиться домомъ; но теперь это дѣло рѣшенное: я остаюсь у васъ, по-крайней мѣрѣ, на годъ. Сегодня назвались ко мнѣ гости, а въ томъ числѣ и дамы...

— Какъ дамы?—вскричалъ я.—Чтожъ вы не сказали? Я въ сюртукѣ.

— Ничего! Вѣдь это не ваши чопорныя русскія барыни. Я не хотѣлъ принять ихъ въ старой моей квартирѣ, и вотъ, какъ видите, въ два дня довольно порядочно отдѣлалъ эти комнаты. Надобно сказать правду, у васъ въ Москвѣ можно найти все, конечно вчетверо дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь; но я не слишкомъ хлопочу о деньгахъ. Меня гораздо болѣе пугала мысль, что въ Россіи мнѣ не на что будетъ ихъ тратить.

Нашему разговору помѣшалъ пріѣздъ гостей. Черезъ четверть часа, когда ихъ собралось человѣкъ десять, мы перешли въ гостиную. Сначала хозяинъ знакомилъ меня съ своими пріятелями; но подъ конецъ онъ едва успѣвалъ самъ сказать по нѣсколько словъ съ каждымъ вновь пріѣзжающимъ гостемъ. Въ числѣ ихъ было пять итальянцевъ, почти столько же англичанъ, два или три нѣмца и, кажется, двое русскихъ, а остальные все французы. Всѣ они, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, всѣ, даже англичане, говорили самымъ чистымъ французскимъ языкомъ; но изъ всѣхъ этихъ различныхъ физіономій, не было ни одной, которая пришлась бы мнѣ по-сердцу. Многіе изъ гостей были весьма замѣчательной наружности; нѣкоторые могли даже назваться красавцами, и у всѣхъ глаза блистали умомъ; но что-то лукавое и предательское проглядывало почти на всѣхъ лицахъ. Меня особенно поразила физіономія одного молодого человѣка: вдохновенный и вмѣстѣ мрачный взглядъ, исполненная презрѣнія улыбка, и спокойствіе, похожее на ту минутную тишину, которая такъ страшна для мореходца, которая, какъ предтеча бури, возвѣщаетъ гибель и смерть—все это выражалось съ такою силою на его блѣдно-мраморномъ челѣ, въ его мощныхъ огненныхъ взорахъ, что я не могъ скрыть моего любопытства и спросилъ о немъ у хозяина.

— Ага!—сказалъ баронъ,—вы замѣтили необычайную физіономію этого поэта?

— Такъ онъ стихотворецъ?

— Да, стихотворецъ; но только не приторный Ра-

синъ, не щеголеватый Вольтеръ, не жеманный Попе, не правовѣрный Клопштокъ, и, конечно, не вашъ физикъ-поэтъ или поэтъ-физикъ Ломоносовъ; вдохновенный пѣвецъ, грозный какъ бурное море, неумолимый врагъ всѣхъ предразсудковъ и дѣтскихъ надеждъ человѣка, пѣвецъ неукротимыхъ страстей и буйнаго отчаянія, готовый на развалинахъ міра пропѣть послѣднее проклятіе тому, что мы называемъ жизнію. О, если бы вы знали, сколько энергіи въ этой необычайной душѣ, съ какой силою срываетъ онъ покровъ съ горькой истины, какъ убиваетъ все счастье, всю надежду въ сердцѣ человѣка...

— Что вы, что вы, баронъ?—прервалъ я почти съ ужасомъ;—да вы описали мнѣ падшаго ангела, Мильтонова сатану...

— И, полноте! Сатана Мильтона почти набожная старушка предъ этимъ гигантомъ. Я вамъ предсказываю: онъ создастъ новый міръ поэзіи, и когда мощный голосъ его раздастся по всей Европѣ...

— А онъ еще не раздавался?

— О, нѣтъ еще! Никто, кромѣ меня, не знаетъ его стиховъ; этотъ секретъ между имъ и мною. Ему торопиться нечего. Теперь, быть-можетъ, его поймутъ въ одной Франціи; а для его генія нуженъ просторъ.

— Дай Богъ, чтобъ ему не было никогда просторно. А какъ зовутъ его?

— Его зовутъ,—сказалъ баронъ вполголоса,—или, лучше сказать, его будутъ звать... Но, извините!.. я вижу, пріѣхали дамы...

VI.

МОСКОВСКІЕ ЦЫГАНЕ.

Баронъ побѣжалъ навстрѣчу къ двумъ молодымъ женщинамъ. Одна изъ нихъ была виднаго роста, другая цѣлой головою ниже; одна высока и стройна, какъ пальма, другая воздушна и легка, какъ бабочка. Правильныя и даже нѣсколько рѣзкія черты лица первой,

черные какъ смоль локоны, которые падали на ея атласныя плечи, глаза томные и какъ будто бы усталые, но которые при встрѣчѣ съ вашими готовы были вспыхнуть и прожечь ваше сердце,—все изобличало въ ней пламенную итальянку; можно было побиться объ закладъ, что въ порывѣ страсти она не остановится и умереть за своего любовника, и зарѣзать его собственной рукою. Вторая,—прелестная блондинка съ голубыми глазами, которые блистали веселостію и умомъ; она была такъ граціозна, такъ плѣнительно улыбалась и такъ ловко показывала свою ножку, обутую почти въ дѣтскій башмачекъ, что не было никакой возможности ошибиться и не узнать въ этой милой шалуньѣ очаровательную парижанку. Обѣ онѣ одѣты были по послѣдней тогдашней модѣ, то-есть *раздѣты* немного поболѣе нынѣшнихъ балетныхъ танцовщицъ. Когда эти дамы вошли въ гостиную, почти всѣ мужчины окружили ихъ; каждый торопился сказать имъ что-нибудь пріятное, кромѣ поэта и одного рослаго итальянца, который, сидя за огромнымъ круглымъ столомъ, строилъ пирамиды изъ имперіаловъ. Не прошло пяти минутъ, какъ вся эта толпа любезниковъ отхлынула отъ красавицъ и помѣстилась вокругъ стола: итальянецъ началъ метать банкъ. Хозяинъ подвелъ меня къ дамамъ, которыя вдругъ осиротѣли, какъ оставленныя Дидоны.

— Рекомендую вамъ моего пріятеля,—сказалъ баронъ,—онъ не играетъ въ карты и будетъ вашимъ кавалеромъ. Синьора Карини!—продолжалъ онъ, обращаясь къ итальянкѣ,—мой пріятель не любитъ или, лучше сказать, не понимаетъ итальянской музыки: обратите его на путь истинный; а вы, мамзель Виржини, постарайтесь ему вскружить голову; только я вамъ говорю впередъ, это не легко: онъ помолвленъ и влюбленъ до безумія въ свою невѣсту.

Синьора Карини взглянула на меня такъ быстро, что, казалось, хотѣла опалить своимъ взглядомъ; а мамзель Виржини захохотала какъ рѣзвое дитя, и, указы-

вая на канапе, сказала:—Садитесь здѣсь! Вотъ такъ—между нами.

— Какъ вы хорошо дѣлаете, что не играете въ карты,—шепнула итальянка.—Посмотрите на этихъ игроковъ: походятъ ли они на людей? Съ какою жадностью смотрятъ они на эти кучи золота! Это ихъ божество, ихъ идолъ!

— Не правда ли,—прервала съ улыбкою Виржини,—есть идолы, которымъ поклоняться гораздо пріятнѣе?

— Не поклоняться, а любить, какъ любятъ въ Италіи,—сказала синьора Карини.

— Да! по-вашему,—подхватила француженка,—съ кинжаломъ въ рукахъ? Фи! я ненавижу эту африканскую любовь. Французы боготворятъ женщинъ, а мы дѣлаемъ ихъ счастливыми и всегда разстаемся друзьями. Будетъ съ насъ и того, что мы твердили безпрестанно: «свобода или смерть»; еслибъ вмѣсто этого стали говорить: «вѣчная любовь или смерть», то я ушла бъ на край свѣта, въ Америку, въ Сибирь!.. Да, да, въ Сибирь; и хоть это снѣжное царство должно быть настоящимъ адомъ...

— Оно превратится въ рай, когда вы будете въ немъ жить.—Эта пошлая вѣжливость невольно сорвалась у меня съ языка.

— Вы очень любезны! Но что я говорю? Я совсѣмъ забыла, что вы любите свою невѣсту и вѣрно хотите любить ее вѣчно?

Не знаю почему, но мнѣ вовсе не хотѣлось говорить о Машенькѣ съ этими бойкими красавицами; вмѣсто отвѣта я улыбнулся.

— О, я вижу, баронъ хотѣлъ пошутить надъ нами!—продолжала француженка.

— Я была въ этомъ увѣрена,—прервала синьора Карини.—Невѣста почти жена: а жена и любовь, какъ я ее понимаю, могутъ ли имѣть что-нибудь общаго [illegible]жду собою? Любить болѣе своей жизни, любить на[illegible] [illegible]ю могилы, и до послѣдняго вздоха не признавать [illegible], кромѣ любви, можно только тогда, когда и

насъ точно также любятъ. А что такое женитьба? Какую жертву приноситъ дѣвушка, выходя за васъ замужъ? Вы прекрасный мужчина и будете вѣчно принадлежать ей; она отнимаетъ васъ у всѣхъ женщинъ и пристроитъ себя къ мѣсту—прекрасное доказательство любви! Да почему вы знаете, быть-можетъ, и малѣйшая жертва показалась бы ей непреодолимымъ препятствіемъ; быть-можетъ, она отдаетъ вамъ свою руку потому только, что вы прежде другихъ за нее посватались? Она будетъ вамъ вѣрна—да это ея обязанность; она станетъ любить васъ—да за это превознесутъ ее похвалами, какъ добродѣтельную женщину. Нѣтъ! пусть она не измѣняетъ вамъ, несмотря на убѣжденія родныхъ, на слезы отца и матери, пусть любитъ даже и тогда, когда весь міръ назоветъ эту любовь преступленіемъ... О, тогда и я позволю вамъ любить ее вѣчно и не замѣчать, что есть другія женщины на свѣтѣ!

— Ахъ, ma chère! вы меня пугаете!—вскричала Виржини.—Не слушайте ее,—продолжала она, обращаясь ко мнѣ;—эта бѣшеная любовь хороша только въ трагедіяхъ. Усыпать свой путь цвѣтами, ни на чемъ не останавливаться, а *скользить* по жизни и стараться, срывая розу, не уколоть себя шипами—вотъ философія французовъ, и, повѣрьте, она, право, лучше всякой другой.

Официантъ подалъ намъ на золоченомъ подносѣ въ хрустальныхъ бокалахъ ароматическій ананасный пуншъ. Дамы отказались; я послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Что это вы не пьете?—вскричала Виржини.

— Боюсь опьянѣть еще болѣе,—отвѣчалъ я съ улыбкою.

— Такъ чтожъ? Тѣмъ лучше: вы будете откровеннѣе. Возьмите.

— Я никогда не пью пунша.

— Такъ начните.

— Хоть вмѣстѣ съ нами,—сказала итальянка.

Обѣ дамы взяли по бокалу.

— Попробуйте теперь спросить стаканъ воды,—

шепнула Вирживи, погрозивъ мнѣ своимъ розовымъ пальчикомъ.

Я выпилъ мой стаканъ пунша и долженъ былъ выпить еще другой, чтобъ помочь моимъ сосѣдкамъ, которыя подѣлились межъ собой однимъ бокаломъ. Мы не опьянѣли, но я сдѣлался гораздо развязнѣе и смѣлѣе, а мои дамы несравненно ласковѣе. Вирживи задирала свою пріятельницу, шутила со мною и безпрестанно смѣялась, чтобъ показать свои жемчужные зубы. Огненные взоры итальянки становились часъ-отъ-часу нѣжнѣе. Сначала она призналась, что ревность чувство непріятное, что можно разстаться съ своимъ любовникомъ, не зарѣзавъ ни его, ни себя; а подъ конецъ согласилась съ француженкою, что любовь становится блаженствомъ и счастьемъ нашей жизни тогда только, когда она свободна, какъ воздухъ, и прихотлива, какъ дитя. Нашъ разговоръ дѣлался ежеминутно живѣе; обѣ мои сосѣдки старались очаровать меня, обѣ онѣ были очень милы и, признаюсь, если я не пускался еще въ любовныя объясненія, то это потому, что не могъ рѣшить, которая изъ нихъ мнѣ болѣе нравится.

Межъ тѣмъ игра кончилась; хозяинъ подошелъ къ намъ. — Вы много выиграли? — спросила его Вирживи?

— О, конечно, много! — отвѣчалъ баронъ. — Всѣ понтеры остались безъ копѣйки, а я ничего не проигралъ.

— Да кто же выигралъ?

— Разумѣется кавалеръ Казанова. Развѣ онъ умѣетъ проигрывать?

— Всегда, когда играю съ милыми женщинами,— сказалъ, подойдя къ намъ, высокій итальянецъ.

— Право?—вскричала француженка,—вы до такой степени любезны?.

— Вольно жъ вамъ было не понтировать, мамзель Вирживи? Вы испытали бы это на самомъ дѣлѣ.

— Какъ мнѣ жаль, Казанова, что вы игрокъ! —

сказала синьора Карини. — Эта страсть когда-нибудь васъ погубитъ.

— Чтожъ дѣлать!—отвѣчалъ итальянецъ.—Я люблю всѣ сильныя ощущенія, люблю, чтобъ сердце мое замирало, и одна азартная игра, эта адская забава, производитъ еще какое-то впечатлѣніе на мои чувства. Ахъ, синьорина! они вовсѣ притупились подъ свинцовой кровлею венеціанской тюрьмы.

Мнѣ давно хотѣлось взглянуть на этого Казанову, который пожаловалъ самъ себя въ кавалеры, вѣроятно потому, что вѣжливые французы зовутъ отъявленныхъ плутовъ «кавалерами промышленности» (chevaliers d'industrie)! Этотъ картежный шулеръ и патентованный воръ, всегда готовый стрѣляться на двухъ шагахъ за *честь свою*, былъ очень видный мужчина; но въ жизнь мою я не видалъ лица наглѣе и безстыднѣе. Онъ не только у насъ въ Россіи, гдѣ ужъ привыкли баловать иностранцевъ, но вездѣ умѣлъ втираться въ хорошее общество, всѣхъ обыгрывать, сыпалъ деньгами, и о дружескихъ связяхъ своихъ съ знатными людьми и королями говорилъ съ такой неподражаемой простотою, что добрые москвичи не смѣли даже и усомниться въ истинѣ его словъ. По желанію дамъ этотъ знаменитый шарлатанъ принялся было намъ разсказывать, какъ онъ вырвался изъ рукъ венеціанскихъ инквизиторовъ; но хозяинъ не далъ ему кончить и попросилъ всѣхъ въ столовую.

Въ прекрасно освѣщенной залѣ приготовленъ былъ роскошный ужинъ; померанцовыя деревья, фарфоровыя вазы съ цвѣтами, серебряныя корзины съ бархатными персиками, душистыми ананасами и янтарнымъ виноградомъ отражались въ великолѣпномъ зеркальномъ плато. На хорахъ загремѣла музыка и всѣ гости усѣлись за столъ. Баронъ помѣстилъ меня, попрежнему, между двухъ красавицъ. Мы сидѣли очень тѣсно; при малѣйшемъ движеніи руки мои невольно прикасались къ рукамъ моихъ сосѣдокъ. Когда рѣзвая Виржини наклонилась ко мнѣ, ея дыханіе сливалось

съ моимъ, и въ то же время я чувствовалъ съ другой стороны, какъ шелковыя кудри итальянки скользили по моей щекѣ. Въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, не нужно говорить громко: обѣ онѣ перешептывались со мною; а кто изъ насъ въ цвѣтѣ молодости не испыталъ, какъ очарователенъ этотъ женскій шопотъ, какъ соблазнительны эти привѣтливыя рѣчи, когда онѣ говорятся вполголоса, тайкомъ отъ другихъ, какъ тревожатъ онѣ наше сердце и волнуютъ кровь. Я почти ничего не ѣлъ, но зато пилъ очень много. Сколько я ни отговаривался, все было напрасно: мои сосѣдки не хотѣли ничего слышать. — Я буду пить съ вами изъ одной рюмки,—шептала мнѣ на-ухо итальянка, пожимая мою руку.

— Oh, il faut vous griser, vous serez charmant!— повторяла безпрестанно Виржини, умирая со смѣху. Межъ тѣмъ общій разговоръ становился часъ-отъ-часу шумнѣе; по временамъ онъ совсѣмъ заглушалъ музыку. Вотъ пробка первой бутылки шампанскаго полетѣла въ потолокъ.

— Отъ этого вина вы вѣрно не откажетесь?—шепнула синьора Карини:—его пьютъ за здоровье друзей своихъ.

— Такъ онъ выпьетъ два бокала, — сказала француженка; — только не забудьте, — прибавила она такъ тихо, что я съ трудомъ могъ разобрать, несмотря на то, что розовыя ея губки почти касались моей щеки,— не забудьте: первый за мое здоровье! Слышите ли, за мое! —повторила Виржини, и ея прелестная, обутая въ атласный башмачекъ, ножка прижалась къ моей. Я не совсѣмъ еще потерялъ разсудокъ, но всѣ чувства мои были въ какомъ-то упоеніи, а голова начинала порядкомъ кружиться. Вдругъ музыка замолкла; хозяинъ всталъ съ своего мѣста и, держа въ рукѣ бокалъ шампанскаго, сказалъ: —Господа! я предлагаю тостъ; мы пьемъ за вѣчную славу просвѣтителей человѣчества, знаменитыхъ французскихъ философовъ и главы ихъ, без-
ˀтнаго Вольтера.

— Виватъ!—закричали почти всѣ гости.

— Честь и слава истребителю предразсудковъ! —проревѣлъ одинъ толстый англичанинъ, выливая за галстукъ свой бокалъ шампанскаго.

— Да здравствуетъ Вольтеръ!—пропищалъ какой-то напудренный маркизъ.—Я знаю наизусть его Орлеанскую дѣву—великій человѣкъ!

— Долой Вольтера! — прошепталъ одинъ растрепанный французъ, который сидѣлъ подлѣ поэта.—Не надобно Вольтера! Онъ былъ аристократъ!.. Да здравствуетъ Жанъ-Жакъ Руссо!

— Пріятель принца Конде и герцога Люксембургскаго!—прервалъ съ улыбкою хозяинъ.

— Онъ не былъ съ ними знакомъ—не былъ!—закричалъ французъ; — и если кто осмѣлится говорить противное...

— Тише, господа, тише!—сказалъ итальянецъ Казанова.—Я предложу вамъ тостъ, который вѣрно понравится. Да здравствуютъ богатые дураки, оброчные крестьяне всѣхъ умныхъ людей!

— Да, да! честь и слава дуракамъ: они созданы для нашей потѣхи!—закричалъ толстый англичанинъ, выливая за галстукъ второй бокалъ шампанскаго. — Годдемъ!—прибавилъ онъ, пощелкивая языкомъ.—Что за дьявольщина? Въ этомъ проклятомъ винѣ нѣтъ никакого вкуса!

— Не надо дураковъ!—сказалъ маркизъ, стараясь выговаривать каждое слово и едва шевеля языкомъ;—я не люблю дураковъ: они слишкомъ глупы.

— Да здравствуютъ прекрасныя женщины!—закричалъ одинъ изъ гостей.

— Я пью охотно!—подхватилъ другой.—Моя жена дурна собою.

— Да здравствуетъ вино!

— Только хорошее.

— Виватъ!.. Гопъ, гопъ!.. Гура! — Шумъ становился часъ-отъ-часу сильнѣе; поминутно летали пробки и шампанское лилось рѣкою.

— Къ чорту бокалы! — закричалъ хозяинъ. — Въ стаканы, господа, въ стаканы!

— Браво!.. Долой бокалы!.. A bas!..

— Тише, тише!..—сказалъ Казанова;—нашъ поэтъ встаетъ: онъ хочетъ говорить. Слушайте!.. Слушайте!

— Господа! — сказалъ поэтъ, — вы пили въ честь французскихъ философовъ, которые писали; я предлагаю тостъ за вѣчную славу ихъ учениковъ, знаменитыхъ философовъ, которые дѣйствовали. Первый бокалъ въ честь главы ихъ, въ честь того, кто не зналъ сожалѣнія къ другимъ и не требовалъ его для себя; который игралъ жизнію людей, потому что презиралъ и жизнь и человѣка; который былъ неумолимъ, какъ смерть, грозенъ и великъ, какъ морская язва; который...

— Фи!.. что это? не надо! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Мы не хотимъ пить за эту воплощенную чуму—не хотимъ!.. Да здравствуютъ женщины, вино и веселье!.. Виватъ!.. Семперъ—виватъ!

Поэтъ взглянулъ съ презрѣніемъ на всѣхъ гостей.— Такъ! я опередилъ мой вѣкъ!—прошепталъ онъ мрачнымъ голосомъ. — Веселись, глупая толпа, веселись! Ты не можешь понимать меня!

— Вы ошибаетесь, милордъ!—закричалъ косматый французъ;—я понялъ васъ, и пью вмѣстѣ съ вами.

Я не принималъ участія въ этихъ тостахъ, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ моихъ сосѣдокъ, и долженъ былъ выпить за ихъ здоровье по бокалу шампанскаго. За десертомъ онѣ уговорили меня попробовать столѣтняго венгерскаго, и когда ужинъ кончился, я съ трудомъ могъ приподняться со стула. Чувствуя, что мнѣ нужно было освѣжиться, я подошелъ къ открытому окну. Все было пусто на улицѣ. Ночь была темная, небеса покрыты тучами; но, несмотря на это, мнѣ показалось, что я вижу безчисленное множество звѣздъ; нѣкоторыя изъ нихъ падали на землю; одна ярче всѣхъ другихъ разсыпалась надъ самой улицею и освѣтила человѣка въ сѣромъ платьѣ, который стоялъ,

прижавшись къ стѣнѣ противоположнаго дома. Казалось, онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки. Вдругъ изъ ближайшаго переулка потянулся длинный рядъ людей, одѣтыхъ въ траурные плащи; каждый изъ нихъ несъ въ рукѣ зажженный факелъ; за ними везли подъ балдахиномъ черный гробъ. Черезъ минуту вся погребальная процессія выбралась на большую улицу. При яркомъ свѣтѣ факеловъ, я безъ труда могъ разсматривать, что человѣкъ въ сѣромъ платьѣ протягивалъ ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ свои руки, и когда свѣтъ отъ одного факела отразился на лицѣ его, я невольно воскликнулъ:

— Что это?.. Это Яковъ Сергѣевичъ Луцкій?.. Зачѣмъ онъ здѣсь?.. на улицѣ?.. такъ поздно?..

— Чтожъ вы насъ оставили, вѣжливый кавалеръ?— раздался позади меня голосъ Виржини. Вдругъ все исчезло: и похороны и Луцкій, все покрылось непроницаемымъ мракомъ; вдоль по улицѣ загулялъ сильный вѣтеръ, вдали послышался какой-то жалобный крикъ, кто-то промчался верхомъ, и изъ окна сосѣдняго дома сказали вполголоса:—скорѣй, скорѣй! она умираетъ!

— Да что вы смотрите на улицу? — сказала итальянка.—Пойдемте съ нами!

Я молча подалъ ей руку, и мы вмѣстѣ съ прочими гостями вошли въ другую залу. Она была такъ ярко освѣщена, что сначала глазамъ моимъ сдѣлалось больно; мнѣ казалось, что всѣ окна, картины и даже стѣны были усыпаны огнями. На одномъ концѣ ея стояло человѣкъ десять цыганъ и почти столько же цыганокъ сидѣло на стульяхъ. Мои дамы, помѣстясь какъ можно ближе къ послѣднимъ, посадили и меня вмѣстѣ съ собою. Одна изъ цыганокъ съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ и большими черными глазами запѣла тихимъ, но весьма пріятнымъ голосомъ какую-то цыганскую пѣсню. Сначала протяжные и унылые звуки ея голоса раздавались одни по залѣ; вдругъ, какъ внезапный ударъ грома, грянулъ хоръ; мотивъ перемѣнился, темпъ изъ протяжнаго превратился въ быстрый,

съ каждой нотой усиливалось кресчендо, все живѣй, быстрѣй, и вдругъ опять прежняя тишина, опять одинъ тихій, заунывный голосъ, и вотъ снова бѣшеный хоръ и снова онъ замираетъ посреди неоконченнаго аккорда.

— C'est ravissant!—закричалъ растрепанный французъ.

— То ли еще вы услышите!—промолвилъ, кажется, въ первый разъ одинъ русскій баринъ. — Таничка! — продолжалъ онъ, обращаясь къ цыганкѣ, которая, окончивъ пѣсню, сидѣла, задумавшись, на стулѣ, — хватите-ка удалую! Да знаете, по-вашему, чтобъ потолокъ затрещалъ.

Всѣ цыгане столпились въ кружокъ позади своихъ женщинъ. Видный собою, кудрявый, съ черными усами бандуристъ вышелъ впередъ. Онъ ударилъ по струнамъ; смуглыя, но чрезвычайно выразительныя лица цыганокъ оживились, глаза ихъ засверкали, и оглушающій хоръ, въ которомъ, казалось, ни одна нота не клеилась съ другой, загремѣлъ и разразился, какъ ураганъ, въ самыхъ чудныхъ и неожиданныхъ перекатахъ. Безпрестанно одинъ голосъ покрывалъ другой, рѣзкая рулада заглушалась громкимъ визгомъ, безсмысленный вопль и буйный свистъ мѣшались съ гармоническими голосами женщинъ. Все въ этомъ хаосѣ звуковъ было безуміемъ и въ то-же время все кипѣло какой-то исполненной силы неистовой жизнью. Надобно сказать правду: кто, не оглохнувъ, можетъ слушать это пѣніе и безъ отвращенія смотрѣть на судорожное кривлянье цыганокъ, на ихъ нахальныя движенія и бѣснующіяся лица, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ увлеченъ этимъ музыкальнымъ бѣшенствомъ и врядъ ли усидитъ спокойно на мѣстѣ. Почти всѣ гости плясали на своихъ стульяхъ; косматый французъ задыхался отъ восторга, и даже мрачный поэтъ улыбнулся съ удовольствіемъ и сказалъ:

— Прекрасно, прекрасно!.. Это настоящій хоръ демоновъ!

Не помню, сколько времени продолжалось это пѣніе, только подъ-конецъ отуманенная виномъ голова моя совершенно отяжелѣла; всѣ предметы начали двоиться въ глазахъ, лица гостей казались мнѣ попеременно то черными, то бѣлыми; однимъ словомъ, я находился въ какомъ-то полусонномъ состояніи, въ которомъ ложь и истина поминутно смѣняютъ другъ друга: то вмѣсто потолка я видѣлъ надъ собою чистое, покрытое звѣздами небо, то люстра превращалась въ огромную человѣческую голову, усыпанную сверкающими глазами; я чувствовалъ однакожъ, и это былъ не обманъ, что Виржини держала въ своей рукѣ мою руку, а итальянка шептала мнѣ на-ухо слова любви, которыя, несмотря на мою опьянѣлость, казались для меня весьма понятными. Вдругъ кто-то закричалъ: — да, да! пора плясать! — Плясать, плясать! — повторили всѣ гости. Цыгане собрались въ кучу, пошептали межъ собою, и почти насильно вытолкнули впередъ плясуна въ бархатномъ черномъ полукафтаньѣ. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ. Вотъ одна молодая цыганка затянула плясовую пѣсню, хоръ подхватилъ, она притопнула ногою, задрожала, закинула назадъ голову и съ визгомъ вылетѣла изъ толпы.

— Ну!.. пошла писать!—закричалъ русскій баринъ, припрыгивая на своемъ стулѣ.

И подлинно *пошла писать*! Если есть что-нибудь безумнѣе разгульной цыганской пѣсни, такъ это ихъ пляска. Представьте себѣ сумасшедшихъ или укушенныхъ тарантуломъ, которые подъ звуки самой буйной. заливной пѣсни не пляшутъ, а бѣснуются; представьте себѣ женщину, забывшую весь стыдъ, упившуюся виномъ и сладострастіемъ вакханку; въ ней—по выраженію простого народа — всѣ косточки пляшутъ. Она визжитъ, трясется всѣмъ тѣломъ и пожираетъ глазами своего плясуна, который подлетаетъ къ ней съ неистовымъ воплемъ, коверкается и, какъ одержимый злымъ духомъ, дѣлаетъ такіе прыжки и повороты, что глазъ не успѣваетъ за ними слѣдовать.

Всѣ гости были въ восторгѣ; растрепанный французъ аплодировалъ, стучалъ ногами, поэтъ улыбался, а русскій баринъ, посматривая съ неизъяснимымъ наслажденіемъ на цыганъ, кричалъ: — Живѣй, живѣй, ребята!.. Подымайте выше... Славно, Дуняша!.. Ай да колѣнцо!.. Славно!.. Ходи браво! ей вы!.. жги! — Все вниманіе мое было обращено на плясуна. Я уже сказалъ, что лицо его казалось мнѣ знакомымъ, и сверхъ того оно представляло совершенную противоположность съ его удалою пляскою. Онъ извивался какъ змѣй, выдѣлывалъ ногами пречудныя вещи, и въ то-же время во всѣхъ чертахъ лица его выражалась такая грусть, такое страданіе, что, глядя на него, мнѣ и самому сдѣлалось грустно. Вдругъ этотъ плясунъ, который держался все поодаль, подлетѣлъ къ моимъ сосѣдкамъ, и разстилаясь мимо ихъ въ присядку, кивнулъ мнѣ головою. Еслибъ я могъ вскочить со стула, то ужъ вѣрно бы вскочилъ. Представьте себѣ: я узналъ въ этомъ плясунѣ пріятеля моего, магистра Дерптскаго университета, фонъ-Нейгофа. Я хотѣлъ спросить, какъ онъ попалъ въ цыгане; но языкъ мой не шевелился, глаза начали смыкаться, все потемнѣло, подлѣ меня раздался громкій женскій хохотъ, потомъ какъ будто бы меня облили холодной водою. Я сдѣлалъ еще одно усиліе, хотѣлъ приподняться; но мои ноги подкосились, голова скатилась на грудь, и я совершенно обезпамятѣлъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

МАСКАРАДЪ.

На другой день я проснулся или, лучше сказать, очнулся часу въ двѣнадцатомъ. Голова моя была тяжела какъ свинецъ. Сначала я не могъ ничего порядкомъ припомнить: мнѣ все казалось, что я видѣлъ какой-то безпутный сонъ, въ которомъ не было никакой связи; но мой слуга, котораго я кликнулъ, вывелъ меня тотчасъ изъ заблужденія.

— Гдѣ это, сударь,—спросилъ Егоръ,—вы изволили такъ подгулять?

— Гдѣ? Какъ гдѣ? Да развѣ я гдѣ-нибудь былъ?

— Эге, баринъ, какъ память-то вамъ отшибло! Да васъ вчера гораздо за полночь привезли откудова-то въ каретѣ. Ну, Александръ Михайловичъ, вы видно изволили хлебнуть по-нашему!

— Что ты врешь, дуракъ!.. Однакожъ, постой!.. въ самомъ дѣлѣ... вѣдь я былъ вчера у барона?.. Такъ точно!.. я пилъ шампанское...

— Ну, вотъ, изволите видѣть!

— Постой, постой!.. Мамзель Виржини... синьора Карини...

— Что такое, сударь?..

— Луцкій... похороны... фонъ-Нейгофъ въ цыганскомъ платьѣ... что это такое?..

— Не выпить ли вамъ водицы?—шепнулъ Егоръ, покачивая головою.

— Здравствуй, Александръ! — сказалъ Закамскій, входя въ комнату. — Что это?.. въ постели?.. Ты боленъ?..

— Да! у меня очень болитъ голова,—отвѣчалъ я, надѣвая мой халатъ и туфли. — Я вчера поздно пріѣхалъ домой; за ужиномъ пилъ это проклятое шампанское...

— Гдѣ?

— У барона Брокена.

— Скажи пожалуйста, откуда выкопалъ ты этого барона?

— Я съ нимъ познакомился нѣсколько дней тому назадъ.

— Кто онъ такой?

— Кажется богатый человѣкъ; онъ путешествуетъ по всей Европѣ, и, можетъ-быть, долго проживетъ у насъ въ Москвѣ.

— А что у него вчера былъ за праздникъ?

— Такъ, вечеръ. Пѣли цыгане, играли въ карты, ужинали...

— Да ктожъ у него былъ?

— Почти все иностранцы.

— А иностранокъ не было?—спросилъ съ улыбкою Закамскій.

— Какъ же! Двѣ дамы: одна итальянка, другая француженка, и обѣ прелесть!

— Право! Такъ тебѣ было весело?

— Да, конечно, сначала; но подъ-конецъ я былъ въ какомъ-то чаду, бредилъ какъ въ горячкѣ, и видѣлъ такія странныя вещи...

— Что такое?

— Да какъ бы тебѣ сказать? Въ комнатѣ хохотъ, пѣсни, цыгане, а на улицѣ похороны, на небѣ какой-то фейерверкъ... Въ комнатѣ за мной ухаживали двѣ

прекрасныя женщины, а на улицѣ, противъ окна, стоялъ Яковъ Сергѣевичъ Луцкій, дѣлалъ мнѣ знаки, манилъ къ себѣ... И все это я видѣлъ—точно видѣлъ.

— А много ли ты выпилъ рюмокъ вина?

— Право не помню.

— Вотъ то-то и есть! Кто пьетъ безъ счету, такъ тому и Богъ вѣсть что покажется.

— Да это еще не все. Представь себѣ: вѣдь нашъ пріятель, Нейгофъ, мастерски пляшетъ по-цыгански.

— Что, что?

— Да! онъ вчера и пѣлъ и плясалъ вмѣстѣ съ цыганами.

— Вчера? въ которомъ часу?

— Часу въ первомъ ночи.

— Ну, Александръ, видно же ты порядкомъ нарѣзался! Да знаешь ли, что бѣдняжка Нейгофъ очень боленъ? Я вчера просидѣлъ у него большую часть ночи и съ нимъ именно въ первомъ часу сдѣлался такой сильный и продолжительный обморокъ, что я ужасно испугался, — ну, точно мертвый! Теперь, слава Богу, ему лучше. Да что это, Александръ? Ты, кажется, вовсе пить не охотникъ, а такія диковинки мерещутся только записнымъ пьяницамъ съ перепою. Нашъ важный и ученый магистръ плясалъ по-цыгански!.. Ну, душенька, ты рѣшительно былъ пьянъ.

— Я и самъ начинаю то-же думать, — сказалъ я, потирая себѣ голову,—и могу тебя увѣрить, что это въ первый и послѣдній разъ.

— Послушай, Александръ,—сказалъ Закамскій, помолчавъ нѣсколько времени,—ты не ребенокъ, а я не старикъ, такъ мнѣ читать тебѣ мораль вовсе не кстати; а воля твоя, этотъ баронъ мнѣ что-то больно не нравится. Онъ уменъ, очень уменъ; но его образъ мыслей, его правила...

— Не безпокойся, мой другъ, онъ не развратитъ меня.

— Дай то Богъ!

— Скажи мнѣ, Василій Дмитричъ, давно ли ты видѣлъ Днѣпровскихъ.

— А, кстати! Алексѣй Семеновичъ о тебѣ спрашивалъ, а жена его препоручила мнѣ просить тебя сегодня на вечеръ.

— Сегодня я никуда не поѣду: я нездоровъ.

— Полно нѣжиться, Александръ! Ну, что за важность—голова болитъ! Пріѣзжай сегодня къ Днѣпровскимъ. Знаешь ли что? Ты очень понравился и мужу и женѣ, а особливо женѣ... Да не краснѣй: тутъ нѣтъ еще ничего дурного. Она поговоритъ съ тобой о лунѣ, о милой природѣ; ты прочтешь ей «бѣдную Лизу». «Наталью, боярскую дочь»; быть-можетъ, поплачете вмѣстѣ, да тѣмъ дѣло и кончится. Я хорошо знаю Днѣпровскую: она немного вѣтрена, любитъ помечтать, слетать воображеніемъ въ *туманную область небытія*, посантиментальничать, поговорить о какой-то неземной любви; но ужъ, конечно, никто на свѣтѣ, даже любая московская старушка, не найдетъ ничего сказать дурного объ ея поведеніи, и повѣрь мнѣ, если ты желаешь сохранить дружбу Надины, то совѣтую тебѣ не пускаться съ нею въ любовныя изъясненія. Тутъ я вспомнилъ о письмѣ, которое показывалъ мнѣ баронъ, и невольно улыбнулся.

— Ого!—сказалъ Закамскій,—какая самодовольная улыбка! Да ты рѣшительно смотришь побѣдителемъ. Видишь, какой Пигмаліонъ!.. Сколько людей старались напрасно оживить эту прекрасную статую, а онъ, какъ Цезарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!.. Ну, братъ, Александръ, заранѣе поздравляю тебя съ носомъ!

Я любилъ Машеньку, а Днѣпровская мнѣ только нравилась; но самолюбіе... охъ, это самолюбіе!.. Посмотришь: человѣкъ сходитъ съ ума отъ женщины, забываетъ всѣ приличія, дѣлаетъ тысячу дурачествъ, губитъ свою будущность, теряетъ друзей, идетъ стрѣляться за эту женщину на двухъ шагахъ, однимъ словомъ, все приноситъ ей въ жертву; и вы думаете, что онъ страстно ее любитъ?.. О, нѣтъ! онъ не хочетъ

только, чтобъ *она* любила другого; для него нестерпима мысль, что этотъ *другой* можетъ сказать: «она оставила его для меня». Еслибъ эта женщина умерла, то, быть-можетъ, онъ не вздохнулъ бы о ней ни разу; но она измѣнила, то-есть *предпочла* ему другого и онъ, въ минуту бѣшенства, готовъ рѣшиться на все. Насмѣшки Закамскаго расшевелили во мнѣ это демонское самолюбіе. Остаться съ носомъ — мнѣ!.. Когда изъ одного великодушія я отвергаю любовь, которую мнѣ такъ явно предлагаютъ... Ахъ, чортъ возьми!.. это обидно!.. Такъ я же докажу Закамскому, что если многіе изъ его пріятелей и, можетъ-быть, онъ самъ, остались съ носомъ, то ужъ, конечно, я не прибавлю числа этихъ забракованныхъ волокитъ... Сначала докажу ему это, а послѣ... ну, разумѣется, уѣду изъ Москвы, женюсь на моей невѣстѣ... Да, да!.. нѣсколько мѣсяцевъ Надинѣ, а потомъ всю жизнь Машенькѣ, всю до самой смерти!

Прощаясь съ моимъ пріятелемъ, я почти далъ слово, что мы вечеромъ увидимся у Днѣпровскихъ.

Весь этотъ день я пробылъ дома. Часу въ седьмомъ вечера, въ то время, какъ я сбирался уже ѣхать, мой слуга подалъ мнѣ письмо: оно было отъ Машеньки. Когда я увидѣлъ почеркъ этой милой руки, сердце мое забилось отъ радости; я забылъ все—и плѣнительную улыбку Надины и ея черные пламенные глаза; встревоженное самолюбіе замолкло въ душѣ моей; въ ней воскресло и оживилось все прошедшее. Въ этомъ почти дѣтскомъ письмѣ не было ни сантиментальныхъ фразъ, ни *проникнутыхъ* сильнымъ чувствомъ словъ, которыя *жгутъ* бумагу. Съ первыхъ строкъ можно было отгадать, что моя невѣста не читала «Новой Элоизы»; она не описывала мнѣ любви своей, но зато каждое слово въ письмѣ ея дышало любовью, въ каждомъ словѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась ея чистая, небесная душа. Машенька разсказывала мнѣ о своихъ занятіяхъ, о томъ, какъ они праздновали день моего рожденія, какъ служили молебенъ.—Ахъ, братецъ!—

говорила она,—какъ мнѣ было тяжело не плакать во время молебна! Но я боялась огорчить маменьку, и молилась за тебя Богу, какъ за чужого, но зато ужъ послѣ!..

Я прочелъ нѣсколько разъ сряду это письмо; я цѣловалъ его, прижималъ къ сердцу и кончилъ тѣмъ, что отправился, но только не къ Днѣпровскимъ, а къ Якову Сергѣевичу Луцкому, у котораго я давно уже не былъ. Онъ принялъ меня съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ, и хотя бесѣды его вовсе не походили на забавную болтовню князя Двинскаго, а и того менѣе на философическіе разговоры и рѣзкія сужденія барона Брокена, но я не видѣлъ, какъ прошелъ весь вечеръ. Его свѣтлая, исполненная библейской простоты рѣчь, его кротость, ласковый пріемъ и даже этотъ смиренный пріютъ—простой, но чистый и веселый его домикъ, все вливало какую-то неизъяснимую отраду въ мою душу. Казалось, она отдыхала отъ всѣхъ житейскихъ суетъ и утомительныхъ забавъ свѣта—ей было такъ легко! О, какъ свободно дышишь подъ кровлей истиннаго христіанина! Кажется, будто бъ цѣлая атмосфера мира и спокойствія тебя окружаетъ. Порокъ прилипчивъ, но и добродѣтель передается душѣ человѣка, когда онъ не бѣжитъ отъ нея, какъ отъ заразы. Всякій разъ, послѣ бесѣды моей съ Луцкимъ, я чувствовалъ себя добрѣе и моя привязанность къ невѣстѣ увеличивалась; его дружба и любовь къ Машенькѣ, эти два ангела-хранителя моей юности, спасли меня отъ гибели.

Я пріѣхалъ домой часу въ одиннадцатомъ ночи, прочелъ еще разъ письмо Машеньки, и заснулъ самымъ тихимъ и спокойнымъ сномъ.

Прошло недѣли двѣ, въ которыя я ни разу не былъ у Днѣпровскихъ. Баронъ заѣзжалъ ко мнѣ почти каждый день; онъ звалъ меня опять на вечеръ, но я отдѣлался вѣжливымъ образомъ, несмотря на то, что мнѣ иногда очень хотѣлось увидѣть и мамзель Виржини и синьору Карини, съ которыми я нигдѣ не могъ по-

встрѣчаться. Казалось, баронъ далъ себѣ слово очаровать меня своей любезностью и умомъ; каждый день я открывалъ въ немъ новыя достоинства. Этотъ чудный человѣкъ былъ въ одно и то же время поэтъ и ученый, какіе встрѣчаются очень рѣдко; игралъ съ неподражаемымъ искусствомъ на скрипкѣ и рисовалъ, какъ отличный художникъ. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль онъ успѣлъ такъ со мною сблизиться, что мы ужъ говорили другъ другу *ты*, и какъ будто бы вѣкъ были знакомы. Нѣсколько разъ онъ заговаривалъ со мною о Днѣпровской, смѣялся надъ моей жестокостью и спрашивалъ шутя: скоро ли проглянетъ на небѣ звѣзда бѣдной Надины? Наконецъ, самъ Днѣпровскій заѣхалъ ко мнѣ, чтобъ узнать, для чего я ихъ покинулъ. Я оправдывалъ себя нездоровьемъ, службою, обѣщалъ загладить свою вину, и продолжалъ попрежнему къ нимъ не ѣздить. Однажды барону совсѣмъ было удалось свести меня съ Надиною. Мы гуляли съ нимъ по Тверскому бульвару; день вышелъ ясный, и хотя мы дышали вовсе не лѣтнимъ воздухомъ, и солнце ужъ плохо грѣло, но весь бульваръ былъ усыпанъ народомъ; передъ нами шли двѣ дамы въ бѣлыхъ атласныхъ *дульетахъ*.

— Ну, что?—шепнулъ мнѣ баронъ,—твое гранитное сердце молчитъ?

— А что такое?—спросилъ я.

— Такъ ты не узнаешь? Видишь эту стройную даму—вотъ та, что идетъ съ лѣвой стороны?.. Вѣдь это Днѣпровская.

— Право?

— Послушай! Если мы къ ней не подойдемъ, такъ это будетъ очень невѣжливо.

— Я тебѣ не мѣшаю.

— Да подойди и ты. Полно, полно!—продолжалъ онъ, таща меня за руку:—что за ребячество! Это ужъ ни на что не походитъ!

Надобно сказать правду, я и сначала не очень упирался, а подъ конецъ пошелъ едва ли не скорѣе моего

товарища. Вдругъ онъ вырвалъ изъ моей руки свою руку, бросился въ сторону и исчезъ въ толпѣ гуляющихъ. Почти въ ту же самую минуту повстрѣчался со мною старикъ Луцкій; онъ сказалъ мнѣ, что, пробираясь къ себѣ домой, попалъ нечаянно на это гулянье. Я прошелъ съ нимъ до конца бульвара, и потомъ отправился домой. На другой день баронъ сказалъ мнѣ, что увидѣлъ въ толпѣ одного знакомаго, котораго никакъ не ожидалъ найти въ Москвѣ, и что, покинувъ меня на нѣсколько минутъ, не могъ ужъ послѣ никакъ со мною повстрѣчаться.

Вотъ однажды, спустя мѣсяца полтора, вечеромъ, часу въ десятомъ, я сидѣлъ дома одинъ. На улицѣ вылъ вѣтеръ, мелкій снѣгъ пополамъ съ крупою стучалъ въ окна моей комнаты; ложиться спать было еще рано; а ѣхать куда-нибудь въ гости поздно, такъ я, отъ нечего-дѣлать, читалъ одинъ современный журналъ, котораго названіе показалось бы въ наше время вовсе не забавной шуткою. Помнится, его называли: «Прохладные часы, или аптека, врачующая отъ унынія разными медикаментами, составленными изъ старины и новизны».—И надобно признаться, эти «Прохладные часы» были самыми скучными часами въ моей жизни. Я переставалъ читать, зѣвалъ; потомъ, для разнообразія, дремалъ, а тамъ опять зѣвалъ; однимъ словомъ, не зналъ, что дѣлать и куда дѣваться отъ скуки. Вдругъ кто-то подъѣхалъ къ крыльцу; я обрадовался и побѣжалъ навстрѣчу къ моему гостю. Это былъ баронъ.

— Здравствуй, Александръ Михайловичъ!—закричалъ онъ.—Какъ я радъ, что засталъ тебя дома! Хочешь ли потѣшить меня и очень весело провести сегодняшній вечеръ?

— Какъ не хотѣть! Я умираю отъ скуки.

— Поѣдемъ въ маскарадъ къ графинѣ Дулиной.

— Я ее не знаю.

— Ну, вотъ эта страстная музыкантша, которую ты видѣлъ у Днѣпровскихъ.

— Да я съ нею не знакомъ.

— Нѣтъ нужды! У меня есть лишній билетъ. Я привезъ съ собою два домино, мы замаскируемся, насъ никто не узнаетъ, а мы будемъ интриговать цѣлый міръ. Ты найдешь тамъ много знакомыхъ, станешь говорить только съ тѣмъ, съ кѣмъ самъ захочешь, и уѣдешь тогда, когда тебѣ вздумается. Ну, что—ѣдемъ?

Разумѣется я согласился, бросилъ подъ столъ «Прохладные часы» и черезъ нѣсколько минутъ, закутанный съ головы до ногъ въ широкое домино, отправился вмѣстѣ съ барономъ.

Подъѣзжая къ огромному дому графини Дулиной, мы попали въ рядъ и, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа дожидались нашей очереди. Не знаю, какъ это сдѣлалось, но только два или три нищенскихъ цуга, которые тащились позади нашей лихой четверни, подъѣхали первые къ подъѣзду; наконецъ, дошло дѣло и до насъ. Вотъ мы въ сѣняхъ низкихъ, плохо освѣщенныхъ, запачканныхъ, но очень обширныхъ; по обѣимъ сторонамъ толпы слугъ: одни залиты золотомъ, другіе оборваны; одни держатъ въ рукахъ салопы, шали, шубы; другіе, набивъ ими огромные мѣшки, располагаются преспокойно вздремнуть на этихъ временныхъ пуховикахъ, въ то время, какъ ихъ господа станутъ веселиться на балѣ. Русскій слуга вообще любитъ соснуть; это весьма и натурально: онъ ничѣмъ не занятъ, ему не о чемъ думать; слѣдовательно, если онъ не пьяница, то дремлетъ оттого, что ему скучно; а если любитъ выпить, такъ спитъ для того, чтобъ выспаться и явиться въ трезвомъ видѣ къ столу, во время котораго обыкновенно вся *услуга* должна быть на лицо.

Мы взошли во второй этажъ дома по парадной лѣстницѣ, уставленной лакеями въ богатыхъ ливреяхъ и засаленыхъ галстукахъ. Отъ небольшой прихожей, гдѣ мы отдали швейцару свои билеты, начинался цѣлый рядъ ярко освѣщенныхъ, обитыхъ штофомъ и роскошно убранныхъ гостиныхъ. Повернувъ направо, мы прошли черезъ длинную столовую въ огромную танцовальную

залу. Въ ней гремѣла музыка и человѣкъ триста давили другъ друга, чтобъ дать мѣсто длинному польскому, паръ въ тридцать, который разгуливалъ по залѣ. Почти всѣ гости были въ маскарадныхъ платьяхъ, но по большей части безъ масокъ; мужчины въ простыхъ венеціанахъ и трехугольныхъ шляпахъ, а женщины въ разныхъ характерныхъ костюмахъ. Сначала я вовсе растерялся; яркій свѣтъ, пестрота, безпрерывное движеніе, шопотъ частыхъ разговоровъ, пронзительный визгъ и хохотъ масокъ, оглушающій польскій съ трубами и литаврами, жаръ, духота—все это вмѣстѣ подѣйствовало на меня какъ сильный пріемъ опіума: я совершенно одурѣлъ; но это продолжалось недолго. Минутъ черезъ пять, когда я совсѣмъ ужъ оглядѣлся, повстрѣчалась со мною хозяйка дома; она вмѣстѣ съ Надиною Днѣпровскою пробиралась сквозь толпу вонъ изъ залы. На Днѣпровской былъ костюмъ швейцарской пастушки. Она была такъ мила въ этомъ живописномъ нарядѣ, эта круглая соломенная шляпка, изъ-подъ которой лились волною ея черныя кудри, этотъ пестрый корсетъ, который обхватывалъ ея прелестную грудь и гибкій станъ, все было въ ней такъ очаровательно, что я, желая еще разъ на нее полюбоваться, вышелъ вслѣдъ за ними въ столовую.—Ахъ, ma chère! Какъ некстати разболѣлась у тебя голова!—говорила графиня, прощаясь съ Днѣпровскою.

— Мнѣ и самой очень грустно,—сказала томнымъ голосомъ Надина; — но еслибъ вы знали, что я чувствую!.. Только, Бога ради, не говорите ничего Алексѣю Семеновичу: онъ испугается, не кончитъ своей партіи... а мои головныя боли, право, ничего: онѣ всегда проходятъ сномъ. Прощайте, графиня!..

Днѣпровская уѣхала, а я воротился опять въ танцовальную залу. Около часу ходилъ я изъ комнаты въ комнату, зѣвалъ, смотрѣлъ какъ играли въ бостонъ, выпилъ стакана два лимонаду, и не могъ надивиться на эту разноцвѣтную толпу, которая, казалось, очень веселилась, тогда какъ я чувствовалъ одну усталость

и скуку. Со мною встрѣчалось много знакомыхъ, но я не смѣлъ никого задирать; мнѣ все казалось, что меня съ перваго слова назовутъ по имени. Наконецъ, увлекаясь общимъ примѣромъ, я рѣшился пуститься въ разговоры, и подлетѣлъ къ тремъ дамамъ, которыя сидѣли рядомъ въ одномъ углу залы. Это были, какъ я узналъ послѣ, родныя сестры Л***; всѣ три дѣвицы зрѣлыя, то-есть самой меньшой изъ нихъ было лѣтъ шестьдесятъ. Эти добрыя старушки имѣли слабость бѣлиться, румяниться и сурмить брови; а такъ какъ онѣ въ тоже время не могли вытянуть и разгладить всѣхъ морщинъ, то ихъ лица совершенно походили на восковыя, дурно сдѣланныя маски. Эти три дѣвицы были въ какихъ-то греческихъ хитонахъ, и я вообразилъ, что онѣ одѣты Парками.—Почтенныя сестрицы,—сказалъ я:—куда вы дѣвали ваше веретено, прялку и ножницы? Безъ этихъ принадлежностей никто не отгадаетъ, что вы Парки.—Представьте мое удивленіе! Вдругъ эти неподвижныя, окрашенныя карминомъ губы зашевелились, глянцовитые лбы наморщились, три пары бездушныхъ глазъ засверкали гнѣвомъ, а позади меня раздался шопотъ негодованія и громкій смѣхъ веселыхъ масокъ. Многіе изъ гостей, находя мою шутку слишкомъ дерзкою, стали добиваться, кто я такой; въ одну минуту составился около насъ кружокъ. Я вовсе потерялъ голову, не зналъ куда дѣваться, и съ радостью провалился бы сквозь землю; къ счастію необычный шумъ въ другомъ углу залы разогналъ эту тучу. Всѣ бросились туда толпою. Тамъ происходила сцена гораздо интереснѣе той, въ которой я былъ дѣйствующимъ лицомъ; она также была слѣдствіемъ совершенно невинной ошибки. Когда я вмѣстѣ съ другими подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ шумѣли, одинъ молодой человѣкъ, блѣдный, растрепанный, пробивался, какъ безумный, сквозь толпу; за нимъ гналось человѣкъ пять; они успѣли остановить его; въ тоже время выносили на рукахъ изъ залы женщину среднихъ лѣтъ, въ сильномъ обморокѣ. Чрезъ

нѣсколько минутъ все объяснилось. Этотъ молодой человѣкъ, только-что пріѣхавшій изъ провинціи, пострадалъ ужаснымъ образомъ за свою вѣжливость. Противъ него сидѣла дама, закутанная съ головы до ногъ въ черный венеціанъ. Она была въ бѣломъ платьѣ, и на бѣду, клочекъ этого платья выглядывалъ у самыхъ ея ногъ изъ-подъ венеціана, который въ этомъ мѣстѣ распахнулся. Молодой человѣкъ былъ очень близорукъ и не носилъ очковъ, потому что тогда это было еще вовсе не въ модѣ. Вотъ, ему показалось, что дама въ черномъ платьѣ уронила бѣлый платокъ. Какой удобный случай доказать столичной публикѣ, что у насъ и въ провинціяхъ молодые люди отмѣнно вѣжливы и чрезвычайно ловки! Благовоспитанный юноша не долго колебался, боясь, чтобъ его не предупредили: онъ бросился, какъ полоумный, проломилъ локтемъ картонное брюхо какого-то турецкаго паши, сбилъ съ ногъ арлекина, подбѣжалъ къ бѣдной барынѣ, и вдругъ, сразмаху, поднялъ платокъ.

Въ ту самую минуту, какъ я слушалъ одного изъ гостей, который разсказывалъ другому объ этомъ приключеніи, подошла ко мнѣ маска въ голубомъ домино и круглой мужской шляпѣ. «Здравствуйте Александръ Михайловичъ!»—пропищала она, протягивая мнѣ свою руку. Мнѣ нетрудно было отгадать, что, несмотря на круглую мужскую шляпу, со мною говорила женщина. Маленькій шелковый башмачекъ и крошечная ручка въ лайковой перчаткѣ, разумѣется, не могли принадлежать мужчинѣ; но я не могъ понять, какъ она могла узнать меня, когда я во все время не снималъ ни разу моей маски, и промолвилъ только нѣсколько словъ, да и то не своимъ голосомъ.

— Скажите мнѣ, — продолжало голубое домино,— что вамъ за охота душиться въ этой залѣ? Посмотрите, свѣчи тухнутъ отъ жара. Пойдемте въ другія комнаты, тамъ гораздо свѣжѣй.

— Куда вамъ угодно, прекрасная маска!—сказалъ —Съ вами я готовъ идти на край свѣта.

— О, я поведу васъ не такъ далеко! Пойдемте, пойдемте!

Мы прошли нѣсколько гостиныхъ, диванную и остановились въ роскошномъ будуарѣ, которымъ оканчивалась вся амфилада парадныхъ комнатъ.

— Отдохнемте здѣсь, — шепнула маска, садясь на покойную, обставленную цвѣтами, *козетку*. Я сѣлъ подлѣ нея. — Ну, что, Александръ Михайловичъ, не правда ли, что здѣсь гораздо прохладнѣе?

— И несравненно пріятнѣй. Но, скажите, почему вы меня узнали?

— Я колдунья.

— Не можетъ быть: всѣ колдуньи старухи.

— Да кто вамъ сказалъ, что я молода?

— Кто? Вы сами. Я увѣренъ, что этой маской прикрыты и розовыя губки, и жемчужные зубы, и тысяча другихъ прелестей; да, къ счастію, глаза-то вамъ спрятать не можно.

— Вы худой отгадчикъ. Впрочемъ, такъ и быть должно: вы ничего не отгадываете.

— Неужели?

— Ну трудно ли, напримѣръ, отгадать, что тѣмъ, которые васъ любятъ, очень грустно не видѣться съ вами по цѣлымъ мѣсяцамъ; а вы, кажется, этого не отгадываете.

— Я васъ не понимаю.

— Скажите: хорошо ли забывать старыхъ знакомыхъ? Разрывать пріятельскія связи безъ всякой причины и платить за искреннюю дружбу какимъ-то холоднымъ ледянымъ равнодушіемъ, которое во сто разъ несноснѣе всякой вражды и ненависти? Ну! теперь вы отгадали, кто я?

— Виноватъ! и теперь не отгадалъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите меня узнать? — сказала маска своимъ голосомъ.

— Чтожъ это? — подумалъ я. — Мнѣ кажется, этотъ голосъ... да нѣтъ, она сейчасъ уѣхала домой.

— Ну, чтожъ вы молчите? — продолжало голубое

домино. — Понимаете ли, Александръ Михайловичъ, какъ это обидно для моего самолюбія? Вы не узнаете меня даже и по голосу! Но истинная дружба снисходительна: я васъ прощаю. Впрочемъ, можетъ-быть, вы полагаете себя обязаннымъ отвергать дружбу, которую предлагаетъ вамъ женщина: у васъ есть невѣста...

— О, мнѣ нечего бояться! — сказалъ я веселымъ голосомъ:—моя невѣста далеко отсюда.

— Вы шутите, — прервало съ живостью голубое домино,—а я вовсе не шучу. Неужели и вы также раздѣляете почти со всѣми это унизительное мнѣніе о нашемъ полѣ; неужели вы думаете, что молодая женщина не можетъ быть другомъ мужчины безъ того, чтобъ не измѣнить своимъ обязанностямъ? Нѣтъ, Александръ Михайловичъ, не обижайте женщинъ! Я чувствую по себѣ: я могу любить, быть другомъ мужчины и, не краснѣя, смотрѣть въ глаза своему мужу. Но «злословіе» скажете вы; «но этотъ бездушный тиранъ, чудовище, прозванное *общимъ мнѣніемъ*, этотъ ханжа и лицемѣръ, котораго мы называемъ свѣтомъ и для котораго всего важнѣй наружность, онъ возстанетъ противъ самой чистой, святой дружбы, придумаетъ, прибавитъ, растолкуетъ по своему каждый поступокъ, отравитъ своей ядовитой желчью каждое слово, каждое движеніе»...» —Быть-можетъ! Но чего люди не перетолкуютъ въ дурную сторону? Они живутъ злословіемъ и клеветою. Мы привыкли уважать мнѣніе свѣта, а, посмотрите, до какой степени оно ничтожно и несправедливо. Когда молодая дѣвушка имѣла несчастіе выдти замужъ за человѣка, который почти втрое ее старѣе, и если замѣтятъ, что въ груди этой женщины бьется сердце, то ничто уже не спасетъ ее. Лишнее слово, сказанное мужчинѣ не вовсе старому и безобразному, неосторожный поступокъ, небольшая вѣтреность, однимъ словомъ, все послужитъ къ ея обвиненію. Если она молчалива и задумчива, то скрываетъ въ душѣ своей тайную страсть; если весела

и разговорчива со всѣми, она кокетка; если любезна только съ нѣкоторыми, то ужъ вѣрно любитъ того изъ нихъ, кто чаще съ ней танцуетъ и дружнѣе съ ея мужемъ Если жъ она, чтобъ заставить молчать злословіе, рѣшится не выѣзжать... о, тогда клевета становится еще ужаснѣе! Тогда ужъ не догадываются, а просто утверждаютъ: она не смѣетъ показаться въ свѣтъ! Мужъ увезъ ее въ деревню, засадилъ дома, и очень, очень умно сдѣлалъ!—Будутъ шептать добрыя старушки: какой ужасный деспотизмъ! ахъ, какъ она несчастлива!—Бѣдный, какъ онъ жалокъ!—заговорятъ молодыя женщины, посматривая на какого-нибудь ловеласа, который надоѣдалъ ей своимъ волокитствомъ. Поздненько за умъ хватился,—скажутъ пожилые мужчины,—давно бы пора! — Какъ глупъ этотъ мужъ,— начнутъ кричать молодые люди;—да неужели онъ думаетъ, что его двадцатилѣтняя жена вовсе безъ сердца? Онъ долженъ былъ ожидать этого. Ну, возможно ли?.. И какъ требовать, чтобъ она была вѣрна своему мужу, когда онъ годится ей въ дѣдушки!—И эти же самые люди, которые не хотятъ вѣрить, что любить мужа старика и быть ему вѣрною, возможно, безъ всякаго сожалѣнія закидаютъ грязью бѣдную женщину, если она, по несчастію, оправдаетъ ихъ мнѣніемъ. Теперь я спрашиваю васъ: стоитъ ли эта безсмысленная, злая толпа, чтобъ, въ угоду ея прихоти, мы подавляли въ душѣ нашей самое чистое и благородное чувство? И какую пользу принесетъ намъ эта жертва? Никакой! Нѣтъ, Александръ Михайловичъ! Пусть боятся злословія и предразсудковъ тѣ, которымъ нужна людская похвала, чтобъ прикрыть ею отвратительную истину; но, повѣрьте мнѣ, въ комъ совѣсть чиста, тотъ можетъ и долженъ презирать мнѣніе свѣта.

Одинъ русскій поэтъ, теперь уже почти забытый, но нѣкогда весьма любимый, а особливо тѣми, которые имѣли счастіе знать его лично, сказалъ:

«Что всякой логики сильнѣе
Прекрасной женщины слова».

Я испыталъ эту истину на себѣ. Я могъ бы сказать этой замаскированной красавицѣ, что дружба и любовь родныя сестры, и что при старомъ мужѣ, молодой другъ опаснѣе врага; что жить въ свѣтѣ и презирать мнѣніемъ свѣта не можетъ никто, потому что общее мнѣніе почти всегда, или, по крайней мѣрѣ, очень часто имѣетъ своимъ основаніемъ истину; что сплетни злыхъ старухъ, вздорная болтовня молодыхъ барынь и вранье пустоголовыхъ вѣтрогоновъ никогда не повредятъ репутаціи женщины, если она желаетъ искренно исполнять свои обязанности; что, жалуясь на злословіе людей, мы почти всегда болѣе или менѣе даемъ поводъ къ этому злословію, и что народная пословица: «дымъ безъ огня никогда не бываетъ»—хотя и не русская, а часто сбывается на святой Руси. Теперь все бы это пришло мнѣ въ голову, но тогда я думалъ совсѣмъ не о томъ; прислушиваясь съ большимъ вниманіемъ къ голосу голубого домино, я увѣрился, подъ конецъ, что со мною разговариваетъ Днѣпровская.—Боже мой, какъ она мила!—думалъ я.—Какъ все то, что она говоритъ, справедливо! Сколько ума, сколько прелестей!.. Но неужели она притворилась больной для того только, чтобъ съѣздить домой и переодѣться?.. Ужъ не ошибаюсь ли я?..

— Мнѣ кажется, прекрасная маска,—сказалъ я,—мы недавно съ вами познакомились — мѣсяца два или три—не болѣе? Не такъ ли?

— О, нѣтъ! мы давно знаемъ другъ друга; и если вы не отречетесь отъ вашихъ собственныхъ словъ...

— Отъ моихъ словъ?

— Да! или, что почти одно и тоже, если вы всегда говорите правду...

— Я никогда не лгу.

— Это испытать не трудно,—сказала маска, распахнувъ свое домино.—Смотрите.

Черный бархатный спенсеръ, отдѣланный какъ гусарскій доломанъ, золотыми шнурками, напомнилъ мнѣ

тотчасъ мою первую встрѣчу съ Днѣпровскою.—Такъ это вы?—вскричалъ я.

— Вы узнали это платье?

— Съ перваго взгляда. Да неужели это то самое?

— Да!—отвѣчала Днѣпровская вполголоса;—я берегла его. Оно было на мнѣ, когда мы встрѣтились съ вами въ первый разъ.

— Ну,—подумалъ я,—какому другу-мужчинѣ пришло бы это въ голову? То ли дѣло другъ-женщина!

— Скажите мнѣ,—продолжала Днѣпровская,—за что вы насъ покинули.

— Я такъ занятъ службою...

— Александръ Михайловичъ! я вижу сквозь вашу маску, что вы покраснѣли. Зачѣмъ говорить неправду! Признайтесь, мой ласковый пріемъ, моя откровенность до смерти васъ перепугали? Чтожъ дѣлать! Притворство мнѣ вовсе несродно: съ перваго взгляда я почувствовала къ вамъ дружбу и не хотѣла скрывать этого чувства. Еслибъ вы не были женихомъ, то, быть-можетъ, и я не была бы такъ откровенна; но вы почти женаты, я замужемъ, такъ для чего же было мнѣ хитрить и прикидываться равнодушною, когда я отъ всей души обрадовалась, увидя васъ въ моемъ домѣ. Вы не умѣли понять меня, Александръ Михайловичъ, и, какъ честный человѣкъ, рѣшились не ѣздить къ женщинѣ, которой вы *имѣли несчастіе* понравиться — неправда ли?

— Проклятый баронъ!—подумалъ я,—онъ все ей пересказалъ.

— Теперь я, кажется, увѣрила васъ,—продолжала Надина, — что дружба — не любовь. Хотите ли быть моимъ другомъ?—прибавила она такимъ робкимъ голосомъ, съ такимъ обворожительнымъ чувствомъ боязни и любви, что я, увлеченный минутнымъ порывомъ, сказалъ съ восторгомъ:—Хочу ли я быть вашимъ другомъ?.. О, съ радостію, съ блаженствомъ!..

Днѣпровская молча протянула ко мнѣ руку и отвернулась: она хотѣла скрыть отъ меня свои слезы, но

я видѣлъ, точно видѣлъ, какъ онѣ капали изъ-подъ маски на ея бѣлый батистовый платокъ. Я покрывалъ поцѣлуями эту прелестную ручку, которую держалъ въ своей рукѣ, и чувствовалъ сквозь перчатку, что она холодна какъ ледъ. Нѣсколько минутъ мы не говорили ни слова. Вы будете къ намъ ѣздить?—шепнула, наконецъ, прерывающимся голосомъ Надина.

— Какой вопросъ!

— Честное слово?

— Клянусь вамъ...

— Не клянитесь, а пріѣзжайте завтра вечеромъ. Но тише! кажется, сюда идутъ.

Князь Двинскій и пріятель мой Закамскій, оба безъ масокъ, подошли къ дверямъ комнаты, въ которой мы сидѣли.—Полно, князь, перестань!—говорилъ Закамскій,—какъ тебѣ не стыдно!

— Напротивъ, мой другъ! очень стыдно. Ребенокъ свелъ ее съ ума, а я... ахъ, чортъ возьми!..

— Да съ чего ты взялъ?

— Съ чего?.. Послушай, Закамскій! Если бъ дѣло шло о Гораціи, или Виргиліи, даже о французской словесности, то я бы не пикнулъ передъ тобою: ты человѣкъ ученый — тебѣ и книги въ руки. Но дѣло идетъ о женщинѣ, такъ теперь твоя очередь; извольте, сударь, молчать: эта грамота вамъ не далась! Да помилуй, развѣ ты слѣпъ? Съ тѣхъ поръ, какъ твой благочестивый Грандисонъ побывалъ у нея въ домѣ и вдругъ пересталъ ѣздить, что съ ней сдѣлалось? Куда дѣвалась ея любезность и эти розовыя щечки, которыми ты такъ любовался?

— Да, это правда, она похудѣла; но развѣ это что-нибудь доказываетъ?

— Конечно, ничего; да почему же всякій разъ, когда назовутъ при ней по имени твоего пріятеля, эти блѣдныя щеки становятся опять розовыми?.. И бываетъ же счастье людямъ, которые не умѣютъ имъ пользоваться!

— Все это вздоръ, князь! Правда только, что

она съ нѣкотораго времени почти всегда нездорова. Вотъ хоть сегодня, полчаса не могла пробыть въ маскарадѣ.

— А что? Ты думаешь она уѣхала домой?

— Я самъ видѣлъ.

— И я видѣлъ, да не вѣрю. Тутъ есть какая-нибудь хитрость. Хочешь ли въ закладъ?.. Она опять здѣсь, только въ маскѣ.

— Почему ты это думаешь?

— Такъ; мнѣ кинулся въ глаза одинъ розовый башмачекъ... Или я вовсе въ этомъ толку не знаю, или эта ножка... Да погоди, дай мнѣ только еще разъ повстрѣчаться...

— Злой человѣкъ!—шепнула Надина.—Они идутъ сюда... Пойдемте въ залу.

Мы сошлись въ дверяхъ съ княземъ; онъ вѣжливо посторонился, взглянулъ съ улыбкою на голубое домино Днѣпровской, потомъ на меня, и шепнулъ что-то своему товарищу.—И, нѣтъ!—сказалъ громко Закамскій,—онъ незнакомъ съ графинею.

Мы поспѣшно прошли черезъ всѣ гостиныя и смѣшались съ толпою, которая попрежнему тѣснилась въ залѣ. «Оставьте меня!»—сказала Днѣпровская. Я не успѣлъ еще отойти въ сторону, какъ Двинскій подошелъ къ Надинѣ и сказалъ вполголоса: «Какъ я радъ, beau masque, что вы такъ скоро выздоровѣли».

— Вы ошиблись: я васъ не знаю, — отвѣчала Надина, разумѣется не своимъ голосомъ. Она хотѣла отъ него уйти; но не было никакой возможности продраться сквозь толпу.

— Скажите,—продолжалъ Двинскій,—здоровъ ли monsieur votre époux? Онъ вѣрно играетъ въ вистъ?

Днѣпровская молчала.

— Не бойтесь!—шепнулъ князь,—я не назову ни васъ, ни его по имени. Да что съ вами такое было? Вѣрно отъ духоты? Напрасно вы опять сюда пришли. Вотъ въ этой угольной комнатѣ, гдѣ вы сейчасъ были, гораздо прохладнѣе. А, кстати! У васъ, кажется, была

тамъ консультація съ вашимъ докторомъ? Я тотчасъ узналъ его. Искусный медикъ! Онъ васъ непремѣнно вылѣчитъ.

Я вышелъ изъ терпѣнія.—Милостивый государь!—вскричалъ я, схвативъ за руку князя,—чего хотите вы отъ этой дамы?

— Чего? Какой нескромный вопросъ! — сказалъ князь, взглянувъ на меня съ насмѣшливой улыбкою.

— Вы съ нею вовсе незнакомы.

— Неужели? Позвольте хоть немножко! Не такъ коротко какъ вы—о, это другое дѣло!.. Но я бы вамъ совѣтовалъ получше перемѣнять вашъ голосъ, а то—знаете ли что? Вотъ хоть Днѣпровскій ужъ очень недогадливый человѣкъ, а тотчасъ васъ узнаетъ и, право, догадается, что вы только *къ нему* не хотите ѣздить въ гости.

Я совсѣмъ растерялся и не зналъ, что отвѣчать: къ счастію, Надина, пока я говорилъ съ княземъ, успѣла перейти въ другую сторону залы и скрыться въ толпѣ. Съ четверть часа я искалъ ее по всѣмъ комнатамъ. Со мною повстрѣчался баронъ.—Помилуй!—сказалъ онъ,—что ты такъ бѣгаешь?—Я насилу могъ тебя догнать.

— Не видѣлъ ли ты,—спросилъ я,—маску въ голубомъ домино и мужской круглой шляпѣ?

— Не безпокойся,—отвѣчалъ баронъ;—я проводилъ ее до кареты. Ну, что, мой другъ, мы завтра вечеромъ вмѣстѣ?

— Да!

— Какое счастіе! Наконецъ, вы умилостивились! Знаешь ли, мой другъ, у меня гора съ плечъ свалилась? я люблю тебя, а ты былъ такъ смѣшонъ, такъ смѣшонъ!.. Двинскій прозвалъ тебя Грандисономъ, а ее Кларисою...

— Двинскій!.. Если бъ ты зналъ, какой негодяй этотъ Двинскій!

— Не сердись на него, мой другъ: его роль также не очень забавна! Онъ безъ ума влюбленъ въ Днѣпровскую, а она его терпѣть не можетъ.

— Да развѣ это ему даетъ право быть дерзкимъ!

— И, душенька! Да кого бьютъ, тотъ всегда кричитъ: вѣдь ему больно! Этотъ избалованный женщинами повѣса можетъ ли спокойно видѣть торжество соперника, который не хочетъ даже воспользоваться своею побѣдою?

— Какой я соперникъ? Что за побѣда? Я обѣщалъ Днѣпровской быть ея другомъ и больше ничего. Да повѣрь, баронъ, она и сама не думаетъ о любви. О, мой другъ! если бъ ты зналъ, какая эта чистая, неземная душа!..

— Ого!—вскричалъ баронъ,—*неземная душа!..* Да это, кажется, любимое ея словцо?.. Ну, я вижу, въ ученикѣ прокъ будетъ: онъ переимчивъ. Однакожъ, скоро два часа. Что, тебѣ надоѣло шататься?

— Очень.

— Такъ поѣдемъ. Забрось меня домой и ступай въ моей каретѣ. Тебѣ надобно выспаться; Днѣпровскій ужинаетъ очень поздно, а завтра онъ тебя безъ ужина не отпуститъ—предобрый человѣкъ!

Когда я пріѣхалъ домой, Егоръ подалъ мнѣ письмо: его привезъ дворецкій Ивана Степановича Бѣлозерскаго, присланный въ Москву закупить годовую провизію. Я взглянулъ на адресъ и покраснѣлъ: онъ былъ написанъ рукою Машеньки. Я могъ обманывать другихъ, называть любовь дружбою, увѣрять всѣхъ, что Надина въ меня влюблена; но во мнѣ была еще совѣсть, а она говорила совсѣмъ не то.

II.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Я сталъ ѣздить къ Днѣпровскимъ, сначала раза два въ недѣлю, а потомъ почти каждый день. Съ пріятелемъ моимъ, Закамскимъ, я встрѣчался очень рѣдко, и въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ заѣзжалъ только два раза къ Якову Сергѣевичу Луцкому. Бывало каж-

дую недѣлю я писалъ къ моей невѣстѣ, а теперь иногда забывалъ почтовый день, и, чтобъ оправдать себя, лгалъ безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти: то письмо пропадало, то Егоръ забывалъ отдать его, или опаздывалъ отнести на почту.

Днѣпровская вела себя очень осторожно. Мы рѣдко оставались наединѣ; а когда это случалось, то говорили о нашей дружбѣ, о счастіи двухъ душъ, которыя понимаютъ другъ друга, читали вмѣстѣ «Новую Элоизу», «Вертера», «Августа Лафонтеня». Закамскій отгадалъ: мы трогались, плакали, раза три принимались перечитывать «Бѣдную Лизу», «Наталью Боярскую дочь» и «Островъ Борнгольмъ», но что болѣе всего нравилось Надинѣ, что мы знали оба почти наизусть, такъ это небольшой драматическій отрывокъ «Софья», особенно замѣчательный по своему необычайному сходству съ сочиненіями французскихъ романистовъ нашего времени. Читая его, мы, такъ сказать, *предвкушали* наслажденіе, которое доставляетъ намъ теперь молодая французская словесность. Этотъ литературный грѣхъ великаго писателя, едва начавшаго свое блестящее поприще, не помѣщенъ въ полномъ собраніи его сочиненій и, быть-можетъ, многіе изъ моихъ читателей не имѣютъ о немъ никакого понятія. Вотъ въ чемъ дѣло: Софья, молодая и прекрасная женщина, точь-въ-точь одна изъ героинь Бальзака, или Евгенія Сю, вышла замужъ, по собственной своей волѣ, за г-на Доброва, шестидесяти-лѣтняго старика, такого же снисходительнаго и услужливаго мужа, каковъ мосье Жакъ, въ романѣ извѣстнаго Жоржъ-Занда, или лучше сказать, благочестивой г-жи Дюдеванъ. У этого Доброва, Богъ вѣсть почему, живетъ какой-то французъ Латьенъ; онъ соблазняетъ Софью. Софья рѣшается сказать объ этомъ своему мужу, и проситъ у него позволенія уѣхать съ своимъ любовникомъ въ Брянскіе лѣса. Старый мужъ удивляется, не вѣритъ; но Софья объявляетъ ему, что она уже три года въ интригѣ съ французомъ, и что сынъ, котораго Добровъ называетъ

своимъ, не его, а *ея* сынъ. Старикъ начинаетъ кричать, шумѣть, предаетъ ее проклятію; съ нимъ дѣлается дурно; потомъ онъ приходитъ въ себя, плачетъ, импровизируетъ ужасные монологи, проситъ у жены прощенья, становится передъ ней на колѣни. Но Софья женщина съ характеромъ; она говоритъ пречувствительныя рѣчи, а все-таки не хочетъ съ нимъ остаться, и проситъ позволенія уѣхать съ французомъ. Наконецъ, великодушный мужъ соглашается, закладываетъ карету, и добродѣтельная супруга отправляется съ мосье Летьень въ Брянскіе лѣса. Все это, какъ изволите видѣть, очень натурально, но конецъ еще лучше. Жить вѣчно въ лѣсу вовсе не забавно: французъ начинаетъ скучать и, отъ нечего дѣлать, волочится за Парашею, горничной дѣвушкою Софьи. Барыня замѣчаетъ, ревнуетъ, французъ крадетъ у нея десять тысячъ рублей и уговариваетъ Парашу бѣжать съ нимъ въ Москву. Софья ихъ подслушиваетъ, кидается на француза, рѣжетъ его ножомъ, потомъ сходитъ съ ума, бѣгаетъ по лѣсу, разговариваетъ съ *бурными вѣтрами*, и кричитъ: «моря пролейтесь!»—Подлинно сумасшедшая! Ну, какія моря въ Брянскихъ лѣсахъ? Къ концу довольно длиннаго монолога, который напоминаетъ сначала Шекспирова «Царя Лира», а подъ-конецъ его-же «Макбета», Софья подбѣгаетъ къ рѣкѣ, кричитъ: «вода, вода!» бросается съ берега и тонетъ.

Однажды, это ужъ было зимою, часу въ девятомъ вечера, я заѣхалъ къ Днѣпровскимъ. Мужа не было дома; несмотря на ужасную вьюгу и морозъ, онъ отправился въ англійскій клубъ. Надина была одна. Она сидѣла задумавшись передъ столикомъ, на которомъ лежала разогнутая книга; мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

— Что съ вами? — спросилъ я. — Вы что-то разстроены?

— Такъ, ничего!—отвѣчала Надина;—я читала...

— Софью?—сказалъ я, заглянувъ въ книгу.

— Да. Странное дѣло, я знаю наизусть эти пре-

лестныя сцены и всякій разъ читаю ихъ съ новымъ наслажденіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Одно посредственное теряетъ вмѣстѣ съ новостію свое главное достоинство; но то, что истинно, превосходно...

— Повѣрите ли?—продолжала Надина,—мой мужъ, котораго я уговорила прочесть этотъ драматическій отрывокъ, говоритъ, что въ немъ нѣтъ ничего драматическаго; что пошлый злодѣй Летьень походитъ на самаго обыкновеннаго французскаго парикмахера; что Софья гадка; что мужъ ея вовсе не жалокъ, а смѣшонъ и очень глупъ. Боже мой! до какой степени можетъ человѣкъ изсушить свое сердце! То, что извлекаетъ невольныя слезы, потрясаетъ нашу душу, кажется ему и пошлымъ и смѣшнымъ? Я уважаю Александра Семеновича: онъ очень добрый человѣкъ и любитъ меня столько, сколько можетъ любить; но, согласитесь, Александръ Михайловичъ, такое отсутствіе всякой чувствительности въ человѣкѣ, съ которымъ я должна провести всю жизнь мою, ужасно! На этихъ дняхъ мы смотрѣли съ нимъ драму: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»: я обливалась слезами, въ креслахъ всѣ плакали; а мой Алексѣй Семеновичъ...

— Неужели зѣвалъ?

— Хуже! Вздумалъ утѣшать меня, и сказалъ почти вслухъ: — Да полно, другъ мой, не плачь! вѣдь это все выдумка!—Къ счастію, въ ложѣ подлѣ насъ сидѣла княгиня Вельская, — вотъ та, что въ разводѣ съ мужемъ, — она зарыдала такъ громко, что никто не разслышалъ его словъ. Бѣдная Вельская! для нея горесть и отчаяніе Эйлаліи были вовсе не выдумкою. Подъ-конецъ ей сдѣлалось дурно; ее вынесли изъ театра. Ахъ, какъ жалка эта женщина! Вы ее знаете?

— Да, я что-то слышалъ; кажется, она убѣжала отъ своего мужа.

— Но вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ: это цѣлый романъ. Жертва обольщенія и непреодолимой страсти, она сохнетъ, страдаетъ здѣсь въ Москвѣ, въ

то время, какъ ея бездушный мужъ живетъ преспокойно въ Костромѣ и не хочетъ никакъ съ нею помириться!.. Чудовище!..

— Мнѣ кажется,—сказалъ я шутя,—этотъ мужъ до нѣкоторой степени извинителенъ.

— И, полноте! —вскричала Надина;—я еще поняла бы это, если бъ онъ, какъ Мейнау, возненавидѣлъ людей, скрылся въ какую-нибудь пустыню; а то нѣтъ! онъ служитъ губернскимъ предводителемъ, даетъ пиры, и растолстѣлъ такъ, что гадко смотрѣть!

— Скажите, пожалуйста!

— Вы смѣетесь, Александръ Михайловичъ? Вамъ вовсе не жаль этой бѣдной Вельской? Вотъ участь всѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ сильно чувствовалъ и любить! Ну, пусть ханжи и лицемѣрки преслѣдуютъ ихъ своимъ злословіемъ; но мужчины?.. Да знаютъ ли эти строгіе судьи, что такое жить въ вѣчной борьбѣ съ самой собою?.. Знаете ли вы, что любовь для женщины все? Эта любовь замѣняетъ для нея всѣ сильныя ощущенія, всѣ страсти, которыя попеременно владѣютъ душою мужчинъ. Для васъ есть слава, знаменитость, безсмертіе; для васъ открытъ весь свѣтъ — служба, разсѣяніе, свобода, все поможетъ вамъ исцѣлиться отъ любви; но это еще ничего, когда мужчина хочетъ побѣдить страсть свою, то долженъ бороться съ однимъ собою; онъ можетъ убѣгать случая быть вмѣстѣ съ той, которую любитъ, и если захочетъ, то никогда не встрѣтится съ нею; а бѣдная женщина!.. Мы съ вами только друзья, Александръ Михайловичъ; но представьте себѣ,—это одно предположеніе,—вообразите, что мы страстно любимъ другъ друга, и тогда скажите мнѣ: гдѣ найду я защиту отъ васъ и отъ самой себя? Я не стану принимать васъ; но могу ли я запретить вамъ казаться мнѣ на глаза? Кто помѣшаетъ вамъ преслѣдовать меня вездѣ, встрѣчаться со мною на каждомъ шагу? Васъ не связываютъ ни строгія обязанности, ни приличія свѣта; вы не стыдитесь, вы даже не скрываете любви своей—вы мужчина. Когда

въ тишинѣ ночи, тайкомъ отъ всѣхъ, я буду стараться залить горькими слезами этотъ огонь, который пожираетъ мою душу; когда послѣ необычайныхъ усилій мнѣ удастся забыть на минуту вашъ милый образъ; который не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью; когда я начинаю уже благодарить Бога за то, что Онъ возвратилъ мнѣ спокойствіе: вы снова являетесь передо мною, и снова этотъ адъ—нѣтъ! этотъ рай, но недоступный, но созданный не для меня — представится моему воображенію, воскреснетъ въ моемъ сердцѣ, и все это для того, чтобъ снова растерзать его на части! Я женщина, Александръ Михайловичъ! я не приду говорить вамъ первая о любви своей; вамъ только стоитъ быть недогадливымъ, и эта страсть навсегда останется для васъ тайною; но вы... вамъ это позволено, вы можете даже притворяться, играть комедію, всклепать на себя любовь, которую вовсе не чувствуете — вы мужчина. Обвиняйте же послѣ этого бѣдную Вельскую, кляните ее за то, что она видѣла отчаяніе того, кто былъ мечтою всей ея жизни, и не могла сказать ему: я не люблю тебя?

Никогда еще Надина не была такъ прелестна! Я слушалъ ее съ восторгомъ.

— Скажите мнѣ, Надежда Васильевна,—спросилъ я,—какъ съ такой пламенной душою, съ такой способностію любить страстно, вы могли...

Я остановился.

— Договаривайте!—сказала Надина.—Вы хотите сказать, какъ я могла выдти замужъ за Алексѣя Семеновича?

— Признаюсь, это для меня совершенная загадка. Наши бабушки не смѣли, да и не могли выбирать себѣ жениховъ. Живя всегда взаперти, онѣ должны были поневолѣ вѣрить на-слово какой-нибудь подкупленной свахѣ и во всякомъ случаѣ повиноваться безпрекословно волѣ родителей; но теперь...

— Теперь! — прервала съ жаромъ Надина. — Да развѣ убѣжденія и просьбы отца и матери не тѣ же

приказанія? Развѣ мнѣніе свѣта, семейственныя обязанности и приличія не тѣ же четыре стѣны, которыми ограничивалась свобода нашихъ бабушекъ? Для васъ это непонятно, Александръ Михайловичъ; да и какъ понять мужчинѣ эту женскую неволю, которую всѣ согласились называть свободою? Не правда ли, мы царствуемъ въ обществѣ? мы приказываемъ, а вы повинуетесь? Но вы, покорные рабы, дѣлаете все, что вамъ угодно; а мы, самовластныя царицы, должны всегда дѣлать то, чего хотятъ другіе. Зачѣмъ я вышла за Днѣпровскаго?.. Меня хотѣли пристроить, Александръ Михайловичъ! Понимаете ли, пристроить, то-есть дать право жить своимъ домомъ, принимать у себя гостей, дѣлать визиты одной, носить чепчикъ и называться дамою. Вы видите, во всѣхъ этихъ причинахъ моего замужества и рѣчи нѣтъ о томъ, буду ли я счастлива съ тѣмъ, кто назоветъ меня своей женою.

— Но, по крайней мѣрѣ, сердце ваше было свободно? Когда вы вышли замужъ, вы не любили никого?.. Вы молчите,—продолжалъ я;—быть-можетъ, вопросъ мой слишкомъ нескроменъ?..

— О, нѣтъ!—сказала Надина;—но я не знаю, какъ вамъ отвѣчать. Да, я была равнодушна ко всѣмъ мужчинамъ, и если предпочитала тѣхъ, съ которыми была знакома, такъ это потому, что они чаще другихъ танцовали со мною, и я могла разговаривать съ ними свободнѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь незнакомымъ кавалеромъ, которому подчасъ бѣдная дѣвушка не знаетъ что и отвѣчать. Конечно, въ числѣ моихъ знакомыхъ были и такіе, которые нравились мнѣ своей наружностью, умомъ; но я любила ихъ точно такъ же, какъ мы любимъ хорошія картины и умныя книги, съ тою только разницею, что изъ этихъ красавцевъ и умниковъ мнѣ нельзя было составить для себя ни картинной галлереи, ни библіотеки; слѣдовательно, я ихъ любила даже менѣе, чѣмъ книги и картины, которыя принадлежали мнѣ. Однимъ словомъ, рѣшительно всѣ

мужчины, которыхъ я видѣла, не оставляли никакого впечатлѣнія въ душѣ моей.

— И такъ вы никого не любили до вашего замужества?

— Нѣтъ, Александръ Михайловичъ, я не хочу васъ обманывать. Смѣйтесь надо мною, если хотите, а я скажу вамъ всю правду: я любила существо, созданное моимъ воображеніемъ. Сердце мое говорило, что этотъ идеалъ не мечта, что онъ существуетъ; я не знала, встрѣтимся ли мы когда-нибудь въ этой жизни, но не сомнѣвалась, что и онъ тоже тоскуетъ обо мнѣ. — Какое ребячество! — подумаете вы;—да, Александръ Михайловичъ! я точно была ребенкомъ, жалкимъ, смѣшнымъ ребенкомъ, я не могла создать наружнаго образа, который не существовалъ бы въ природѣ, слѣдовательно, могла и встрѣтиться съ моимъ идеаломъ. Но какъ смѣла я надѣяться, что онъ также мечтаетъ обо мнѣ, также ждетъ съ нетерпѣніемъ этой встрѣчи, и будетъ смотрѣть равнодушно на всѣхъ женщинъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится со мною? Одна изъ моихъ пріятельницъ такъ ясно доказала мнѣ безуміе этой надежды, что я рѣшилась исполнить волю моихъ родныхъ, вышла замужъ, и даже предпочла всѣмъ женихамъ Алексѣя Семеновича. Мнѣ не нужно было его обманывать: онъ почти втрое меня старѣе; слѣдовательно, не могъ и требовать отъ меня ничего, кромѣ дружбы.

— А вашъ идеалъ, Надежда Васильевна? Вы никогда съ нимъ не встрѣчались?

— Къ чему желать мнѣ этой встрѣчи? Я принадлежу другому.

Это вовсе не отвѣтъ на мой вопросъ, Надежда Васильевна.

— Ахъ, Александръ Михайловичъ! было время, когда я каждую ночь засыпала съ утѣшительной мыслію: быть-можетъ, завтра мы встрѣтимъ другъ друга. Но теперь!.. Конечно, я могла бы еще быть счастлива, совершенно счастлива, еслибъ *онъ*, встрѣтясь со мною,

ахотѣлъ понять любовь мою; еслибъ онъ постигъ полнѣ это чувство, въ которомъ нѣтъ ничего земного. Днѣпровскому я отдала мою руку, я клялась быть ѣрной женою, и сдержу свое обѣщаніе; но *ему*—о, ъ какимъ бы наслажденіемъ я отдала ему свое сердце, вою душу, всѣ помышленія свои!.. Я жила бы его кизнью, онъ былъ бы моей судьбою, его ласковый зглядъ — моимъ блаженствомъ, его улыбка — моимъ эмнымъ раемъ! Здѣсь мы были бы счастливы, а амъ—вѣчно неразлучны!

Днѣпровская замолчала. Всѣ мои чувства были очаованы, все прошедшее изгладилось изъ моей памяти; а, я долженъ признаться, въ эту минуту я принадлекалъ совершенно Надинѣ.

— Но зачѣмъ себя обманывать?—продолжала она, е отнимая руки, которую я прижималъ къ груди оей.—Оно прошло, это время дѣтскихъ надеждъ и аблужденій! Мужчина съ непорочнымъ сердцемъ, мужина, способный понять эту пламенную страсть души, го чувство, въ которомъ все чисто, какъ чисты ясныя ебеса... Нѣтъ, нѣтъ! этотъ идеалъ еще менѣе возмокенъ, чѣмъ тотъ, о которомъ я нѣкогда мечтала!..

— Надина!..—вскричалъ я.

— Жена въ диванной?—раздался за дверьми голосъ озяина.

Надина вскричала и побѣжала навстрѣчу къ своему ужу.

— Здравствуй, мой другъ, здравствуй!—сказалъ Днѣпровскій, входя въ диванную.—Здравствуйте, Алесандръ Михайловичъ! Бога ради, Наденька, чаю скоѣй, чаю! Я совсѣмъ замерзъ!

Днѣпровская позвонила въ колокольчикъ.

— Еслибъ ты знала,—продолжалъ Алексѣй Семеовичъ, повалясь въ вольтеровскія кресла,—какія были э мною приключенія! Представь себѣ: только я пріхалъ въ клубъ, сталъ скидать шубу, хвать—поздравяю! и кошелекъ и книжку съ деньгами, все забылъ ома! Что будешь дѣлать? Скорѣй назадъ!.. Откуда ни

возьмись пріятель нашъ баронъ Брокенъ.—Куда?.. Зачѣмъ? Помилуйте! да на что вамъ деньги? Берите у меня сколько вамъ угодно. Ты знаешь, мой другъ, что я этого терпѣть не могу. Я отказался; баронъ сталъ меня уговаривать; а тамъ заговорилъ о томъ, о семъ; слово-за-слово, да продержалъ меня съ полчаса въ передней. Умный человѣкъ этотъ баронъ—очень умный, а такой болтунъ, что не приведи Господи! Ужъ онъ меня маялъ, маялъ, насилу вырвался! Лишь только я выѣхалъ на улицу, вдругъ изъ переулка какой-то сорванецъ на лихой тройкѣ шмыгъ прямо на возокъ! Его пристяжная попала между моихъ коренныхъ; мои лошади начали бить, его также, а тамъ уже я ничего и не взвидѣлъ; знаю только, что очутился на Дмитровкѣ, и что мой возокъ лежитъ на-боку. Я кой-какъ изъ него выползъ... глядь: Господи Боже мой! упряжь перепутана, дышло пополамъ, человѣка нѣтъ, кучеръ бѣжитъ позади, одинъ форейторъ усидѣлъ на лошади! Что дѣлать? Дожидаться долго, дай возьму извозчика. Какъ на смѣхъ—ни одного! Авось встрѣчу какого-нибудь Ваньку... Иду—нѣтъ какъ нѣтъ! ну, словно сговорились! Повѣришь ли, вплоть до дому все шелъ пѣшкомъ; да ужъ зато какъ и передрогъ! Холодъ, вѣтеръ, эта дурацкая медвѣжья шуба запахнуться не хочетъ, топырится въ стороны—смерть да и только! Ахъ, матушка, скорѣй чаю! Бога ради, скорѣй! дай душу отвести!

— Сейчасъ подадутъ,—сказала Надина;—а ты межъ тѣмъ сядь поближе къ камину—вотъ такъ! Бѣдняжка! въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ озябъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ подали чай, и когда Днѣпровскій совсѣмъ обогрѣлся, Надина спросила,—не прикажетъ ли онъ заложить сани или другую карету?

— Нѣтъ, моя душа!—вскричалъ хозяинъ,—теперь ни за что не поѣду. Ты не можешь вообразить, какая погода. Пусть себѣ князь Андрей Ильичъ играетъ съ кѣмъ хочетъ, а я слуга покорный!.. Постой!.. Мнѣ кажется, я слышу голосъ барона?.. Что это ему вздумалось?

Днѣпровскій не ошибся: это точно былъ баронъ.

— Что съ вами сдѣлалось, Алексѣй Семеновичъ?— сказалъ онъ, войдя въ комнату;—поѣхали на минуту и вовсе пропали. Ужъ не вы ли, Надежда Васильевна?

— Нѣтъ, баронъ,—прервалъ хозяинъ,—я самъ не хочу ѣхать: меня разбили лошади.

— Что вы говорите?.. Однакожъ вы не ушиблись.

— Слава Богу, нѣтъ; но такъ прозябъ, такъ усталъ, идучи пѣшкомъ домой, что теперь ни за какія блага въ мірѣ не тронусь изъ комнаты.

— А вѣдь я къ вамъ посломъ: князь Андрей Ильичъ...

— Безъ меня не можетъ составить своей партіи въ три и три? Да воля его, а я сегодня съ нимъ не игрокъ.

— Сжальтесь надъ бѣднымъ княземъ! Вы знаете, онъ ни въ бостонъ, ни въ рокамболь не играетъ.

— Ужъ это не мое дѣло.

— Сдѣлайте милость, поѣдемте! Я въ четырех мѣстной каретѣ: вамъ будетъ и тепло и спокойно. Вы не можете вообразить, какъ тоскуетъ бѣдный князь, на мѣстѣ не посидитъ, ходитъ изъ комнаты въ комнату, и отъ нечего дѣлать выпилъ двѣ кружки сельтерской воды, того и гляди примется за третью. Что вы уморить что ль его хотите?

— Нѣтъ, баронъ, ни за что не поѣду.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Ну, если такъ, позвольте же и мнѣ у васъ остаться

— Милости просимъ.

— Не хотите ли, Алексѣй Семеновичъ, въ пикетъ?

— Очень радъ! Эй, малый! Столъ, карты.

— Да не лучше ли намъ сѣсть въ гостиной?

— И здѣсь хорошо.

— Тамъ лучше: пикетная игра требуетъ большого вниманія; а здѣсь Надежда Васильевна начнетъ разговаривать съ Александромъ Михайловичемъ о своемъ Карамзинѣ, пойдутъ споры, заслушаешься, снесешь четырнадцать, пропустишь картъ-бланшъ... Нѣтъ, право, Алексѣй Семеновичъ, сядемте лучше тамъ!

вѣрованія, и я нечувствительно дошелъ до того, что иногда умничалъ и философствовалъ не хуже его, то-есть поролъ такую дичь, что и теперь, какъ вспомню объ этомъ, такъ мнѣ становится и совѣстно и стыдно.

Однажды баронъ пріѣхалъ ко мнѣ часу въ десятомъ вечера. — Ну, что? — сказалъ онъ, садясь подлѣ моей постели, — какъ ты себя чувствовалъ?

— Я совершенно здоровъ, и если бъ только могъ ступать на ногу...

— А ты все еще не можешь?

— Не могу.

— Прошу покорно!.. Ну, если это продолжится еще мѣсяца два?..

— Два мѣсяца? Что ты! Я съ тоски умру.

— И полно, не умрешь! Ты очень великодушно переносишь это несчастіе, но бѣдная Надина!.. начинаю за нее бояться: она такъ исхудала, что на себя не походитъ. Какъ эта женщина тебя любитъ!

— Послушай, баронъ! — прервалъ я, — что тебѣ за охота говорить безпрестанно объ этой любви, которую я не долженъ, да и не могу раздѣлять, не потому, чтобъ я считалъ это за какое-нибудь ужасное преступленіе, — прибавилъ я, замѣтивъ насмѣшливую улыбку барона, — о, нѣтъ! но ты знаешь, чего я боюсь.

— Ты боишься пустяковъ, мой другъ. Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что разведешь Днѣпровскаго съ женою? Какой вздоръ! Надина женщина умная; она знаетъ, чего требуетъ отъ насъ общество. Обманывай мужа сколько хочешь, только живи съ нимъ вмѣстѣ.

— А если, наконецъ, этотъ мужъ догадается...

— Что жена его любитъ другого? Да, это можетъ случиться, если ты долго не будешь видѣться съ Надиною.

— Помилуй, баронъ! Мнѣ кажется, это лучшее средство...

— Заставить влюбленную женщину надѣлать ты-

сячу глупостей? Да, мой другъ! Помнишь ли ты, что было въ маскарадѣ?..

— Какъ не помнить! Я никогда не забуду, съ какой наглостью и безстыдствомъ этотъ князь Двинскій...

— Ну, такъ подумай хорошенько! Что, если бы ты некстати погорячился да наговорилъ дерзостей князю...

— Такъ чтожъ?

— Какъ что? Бѣда! Публичная ссора, скверная исторія, дуэль. Что, ты думаешь, Двинскій сталъ бы молчать? Нѣтъ, душенька! На другой же день вся Москва заговорила бы, что ты въ интригѣ съ Днѣпровской: вѣдь ты дрался за нее съ княземъ. Нашлись бы добрые люди, написали бы къ вамъ въ губернію, и тогда ступай, увѣряй своего опекуна, что ты ни въ чемъ не виноватъ, что ты не хотѣлъ, и даже не думалъ встрѣтиться съ Днѣпровскою въ маскарадѣ,— повѣритъ онъ тебѣ! Теперь скажи мнѣ: неужели Надина, эта умная, знающая всѣ приличія женщина, рѣшилась бы переодѣваться, бѣгать за тобою въ маскарадѣ и подвергать себя явной опасности, когда могла бы преспокойно видѣться съ тобою у себя дома?

— Да, это правда.

— Вотъ то-то и есть, любезный другъ! Ну, не лучше ли для тебя быть въ самомъ дѣлѣ виноватымъ, но такъ, чтобъ никто не зналъ объ этомъ, чѣмъ безъ всякой вины прослыть любовникомъ Днѣпровской? Повѣрь моей опытности, Александръ Михайловичъ: если ты хочешь, чтобъ эта страсть оставалась для всѣхъ тайною, по крайней мѣрѣ до твоей свадьбы, такъ не приводи въ отчаяніе эту бѣдную Надину. Ты не можешь себѣ представить, какихъ дурачествъ готова надѣлать самая умная женщина, когда вовсе потеряетъ голову; а это съ ней непремѣнно случится: она привыкла тебя видѣть каждый день, и вотъ уже скоро двѣ недѣли...

— Но чтожъ мнѣ дѣлать? Ты видишь, я не могу къ ней ѣхать.

— А кто мѣшаетъ тебѣ съ нею переписываться?

— Переписываться? Что ты, баронъ?

— А что? Страшно? Ахъ, ты, ребенокъ, ребенокъ! Да и чего ты боишься? Развѣ я говорю тебѣ, чтобъ ты писалъ къ ней любовныя письма? Пиши, что хочешь, только пиши; а если бъ тебѣ и случилось иногда обмолвиться ласковымъ словцомъ, такъ чтожъ? большая бѣда!

— Нѣтъ, воля твоя, баронъ! я никогда не рѣшусь начать этой переписки.

— Право? Такъ ты и отвѣчать не будешь?

— Отвѣчать? На что?

— А вотъ прочти, такъ узнаешь,—сказалъ баронъ, подавая мнѣ запечатанное письмо безъ надписи.

Я развернулъ его; оно было отъ Надины.

Не знаю отчего замирало мое сердце, когда я читалъ это письмо: въ немъ не было и слова о любви. Надина говорила только о дружбѣ, о нетерпѣливомъ желаніи скорѣй со мною увидѣться, о своей скукѣ, и объ этихъ *тиранскихъ* условіяхъ свѣта, которыя мѣшаютъ бѣдной женщинѣ навѣстить больного друга; однимъ словомъ, это письмо вовсе не походило на любовное, и я чувствовалъ, что не отвѣчать на него было бы не только невѣжливо, но даже глупо.

— Прикажете мнѣ быть вашимъ почтальономъ?— спросилъ баронъ.

— Сегодня ужъ поздно,

— Такъ я заверну къ тебѣ завтра по-утру. А что, можно мнѣ, какъ общему вашему другу и довѣренной особѣ, взглянуть.

— Пожалуй! тутъ вовсе нѣтъ секретовъ.

— Бѣдняжка! — сказалъ баронъ, пробѣжавъ письмо,—какъ она старается упрятать въ тѣсную раму дружбы это чувство, которое не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Напрасный трудъ: злодѣйка любовь такъ и рвется наружу! Ну, я на твоемъ мѣстѣ не сталъ бы ее такъ мучить! Да скажи ей хоть шутя, что ты ее любишь, выговори первый это слово! Вѣдь она

женщина! Послушай, Александръ: когда въ тебѣ есть хоть искра милосердія, то ты долженъ непремѣнно это сдѣлать.

— А что будетъ послѣ?

— То-же, что и теперь, только ей будетъ легче, а тебѣ веселѣе.

— Но все это должно скоро кончиться: я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уѣду въ деревню.

— Такъ чтожъ? Развѣ ей отъ этого будетъ легче, что ты разстанешься съ нею навсегда, не сказавъ ей ласковаго слова? Повѣрь, мой другъ, тебѣ самому будетъ пріятно вспомнить, что ты подарилъ нѣсколько счастливыхъ минутъ женщинѣ, которая безъ памяти тебя любила. Однакожъ, прощай! Мнѣ пора ѣхать: надобно сказать Днѣпровской, что я исполнилъ ея порученіе, что ты въ восторгѣ отъ ея письма... Это не вовсе правда, но, воля твоя, я солгу, чтобъ потѣшить эту бѣдную Надину. Не мѣшаетъ также ее предувѣдомить, что она получитъ завтра отвѣтъ; это даже необходимо: Днѣпровская такъ тебя любитъ, что ее должно *приготовить* къ этой радости.

На другой день по-утру баронъ отвезъ мое первое письмо къ Надинѣ; въ тотъ же день вечеромъ я получилъ отъ нея другое и, разумѣется, отвѣчалъ. Баронъ пріѣзжалъ каждый день мѣняться со мною письмами, говорилъ мнѣ безпрестанно о Днѣпровской; то воспламенялъ мое воображеніе описаніемъ ея прелестей, то возбуждалъ во мнѣ ревность, тревожилъ самолюбіе; однимъ словомъ, не давалъ мнѣ очнуться ни на минуту.

Не помню, въ которомъ—кажется, въ пятомъ или шестомъ письмѣ, Надина, возставая противъ предразсудковъ и мелочныхъ условій общества, говорила мнѣ: «Согласитесь, Александръ Михайловичъ, что мы сами стараемся сдѣлать нашу жизнь, и безъ того вовсе незавидную, еще тошнѣе и несноснѣе. Эти законы общества, эти приличія, которыя мѣшаютъ намъ предаваться вполнѣ самымъ невиннымъ наслажденіямъ,— кто создалъ, кто придумалъ ихъ? Мы сами. Какъ

часто, напримѣръ, я говорю *ты*—это милое дружеское *ты*, человѣку, къ которому совершенно равнодушна, и не смѣю его сказать вамъ: вы также... *вы*!.. *вамъ*!.. Боже мой!.. Чувствуешь ли ты... чувствуете ли вы, Александръ Михайловичъ, какъ обдаетъ холодомъ это ледяное, бездушное *вы*, которое такъ и отталкиваетъ насъ другъ отъ друга? Я еще не испытала, но я понимаю, какое блаженство слышать это *ты* изъ устъ того... кого мы называемъ своимъ другомъ! Я думаю, Александръ Михайловичъ, вы, который не смѣете нарушать законъ общества, вы вѣрно слыхали, что они дозволяютъ стихотворцамъ говорить *ты* всѣмъ безъ исключенія? Знаете ли что? Попробуйте, напишите ко мнѣ письмо въ стихахъ».

Ну, какъ было не потѣшить бѣдной Надины! Я не умѣлъ писать стиховъ и потому отвѣчалъ прозою; но письмо мое начиналось этимъ привѣтливымъ *ты*, которое такъ сближаетъ двухъ друзей, и которое нельзя сказать прекрасной женщинѣ безъ того, чтобъ сердце ваше не забилось быстрѣй обыкновеннаго.— Что ты такое написалъ Днѣпровской?—спросилъ меня на другой день баронъ.—Она вчера была такъ счастлива! Я не могъ наглядѣться на нее, когда она читала твое письмо: глаза ея блистали радостью, и въ то-же время она плакала; но какъ завидны были эти слезы! Счастливецъ! ему стоитъ сказать одно привѣтливое слово, и прелестная женщина, у ногъ которой лежитъ вся Москва, готова сама умереть у ногъ его отъ восторга и радости!

Прошло мѣсяца полтора, я все еще не могъ выѣзжать. Переписка моя съ Днѣпровской продолжалась попрежнему, съ тою только разницею, что о дружбѣ не было и въ поминѣ. Не знаю, кто первый изъ насъ промолвился, но мы уже говорили о любви, разумѣется, о любви чистой, возвышенной, небесной, но которая однакожъ примѣтнымъ образомъ начинала мириться съ землею и становилась съ каждымъ днемъ вещественнѣе. Надина тосковала о томъ, что не видитъ меня,

не слышитъ моего голоса, а мнѣ было досадно, что я не могу прижать ея руку къ моему *чистому* сердцу и покрыть эту милую ручку *невинными* поцѣлуями.

Однажды по-утру баронъ не привезъ ко мнѣ письма отъ Надины. — Прошу на меня не гнѣваться! — сказалъ онъ:—я былъ у Днѣпровской, засталъ ее одну, мы говорили о тебѣ; но когда, прощаясь съ нею, я замѣтилъ, что уѣзжаю съ пустыми руками, то она покраснѣла, хотѣла что-то сказать, однакожъ ничего не сказала.

— И не отдала тебѣ письма?

— Нѣтъ.

— Чтожъ это значитъ?

— Право не знаю. Можетъ-быть, такъ — женскій капризъ! Вѣдь я думаю, ей не за что на тебя сердиться?

— Кажется, нѣтъ.

— Ужъ не хочетъ ли она?.. А что въ самомъ дѣлѣ, отъ нея это станется.

— Что такое?

— Да такъ! она давно уже тоскуетъ о томъ, что тебя не видитъ.

— Какъ, баронъ! ты думаешь?..

— Да, я думаю, что вмѣсто письма она сама къ тебѣ пріѣдетъ.

— Ко мнѣ?..

— Ну!! поблѣднѣлъ: испугался!.. Дитя!.. Счастливъ ты, что я твой пріятель: ужъ какъ бы я надъ тобой посмѣялся!

— Но разсуди самъ, баронъ, какъ это можно?

— Конечно, конечно! Забыть до такой степени всѣ приличія!..

— Ну, если кто-нибудь узнаетъ...

— Что она была у тебя въ гостяхъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, что скажутъ тогда о тебѣ?

— Эхъ, баронъ! не обо мнѣ рѣчь!..

— Какъ не о тебѣ? Ну, долго ли молодому человѣку замарать свою репутацію. Конечно, ты не мо-

жешь помѣшать Днѣпровской войти въ твою переднюю, и не увѣришь никого, что она приходила въ гости къ Егору; но, по крайней мѣрѣ, совѣсть твоя будетъ чиста. Да, да, мой другъ, не принимай ее!

— Ты шутишь, баронъ.

— Какія шутки! Вѣдь дѣло идетъ о твоей репутаціи. Знаешь ли что? всего лучше, прикажи запереть ворота: постучится, постучится, да пойдетъ прочь.

— Какой ты несносный человѣкъ! Развѣ я боюсь за себя? Бога ради! ступай, уговори ее...

— Чтобъ она къ тебѣ не ѣздила? А если Днѣпровская скажетъ:—Съ чего, сударь, вы взяли, что я хочу сдѣлать это дурачество? Развѣ я вамъ говорила объ этомъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, баронъ, съ чего ты взялъ?.. Ну, можетъ ли быть, чтобъ она рѣшилась?..

— Не ручайся, любезный! Когда женщина влюблена, то готова на все рѣшиться. Да о чемъ ты хлопочешь? Ужъ я тебѣ сказалъ: ворота на запоръ, такъ и дѣло съ концомъ.

Насмѣшки барона произвели обыкновенное свое дѣйствіе: онѣ заглушили во мнѣ голосъ разсудка, заставили молчать совѣсть, и подъ-конецъ нашего разговора я самъ началъ смѣяться надъ этимъ дѣтскимъ малодушіемъ, остаткомъ моего деревенскаго воспитанія, по милости котораго самый обыкновенный поступокъ казался для меня ужаснымъ.

Когда баронъ уѣхалъ, всѣ опасенія мои возобновились. Весь этотъ день я провелъ въ безпрерывной тревогѣ; при одной мысли о томъ, что я увижу Надину, сердце мое замирало... но отъ чего? отъ удовольствія или боязни? право не знаю! Мнѣ было страшно подумать, что Надина ко мнѣ пріѣдетъ, и въ то же время я боялся до смерти, что она не рѣшится на этотъ смѣлый поступокъ. Вотъ наступилъ вечеръ, нетерпѣніе мое возрастало съ каждой минутою. Проѣдетъ ли карета, залаетъ ли собака, скрипнетъ ли дверь, меня отъ всего бросало въ лихорадку; при малѣйшемъ шорохѣ въ передней у меня захватывало дыханіе. Однимъ

словомъ, еслибъ въ это время докторъ пощупалъ мой пульсъ, то сказалъ бы навѣрное, что у меня горячка съ пятнами. Часу въ девятомъ вечера, когда я начиналъ уже думать, что баронъ ошибся въ своихъ догадкахъ, мой Егоръ растворилъ потихоньку дверь и, просунувъ ко мнѣ свою заспанную рожу, шепнулъ:— Къ вамъ, сударь, пришла какая-то барыня!

— Сюртукъ, скорѣй сюртукъ!—проговорилъ я, задыхаясь.—Ну, ну!.. хорошо!.. Ступай, проси! А самъ пошелъ вонъ!

— Куда-съ?

— Куда хочешь! Въ лавочку, въ кабакъ, къ чорту! только чтобъ здѣсь тебя не было.

— Слушаю-съ!—сказалъ Егоръ съ такой значительной и вмѣстѣ обидной улыбкою, что я непремѣнно вцѣпился бы ему въ волосы, еслибъ имѣлъ время его поколотить.—Пошелъ вонъ, дуракъ!—закричалъ я. Егоръ исчезъ. Дверь снова отворилась. Женщина, закутанная въ широкій салопъ и повязанная турецкимъ платкомъ, который закрывалъ до половины ея лицо, вбѣжала въ комнату. Она протянула ко мнѣ руки, хотѣла что-то проговорить, но не могла, и почти безъ чувствъ упала на кресла, которыя стояли подлѣ самыхъ дверей. Это была Надина. Несмотря на мою больную ногу, я кой-какъ подошелъ къ ней.

— Вы ли это, Надежда Васильевна? — сказалъ я, трепещущимъ голосомъ.—О, какъ я вамъ благодаренъ! Вы рѣшились посѣтить меня.

— Вы!.. опять это несносное *вы!* — прошептала Днѣпровская.

— Надина! другъ мой!

Днѣпровская подала мнѣ руку.—Ахъ, какъ бьется мое сердце!—сказала она,—что я сдѣлала!.. Что подумаютъ обо мнѣ, если узнаютъ?..

— Не бойтесь... не бойся ничего, Надина! — прервалъ я, отогрѣвая моими поцѣлуями ея оледенѣвшія руки. — Мы одни, совершенно одни, и никто въ цѣломъ мірѣ не узнаетъ...

— Но ты, Александръ, что можешь ты подумат о женщинѣ, которая рѣшилась на такой безумный по- ступокъ? О, мой другъ, не обвиняй меня!

— Что ты говоришь, Надина, мнѣ обвинять тебя!

— Ахъ, Александръ! ты мужчина, ты не поймеш меня! Быть такъ близко отъ тебя, знать, что ты бо- ленъ и не видѣться съ тобою, не слышать твоего го- лоса, — нѣтъ! это было выше всѣхъ силъ моихъ! Если бъ ты зналъ, что я вытерпѣла! Сколько разъ в эти безконечныя ночи тоски и страданій я думала: он здѣсь одинъ, онъ боленъ, и никто не позаботится о его покоѣ! Бѣдный другъ мой! Ахъ, я отдала бы пол жизни, чтобъ въ эту минуту быть твоей сестрою, чтобъ имѣть право провести всю ночь безъ сна у твоего изголовья, усыпить тебя въ моихъ объятіяхъ, перекрестить съ любовью, когда ты заснешь...

Вдругъ послышался стукъ кареты; она останови- лась у моего крыльца. — Эй, кто тутъ? Человѣкъ! — сказалъ кто-то громко въ передней.

— Боже мой!—шепнула Надина,—это голосъ моего мужа!

Лишь только она успѣла спрятаться въ мой каби- нетъ и захлопнуть двери, вошелъ ко мнѣ Алексѣй Се- меновичъ Днѣпровскій.

— Здравствуйте, Александръ Михайловичъ!—ска- залъ онъ. — Вотъ холостая-то жизнь: ни одной душ въ прихожей! Ну, что, какъ ваша нога?

— Немного получше, — отвѣчалъ я такимъ стран- нымъ голосомъ, что Днѣпровскій испугался.

— Что это? — вскричалъ онъ, — да у васъ никак лихорадка? Вы такъ блѣдны, голосъ дрожитъ... Н послать ли за докторомъ?..

— Нѣтъ, не безпокойтесь! Это ничего. Прошу по- корно садиться!

Днѣпровскій сѣлъ противъ меня.—Я очень перед вами виноватъ, Александръ Михайловичъ, — сказал онъ.—Вотъ уже двѣ недѣли собираюсь васъ провѣ- дать, да все какъ-то было недосужно. Сегодня мо

адежда Васильевна не велѣла никого принимать; я
ыло хотѣлъ остаться съ нею, да она меня проту-
эла. Чѣмъ, дескать, ты будешь заниматься весь ве-
эръ? тебѣ будетъ скучно. Ступай, мой другъ, въ
иглійскій клубъ. Нечего дѣлать, поѣхалъ! Завернулъ
ь визитомъ къ графу Ильменеву; отъ него отправился
ь клубъ; да вдругъ дорогою-то мнѣ и пришло въ го-
эву: чего жъ лучше? заѣду навѣстить Александра
ихайловича.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

— Да что это, въ самомъ дѣлѣ, вы такъ захи-
ѣли? Вотъ скоро третій мѣсяцъ. Ужъ какъ тужитъ
васъ моя Надежда Васильевна! Она было хотѣла сама
ісъ навѣстить, да вышло маленькое обстоятельство...

— Что такое?

— Такъ! глупости, сплетни! Охъ, ужъ эта Москва!
икого не оставитъ въ покоѣ.

— Вы меня пугаете!

— Оно, конечно, вздоръ, да непріятно. Пред-
гавьте себѣ, оттого, что вы часто у насъ бывали,
то мы васъ любимъ, что жена къ вамъ ласкова, стали
ѣлать такія странныя заключенія. Разумѣется, я этимъ
резираю, я знаю мою Надежду Васильевну: это ангелъ
тѣломъ и душею. Можетъ-быть, она немного вѣ-
рена, неосторожна, но сохрани Боже, чтобъ я дозво-
илъ себѣ и малѣйшее подозрѣніе. Вы также, Але-
сандръ Михайловичъ, рѣдкій молодой человѣкъ. Еслибъ
не зналъ, что вы скоро женитесь и что вы любите
ашу невѣсту, то и тогда бы не повѣрилъ этой гнус-
ой клеветѣ.

— Какой клеветѣ?

— Да вотъ недѣли двѣ тому назадъ я получилъ
езымянное письмо, въ которомъ меня увѣряютъ,
удто бы вы страстно влюблены въ мою жену и что
на вамъ отвѣчаетъ.

— Какая безстыдная ложь! — вскричалъ я, чув-
ствуя, что вся кровь бросилась ко мнѣ въ лицо.—И
ы не знаете, кто этотъ подлый клеветникъ?

— Почему мнѣ знать? Да не сердитесь, Александръ Михайловичъ! Клянусь вамъ честью, я этому не вѣрю. Это какой-нибудь жалкій волокита, который хотѣлъ отомстить моей женѣ за то, что она, можетъ-быть, порядкомъ его отдѣлала. Вѣдь есть такіе негодяи, право есть! Вы молодой человѣкъ, исполненный чести, благородный, вы не только не рѣшитесь оклеветать невинную женщину, вамъ не придетъ даже въ голову, что можно быть пріятелемъ съ мужемъ и стараться развратить его жену; а то ли еще бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! Васъ, Александръ Михайловичъ, я истинно уважаю, и вѣрно бы не помѣшалъ моей женѣ навѣстить васъ въ болѣзни; но вы знаете наше московское общество; стоитъ только одному мерзавцу пустить въ ходъ какую-нибудь клевету, а тамъ ужъ только держись: переиначутъ каждое слово, перетолкуютъ каждый поступокъ въ дурную сторону..: Конечно, можно бы этимъ пренебречь; есть пословица: «волка бояться, въ лѣсъ не ходить», да вѣдь есть также и другая: «съ волками жить, по волчьи выть».

— Но я желалъ бы знать, кто этотъ безымянный...

— И, Александръ Михайловичъ, на что? Не удалось укусить, такъ чортъ съ ней!

— Здорово, Александръ!—сказалъ князь Двинскій, входя въ комнату. — А! Алексѣй Семеновичъ! и вы также навѣстили больного.

Я принялъ очень холодно князя; но, казалось, онъ не хотѣлъ этого замѣтить и усѣлся преспокойно подлѣ Днѣпровскаго.

— Что ваша Надежда Васильевна? — спросилъ онъ. — Я давно не имѣлъ удовольствія ее видѣть. Правда ли, что она все нездорова?

— Нѣтъ, слава Богу! Отъ кого вы это слышали?

— Такъ неправда? Скажите пожалуйста! А меня увѣряли, что она такъ похудѣла, что на себя не походитъ.

— Какой вздоръ!

— Вотъ ты, Александръ, такъ точно похудѣлъ,

продолжалъ Двинскій.—Бѣдняжка! третій мѣсяцъ!.. Ну, надѣлалъ же ты горя!.. То-то, я думаю, слезъ-то, слезъ!

— Помилуй, князь! — сказалъ я, стараясь улыбнуться,—кому обо мнѣ плакать? Невѣста моя не знаетъ, что я боленъ.

— Какая невѣста! — прервалъ князь: — эта рѣчь впереди. Я говорю тебѣ о здѣшнихъ красавицахъ.

— Охота тебѣ говорить вздоръ.

— Да, да, конечно! ну, что ты прикидываешься такимъ смиренникомъ?.. Не вѣрьте ему, Алексѣй Семеновичъ! онъ настоящая женская чума: та исхудала, другая зачахла, та съ ума сошла, эта на стѣну лѣзетъ! Такой ловеласъ, что не приведи Господи!

— Послушай, Двинскій!—прервалъ я съ досадою,—мнѣ становится скучно слышать...

— Правду!—подхватилъ князь.—Кто до нея охотникъ, мой другъ? Вотъ если бъ я сказалъ, что ты воплощенная добродѣтель...

— Да полно, князь!..

— Извольте видѣть, Алексѣй Семеновичъ, мы, грѣшные люди, живемъ по-просту, на распашку. Вотъ я, напримѣръ, не скрываю: отъявленный повѣса, сейчасъ самъ на себя набалтываю; а этотъ святой мужъ все исподтишка!.. Ну, братъ Александръ, счастливъ ты, что наши барыни боятся пересудовъ. Что если бъ онѣ были посмѣлѣе? Вѣдь проѣзда бы не было по твоей улицѣ! Впрочемъ,—прибавилъ князь, смотря пристально на кресла, которыя стояли у дверей,— почему знать, можетъ-быть, втихомолку и теперь навѣщаютъ нашего больного; я даже готовъ биться объ закладъ... Э!.. Александръ Михайловичъ! что это у тебя здѣсь на креслахъ?.. Постой-ка!.. Ого! давно ли ты завелся такими щеголеватыми платочками?.. Батистовый... съ розовыми каемочками... Ну!!!

Я обмеръ. Днѣпровская второпяхъ забыла этотъ платокъ на креслахъ.

— Что, господинъ больной, попались!—закричалъ съ громкимъ смѣхомъ Алексѣй Семеновичъ.

— Что это такое?—сказалъ Двинскій, разсматривая платокъ; — мнѣ кажется, я знаю эту каемочку... Да! точно такъ! Алагрекъ... розетки по угламъ... Гдѣбишь я ее видѣлъ?

Я взглянулъ украдкою на Днѣпровскаго; онъ ужъ не смѣялся.

— Никакъ не могу вспомнить!—продолжалъ князь.— А! да вотъ, кажется, замѣтка!.. Это должны быть начальныя буквы...

— Позвольте!—вскричалъ торопливо Днѣпровскій; —позвольте!. Кажется, это мой платокъ...

— Постойте, постойте!.. Да!.. точно! Вторая буква та самая, которой начинается ваша фамилія; да первая-то... Нѣтъ, Алексѣй Семеновичъ, платокъ не вашъ.

— Такъ чей же? — прервалъ запальчиво Днѣпровскій.

— Про то знаетъ хозяинъ.

— Право не знаю,—сказалъ я;—у меня былъ баронъ, такъ, можетъ-быть...

— Баронъ или баронесса, — подхватилъ князь, какое намъ до этого дѣло. Эхъ, Алексѣй Семеновичъ! не въ пору мы съ вами пріѣхали.

Вдругъ двери распахнулись и баронъ Брокенъ вошелъ въ комнату.

— Я опять къ тебѣ,—сказалъ онъ, кланяясь Днѣпровскому и князю. — Здравствуйте, господа! Послушай, Александръ, не оставилъ ли я у тебя бѣлый батистовый платокъ съ розовыми каемочками?

— Вотъ онъ!—сказалъ князь.—Это вашъ платокъ?

— Нѣтъ. Это платокъ Надежды Васильевны.

— Жены моей?—вскричалъ Днѣпровскій.

— Да! Я обѣщалъ ей сегодня по-утру пріискать двѣ дюжины точно такихъ же платковъ, и взялъ одинъ на образецъ. Когда я былъ у тебя, Александръ, такъ видно какъ-нибудь вытащилъ его изъ кармана вмѣстѣ съ моимъ. Представь себѣ: вхожу въ магазинъ, хватился—нѣтъ! На бѣду, я заѣзжалъ сегодня домовъ въ десять — какъ отгадать, гдѣ оставилъ! Такая досада!

дѣлать нечего, пришлось опять у всѣхъ побывать. ;къ я ѣздилъ, ѣздилъ...

— Ну, что?—спросилъ Днѣпровскій, у котораго ıцо снова просіяло,—есть ли такіе платки въ здѣшıхъ магазинахъ?

— Точно такихъ кажется нѣтъ.

— И я тоже думаю,—продолжалъ Алексѣй Семеэвичъ, постукивая съ важностію двумя пальцами по зоей золотой табакеркѣ.—Я купилъ эти платки въ арижѣ, да нелегко было и тамъ ихъ достать: насилу ıхватилъ одну дюжину.

Я вздохнулъ свободно. Князь Двинскій молчалъ и эсматривалъ недовѣрчиво то на меня, то на барона, эторый продолжалъ разговаривать съ Днѣпровскимъ; отомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ вполголоса:—Ну, лександръ Михайловичъ, поздравляю тебя: ты нажилъ эбѣ препроворнаго и преуслужливаго друга! Ахъ, ортъ возьми! да эта развязка годится въ любую комедію!

— Послушай, князь! — сказалъ я, пожавъ крѣпко го руку.

— Тише, тише!—прервалъ Двинскій,— у меня боıтъ палецъ. Да не горячись, мой другъ: кто правъ, отъ никогда не сердится. Куда вы отсюда?—продолжалъ онъ, обращаясь къ Днѣпровскому.

— Въ англійскій клубъ.

— А я сбирался къ вамъ.

— Неужели?.. Ахъ, какъ жаль!

— Но, можетъ - быть, я застану Надежду Ваıльевну?

— Она дома, только не очень здорова и никого сеэдня не принимаетъ.

— Право? Такъ знаете ли что? Я сейчасъ изъ клуба: амъ всего человѣкъ десять,—скука смертная! и если ы хотите непремѣнно сдѣлать партію, такъ поѣдемте ъ вамъ. Вы зайдете взглянуть на вашу больную, а я асъ подожду въ кабинетѣ, велю приготовить столъ, арты, да такъ-то наиграемся въ пикетъ, что вы и автра въ клубъ не поѣдете.

— А что вы думаете?.. Мнѣ и самому хотѣлось быть сегодня дома: жена больна...

— Вотъ то-то и есть! Можетъ-быть, ей сдѣлалось хуже. Вамъ должно непремѣнно ее провѣдать. Поѣдемте! Прощай, Александръ!—прибавилъ князь съ насмѣшливой улыбкой.—Ты останешься не одинъ, тебѣ будетъ весело.

У меня кровь застыла въ жилахъ. Бѣдная Надина! Боже мой! мужъ не найдетъ ее дома, всѣ подозрѣнія его возобновятся! Проклятый Двинскій!

— Прощайте, Александръ Михайловичъ!—сказалъ Днѣпровскій.—Что прикажете сказать моей Надеждѣ Васильевнѣ? Я думаю, можно ее порадовать: вамъ, кажется, лучше.

Днѣпровскій и князь вышли, баронъ заговорилъ со мною не помню о чемъ; но когда снѣгъ заскрипѣлъ подъ полозьями тяжелаго возка и вслѣдъ за нимъ съѣхали со двора парныя сани князя Двинскаго, баронъ подбѣжалъ къ дверямъ моего кабинета, растворилъ ихъ и сказалъ торопливо:—Скорѣй, Надежда Васильевна, скорѣй!.. Не надобно мѣшкать ни минуты!

Едва живая, блѣдная, какъ мертвецъ, Надина вышла изъ кабинета.—Я догадываюсь,—продолжалъ баронъ,—вы пришли сюда пѣшкомъ, Надежда Васильевна. Ступайте въ моихъ саняхъ, и я вамъ ручаюсь, что вы будете въ вашей спальнѣ, раздѣнетесь и успѣете лечь въ постель прежде, чѣмъ Алексѣй Семеновичъ пріѣдетъ домой.

— Ахъ, баронъ!—прошептала Надина,—вы избавитель мой!..

— Послѣ, послѣ!..

Черезъ нѣсколько секундъ сани барона Брокена промчались по улицѣ и онъ вошелъ опять ко мнѣ въ комнату.

— Ну, счастливо мы отдѣлались!—сказалъ баронъ, садясь на мою постель.

— Ахъ, какъ я тебѣ благодаренъ, мой другъ!—вскричалъ я.—Еслибъ не ты...

— Да, я пріѣхалъ въ пору.

— Но скажи, какъ ты могъ такъ скоро найтись?..

— А вотъ какъ. Я заѣхалъ къ тебѣ изъ любопытства: мнѣ хотѣлось узнать, ошибся ли я въ моихъ догадкахъ или нѣтъ. Вдругъ вижу, у тебя на дворѣ экипажъ Днѣпровскаго и князя.—Вотъ бѣда!—подумалъ я.—Ну, если Надежда Васильевна у него?—Я вошелъ потихоньку въ твою гостиную, подслушалъ вашъ разговоръ и, кажется, явился очень кстати, чтобъ выручить тебя изъ бѣды. Ну, Александръ, надобно сказать правду, ты вовсе не умѣешь владѣть собою: на тебѣ и до сихъ поръ лица нѣтъ. А какое лицо было у бѣднаго Алексѣя Семеновича, когда я вошелъ въ комнату! И теперь не могу вспомнить безъ смѣха!.. Волосы дыбомъ, глаза выкатились вонъ, вся рожа на сторону!.. Ахъ, батюшки! Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ! Я думалъ, что онъ самый добрый и смирный мужъ. Прошу покорно! Да, этотъ Днѣпровскій настоящій Отелло!.. Ну, Александръ, надобно быть осторожнымъ. Умный человѣкъ не такъ опасенъ: онъ шумѣть не станетъ; но ревнивый дуракъ—бѣда! Съ нимъ никакъ не уладишь; пойдетъ кричать на всѣхъ перекресткахъ, что его жена измѣнница, что у нея есть любовникъ, надъ нимъ станутъ смѣяться, это правда, да будетъ ли забавно Надеждѣ Васильевнѣ и весело тебѣ?.. А все этотъ Двинскій!.. Что онъ помучилъ васъ въ маскарадѣ, это еще извинительно; но ссорить жену съ мужемъ, стараться ему открыть глаза—фи, какая гадость! Это низко, подло!.. Послушай, Александръ, надобно порядкомъ проучить этого князя.

— Проучить! да какъ? Не самъ ли ты, баронъ, говорилъ мнѣ, что если я буду имѣть какую-нибудь исторію съ княземъ, то вся Москва закричитъ...

— Да, правда! тебѣ нельзя, а должно непремѣнно зажать ротъ этому негодяю. Знаешь ли что? если хочешь, я возьму на себя этотъ трудъ.

— Ты?

— Да! я заставлю его молчать.

— Смотри, баронъ, не ошибись: Двинскій не трусъ.

— Такъ чтожъ? можно заставить и храбраго человѣка быть скромнымъ: мертвые молчатъ, мой другъ.

— Что ты говоришь, баронъ,—вскричалъ я съ ужасомъ.

— Что, опять испугался? Да не бойся, Александръ, я не убью его изъ-за угла камнемъ, не зарѣжу на улицѣ, не задушу соннаго! Зачѣмъ? когда можно достигнуть той же самой цѣли, не нарушая условій общества. Я застрѣлю его при свидѣтеляхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, всѣхъ приличій, безъ которыхъ, разумѣется, благовоспитанному человѣку нельзя никакъ убить своего противника

— Ты хочешь его вызвать на дуэль?

— Да.

— Но къ чему ты придерешься?

— Къ чему? Вотъ о чемъ хлопочетъ! Трудно найти причину для дуэли! Не такъ взглянулъ, вотъ и все тутъ!

— Да почему ты думаешь, что не онъ тебя убьетъ?

— Меня,—повторилъ съ улыбкою баронъ.—Не безпокойся; я совершенно увѣренъ въ противномъ. Скажи только мнѣ, что *ты* этого хочешь, а тамъ ужъ мое дѣло.

— Но князь тебя ничѣмъ не обидѣлъ, за чтожъ ты сдѣлаешься его убійцею?

— Не я, мой другъ! Я просто орудіе, которымъ ты можешь располагать по своей волѣ. Прикажи и завтра же князь уймется врать; да и пора: поврался довольно.

— Нѣтъ, баронъ, во всякомъ случаѣ, убить человѣка ужасно; но употребить для этого своего пріятеля, а не самому стать противъ него грудью, убить его хладнокровно, не подвергая себя никакой опасности—нѣтъ, нѣтъ! это дѣло разбойника, а я никогда не рѣшусь на такой гнусный поступокъ.

— То-есть,—прервалъ баронъ,—если бъ ты, также какъ я, въ тридцати шагахъ попадалъ безъ про-

ıаха въ туза и долженъ былъ бы стрѣлять первый, го не сталъ бы драться на пистолетахъ?

— Нѣтъ!

— О, великодушный юноша! Жаль! опоздалъ ты юдиться. Въ старину тебя поставили бы рядышкомъ :ъ Баярдомъ, а теперь, не прогнѣвайся, любезный ;ругъ, мы всѣ народъ грамотный, всѣ читали донъ-Кихота... Впрочемъ, это твое дѣло; хочешь, чтобъ я ıзбавилъ тебя отъ этого князя—изволь! не хочешь—юля твоя! только смотри, онъ надѣлаетъ вамъ хлопотъ. Іу!.. вотъ, кажется, воротились мои сани... да, точно! Геперь отправлюсь къ Днѣпровскимъ. Я увѣренъ, что Алексѣй Семеновичъ нашелъ свою Надежду Васильевну въ постели, однакожъ все-таки лучше взгляну самъ. Ірощай.

IV.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ ВЪ ХАРЧЕВНѢ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ приключенія, я совсѣмъ выздоровѣлъ и началъ попрежнему ѣздить къ Днѣпровскимъ. Алексѣй Семеновичъ принималъ меня довольно ласково, но я не замѣтилъ уже въ его обхожденіи со мною этого радушія и простоты, которыя составляли отличительную черту его характера. Несмотря на собственныя слова Днѣпровскаго, мнѣ не трудно было догадаться, что безымянное письмо произвело сильное впечатлѣніе на его душу. Нельзя было сказать рѣшительно, что онъ ревнуетъ меня къ своей женѣ,—постороннему человѣку это не пришло бы и въ голову, но я самъ не могъ въ этомъ сомнѣваться. Если я заставалъ его одного съ Надиною, то онъ ни за что уже не выходилъ изъ комнаты, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы оставались втроемъ. Днѣпровскій пересталъ ѣздить въ англійскій клубъ, обѣдалъ каждый день дома и выѣзжалъ только тогда, когда у жены были гости, или она сама дѣлала визиты; однимъ словомъ, я могъ ви-

дѣться съ Надиною очень часто, но только почти всегда при людяхъ. Разумѣется, переписка продолжалась; баронъ попрежнему былъ нашимъ повѣреннымъ. Хотя онъ пользовался всей моей довѣренностью, однакожъ я не былъ въ полномъ смыслѣ его Сеидомъ, но Днѣпровская,—о, баронъ совершенно завладѣлъ ея разсудкомъ! Она видѣла его глазами, мыслила его головою, и, конечно, не было сумасшедшаго поступка, на который бы не рѣшилась, если бъ баронъ сказалъ, что она должна это сдѣлать.

Такъ прошла вся зима. Несмотря на мою любовь къ Машенькѣ, я не могъ безъ горя подумать, что должно мѣсяца черезъ два уѣхать изъ Москвы и разстаться навсегда съ Надиною. Когда я представлялъ себѣ ея отчаяніе, то сердце мое обливалось кровью.—Бѣдная Надина!—думалъ я иногда,—нѣтъ, она не перенесетъ вѣчной разлуки со мной! Ахъ, почему я не могу отдалить еще на нѣсколько мѣсяцевъ эту ужасную минуту!.. Но чего ты хочешь, безумный? Еслибъ Надина была свободна, рѣшился ли бы ты покинуть для нея свою невѣсту?.. О, конечно, нѣтъ!.. Такъ зачѣмъ же откладывать то, что необходимо?.. зачѣмъ? Но я буду навсегда принадлежать Машенькѣ, мы будемъ неразлучны до самой смерти: а что остается Надинѣ?.. Одно грустное воспоминаніе; нѣсколько, можетъ-быть, счастливыхъ минутъ въ прошедшемъ и цѣлый вѣкъ горя въ будущемъ. Жить безъ надежды, безъ ожиданій, жить для того только, чтобъ чувствовать свои страданія,—да развѣ это жизнь?.. Бѣдная, бѣдная Надина! Ты желаешь еще болѣе моего отдалить неизбѣжный часъ нашей разлуки; но кто можетъ тебя обвинить въ этомъ? Неужели путешественникъ, передъ которымъ раскрывается безпредѣльная пустыня, не долженъ смѣть отдохнуть нѣсколько минутъ на берегу прохладнаго источника и утолить свою жажду, потому что за этимъ источникомъ ждетъ его неминуемая смерть?

Вы видите, любезные читатели, что я, по милости сдѣлался въ короткое время весьма порядоч-

нымъ софистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ну, какъ не выпить водицы тому, кого томитъ жажда? Конечно, лучше бы было этому страннику вовсе не ходить туда, гдѣ ожидаетъ его вѣрная гибель, или, по крайней мѣрѣ, не терять по-пустому время и, пока еще возможно, вернуться скорѣй домой; но тогда бы онъ поступилъ благоразумно, а софисты этого терпѣть не могутъ; да и какъ имъ любить здравый смыслъ и благоразуміе? Какая отъ нихъ прибыль? Ну, что за радость, напримѣръ, доказывать, что солнце грѣетъ? Кто этого не знаетъ? Нѣтъ, попытайтесь, докажите, что отъ него холодно—это будетъ совершенный вздоръ, не спорю, да зато ужъ есть гдѣ уму-разуму расходиться; ни съ кѣмъ не столкнешься, никого не встрѣтишь, будешь одинъ въ своемъ родѣ, и непремѣнно украсишь чело свое или лавровымъ вѣнкомъ генія, или, можетъ-быть, дурацкимъ колпакомъ; но, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не станешь на ряду людей обыкновенныхъ. О, какъ постигли эту истину наши современные французскіе писатели! Посмотрите, какъ скучна, какъ безцвѣтна добродѣтель, и какъ обольстителенъ и любезенъ порокъ въ ихъ сочиненіяхъ? Прочтите ихъ модные романы, трагедіи Виктора Гюго, драмы Александра Дюма, — быть-можетъ, вамъ сдѣлается гадко; но уже, конечно, вы не скажете: фу, какъ это пошло!—Правда, съ нѣкотораго времени и эти геніальныя мерзости начинаютъ казаться пошлыми; но чтожъ дѣлать: такова участь всего земного.

„....Все въ мірѣ суета;
А болѣе всего стремленіе къ славѣ...

И это также очень пошло, однакожъ правда. Если въ числѣ пріятелей вашихъ есть какой-нибудь знаменитый дипломатъ, великій полководецъ, геніальный поэтъ, или ученый мужъ въ родѣ барона Гумбольдта, то потрудитесь спросить его объ этомъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Послѣ всего сказаннаго мною, читатели, вѣроятно,

не удивятся, когда узнаютъ, что я прочелъ безъ большого горя письмо отъ моего опекуна, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ прожить еще годъ въ Москвѣ. «Я не сомнѣваюсь, мой другъ,—говорилъ онъ,—что ты любишь попрежнему свою невѣсту; но вы оба такъ молоды, время не ушло; къ тому же мнѣ что-то сдается, что московское житье не очень тебѣ надоѣло; поживи еще годикъ въ бѣлокаменной, повеселись, мой другъ, и пріѣзжай къ намъ тогда, когда ты увѣришься на самомъ дѣлѣ, что мирный деревенскій пріютъ и тихая семейная жизнь во сто разъ предпочтительнѣе всѣхъ шумныхъ и блестящихъ забавъ свѣта. Разставаясь съ нами, ты плакалъ; а теперь я хочу, чтобъ, выѣхавъ за городскую заставу, ты ни разу не вздохнулъ о Москвѣ». Разумѣется, я отвѣчалъ на это письмо, что не принимаю предложенія моего опекуна, и жду съ нетерпѣніемъ минуты, когда мнѣ можно будетъ отправиться въ деревню; но что, можетъ-быть, *дѣла по службѣ* задержатъ меня долѣе, чѣмъ я желаю.

Вотъ наступилъ май мѣсяцъ. Вся Москва экипажная, конная и пѣшая побывала въ Сокольникахъ. Стали разъѣзжаться по деревнямъ; подмосковныя оживились; помѣщики отдаленныхъ губерній давно уже отправились по домамъ въ своихъ укладистыхъ дормезахъ и рогожныхъ кибиткахъ, нагруженныхъ нѣмецкими мадамами, французскими мусье и разноцвѣтными картонами съ Кузнецкаго моста. Число каретъ на городскихъ гуляньяхъ уменьшилось примѣтнымъ образомъ, Петровскій театръ опустѣлъ и суетливая Москва затихла, присмирѣла, какъ богачъ, который промотался на праздникахъ и переѣхалъ жить съ Тверской къ Ильѣ Пророку, или за Крымскій бродъ къ Серпуховскимъ воротамъ. Днѣпровскіе уѣхали въ подмосковную. Въ первый разъ Алексѣй Семеновичъ не послушался своей жены, которая хотѣла остаться въ городѣ; и когда она сказала, что здоровье не позволяетъ ей жить такъ далеко отъ Москвы, то онъ объявилъ ей, что ихъ врачъ, Густавъ Ѳедоровичъ фонъ-Гиль, согласился

за три тысячи рублей прожить съ ними все лѣто въ подмосковной. Графиня Дулина взяла сторону мужа и Надина должна была, наконецъ, отправиться въ деревню. Я такъ привыкъ почти каждый день видѣться съ Днѣпровскою, что первое время нашей разлуки показалось мнѣ безконечнымъ. На пятый день—это было въ субботу — баронъ отдалъ мнѣ отъ нея письмо, въ которомъ она просила меня пріѣхать на другой день въ ихъ подмосковную.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ баронъ, — что я не могу ѣхать вмѣстѣ съ тобою: у меня завтра обѣдаетъ человѣкъ десять пріятелей, а тебѣ я не совѣтую ѣздить одному. Ты знаешь Алексѣя Семеновича: онъ, какъ хозяинъ, сочтетъ обязанностью занимать своего гостя, то-есть уморить тебя на ногахъ. Сначала примется показывать свои оранжереи, конюшни, хлѣвы, пильную мельницу, образцовую ферму, потомъ или запряжетъ въ биліардъ, или засадитъ въ пикетъ, или начнетъ разсказывать про свои путешествія; только ужъ ты отъ него никакъ не отвяжешься, онъ вопьется въ тебя, прирастетъ къ тебѣ, и бѣдной Надинѣ не удастся сказать съ тобою двухъ словъ. Поѣзжай съ кѣмъ-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ, такъ авось не всѣ эти бѣдствія обрушатся на твою голову, и тебѣ можно будетъ хоть на минутку перевести духъ.

Въ этотъ же самый день я повстрѣчался на Тверскомъ бульварѣ съ пріятелемъ моимъ, Закамскимъ, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ со мною въ подмосковную къ Алексѣю Семеновичу. Онъ охотно согласился, и мы, чтобъ сдѣлать эту поѣздку еще пріятнѣе, условились ѣхать изъ дома верхами вплоть до самой деревни Днѣпровскаго.

На другой день, послѣ обѣдни, я пріѣхалъ къ Закамскому; мы позавтракали, сѣли на коней, и ровно въ двѣнадцать часовъ отправились въ путь. День былъ теплый, но по временамъ легкія облака застилали весеннее солнышко; оно, какъ прихотливая красавица, то пряталось за нихъ, то появлялось снова, чтобъ че-

резъ минуту опять исчезнуть. По улицамъ раздавались пѣсни; фабричные, мѣщане и мужики, съ праздничными, то-есть пьяными рожами, толпились у питейныхъ домовъ. Поминутно мелькали экипажи, то московскія щеголихи и красавицы мчались въ вѣнскихъ колясках по улицѣ, то медленно тащился цугомъ какой-нибудь огромный рыдванъ, въ которомъ почтенный бригадиръ съ своей бригадиршею, съ дѣтьми и внучатами, ѣхалъ въ Останкино или Кусково подышать чистымъ воздухомъ. Какъ восковыя фигурки на вербахъ, разрумяненныя и набѣленныя купчихи, вмѣстѣ со своими бородатыми супругами, неслись мимо насъ на рысистыхъ коняхъ; красивыя телѣжки и широкія рессорныя дрожки стонали подъ тягостію этихъ полновѣсныхъ паръ. Кой-гдѣ встрѣчались съ нами молодые франты на англійскихъ *клеперахъ*, лихіе наѣздники на бѣговыхъ дрожкахъ и вовсе не удалые кавалеристы на водовозныхъ клячахъ съ отрубленными хвостами. Всѣ торопились ѣхать за городъ: охотники до прекрасныхъ видовъ пробирались къ Симонову монастырю, въ Коломенское, на Воробьевы горы; а тѣ, для которыхъ самый лучшій видъ не стоитъ рюмки шампанскаго, спѣшили въ Тюфели и въ знаменитыя Марьины рощи, гдѣ съ утра до вечера разгульный народъ пьетъ, веселится и слушаетъ цыганскія пѣсни.

Мы ѣхали шагомъ. — Кажется, день будетъ хорошъ,—сказалъ я;—впереди все небо очистилось.

— Да, впереди чисто, — отвѣчалъ Закамскій; — а взгляни-ка назадъ!

— И, мой другъ, ничего! эти облачка пройдутъ стороною.

— Ты это зовешь облачками? Посмотри, какой тамъ проливной дождь!

— Мы отъ него уѣдемъ.

— Да! если воротимся домой.

— Да что за бѣда! Ну, помочитъ дождемъ, такъ чтожъ? большая важность!

— По мнѣ, какъ хочешь, только если онъ захва-

титъ въ полѣ, такъ нитки сухой на насъ не оставитъ.

У самой заставы дождь сталъ накрапывать. Мы не доѣхали еще до конца слободы, какъ онъ загудѣлъ и хлынулъ какъ изъ ведра.—Пожалуйте сюда, господа! сюда, подъ навѣсъ!—закричалъ видный дѣтина въ красной рубашкѣ и бѣломъ фартукѣ. Этотъ парень стоялъ у воротъ невысокаго, но довольно длиннаго дома съ выбитыми стеклами, запачканными стѣнами и низкой дверью, надъ которой прибита была вывѣска съ изображеніемъ зажаренаго поросенка и надписью:—Не прогнѣвайтесь!—тогда еще не знали моднаго французскаго словца, не писали на вывѣскахъ: *растарація* или *растирація*, а просто: *харчевня*. Мы отдали подержать нашихъ лошадей молодому парню въ красной рубашкѣ, и вошли въ домъ. Лишь только мы переступили черезъ порогъ, насъ обдало густымъ спиртнымъ воздухомъ, напитаннымъ испареніями хлѣбнаго вина и крестьянской хмельной браги. Въ одномъ углу обширной комнаты, за прилавкомъ или стойкою, сидѣлъ краснощекій хозяинъ харчевни; кругомъ его на полочкахъ разставлены были чайныя чашки, штофы, рюмки и стаканы; на прилавкѣ лежали калачи, каравай паюсной икры, два окорока ветчины, счеты и нѣсколько рублей мѣдными грошами. У самыхъ дверей два старика, одинъ въ изорванной шинелишкѣ, другой въ долгополомъ сюртукѣ, играли въ шашки; подлѣ нихъ стоялъ въ замасленной ливреѣ, съ невыбритой бородою и повязанный, вмѣсто галстука, какой-то черной ветошкою, полупьяный лакей. Въ другомъ углу за большимъ столомъ гуляло человѣкъ десять мужиковъ. Передъ ними, въ огромной яндовѣ, стояла хмельная брага, которую хозяинъ, вѣроятно, величалъ полпивомъ. За отдѣльнымъ столомъ, уставленнымъ бутылками съ пивомъ и полуштофами ерофеича, сидѣло четверо гулякъ, которые, казалось, только-что ушли изъ острога. Одинъ изъ нихъ, въ плисовомъ полукафтаньѣ, растрепанный, съ подбитымъ глазомъ и вы-

щипанной бородою, двое съ усами въ оборванныхъ венгеркахъ, а четвертый какое-то двуногое животное, съ краснымъ носомъ и отвратительной рожею, что-то похожее на отставного подъячаго, или выкинутаго изъ службы квартальнаго офицера. Они забавлялись, слушая горбатаго старика, который, потряхивая своей взъерошенной бородою, свисталъ соловьемъ, кривлялся и корчилъ преудивительныя хари.

Нашъ приходъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на пирующихъ; одинъ только лакей, увидѣвъ входящихъ господъ, поправилъ галстукъ и застегнулъ на двѣ остальныя пуговицы свою ливрею. Работникъ въ бѣломъ, довольно чистомъ, фартукѣ предложилъ намъ занять порожній столъ, который стоялъ поодаль отъ другихъ. Мы усѣлись.

— Ну!—сказалъ Закамскій,—нравится ли тебѣ эта фламандская картина?

— Нѣтъ, любезный другъ! она вовсе не привлекательна. Что за рожи.

— Да ты смотришь на этихъ мерзавцевъ въ изорванныхъ венгеркахъ и сюртукахъ: это записные пьяницы, бездомные мѣщане, отъявленные негодяи, которые по шести мѣсяцевъ въ году гостятъ на съѣзжихъ, это тотъ самый презрительный классъ людей, которыхъ и въ Германіи, и во Франціи, и вездѣ называютъ подлой чернью и которая водится только по большимъ городамъ. Нѣтъ, мой другъ! ты погляди на этихъ мужичковъ, вотъ что сидятъ за большимъ столомъ. Признаюсь, я очень люблю смотрѣть на этотъ добрый работящій народъ, когда въ воскресный день онъ поразгуляется, распотѣшится и за ковшемъ браги забудетъ свою бѣдность и тяжкій трудъ цѣлой недѣли. Какія добрыя, веселыя лица! Видишь этого пьянаго старика, вотъ что стоитъ посреди комнаты, — посмотри! онъ, вѣроятно, размышляетъ и не можетъ понять, куда дѣвалась дверь, въ которую онъ вошелъ.

Закамскій не успѣлъ договорить, какъ этотъ пьяный

мужикъ подошелъ къ нашему столу и упалъ передъ нами на колѣни.

— Что ты, братецъ?—спросилъ я.

— Виноватъ, батюшка! — завопилъ мужикъ; — я пьянъ!

— Вижу, любезный!

— Прости, Бога ради! хмеленъ—больно хмеленъ!

— Вотъ то-то же, старичекъ!—сказалъ важнымъ голосомъ Закамскій, — не годится пить черезъ край. Ну, что хорошаго? Пріѣдешь домой, стыдно передъ дѣтьми будетъ.

— Стыдно, батюшка! — повторилъ старикъ, заливаясь слезами;—видитъ Богъ, стыдно!.. виноватъ!

— Добро, Богъ тебя проститъ; ступай, ступай!

Мужикъ всталъ, утеръ рукавомъ глаза и, расправляя усы, сказалъ Закамскому:—Ну, поцѣлуемся!

— Не надобно, любезный, не надобно!—закричалъ мой пріятель, отодвигая свой стулъ.

— Хочешь—поднесу!

— Не хочу, братецъ, не хочу!

— Ой-ли? Такъ поднеси ты... Поцѣлуемся!

— Эй, дядя Филиппъ!—закричали мужики,—полно! не балуй!.. Что ты тамъ озорничаешь?.. Не тронь господъ!

— Дядя Филиппъ! — сказалъ видный дѣтина, подойдя къ старику,—подь-ка сюда, подь!

— Пошелъ прочь!

— Да ты послушай!

— Эй, Ванька, отцѣпись!

— Пора домой, дядя; а не то вѣдь тетка Матрена забранитъ.

— Ой-ли?

— Ужъ я-те говорю! Вишь ты какъ грузенъ!. Выпьемъ еще бражки, да и съ Богомъ.

— Еще?.. Пойдемъ, Ванюха, пойдемъ!

Они подошли къ большому столу.

— Ну, братъ Иванъ, — сказалъ одинъ изъ мужиковъ, поглаживая свою бороду, — вотъ полпиво, такъ

полпиво! не брагѣ чета! На-ка, Ваня, посмакуй!—прибавилъ онъ, подавая молодому дѣтинѣ жестяной стаканъ.

Иванъ хлебнулъ, зажмурилъ глаза, облизнулся, потомъ осушилъ разомъ весь стаканъ, крякнулъ и, проведя рукой отъ шеи до пояса, промолвилъ:—Спасибо, Кондратьичъ!.. Ай-да пиво!.. Неча сказать, не пожалѣли хмельку!.. Вотъ такъ масломъ по сердцу!.. Ну, парень, знатно! Лучше сыченой браги!

— Слышишь, Закамскій, — сказалъ я, — какъ они расхваливаютъ свое пиво? Неужели оно въ самомъ дѣлѣ не дурно?

— А вотъ попробуемъ,—отвѣчалъ Закамскій.—Эй, молодецъ! бутылку полпива! вотъ того самаго, что пьютъ мужички.

Намъ подали бутылку. Я налилъ себѣ стаканъ, хлебнулъ и чуть-чуть не подавился.—Фуй, какая гадость!—сказалъ я;—и это пьютъ люди!

— Да еще похваливаютъ, мой другъ.

Бѣдные! Вотъ слѣдствіе ужаснаго неравенства состояній: мы тѣшимъ свой прихотливый вкусъ шампанскимъ, а этотъ добрый, рабочій народъ долженъ пить такую мерзость!

— Но развѣ ты не видишь, Александръ, что эту мерзость крестьянинъ пьетъ съ истиннымъ наслажденіемъ?

— Чтожъ это доказываетъ? Что бѣдность убиваетъ не только моральныя, но даже и физическія способности: притупляетъ вкусъ и превращаетъ человѣка почти въ животное.

— Право? Ну, Александръ! видно баронъ нашелъ въ тебѣ понятнаго ученика. Прошу покорно, какимъ ты сталъ философомъ?

— Кажется, не нужно много философіи, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что крестьянинъ лишенъ отъ природы способности различать дурное отъ хорошаго? Попробуй дать ему шампанскаго.

— А если оно вовсе ему не понравится?

— Заставь его выпить въ другой, въ третій разъ, и не безпокойся: онъ его полюбитъ.

— Тѣмъ хуже, мой другъ! У него будетъ однимъ наслажденьемъ менѣе и однимъ горемъ болѣе.

— Какъ такъ?

— Разумѣется, брага ему опротивить, а шампанскаго купить будетъ не на что. Правда, онъ можетъ сдѣлаться плутомъ, мошенникомъ, воромъ, и пить если не шампанское, такъ донское вволю—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не попадетъ въ острогъ. Какъ ты думаешь, Александръ, не лучше ли, чтобъ ему нравилась дешевая гривенная брага, чѣмъ дорогое заморское вино? Да и къ чему? Вѣдь дѣло-то въ наслажденіи, а не въ цѣнѣ, за которую онъ покупаетъ это наслажденіе.

— Но я увѣренъ, что онъ тогда бы наслаждался еще болѣе.

— Едва ли, мой другъ! Впрочемъ, во всякомъ случаѣ лучше, стобъ онъ не желалъ того, что для него невозможно.

— Да какъ ты хочешь, чтобъ онъ не желалъ этого?

— Какъ? А вотъ послушай. Вольтеръ въ одной изъ своихъ трагедій, вовсе не думая, сказалъ великую политическую истину и разрѣшилъ этотъ вопросъ. Помнишь ли, что отвѣчаетъ Заира наперстницѣ своей Фатимѣ, которая удивляется, что ея госпожа, заключенная въ четырехъ стѣнахъ сераля, не вздыхаетъ о свободѣ и наслажденіяхъ образованныхъ народовъ?

— Какъ не помнить! On ne peut désirer ce qu'on ne connait pas.

— То-есть нельзя желать того, чего мы не знаемъ.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Конечно, тому, кому суждено остаться вѣчно слѣпымъ, лучше не знать, что есть на небѣ солнце, но зачѣмъ же онъ долженъ быть слѣпымъ; зачѣмъ это неравенство состояній?

— Затѣмъ, что это равенство состояній точн... такъ же невозможно, какъ и всякое другое. Возьм... трехъ человѣкъ: одного съ большимъ умомъ и дѣятел... ностью, другого съ обыкновеннымъ разсудкомъ ... охотою трудиться, и, наконецъ, третьяго безъ того ... другого; одѣли ихъ по-ровну, и ты увидишь, чт... черезъ нѣсколько лѣтъ первый разбогатѣетъ, второ... будетъ жить безъ нужды, а третій сдѣлается нищим... и, чтобъ не умереть съ голоду, пойдетъ въ нахлѣ... ники къ богачу, или въ работники къ тому, которы... пользуется умѣреннымъ состояніемъ. Ты скажешь, можетъ-быть, что много есть богатыхъ глупцовъ и лѣнтяевъ въ то время, какъ есть умные и дѣятельные люди, которые терпятъ во всемъ недостатокъ; но это уже слѣдствіе не первобытной причины, а наслѣдственнаго права и права собственности; а ты вѣроятно согласишься со мною, что эти права, на которыхъ основано благосостояніе всякаго общества, принадлежатъ къ самымъ необходимымъ и священнымъ правамъ человѣка.

— Конечно,—сказалъ я, досадуя на логику моего пріятеля,—съ перваго взгляда ты какъ будто говоришь дѣло; но я все-таки не могу быть одного съ тобою мнѣнія, потому что тогда надобно будетъ мнѣ согласиться на другое предложеніе, которое совершенно противно моему образу мыслей. Если бѣдный не долженъ желать того, чего имѣть не можетъ, то, слѣдовательно, его не должно и просвѣщать, потому что просвѣщеніе, умножая его потребности и желанія, которыхъ онъ удовлетворить не можетъ, сдѣлаетъ его еще несчастнѣе, чѣмъ онъ былъ прежде.

— Разумѣется.

— Вотъ ужъ въ этомъ-то, Закамскій, никто съ тобою не согласится.

— Я это знаю. Величайшій изъ софистовъ восемнадцатаго столѣтія, Жанъ-Жакъ Руссо, намекнулъ однажды, что земное просвѣщеніе дѣлаетъ человѣка несчастнѣе, и эту неоспоримую истину, одну, которую

нъ сказалъ въ простотѣ души своей, одну, для которой ему не нужно было прибѣгать къ краснорѣчивымъ офизмамъ — называютъ всѣ заблужденіемъ великаго аланта и рѣшительнымъ парадоксомъ.

— Такъ ты думаешь, Закамскій...

— Да, я думаю, и даже увѣренъ, что это богатство оральное, которое мы называемъ просвѣщеніемъ, очно такъ же, какъ и богатство вещественное, не ожетъ быть въ равной степени удѣломъ всѣхъ людей.

— Что это, Закамскій!—вскричалъ я.—Да неужели ы въ самомъ дѣлѣ ненавидишь просвѣщеніе?

— Нѣтъ, мой другъ! истинное просвѣщеніе даръ ожій: оно прекрасно! Но если ты говоришь о провѣщеніи, основанномъ на одной мудрости земной, то то совсѣмъ другое дѣло: это просвѣщеніе какъ огонь, съ огнемъ надобно обращаться умѣючи; онъ грѣетъ асъ по зимамъ, освѣщаетъ ночью, да зато отъ него одъ-часъ гибнутъ цѣлые города. Холодно жить въ омѣ безъ огня, не спорю; а еще будетъ холоднѣе, сли домъ-то сгоритъ и придется жить на улицѣ.

— Такъ, по-твоему, его лучше не топить?

— Какъ не топить, да только осторожно; а пуще сего надобно выбирать хорошихъ истопниковъ. Впроемъ, что объ этомъ говорить? Слова не помогутъ. се, мой другъ, идетъ къ опредѣленной цѣли. Беззаотное дитя счастливѣе взрослаго человѣка, но развѣ ы можешь сказать ребенку: оставайся вѣчно ребеномъ! Нѣтъ, мой другъ! онъ сдѣлается юношей, узнаетъ трасти, познакомится съ горемъ; опытъ разочаруетъ сѣ его мечты, онъ утратитъ свою веселость, и хотя оздно, но отгадаетъ, наконецъ, что счастье не для асъ; а тамъ начнетъ старѣть, дряхлѣть, и умретъ, акъ все умираетъ на этомъ свѣтѣ.

— Неужели ты хочешь мнѣ доказать, что просвѣщеніе есть только необходимое зло?

— Просвѣщеніе! Да прежде надобно еще знать, то мы называемъ просвѣщеніемъ? Если, напримѣръ, тебя есть пріятель, человѣкъ образованный, ученый,

душою привязанный къ наукамъ, исполненный любви къ изящнымъ художествамъ, то, вѣроятно, ты назовешь его человѣкомъ просвѣщеннымъ?

— Разумѣется.

— Ну, поди-же, спроси у своего барона и у этой толпы глупцовъ, которые удивляются его премудрости, и ты увидишь, что этого недостаточно. Если твой пріятель не сходитъ съ ума отъ каждой новой идеи; если онъ не преклоняетъ безусловно колѣнъ передъ тѣми, которые, разрушая все, не могутъ создать ничего; если онъ безъ разбора не топчетъ въ грязь все то, что имъ угодно называть предразсудкомъ, и если, сверхъ того, онъ вѣруетъ по убѣжденію своего сердца и не требуетъ математическихъ доказательствъ тому, что можно постигнуть одной только душою, то они рѣшительно назовутъ его невѣждою, или, по крайней мѣрѣ, отсталымъ и закоснѣлымъ старовѣромъ, и самый безграмотный, изъ этой толпы двуногихъ животныхъ, умретъ со смѣха, когда ты станешь доказывать, что твой пріятель человѣкъ просвѣщенный. Не умѣй подписать своего имени, но только раздѣляй ихъ образъ мыслей, нападай на то, на что они нападаютъ, кричи вмѣстѣ съ ними, и они скажутъ, что ты *идешь за вѣкомъ* и даже опередилъ его. Впрочемъ и я увѣренъ, Александръ, что просвѣщеніе не одно,—ихъ два, мой другъ.

— Вотъ ужъ этого я рѣшительно не понимаю! Мнѣ кажется, просвѣщеніе, какъ противоположность невѣжества, должно быть вездѣ одно и тоже

— Полно, такъ ли, Александръ? И Божье солнце освѣщаетъ землю, и кровавое зарево пожара прогоняетъ тьму; но развѣ между ними есть какое-нибудь сходство? Одно разливаетъ жизнь, другое влечетъ за собою гибель и смерть, одно точно даръ Божій, а другое... Да, Александръ, просвѣщеніе, основанное на религіи, есть величайшій даръ Творца; но просвѣщеніе безъ всякой вѣры — о, мой другъ! объ этомъ страшно и подумать!.. Кто вѣруетъ, для того оно не

опасно; богатый — онъ не употребитъ во зло своего богатства; бѣдный—онъ будетъ сносить съ терпѣніемъ свою нищету; кто вѣруетъ, тотъ видитъ во всемъ промыслъ Всевышняго, и смиренно покоряется Его волѣ; но если онъ вкусилъ отъ земного просвѣщенія,— отъ этого древа познанія добра и зла,—и если въ то же время всѣ его желанія, всѣ надежды, его рай и адъ—если все заключено для него въ тѣсные предѣлы здѣшней жизни, если онъ ничего не ожидаетъ въ будущемъ, то что удержитъ его въ минуту искушенія? Вспомни только, что было недавно въ просвѣщенномъ Парижѣ, когда онъ возсталъ противъ небесъ и отрекся отъ своего Господа?

— Правда, мой другъ! — прервалъ я, — правда! Безвѣріе принесло ужасные плоды во Франціи; но если я напомню тебѣ, что дѣлалось въ старину, когда о философіи восемнадцатаго столѣтія и рѣчи не было, если я намекну тебѣ объ испанской инквизиціи, о ночи святого Варфоломея, о покореніи Америки...

— Эхъ, Александръ Михайловичъ! — прервалъ Закамскій:—не хорошо—ты споришь недобросовѣстно! Да развѣ тотъ христіанинъ, кто, называя себя христіаниномъ, поступаетъ хуже всякаго язычника? развѣ тотъ христіанинъ, кто проповѣдуетъ слово Божіе съ мечомъ въ рукахъ? Развѣ тотъ христіанинъ, кто, подъ предлогомъ вѣры, старается удовлетворить своему корыстолюбію, насытить свою месть, ожесточить сердца своихъ заблудшихъ братьевъ, и, какъ голодный тигръ, упиться ихъ кровью? Нѣтъ, мой другъ, не перенимай у своего барона—не хитри! Ты понимаешь, что я говорю не объ этихъ христіанахъ.

Закамскій какъ будто бы прочелъ въ душѣ моей; но самолюбіе помѣшало мнѣ въ этомъ сознаться.

— Я вовсе не хитрю,—сказалъ я,—но мы, кажется, совершенно отбились отъ нашей матеріи. Я говорилъ только, что очень грустно смотрѣть на этотъ неравный жребій людей! Ну, скажи самъ, не прискорбно ли видѣть, что одинъ не знаетъ куда дѣваться съ

своимъ богатствомъ, а у другого нѣтъ куска хлѣба; одинъ созданъ для всѣхъ земныхъ наслажденій, а другой какъ будто бы обреченъ со дня своего рожденія на всегдашнюю бѣдность и нищету. Боже мой, Боже мой! да неужели нѣтъ никакого средства уменьшить это ужасное неравенство состояній?

— Нѣтъ, мой другъ, если мы станемъ прибѣгать къ однимъ средствамъ человѣческимъ. Послушай, Александръ: вчера я былъ у Якова Сергѣевича Луцкаго, который, мимоходомъ сказать, очень жалѣетъ, что давно съ тобою не видѣлся. У насъ зашла рѣчь о французской революціи. Надобно было видѣть, съ какимъ душевнымъ сокрушеніемъ онъ говорилъ объ этомъ ужасномъ событіи, превратившемъ цѣлое государство въ одно обширное лобное мѣсто, на которомъ, для потѣхи бѣснующейся толпы, лилась безпрерывно кровь человѣческая. — И вотъ слѣдствіе, — говорилъ Луцкій,—этихъ философическихъ теорій, этой краснорѣчивой болтовни новѣйшихъ софистовъ, которые такъ явно подтвердили своимъ примѣромъ, что мудрость человѣческая есть безуміе передъ Господомъ.—«Бумага все терпитъ» — есть русская пословица. — Пишите что хотите, и будьте увѣрены, что нѣтъ такой безумной мысли, такой нелѣпой выдумки, которая не нашла бы покровителей и защитниковъ; умѣйте только льстить страстямъ легковѣрной толпы, и она тотчасъ повѣритъ, что вы дѣйствуете въ ея пользу. Вотъ, напримѣръ, кто болѣе французскихъ писателей XVIII столѣтія толковалъ о томъ, чтобъ улучшить положеніе человѣка, и что было послѣдствіемъ ихъ безпрерывныхъ выходокъ противъ духовной и гражданской власти, неравенства состояній и наслѣдственныхъ правъ? Всеобщее волненіе умовъ, безвѣріе, междуусобная война и смѣсь буйнаго безначалія съ кровавымъ деспотизмомъ диктаторовъ, изъ которыхъ каждый годился бы въ наставники Нерону. Кто болѣе французскихъ философовъ писалъ объ этомъ равенствѣ состояній, о которомъ они и до сихъ поръ еще хлопочутъ, и къ чему

ведутъ всѣ ихъ теоріи? Думая посредствомъ одной земной мудрости достигнуть до этой утопіи, они отстраняютъ религію. Безумцы! да развѣ они не видятъ, что безъ вѣры въ Спасителя это невозможно; что одна только она можетъ усмирять наши страсти, и дѣлаетъ насъ способными ко всѣмъ пожертвованіямъ. Какой законъ заставитъ скупого разстаться добровольно съ его богатствомъ? И тотъ же самый скупецъ, когда перстъ Божій коснется души его, разсыплетъ свое золото, раздастъ его съ радостью бѣднымъ, и пойдетъ во слѣдъ Христу, поправъ ногами своего земного идола. Всеобщій миръ, братство народовъ, истребленіе нищеты—да! всѣ эти мечты могутъ осуществиться только тогда, когда наступитъ на землѣ Царство Божіе, когда будетъ «Единый пастырь и единое стадо». И такъ, господа преобразователи, сдѣлайтесь прежде христіанами, проповѣдуйте не возмутительныя правила, не позорный бунтъ, не возстаніе противъ законныхъ властей, поставленныхъ самимъ Господомъ, не насильственныя мѣры, которыя влекутъ за собою однѣ бѣдствія—нѣтъ! старайтесь разливать основанное на истинной вѣрѣ просвѣщеніе, проповѣдуйте слово Божіе, и если не вы, такъ потомки ваши достигнутъ до этой высокой цѣли, до этого всемірнаго просвѣщенія, которое тогда будетъ не бѣдствіемъ, а величайшимъ благомъ для всѣхъ людей. Но вотъ, кажется, совсѣмъ прочистилось, — продолжалъ Закамскій, вынимая свои часы; — ого! ровно часъ. Ну, Александръ, намъ придется ѣхать рысью, а не то мы къ обѣду не поспѣемъ.

Мы встали и подошли къ прилавку, чтобъ расплатиться. Пока харчевникъ преважно выкладывалъ на счетахъ, сколько слѣдуетъ намъ сдачи съ серебрянаго рубля, я вслушался въ разговоръ пьяныхъ разночинцевъ, сидѣвшихъ за особымъ столомъ. Тотъ, который походилъ на подъячаго, разсуждалъ о чемъ-то вполголоса съ своимъ сосѣдомъ, краснорожимъ мѣщаниномъ въ изорванной венгеркѣ. — Да будь покоенъ, Иванъ Потапычъ! — говорилъ онъ, — мы твое дѣлишко сва-

хляемъ. Вѣдь ты не далъ росписки въ полученіи—такъ поплатится и въ другой разъ! Въ совѣстный судъ не пойдемъ,—нѣтъ, шутишь! формой суда, любезный, формой суда!.. Не бойсь! ужъ я тебѣ настрочу просьбишку! Такой вверну крючекъ, что вышереченная вдовица заплатитъ проценты и рекамбіи; а какъ подмажемъ, такъ однихъ проторей и убытковъ начтемъ больше капитальной суммы. Ну, что, такъ ли, любезнѣйшій!

— Ай да Архипъ Ѳедотычъ! что и говорить, заноза! дѣлецъ!

— То-то же!.. Да что ты, Иванъ Потапычъ, скупишься? Полпива да полпива! эка невидаль! Ты, любезный, уважь бутылочкой донского!

— Да донское-то кусается, Архипъ Ѳедотычъ! я ужъ и такъ полтинникъ прогулялъ!

— Такъ чтожъ? добей до цѣлковаго, да и концы въ воду!

— Ну, такъ и быть; была не была!.. Гей! бутылку цымлянскаго!

— Что братъ, Александръ! – сказалъ Закамскій, выходя вмѣстѣ со мною изъ харчевни,— что ты скажешь объ этихъ гулякахъ? Вѣдь они гораздо просвѣщеннѣе мужиковъ и грамоту знаютъ, и бороды брѣютъ, и пьютъ виноградное вино...

— Да развѣ это просвѣщенье?

— А ты думаешь, что парижская чернь знаетъ математику и читаетъ Гомера? — сказалъ Закамскій, садясь на лошадь. — Что, готовъ? — продолжалъ онъ, подбирая поводья.—Ну, Александръ, смотри, не отставай: слушай команды: съ мѣста—рысью!

V.

ВЕСЬМА ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ СЛѢДСТВІЯ ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ.

Мы проѣхали верстъ семь менѣе въ полчаса. Мнѣ рѣдко случалось ѣздить верхомъ, а безъ большой при-

ычки далеко рысью не уѣдешь. На восьмой верстѣ я ачалъ осаживать мою лошадь и отсталъ отъ Закамкаго, который былъ отличный ѣздокъ и не зналъ стали.

— Эге! Александръ, ты сталъ оттягивать!—закриалъ Закамскій.—Плохой же, братъ, ты кавалеристъ!

— Погоди,—сказалъ я,—дай духъ перевести!

— Что, любезный, задохся на восьмой верстѣ!

— Да помилуй, Закамскій, если ты это называешь рогулкою...

— Ну, ну! хорошо! поѣдемъ маленькой рысцею.

— Эхъ, братецъ, все рысью да рысью! Посмотри, акъ погода разгулялась, какой пріятный воздухъ, каія прелестныя мѣста! Да позволь мнѣ ими полюбоаться: поѣдемъ шагомъ.

— Пожалуй! только мы опоздаемъ къ обѣду.

— Успѣемъ: вѣдь всего осталось версты четыре.

Мы взъѣхали на небольшой пригорокъ.—Посмотри, лександръ,—сказалъ Закамскій,—кто это несется къ амъ навстрѣчу—видишь? осмерикомъ въ каретѣ?.. Фу, атюшки! ужъ не бьютъ ли лошади?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вонъ спускаютъ потихоньку на остикъ... Ну!.. какъ опять погнали!

— Постой-ка, постой! — прервалъ Закамскій; — да го, кажется, экипажъ Днѣпровскаго?

— Неужели?

— Да, да! мнѣ помнится, у него есть точно такая арета.

— А вотъ увидимъ.

Мы поровнялись съ экипажемъ: въ немъ сидѣлъ заутанный въ широкій плащъ мужчина, который, увиѣвъ насъ, прижался въ уголъ кареты и надернулъ а глаза свою шляпу. Онъ сдѣлалъ это такъ скоро, то мы не успѣли разсмотрѣть его въ лицо; межъ тѣмъ арета промчалась мимо.

— Ну, какъ хочешь, Александръ, а это точно Алесѣй Семеновичъ,—сказалъ Закамскій.

— Не можетъ быть.

— Какъ не можетъ быть? Голубая карета, гнѣдыя лошади, да и лицо кучера мнѣ что-то знакомо.

— Воля твоя, а это не Днѣпровскій. Зачѣмъ ему отъ насъ прятаться?

— Да, странно! Впрочемъ, мы сейчасъ узнаемъ. Вонъ видишь вдали красную кровлю?.. Это его подмосковный домъ. Поѣдемъ поскорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ мы своротили съ большой дороги, проѣхали съ полверсты опушкою березовой рощи; потомъ, оставивъ въ правой рукѣ огромный прудъ, повернули длиннымъ липовымъ проспектомъ къ барскому дому, окруженному со всѣхъ сторонъ рощами и садами. На обширномъ дворѣ не видно было ни души, и даже ворота были заперты.

— Что это значитъ?—сказалъ я;—неужели никого нѣтъ дома?

— А вотъ погоди, спросимъ,—прервалъ Закамскій, посматривая кругомъ. —Въ самомъ дѣлѣ, ни одной души! Постой! вотъ кто-то идетъ... Это, кажется, садовникъ Фома... Эй, любезный, поди-ка сюда!

Садовникъ Фома, сѣдой старикъ въ синемъ суконномъ камзолѣ, подошелъ къ намъ съ низкимъ поклономъ.

— Что, братецъ,—спросилъ Закамскій,—Алексѣй Семеновичъ дома?

— Сейчасъ изволилъ уѣхать въ Москву.

— А Надежда Васильевна у себя?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, сударь.

— И она также уѣхала?

— Вотъ ужъ часа три будетъ, какъ изволила уѣхать

— Однакожъ не въ Москву?

— Не могу знать,—отвѣчалъ Фома, переминаясь и почесывая въ головѣ.

— Натурально не въ Москву,—подхватилъ Закамскій:—они отправились бы вмѣстѣ. Въ чемъ поѣхала ваша барыня?

— Она изволила уѣхать верхомъ.

— Ну, вотъ, слышишь, Александръ? Надежда Ва-

ильевна поѣхала прогуляться. А что, не знаешь, бра-
ецъ, скоро она воротится?

— Не могу знать.

— Такъ не знаешь ли, по крайней мѣрѣ, куда она
оѣхала?

— Вотъ изволите видѣть: Алешка ткачъ былъ се-
одня на базарѣ; онъ говоритъ, что встрѣтилъ барыню
ı столбовой дорогѣ, близехонько отъ Москвы.

— Чтожъ это такое?—сказалъ Закамскій, взглянувъ
ı меня съ удивленіемъ;—вѣдь тебя приглашали?.. По-
ıушай-ка, братецъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ
ıдовнику,—что, у васъ сегодня на барской кухнѣ
ѣдъ готовятъ?

— И огня не разводили, сударь.

— Ну, это кажется рѣшительно!.. Дѣлать нечего,
лександръ, поѣдемъ назадъ.

— Что это значитъ?—сказалъ я, когда мы выѣхали
іять на большую дорогу.

— Это значитъ, что ты ошибся днемъ.

— О, нѣтъ! меня точно звали сегодня.

— Странно!.. Ты приглашенъ, а никого нѣтъ дома;
ужъ уѣхалъ въ каретѣ, жена ускакала верхомъ...
.то это все значитъ? Ужъ не случилось ли какого-ни-
удь несчастія?

— А что ты думаешь?.. И я начинаю опа-
аться.

— Кажется, Алексѣй Семеновичъ не ревнивъ?—
казалъ Закамскій, помолчавъ нѣсколько времени.

— Не знаю,—отвѣчалъ я, стараясь казаться равно-
ушнымъ;—да и почему мнѣ это знать?

— Полно, такъ ли, Александръ?—продолжалъ За-
амскій, глядя на меня пристально.—Если вѣрить го-
одскимъ слухамъ, то Днѣпровскій имѣетъ полное
раво ревновать свою жену...

— Что ты говоришь!—вскричалъ я;—ты думаешь,
о они поссорились?

— Да, мой другъ, и, можетъ-быть, за тебя.

— За меня!

— Эхъ, Александръ! жаль, если это останется у тебя на душѣ!

— Какой вздоръ!..

— Не спорю, мой другъ; но вся Москва говоритъ...

— Это просто одно злословіе, городскія сплетни!..

— Я и самъ тоже думаю; однакожъ согласись, мой другъ: если эти слухи дошли до мужа... Впрочемъ, вся эта болтовня должна скоро кончиться: вѣдь ты черезъ нѣсколько дней ѣдешь въ деревню?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Да если не ошибаюсь, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ будетъ ровно три года, какъ ты разстался съ твоей невѣстой; а сколько разъ я слышалъ отъ тебя, что ты ждешь-не-дождешься минуты, когда тебѣ можно будетъ покинуть навсегда Москву?

— Моя свадьба отсрочена еще на цѣлый годъ.

— Право? Однакожъ, надѣюсь, не ты просилъ отсрочки?

— Разумѣется.

— То-то, мой другъ, смотри, не промѣняй счастья всей своей жизни на какую-нибудь минутную прихоть

— Да помилуй, Закамскій!—прервалъ я съ досадою,—съ чего ты взялъ?..

— Ну, полно, не сердись, Александръ! Я вѣрю, что это все вздоръ; но, право, не мѣшало бы тебѣ хоть на время уѣхать изъ Москвы. Перестать ѣздить къ Днѣпровскимъ ты не можешь: это дастъ новую пищу злословію; а воля твоя, если ты будешь у нихъ попрежнему ежедневнымъ гостемъ, такъ всѣ московскія старушки пойдутъ къ присягѣ, что ты любовникъ Днѣпровской. Однакожъ,—продолжалъ Закамскій,—не прибавить ли намъ ходу?.. Я что-то очень проголодался, а до Москвы еще далеко.

Мы пустились скорой рысью, и до самой заставы не говорили ни слова. Закамскій вѣроятно думалъ, какъ бы скорѣй добраться до Москвы и пообѣдать; а мнѣ, признаюсь, вовсе было не до ѣды. У кого совѣсть не чиста, тотъ всего на свѣтѣ боится, а тутъ и невин-

ʼ человѣку Богъ знаетъ что пришло бы въ голову.
й поспѣшный отъѣздъ Днѣпровскихъ изъ ихъ де-
и, странная мысль Надины уѣхать въ Москву вер-
›, Алексѣй Семеновичъ, который, встрѣтясь съ
на большой дорогѣ, не остановился, а, казалось,
лъ отъ насъ прятаться,—все оправдывало догадки
мскаго. Ну, если въ самомъ дѣлѣ Днѣпровскій
лъ, что я въ перепискѣ съ его женою, что она
любитъ, что она потихоньку ко мнѣ пріѣзжала...
ви Господи!..
Когда мы въѣхали въ заставу, Закамскій спросилъ
, куда я намѣренъ отправиться, и не хочу ли
тѣ съ нимъ отобѣдать въ какомъ-нибудь трактирѣ;
казался и мы разстались: онъ поѣхалъ искать
а, а я поскакалъ домой. Егоръ встрѣтилъ меня у
тъ моей квартиры.—Васъ, сударь, дожидается
этотъ баринъ,—сказалъ онъ, помогая мнѣ слѣзть
ошади.

– Какой баринъ?

– Ну, вотъ этотъ-съ!.. какъ его?.. Бараноброкинъ
іь?

– А! баронъ Брокенъ?

– Точно такъ-съ.

[вбѣжалъ въ комнату.

– Здравствуй, Александръ Михайловичъ!—сказалъ
нъ, идя ко мнѣ навстрѣчу.—Насилу я тебя дождался.
: вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ мой кабинетъ.—При-
и хорошенько дверь,—продолжалъ баронъ,—и са-
: я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ.

– Ты пугаешь меня!

– Пугаться нечего, а надобно будетъ взять рѣ-
:льныя мѣры. Ты былъ сейчасъ въ подмосковной
ровскаго?

– Да.

– И вѣрно никого не засталъ?

– Никого.

– Ну, мой другъ, наши дѣла идутъ худо!

– Что ты говоришь?

— Сегодня по-утру Надежда Васильевна пріѣхала изъ своей подмосковной, послала за мной; я засталъ ее въ ужасномъ отчаяніи. Представь себѣ, какой несчастный случай... Да иначе не могло и кончиться. Сколько разъ я говорилъ ей жечь твои письма, такъ нѣтъ! Охъ, эти женщины! не могутъ жить безъ уликъ! Письма, колечки, портреты!.. А на что всѣ эти глупые сувениры?.. Къ чему вся эта дрянь?.. Попадется на глаза мужу, вотъ и бѣда!

— Да что такое, скажи Бога ради?

— А то, что твои письма, которыя Надежда Васильевна всегда таскала въ своемъ ридикюлѣ, попались въ руки Днѣпровскому.

— Возможно ли?

— Да! она сегодня по-утру отправилась гулять верхомъ, и какъ-то второпяхъ, вмѣсто того, чтобъ спрятать свой ридикюль, забыла его въ кабинетѣ мужа. Она вспомнила объ этомъ, да ужъ поздно. Алексѣй Семеновичъ, который, вѣроятно, давно ее подозрѣвалъ, прибралъ къ рукамъ этотъ проклятый ридикюль. Разумѣется, бѣдняжка потеряла совершенно голову; опасаясь въ первую минуту встрѣтиться съ мужемъ, она сѣла на лошадь и ускакала въ Москву Здѣсь, по крайней мѣрѣ, она не одна, и можетъ, въ случаѣ надобности, переѣхать въ домъ къ своей теткѣ графинѣ Дулиной. Впрочемъ, это не спасетъ ее отъ большихъ непріятностей, а, можетъ-быть, отъ совершенной погибели. Днѣпровскій хочетъ требовать формальнаго развода; говоритъ, что представитъ въ судъ ея письма, что запретъ ее въ монастырь...

— Какъ! Ты думаешь, что онъ рѣшится...

— И, мой другъ! отъ этого дурака все станется.

— Бѣдная Надина!

— Да, точно, бѣдная! и если ты ее покинешь...

— Можешь ли ты это думать? Я готовъ на все чтобъ спасти ее. Я поѣду къ Днѣпровскому, скажу ему, что я одинъ во всемъ виноватъ, что она никогда не отвѣчала на мои письма...

— И ты думаешь, онъ тебѣ повѣритъ?

— Я дамъ ему всякое удовлетвореніе.

— Ужъ не воображаешь ли ты, что онъ станетъ ъ тобой стрѣляться? Вотъ нашелъ человѣка! Теперь нъ кричитъ, что ты обольстилъ его жену; а если ты амекнешь о дуэли, то онъ станетъ кричать, что ты очешь убить его, чтобъ на ней жениться.

— Боже мой, Боже мой! Да неужели нѣтъ никакой эзможности спасти ее?

— То-есть помирить съ мужемъ и помѣшать этой сторіи сдѣлаться гласною? Ну, разумѣется, это неэзможно.

— Невозможно? — повторилъ я съ отчаяніемъ, и, адобно сказать правду, въ эту минуту я вовсе не умалъ о собственномъ моемъ положеніи; я видѣлъ олько бѣдную Надину, всѣми покинутую, умирающую ъ тоски и горя въ четырехъ стѣнахъ какого-нибудь тдаленнаго монастыря. Да, въ эту минуту я пожерсвовалъ бы всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ спасти ее.

— Послушай, Александръ,—сказалъ баронъ,—я не тану тебя обманывать; да и къ чему? Ты долженъ учше меня знать законы своего отечества. Твои исьма въ рукахъ у Днѣпровскаго, а отъ него уже э жди милосердія: дуракъ умѣетъ ли быть великоушнымъ; слѣдовательно здѣсь все кончено для Натны. Но неужели ты думаешь, что она можетъ быть астлива только въ Россіи, и что для этого счастья необходимы старый и несносный мужъ, общество, ставленное изъ чопорныхъ барынь и глупыхъ модковъ, которые воображаютъ, что они перестали быть рдвой и татарами оттого, что болтаютъ по-французки; неужели ты думаешь, что она умретъ со скуки зъ московскихъ сплетней, шушуканья, злословья и еветы, въ которыхъ даже нѣтъ ничего и забавнаго? омилуй, Александръ, свѣтъ великъ. Конечно, не вездѣ йдешь такое красивое сѣрое небо, такія разнообразяя степи, такой прекрасный зимній путь и такіе эескучіе морозы, какъ у васъ въ Россіи; но вѣдь

привыкнуть можно ко всему, даже къ этимъ вѣчно голубымъ небесамъ и всегдашней веснѣ южной Италіи. И, мой другъ! не съ морозомъ жить, а съ добрыми людьми; а добрые люди вездѣ найдутся.

— Такъ ты думаешь, баронъ, что она должна уѣхать за границу?

— Она! помилуй! да развѣ эта бѣдная Надина имѣетъ на это какіе-нибудь способы? Ее должно увезти, мой другъ.

— Увезти? Кому?

— Кому?—повторилъ баронъ съ дьявольской улыбкою:—вотъ забавный вопросъ! кому? Да неужели мнѣ? Случалось и мнѣ увозить женщинъ, но только тѣхъ, которыя меня любили.

— Такъ поэтому я долженъ увезти ее?

— Ты употребилъ настоящее слово, — прервалъ баронъ. — Это одно средство спасти Днѣпровскую, и ты *долженъ* спасти ее. Какъ благородный человѣкъ, ты не можешь поступить иначе. Ты знаешь, я не большой защитникъ постоянства, вѣрности и всѣхъ этихъ рыцарскихъ добродѣтелей, которыя мѣшаютъ намъ вполнѣ наслаждаться жизнью. Женщины насъ обманываютъ, мы ихъ обманываемъ: это круговая порука; но есть случаи, есть обстоятельства, въ которыхъ всякій порядочный человѣкъ долженъ хотя на время забыть о себѣ. Еслибъ ты вчера просто по одному капризу бросилъ Надину и предпочелъ бы ей другую женщину, я не сказалъ бы ни слова: это было бы въ порядкѣ; но покинуть ее теперь, когда у нея не осталось никого въ цѣломъ мірѣ, кромѣ тебя, когда она стоитъ на краю пропасти, когда ты одинъ можешь быть ея избавителемъ,—да, ты одинъ! безъ тебя она не сдѣлаетъ шагу для своего спасенія. Оставить ее въ эту ужасную минуту, выдать руками озлобленному мужу, который, какъ вампиръ, высосетъ изъ нея по каплѣ всю кровь, будетъ наслаждаться ея отчаяніемъ и слезами, живую зароетъ въ могилу... О, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! лучше возьми ножъ и зарѣжь ее; это будетъ и скорѣе и милосерднѣе!

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ я;—итакъ, все огибло! всѣ мои надежды, вся будущность моя!

— Есть о чемъ горевать!—прибавилъ баронъ.—Поилуй, Александръ, да что тебя ожидало въ будущемъ? Кениться въ твои года, покинуть свѣтъ и всѣ его наслажэнія, жить и умереть въ глуши, и гдѣ же въ глуши? въ оссіи, въ этой безжизненной Россіи, средоточіи скуки, эвѣжества и вѣчныхъ снѣговъ! Въ лучшіе года твоей :изни, въ то время, какъ вся просвѣщенная Европа риглашаетъ тебя на свой роскошный пиръ, закопаться ь какую-нибудь мордовскую деревню или полутатар:кій провинціальный городокъ! Да, мой другъ, нечего казать: завидная будущность!

— Но моя невѣста, баронъ?

— Быть-можетъ, погорюетъ, поплачетъ, а тамъ тѣшится и выйдетъ замужъ за другого.

— За другого?—вскричалъ я.—Какъ за другого.

— Да такъ, какъ всѣ выходятъ.

Мнѣ это казалось всегда до такой степени невозожнымъ, что я не вдругъ понялъ барона. Иногда риходило мнѣ въ голову, что я могу по какому-нидь несчастному случаю лишиться моей невѣсты; но гобъ она вышла замужъ за кого-нибудь другого, ромѣ меня, да этого я не могъ себѣ и представить.

— Чему жъ ты удивляешься? — продолжалъ баонъ. — Ну да! она утѣшится и выйдетъ замужъ за ругого.

— Утѣшится!—повторилъ я.—Нѣтъ, баронъ, она е переживетъ моей измѣны; это убьетъ ее!

— И, полно ребячиться, Александръ! Я тебѣ гоорилъ однажды, что отъ любви умираютъ только тѣ кенщины, которыя не находятъ утѣшителей; а если воя невѣста такъ хороша, какъ ты ее описывалъ...

— О, во сто разъ лучше!

— Такъ почивай, мой другъ, спокойно: ты ее не бьешь, она не умретъ, и, почему знать, можетъ-быть ѣтъ черезъ двадцать ты встрѣтишь чопорную деренскую барыню, которая, указывая на толстаго по-

мѣщика въ полевомъ кафтанѣ и кожаномъ картузѣ, скажетъ: «Какъ я вамъ благодарна, Александръ Михайловичъ! Я такъ счастлива съ моимъ Кузьмою Фомичемъ! У насъ пятнадцать человѣкъ дѣтей, семьсотъ душъ и триста десятинъ господской запашки!..

— Эхъ, перестань, баронъ, — прервалъ я, — твои шутки несносны. Да знаешь ли ты, холодная душа, какъ я люблю мою невѣсту? Знаешь ли ты, что эта любовь жизнь моя? Отъ одной мысли, что Машенька можетъ принадлежать другому, кровь леденѣетъ въ моихъ жилахъ! Нѣтъ, нѣтъ! называй меня жестокимъ, неблагодарнымъ, бездушнымъ, чѣмъ хочешь, а я не покину моей невѣсты. Пусть Надина требуетъ отъ меня возможнаго: я готовъ умереть, чтобъ спасти ее; но остаться жить безъ Машеньки, отказаться навсегда отъ этого ангела... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!

— Послушай, Александръ,—сказалъ баронъ,—ты мнѣ жалокъ и смѣшонъ. Да развѣ ты не видишь, что для тебя нѣтъ средины? Исполнишь ли ты долгъ честнаго человѣка, или оставишь бѣдную Надину на произволъ судьбы, во всякомъ случаѣ тебѣ должно навсегда отказаться отъ твоей невѣсты. Неужели ты думаешь, что тебѣ можно будетъ жениться на Машенькѣ, когда Днѣпровскій подастъ просьбу о разводѣ, когда этотъ постыдный процессъ сдѣлается извѣстнымъ всей Россіи, когда твой опекунъ и твоя невѣста прочтутъ рѣшеніе суда, въ которомъ, со всей безпощадной подробностью судейскаго приговора, будетъ сказано, что, по просьбѣ мужа, статская совѣтница Надежда Днѣпровская, за непозволительную и законопреступную связь съ такимъ-то...

— Перестань, Бога ради, перестань!—вскричалъ я съ ужасомъ.—И это будетъ напечатано?

— Разумѣется.

— И мой опекунъ прочтетъ это?.. О, ты говоришь правду, баронъ! Все для меня кончено! Машенька, Машенька!

Я упалъ почти безъ чувствъ на канапе; грудь моя ›ывалась отъ рыданій; слезы текли рѣкою. Мнѣ представилось въ эту ужасную минуту: презрѣнье ›ика, котораго я привыкъ любить какъ отца род›; горесть жены его, моей второй матери; а Ма›ька, подруга моего дѣтства, моя первая любовь, ›ѣста, сестра моя!.. Боже мой, Боже мой!..

Баронъ вынулъ свои часы и, смотря на нихъ съ ›ѣшливой улыбкою, не говорилъ ни слова.—Ну!—ска› онъ наконецъ,—вотъ ровно четверть часа, какъ ты ›ься въ своихъ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ. Да полно, ›ись, Александръ! и женщины за одинъ пріемъ не ›чутъ долѣе этого. Бѣдная Надина! еслибъ она знала, ›кого полагаетъ всю свою надежду! Хорошъ покро›ель! Да неужели ты хочешь, чтобъ я поѣхалъ ска› Днѣпровской, что ея прелестный идеалъ, вмѣсто ›, чтобъ летѣть къ ней на помощь, валяется на ка›е и реветъ какъ школьникъ, котораго сбираются ›ѣчь? Стыдись, Александръ! Ну, какой ты муж›а? Я не вѣрю, чтобъ ты не могъ стать выше этой ›шной дѣтской привязанности къ какой-то деревен›й барышнѣ; но если въ самомъ дѣлѣ ты до такой ›пени малодушенъ, такъ будь, по крайней мѣрѣ, ›кчиною: раздроби себѣ черепъ, а не плачь какъ ›щина или пятилѣтній ребенокъ.

— Да, ты правъ, мой другъ!—вскричалъ я съ от›ніемъ.—Я долженъ быть мужчиною, я спасу На›у, а тамъ—а тамъ я знаю, что дѣлать!

— На силу-то мы рѣшились,—сказалъ баронъ;—а ›жъ думалъ, что этому и конца не будетъ. Ну, ›и бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, еслибъ это пре›гное созданіе... Да что тутъ говорить!

— Но почему ты думаешь,—прервалъ я,—что На›а рѣшится бѣжать со мною за границу?

— Потому что ей не осталось ничего другого дѣлать, ›ому что она гораздо рѣшительнѣе тебя, и, нако›ъ, потому, что съ тобой она готова на край свѣта. ›мы такъ далеко не поѣдемъ.

— Все это одни предположенія.

— Потрудись прочесть эту записку, и ты увидишь, что за Надиной дѣло не станетъ.

Баронъ подалъ мнѣ клочокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько строкъ карандашемъ. Я узналъ руку Днѣпровской, но съ трудомъ могъ разобрать слѣдующія слова:

«Мы погибли, Александръ!.. Мужъ мой все знаетъ... Я не скажу, что ты остался у меня одинъ въ цѣломъ мірѣ,—нѣтъ! у насъ есть истинный, безцѣнный другъ. Слѣдуй во всемъ его совѣтамъ: онъ одинъ можетъ спасти насъ!.. О, Александръ! сердце мое перестаетъ биться, когда я думаю... но нѣтъ, нѣтъ! ты не покинешь своей Надины!»

— Ну!—сказалъ баронъ шутя,—кажется, на основаніи этого вѣрющаго письма я имѣю полное право отвѣчать за Надину?

— Я долженъ былъ еще разъ прочесть эту записку, чтобъ понять ее. Голова моя кружилась; въ ней не было ни одной ясной мысли. Эта внезапная перемѣна моего положенія, побѣгъ за границу, вѣчная разлука съ Машенькою, все это походило на какой-то тяжкій, зловѣщій сонъ. — Но когда же мы должны бѣжать? — спросилъ я, наконецъ, робкимъ голосомъ барона.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Да неужели сегодня?

— И почему нѣтъ?

Сегодня!.. Меня обдало съ головы до ногъ морозомъ. Представьте себѣ человѣка, который надѣялся прожить еще нѣсколько дней, и которому скажутъ, что онъ долженъ умереть черезъ минуту.—Сегодня!—вскричалъ я;—да развѣ это возможно?

— А почему же нѣтъ?—повторилъ баронъ.

— Я совсѣмъ безъ денегъ.

— Сколько тебѣ надобно?

— По крайней мѣрѣ, десять тысячъ.

— Я привезу тебѣ двадцать.

— Но мнѣ нужна подорожная.

— На что? Плати вездѣ двойные прогоны и тебя овезутъ лучше всякаго курьера.

— Но развѣ я могу отправиться въ чужіе края, е имѣя заграничнаго паспорта? Меня могутъ вездѣ становить.

— Да, это правда, паспортъ тебѣ необходимъ.

— Ну, вотъ видишь! А можно ли его получить режде двухъ недѣль?

— Нѣтъ, не можно.

Я вздохнулъ свободно.

— А межъ тѣмъ Днѣпровскій подастъ просьбу,— родолжалъ баронъ, — тебя потребуютъ къ суду, и огда, разумѣется, полиція не выпуститъ тебя изъ гоюда. Впрочемъ, не только черезъ двѣ недѣли, это ожетъ случиться завтра, и потому-то именно вамъ олжно сегодня же отправиться за границу.

— Какъ сегодня?

— Да, мой другъ! Вотъ изволишь видѣть: князь [винскій хотѣлъ ѣхать во Францію; я взялъ для него аспортъ, но, кажется, онъ раздумалъ; онъ сбирается ъ дальную дорогу, да только не туда... Постой!..

Въ эту минуту на моихъ стѣнныхъ часахъ пронло пять часовъ; баронъ какъ будто бы къ чему-то рислушивался; вдругъ глаза его засверкали, какая-то еистовая радость разлилась по всему лицу, онъ захоталъ... Боже мой!.. я вскрикнулъ отъ ужаса; я до ихъ поръ не могу вспомнить безъ замиранія сердца бъ этомъ отвратительномъ хохотѣ, въ которомъ не ыло ничего человѣческаго.

— Какъ можно такъ страшно смѣяться!—сказалъ .—Да и чему ты смѣешься?

— Отправился!—прошепталъ баронъ.—Счастливый уть!

— О комъ ты говоришь?

— О моемъ пріятелѣ Двинскомъ. Онъ сказалъ мнѣ, то если въ пять часовъ я не буду у него, такъ нереміино уѣдетъ.

— Чтожъ тутъ смѣшного?

— Долго разсказывать.

— Да куда онъ поѣхалъ?

— Я знаю куда, только не скажу: это наша тайна Теперь ему заграничный паспортъ не нуженъ. Вотъ онъ, возьми, Александръ. Ты можешь съ нимъ доѣхать до самаго Парижа.

— Какъ, баронъ? подъ чужимъ именемъ?

— А развѣ лучше, еслибъ паспортъ былъ на твое имя? Я думаю, нетрудно будетъ догадаться, что Днѣпровская убѣжала съ тобою; тебя могутъ догнать, остановить на своей границѣ, а теперь кому придетъ въ голову гнаться за княземъ Двинскимъ. Я черезъ недѣлю отправлюсь за вами, вы можете подождать меня въ Варшавѣ. Вотъ адресъ гостинницы, въ которой совѣтую вамъ остановиться; хозяинъ ея французъ, прелюбезный и преумный человѣкъ. Прошлаго года онъ щеголялъ въ красномъ колпакѣ, а теперь надѣлъ опять пудреный парикъ и называетъ себя эмигрантомъ. Вели межъ тѣмъ приготовить твою коляску, а я заѣду къ Днѣпровской, потомъ найму лошадей; въ десять часовъ онѣ непремѣнно будутъ у тебя на дворѣ. Прощай!

Есть пословица, что утопающій хватается за соломинку... — Постой, баронъ! — закричалъ я; — мы одно совершенно забыли: вѣдь я въ службѣ.

— Такъ чтожъ?

— Мнѣ должно имѣть отпускъ.

— Ты съ ума сошелъ, Александръ! — прервалъ баронъ. — Ты рѣшился увезти чужую жену, а не хочешь ѣхать безъ отпуска!.. А впрочемъ, что ты думаешь? въ самомъ дѣлѣ! тебя хватятся, это надѣлаетъ шуму... Садись и пиши просьбу. Когда будутъ думать, что ты поѣхалъ въ деревню къ своей невѣстѣ, такъ это всѣхъ собьетъ съ толку.

— Но помилуй, баронъ! теперь ужъ поздно.

— Это не твое дѣло, садись и пиши!.. Да полно же, рѣшайся на что-нибудь! — продолжалъ баронъ, за-

ıѣчая, что я не слишкомъ тороплюсь исполнить его :риказаніе.

— О, мой другъ! я не могу подумать о Машенькѣ!)на всю жизнь будетъ несчастлива.

— Положимъ, что такъ; да развѣ тебѣ будетъ егче, когда ты сдѣлаешь несчастіе не одной, а двухъ сенщинъ разомъ? Ужъ я, кажется, доказалъ тебѣ, что Iашенька не можетъ быть твоей женою, что же ты очешь?

— Ахъ, я и самъ не знаю! Я потерялъ весь раздокъ. Бѣдная голова моя!

— И, полно! — прервалъ баронъ съ улыбкою. —)ставь свою голову въ покоѣ: она тутъ ни причемъ. Эадись и пиши!

Я машинально повиновался. Баронъ взялъ мою просьу, призвалъ Егора, велѣлъ ему укладываться и уѣхалъ.

— Да развѣ мы, сударь, ѣдемъ,—спросилъ Егоръ, лядя на меня съ удивленіемъ.

— Да!

— Въ деревню?

— Нѣтъ.

— Куда же, Александръ Михайловичъ?

— Пошелъ вонъ, и дѣлай, что тебѣ приказано!

Егоръ покачалъ головою и вышелъ вонъ.

Не могу описать, что я чувствовалъ въ продолже:іе цѣлаго вечера. Я не могъ присѣсть ни на минуту, игдѣ не находилъ мѣста; мнѣ было душно: потолокъ авилъ меня; кровь то кипѣла, то застывала въ моихъ килахъ. Иногда казалось мнѣ, что я въ горячкѣ, что се это одинъ только бредъ; и въ самомъ дѣлѣ, мнѣ ромѣнять Машеньку на женщину прелестную, это равда, но къ которой я чувствовалъ одно только со<алѣніе! Бѣжать съ этой женщиной за границу, бытьожетъ, отказаться навсегда отъ моего отечества и се это сегодня!.. Пробилю десять часовъ, ворота закрипѣли и на дворѣ раздался звонъ колокольчика.

— Лошадей привели, — сказалъ Егоръ, войдя въ омнату.—Прикажете закладывать коляску?

— Да, закладывать!.. Скорѣй, скорѣй!..

И такъ, черезъ часъ все будетъ кончено!.. Черезъ часъ!.. Но что думать о томъ, что неизбѣжно? Я махнулъ рукой и сдѣлалъ то, что дѣлаетъ робкій путешественникъ, когда проводникъ тащитъ его за собою по дощечкѣ, перекинутой черезъ глубокую пропасть: я зажмурилъ глаза и рѣшился предаться совершенно въ волю барона.

Онъ пріѣхалъ ко мнѣ ровно въ одиннадцать часовъ.—Вотъ твой отпускъ,—сказалъ баронъ, подавая мнѣ бумагу, подписанную моимъ начальникомъ.—Ну, видишь, Александръ, я все уладилъ; чрезъ полчаса мы отправимся. Ты знаешь переулокъ позади дома Алексѣя Семеновича, по обѣимъ сторонамъ заборы? Тутъ и днемъ почти никто не ходитъ. Въ этотъ переулокъ есть калитка изъ сада Днѣпровскихъ; мы остановимся отъ нея шагахъ въ десяти; Надина къ намъ выйдетъ, и я увѣренъ, что прежде, чѣмъ ее хватятся, вы будете ужъ на первой станціи. Ахъ, мой другъ!—продолжалъ баронъ,—какъ ты счастливъ! Ты не можешь себѣ представить, какъ любитъ тебя эта женщина! Это не любовь, а какое-то безуміе, сумасшествіе. Когда она о тебѣ говоритъ, то я желалъ бы срисовать ее: это просто олицетворенная страсть; она мыслитъ, живетъ, дышитъ тобою. Еслибъ меня такъ любила женщина самая обыкновенная, то, клянусь честію, я сошелъ бы отъ нея съ ума, а твоя Надина... Да знаешь ли, что я въ жизнь мою не видывалъ ничего прелестнѣе. Это какое-то чудное собраніе всего, чѣмъ плѣняютъ насъ женщины цѣлаго міра: умна, ловка и любезна, какъ француженка, прекрасна, какъ англичанка, стройна, какъ юная дѣва Андалузіи, и точно также безпредѣльно любитъ. Нѣтъ, мой другъ, воля твоя, а ты не стоишь этой женщины.

— О, конечно, она очаровательна, прелестна! — сказалъ я, увлекаясь словами барона;—но мои прежнія обязанности...

— Долой эти кандалы, Александръ! Что за обязан-

ности! Я знаю только одну обязанность: стараться быть счастливымъ и, если можно, наслаждаться жизнію до послѣдней минуты. Все остальное пустяки, мой другъ! Поживи нѣсколько времени въ Парижѣ и ты поймешь меня. Здѣсь въ Россіи вы не имѣете никакого понятія о томъ, что мы называемъ наслажденіемъ: это несносное однообразіе, эта безжизненность преслѣдуетъ васъ повсюду; вамъ скучно въ Петербургѣ, скучно въ Москвѣ, скучно въ деревнѣ; вы женитесь для того, чтобъ скучать вдвоемъ; ищете общества для того, чтобъ, умирая со скуки, вамъ можно было сказать: «на людяхъ и смерть красна». Такъ чему же дивиться, если вы такъ уважаете всѣ эти обязанности? Исполняя ихъ, вы только разнообразите вашу скуку. Погоди, Александръ, ты скоро узнаешь, что такое жизнь, когда мы живемъ, а не *прозябаемъ*. У Надины тысячъ на двѣсти бриллiантовъ, твое имѣнье стоитъ вдвое: слѣдовательно, у васъ будетъ почти тридцать тысячъ въ годъ доходу... Тридцатѣ тысячъ! да съ этимъ въ Италіи вы будете жить въ мраморныхъ палатахъ; а мы начнемъ съ Италіи—не правда ли?

— Для меня все равно, Италія, Швейцарія, Франція...

— О, нѣтъ, Александръ! Если ты прямо изъ Москвы попадешь въ Парижъ, то, быть-можетъ, онъ тебѣ не понравится, — этотъ быстрый переходъ отъ мертваго сна къ кипучей жизни; нѣтъ, нѣтъ! тебя надобно будить понемногу, а то ты испугаешься. Мы проживемъ сначала недѣли три въ Вѣнѣ, а тамъ отправимся въ Венецію. Она еще прекрасна, эта падшая царица Адріатическаго моря: ея патриціи ходятъ, повѣсивъ головы; но веселые гондольеры все еще поютъ свою biondina in gondoletta, и черные глаза венеціанскихъ женщинъ, такъ же какъ и прежде, горятъ любовью и сладострастіемъ. Въ Римѣ мы пробудемъ только нѣсколько дней. Тамъ скучно, мой другъ! Это развалины великолѣпнаго зданія, въ которомъ нѣкогда живали владыки міра и давались дивные пиры, а те-

перь живутъ нищіе, воетъ вѣтеръ и все заглохло травою. Въ Неаполѣ проведемъ мы осень и всю зиму. Тамъ, подъ этимъ прозрачнымъ небомъ, на этой огненной землѣ, ты познакомишься съ благословеннымъ югомъ. О, мой другъ! сколько новыхъ для тебя наслажденій! Вообрази, Александръ! въ то время, какъ здѣсь, въ Москвѣ, трещатъ стѣны отъ мороза, ты будешь искать прохлады въ какой-нибудь померанцовой рощѣ, или нѣжиться подъ тѣнью миртовыхъ деревьевъ. Мы наймемъ роскошную виллу у подошвы Везувія. Представь себѣ, вдали передъ нами огромный голубой коверъ, по которому разбросаны корзины съ яркой зеленью и цвѣтами: это Неаполитанскій заливъ съ своими островами. У нашихъ ногъ великолѣпный городъ, который, опускаясь амфитеатромъ къ морю, какъ будто бы тонетъ въ его голубыхъ волнахъ. Представь себѣ, что ты безъ шляпы и галстука сидишь подъ тѣнью зеленаго лавра, прислушиваешься къ отдаленному говору безчисленной толпы, дышишь этимъ благовоннымъ воздухомъ, о которомъ ваши оранжереи не могутъ дать никакого понятія; что подлѣ тебя, рука съ рукою, сидитъ твоя Надина, что ея прелестныя черныя кудри тихо взвѣваетъ теплый осенній вѣтерокъ; и все это, мой другъ, въ январѣ мѣсяцѣ, все это въ то время, какъ у насъ въ Россіи дыханье замерзаетъ въ воздухѣ.

— Да, это земной рай,—вскричалъ я невольно.

Баронъ нахмурился.—Что за рай!—сказалъ онъ.— Это просто земля, въ которой живутъ люди, а не бѣлые медвѣди. Но вотъ конецъ и вашей русской зимѣ!— продолжалъ баронъ.—Апрѣль мѣсяцъ. Мы скачемъ въ Парижъ—въ Парижъ, это средоточіе всѣхъ земныхъ наслажденій, эту столицу наукъ, ума и просвѣщенія. Парижъ описывать нельзя: его надобно видѣть. Можетъ-быть, тебѣ сначала не очень понравится нечистота, грязь и вонь парижскихъ улицъ; но ты скоро къ этому привыкнешь, ты даже полюбишь эту *парижскую грязь*, точно также какъ мы любимъ какой-нибудь

физическій недостатокъ въ женщинѣ, которую боготворимъ. Я завидую тебѣ, Александръ! Ты еще подносишь только къ устамъ своимъ эту чашу, которую я давно осушилъ до дна. Сколько новыхъ ощущеній, какой разнообразный міръ забавъ, радостей, удовольствій ожидаютъ тебя въ этомъ роскошномъ, обольстительномъ Парижѣ! Представь себѣ...

Вдругъ баронъ замолчалъ; онъ поглядѣлъ робко вокругъ себя и, схвативъ меня за руку, проговорилъ торопливо:—Ѣдемъ, мой другъ! ѣдемъ! пора!

— Егоръ! — закричалъ я, — шляпу и шинель! Мы ѣдемъ.

— Извозчики перепрягаютъ коренныхъ лошадей, сударь!—сказалъ Егоръ, высунувъ къ намъ свою голову.

— Пошелъ, торопи!

— Скорѣй, скорѣй! — повторялъ баронъ, бѣгая по комнатѣ.

— Что ты вдругъ такъ заторопился?—спросилъ я съ удивленіемъ. — Посмотри, еще нѣтъ одиннадцати часовъ.

— Все равно!—вскричалъ баронъ, таща меня за руку;—пойдемъ пѣшкомъ, коляска насъ догонитъ.

— Погоди, дай хоть шинель надѣть. Да что съ тобой сдѣлалось?

Въ самомъ дѣлѣ, съ барономъ происходило что-то чудное: глаза его помутились, посинѣвшія губы дрожали, и онъ въ ужасной тоскѣ метался изъ стороны въ сторону, повторяя какимъ-то страннымъ голосомъ:— Чу!.. слышишь?.. онъ идетъ.

— Да кто? о комъ ты говоришь?—спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Дома, сударь!—раздался въ передней голосъ моего слуги. Баронъ бросился къ дверямъ, хотѣлъ ихъ притворить, но вдругъ отскочилъ и прижался къ стѣнѣ въ самомъ темномъ углу комнаты.

— Пожалуйте сюда!—сказалъ Егоръ. Двери растворились и къ намъ вошелъ Яковъ Сергѣевичъ Луцкій.

VI.

РАЗВЯЗКА.

— Не грѣхъ ли тебѣ, Александръ Михайловичъ?— сказалъ Луцкій, протягивая ко мнѣ руку:—совсѣмъ было уѣхалъ, не простясь со мною! У тебя ужъ и лошади готовы?

— Да, Яковъ Сергѣевичъ, я сейчасъ ѣду.

— Въ деревню, къ своей невѣстѣ, объ этомъ и спрашивать нечего. Кажется, сегодня минетъ ровно три года... Но мнѣ сказали, что ты не одинъ,—продолжалъ Луцкій, осматриваясь кругомъ.

— Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ,—сказалъ я, указывая на барона,—это пріятель мой, баронъ Брокенъ.

— Твой пріятель!—повторилъ Луцкій, устремивъ испытующій взглядъ на барона, который какъ прикованный стоялъ неподвижно въ своемъ темномъ углу.

— Извините, Яковъ Сергѣевичъ,—продолжалъ я,— намъ некогда: мы ѣдемъ.

— Ты поѣдешь, Александръ Михайловичъ,—сказалъ твердымъ голосомъ Луцкій,—но только не съ нимъ.

Я посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Якова Сергѣевича; въ первый еще разъ я видѣлъ на этомъ кроткомъ и спокойномъ лицѣ выраженіе душевной непріязни; блестящій, но неподвижный взоръ его былъ устремленъ на барона, который дрожалъ какъ преступникъ, подавленный строгимъ взглядомъ своего судьи.

— И вотъ тотъ, кто былъ съ тобою неразлучно!— проговорилъ Луцкій, не спуская глазъ съ барона;—и съ этимъ клеймомъ на челѣ, съ этимъ ядомъ на устахъ, онъ явился передъ тобою, и ты назвалъ его своимъ пріятелемъ!.. Ахъ, Александръ Михайловичъ! ты не отгадалъ его подъ этой полупрозрачной маскою!.. Такъ взгляни же на него теперь!..

Я окаменѣлъ отъ ужаса. Боже мой! что сдѣлалось съ барономъ?.. Страшно было смотрѣть на помертвѣв-

шее лицо его. Все, что порокъ имѣетъ въ себѣ отвратительнаго, всѣ гнусныя страсти, убивающія душу: гордость, злоба, ненависть, развратъ—все отражалось какъ въ зеркалѣ на этомъ безобразномъ, едва человѣческомъ лицѣ.

— Въ его присутствіи и воздухъ заразителенъ,— продолжалъ Луцкій, взявъ меня за руку.—Ты стоишь на краю пропасти, мой другъ; но безъ собственной твоей воли я не могу спасти тебя, и горе тебѣ, если этотъ искуситель до того завладѣлъ тобою, что ты не желаешь съ нимъ разстаться! Смотри, Александръ Михайловичъ! Вотъ онъ, во всей отвратительной наготѣ своей; говори теперь: желаешь ли ты попрежнему остаться его другомъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ я съ неописаннымъ ужасомъ.

Лицо Луцкаго просвѣтлѣло радостію.—Ты слышалъ свой приговоръ?—сказалъ онъ, обращаясь къ барону.— Кто видитъ твое безобразіе и гнушается имъ, тотъ не можетъ тебѣ принадлежать.

Баронъ молчалъ. Замѣтно было, что онъ напрягалъ всю свою волю, чтобъ побѣдить это неизъяснимое чувство боязни, которое овладѣло имъ при появленіи Луцкаго; нѣсколько разъ на посинѣвшихъ губахъ его появлялась какъ будто бы насмѣшливая улыбка, и вдругъ блѣдное лицо его вспыхнуло, глаза налились кровью и засверкали какъ у тигра; онъ устремилъ ихъ на Луцкаго; но лишь только этотъ бѣшеный взоръ встрѣтился съ кроткимъ и спокойнымъ взоромъ старика, баронъ заскрежеталъ зубами, закрылъ рукою глаза и съ воплемъ отчаянія бросился вонъ изъ комнаты. Во всемъ домѣ двери распахнулись сами собою, на дворѣ шарахнулись лошади, завыла цѣпная собака и мимо оконъ дома что-то похожее на вихрь съ визгомъ промчалось по улицѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я опомнился отъ удивленія.—Чтожъ это все значитъ?—спросилъ я у Якова Сергѣевича.

— Если ты не понимаешь, Александръ Михайловичъ,—отвѣчалъ Луцкій,—такъ мнѣ и толковать нечего.

— Но кто далъ вамъ такую неограниченную власть надъ этимъ человѣкомъ? И отчего баронъ, который вовсе не трусъ, до такой степени васъ боится? Вѣрно вы знаете о немъ что-нибудь ужасное?

— Да, мой другъ! я знаю, кто онъ; но оставимъ его. Я надѣюсь, что при помощи Божіей ты никогда уже съ нимъ не встрѣтишься. Теперь сядемъ, Александръ Михайловичъ, мнѣ нужно поговорить съ тобою—да не безпокойся,—продолжалъ Луцкій,—время еще не ушло: тебя никто не дожидается и ты ѣдешь не за границу.

— За границу!—повторилъ я съ удивленіемъ.—Да кто вамъ сказалъ...

— Я знаю все,—прервалъ Луцкій.

— Все? но какимъ образомъ...

— Я разскажу тебѣ. Сегодня Днѣпровскій пріѣхалъ ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ утра; я испугался, когда взглянулъ на этого несчастнаго мужа, убитаго горестію. Не говоря ни слова, онъ подалъ мнѣ твои письма. Ахъ, Александръ Михайловичъ! я не хотѣлъ вѣрить, что они писаны тобою; но, къ сожалѣнію, долженъ былъ, наконецъ, убѣдиться въ этой горькой истинѣ.—Боже мой,—думалъ я,—къ чему же служатъ намъ доброе сердце, хорошія правила и то, что въ свѣтѣ называютъ честію? Да развѣ тотъ не злодѣй, кто рѣшится уморить съ горя свою невѣсту, обезчестить пріятеля, заплатить ему величайшимъ зломъ и погубить навсегда легкомысленную женщину, которую онъ даже не любитъ?.. Да, Александръ Михайловичъ! любовь тутъ дѣло вовсе постороннее; одно мелкое самолюбіе, минутная прихоть... И вотъ какъ отъ ничтожной искры бываютъ часто гибельные пожары. Правда, раздуть эту искру и подложить огоньку было кому: я видѣлъ твоего наставника.

— Думайте что угодно обо мнѣ, Яковъ Сергѣе-

вичъ,—прервалъ я;—но клянусь вамъ честію, Днѣпровская невинна!

— То-есть ваша связь могла бы быть еще преступнѣе? О, въ этомъ я увѣренъ! И еслибъ я однимъ часомъ пріѣхалъ позже къ Надеждѣ Васильевнѣ...

— А вы у нея были?

— Да, я пріѣзжалъ къ ней отъ мужа, и въ какомъ положеніи нашелъ я эту бѣдную женщину! Она рѣшилась бѣжать съ тобою за границу; но я убѣжденъ теперь въ душѣ моей, что Днѣпровская не пережила бы своего стыда... да, Александръ Михайловичъ, ты былъ бы убійцею этой женщины!

— Но что оставалось мнѣ дѣлать, Яковъ Сергѣевичъ?—вскричалъ я.—Чтобъ спасти ее, я готовъ былъ на все рѣшиться.

— Спасти?..

— Да развѣ вы не знаете, что Днѣпровскій будетъ требовать развода, представитъ въ судъ мои письма...

— Твои письма? Вотъ они, Александръ Михайловичъ!

— Возможно ли! Такъ онъ не хочетъ обезславить и запереть въ монастырь свою жену?

— Обезславить!.. Такъ и тебѣ то-же говорилъ этотъ... прости, Господи!.. чуть-чуть не назвалъ его человѣкомъ, этотъ баронъ? И ты ему повѣрилъ, Александръ Михайловичъ?.. Да знаешь ли, что Днѣпровскій умеръ бы съ радостію, еслибъ могъ думать, что составитъ этимъ счастіе своей Надежды Васильевны? Знаешь ли, что его письмо, которое я отдалъ Днѣпровской, до того ее растрогало, что она поклялась забыть тебя и прилѣпиться всей душой къ этому доброму и благородному человѣку? Онъ отдавалъ ей все свое имѣнье, и не ее хотѣлъ запереть въ монастырь, а самъ рѣшился покинуть свѣтъ, чтобъ сдѣлать ее свободною; и это были не однѣ фразы—нѣтъ, мой другъ! онъ точно бы это сдѣлалъ, потому что истинно ее любитъ, потому что для него видѣть Надину счастливой все то же, что быть счастливу самому. Что еслибъ эта бѣдная жен-

щина не поняла, какое неоцѣненное сокровище такая чистая, безкорыстная любовь; еслибъ она промѣняла ее на эту безумную, неистовую страсть, въ которой все противно Богу и нашей совѣсти—о, мой другъ! какъ жестоко вы были бы наказаны оба! Но, къ счастью, искуситель былъ далеко, и Господь Богъ далъ силу убѣжденія простымъ словамъ моимъ. Днѣпровская очнулась, она увидѣла эту бездонную пропасть, прикрытую цвѣтами, и, чтобъ спасти себя, бросилась въ объятія къ своему мужу. Теперь ты знаешь все. Лошади готовы,—ступай съ Богомъ! Тебя ждетъ твоя невѣста, меня также кой-кто поджидаетъ. Да, Александръ Михайловичъ! и мнѣ придется скоро ѣхать въ дальній путь...

— Что вы хотите сказать?..—прервалъ я.

— Эхъ, мой другъ!—продолжалъ Луцкій,—плохъ становлюсь, дряхлѣю!.. Да Господь Богъ милостивъ: не встрѣтимся здѣсь, такъ авось свидимся въ другомъ мѣстѣ. Прощай, Александръ Михайловичъ! Какъ женишься, такъ не забудь написать ко мнѣ: я порадуюсь твоему счастію, помолюсь за васъ Богу и, можетъ-быть, пришлю къ вамъ свадебный подарокъ.

Луцкій обнялъ меня. Я сѣлъ въ коляску и закричалъ ямщику:—Пошелъ въ Владимірскую заставу.

— Какъ, сударь?—сказалъ Егоръ,—да куда же мы ѣдемъ?

— Въ Тужиловку.

— Въ Тужиловку? — повторилъ Егоръ, перекрестясь. — Слава тебѣ, Господи! Ну, братъ, смотри! — продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику, — чуръ не дремать! Баринъ добрый — прокати, такъ на водку будетъ.

— Да насъ нанимали по Смоленской дорогѣ, сударь,—сказалъ ямщикъ, приподнимая шляпу.

— Я заплачу вдвое—ступай!

— Вдвое, — повторилъ ямщикъ, почесывая затылокъ. — Маленько, сударь, будетъ.

— Да развѣ станція-то больше?—прервалъ Егоръ.

— Больше-не-больше, а, власть ваша, за двойные не поѣдемъ.

— Такъ отпрягай лошадей!—закричалъ Егоръ, слѣзая съ козелъ.

— Да ужъ прибавьте полтинничекъ, сударь!

— Хорошо,--ступай!

— Въ Рогожскую!—крикнулъ ямщикъ форейтору.— Ну! трогай! съ Богомъ!

Мы выѣхали въ заставу. Я все еще былъ въ какомъ-то чаду. Этотъ быстрый переходъ отъ одного положенія къ другому смѣшалъ совершенно всѣ мои понятія. Я походилъ на человѣка, который только-что избавился отъ величайшей опасности; въ первую минуту онъ не можетъ дать себѣ отчета, какъ это случилось и даже не чувствуетъ — *съ горяча*, — что онъ былъ на одинъ волосокъ отъ смерти. Мало-по-малу мысли, которыя безъ всякой связи и порядка роились въ головѣ моей, начали получать свою послѣдственность, стали яснѣе, опредѣленнѣе, и вдругъ все прошедшее, въ цѣломъ, представилось моему воображенію. Боже мой, какъ я испугался!.. Что, еслибъ въ самомъ дѣлѣ Луцкій однимъ часомъ позже пріѣхалъ къ Надинѣ?.. Вѣдь я скакалъ бы теперь по Смоленской дорогѣ, подъ чужимъ именемъ, съ женою другого и завтра же объ этомъ

Ордынка, Поварская,
Никитская, Тверская,
Пречистенка, Арбатъ,
И, словомъ, вся Москва ударила бъ въ набатъ!

Черезъ нѣсколько дней извѣстіе объ этомъ побѣгѣ дошло бы до Бѣлозерскихъ и Машеньки, которую я люблю болѣе моей жизни... Какой ужасъ!.. Вся кровь застыла въ моихъ жилахъ; мнѣ казалось, что я никогда не уѣду изъ этой Москвы, что за мною гонятся, что меня хотятъ остановить, разлучить навсегда съ Машенькою... — Пошелъ! — закричалъ я какъ бѣшеный.—Пошелъ!—Егоръ обернулся и поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Пошелъ! — повторилъ я, толкая въ спину ямщика.

— Что вы, сударь?—закричалъ Егоръ.—Развѣ не видите, какая круть? Да тутъ дай Богъ и шагомъ спустить благополучно,—извольте-ка взглянуть!

Въ самомъ дѣлѣ, мы съѣзжали съ крутой горы, и ямщикъ едва могъ сдерживать лошадей.

Я нигдѣ не торговался, сыпалъ деньгами, слѣдовательно ѣхалъ очень скоро, но еслибъ меня везли съ такою же точно быстротою, съ какою возятъ теперь по чугуннымъ дорогамъ, то и тогда я сталъ бы жаловаться на медленность. Мнѣ все казалось, что Москва у меня за плечами. Я считалъ версты, присчитывалъ, старался самъ себя обманывать и не видѣлъ конца моему путешествію. Но вотъ ужъ мы отъѣхали четыреста верстъ — Москва далеко. Еще одни сутки и я дома, подлѣ моей Машеньки... Она вѣрно выросла, похорошѣла!.. Ахъ, какъ стало мнѣ легко!.. Какъ свободно дышу я этимъ лѣтнимъ воздухомъ!.. Какъ весело разстилаются передо мною эти безпредѣльныя поля нашихъ низовыхъ губерній... Послѣдніе три года моей жизни какъ будто бы не бывали; я опять живу въ деревнѣ, я снова тотъ же веселый, добродушный малый, который, бывало, не пропуститъ воскреснаго дня, чтобъ не побывать у обѣдни, и готовъ послѣ цѣлый день проказить и рѣзвиться какъ дитя — лѣтомъ бродить съ ружьемъ по лѣсу, бѣгать въ горѣлки; зимой ходить за тенетами, кататься съ горъ, а въ мятель сидѣть дома, читать вслухъ «Всемірнаго путешественника», или играть по гривнѣ въ лото. Шумная столица, блестящіе праздники, гулянья, минутные друзья, бальныя связи, и даже Надина Днѣпровская — все это какой-то смутный сонъ, неясный разсказъ. Москва!.. Да полно, былъ ли я въ Москвѣ? Не сплю ли я и теперь?.. Я былъ знакомъ съ какимъ-то демономъ, насмѣхался, злословилъ, любезничалъ съ женщинами, забывалъ по цѣлымъ днямъ мою Машеньку и даже готовъ былъ навсегда съ нею разстаться... Да какъ же это можно?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Это, точно, былъ *сонъ!..* И какой скверный сонъ!..

На четвертый день рано поутру я остановился :еремѣнить лошадей въ С....кѣ. уѣздномъ городѣ нашей губерніи. Мнѣ оставалось еще ѣхать съ небольшимъ сто верстъ. С....къ уѣздный городъ съ большими претензіями; въ немъ есть нѣсколько каменныхъ ,омовъ, красивый соборъ, ряды, гостинница, и даже ываетъ годовая ярмарка, на которую съѣзжались старину карточные игроки изъ всѣхъ окружныхъ губерній; однимъ словомъ, въ этомъ знаменитомъ уѣздномъ ородѣ я могъ найти все, кромѣ того, что было для іеня необходимо: мнѣ нужны были лошади, а ихъ-то :менно и не было.—Да поищи гдѣ-нибудь!—сказалъ я юему слугѣ.—Ну, можетъ ли быть, чтобъ въ цѣломъ ородѣ не было лошадей, ни почтовыхъ, ни вольіыхъ?

— Ни одной тройки, сударь.

— Да отчего жъ?

— Оттого, что губернаторъ уѣзды объѣзжаетъ: нъ передъ нами только изволилъ выѣхать изъ города, за нимъ всѣ здѣшніе такъ гурьбой и повалили! Самъ апитанъ-исправникъ на-силу отыскалъ три клячонки; ейчасъ продралъ по улицѣ. Жаритъ сердечныхъ такъ, то и, Господи!

— Да этакъ, пожалуй, мы прождемъ здѣсь часовъ іесть?

— Почтовыя лошади и прежде воротятся, Алесандръ Михайловичъ, да врядъ ли намъ дадутъ: къ очи ждутъ губернаторшу; а, говорятъ, она ѣдетъ на вухъ осьмерикахъ, да подъ кухнею тройка. Вотъ слибъ вернулись вольныя, такъ можетъ быть...

— Эхъ, братецъ, да поищи гдѣ-нибудь!

— Пыталъ ужъ искать, сударь, весь городъ обѣалъ—нѣтъ какъ нѣтъ!

— Ты вѣрно торгуешься? Заплати все, что поросятъ.

— Да хоть что хочешь давай! Вотъ развѣ, сударь, наете ли что? я сейчасъ видѣлъ Сидорыча, приказика нашего сосѣда, Ивана Ѳедоровича Мутовкина...

— Ну, что, здоровы ли всѣ наши?

— Всѣ, слава Богу! Сидорычъ ихъ третьяго дня видѣлъ. Онъ здѣсь на парѣ, и пожалуй довезетъ васъ до Тужиловки, а я останусь съ коляскою да подожду лошадей.

— А какъ онъ думаетъ пріѣхать?..

— Онъ поѣдетъ проселкомъ: верстъ сорокъ выкинетъ. Кони добрые, такъ авось завтра доставитъ васъ къ обѣду.

— Завтра къ обѣду!—вскричалъ я съ ужасомъ.

— Да вѣдь у него не перемѣнныя, сударь; все раза три придется покормить.

Завтра къ обѣду! Когда я надѣялся, что сегодня вечеромъ...

— Еще хорошо, что проселкомъ, сударь, а по столбовой-то дорогѣ и къ вечернямъ не поспѣешь. Вѣдь отсюда до Тужиловки мѣрныхъ сто двадцать верстъ.

— Нѣтъ, я лучше подожду здѣсь лошадей.

— Власть ваша, а смотрите, если Сидорычъ не прежде нашего будетъ въ Тужиловкѣ.

Егоръ отгадалъ; мы выѣхали изъ С....ка ночью. Что я вытерпѣлъ въ продолженіе пятнадцати часовъ, которые долженъ былъ просидѣть въ гостинницѣ, этого разсказать ни можно. Не помню, въ какомъ русскомъ романѣ я читалъ:—«Что для влюбленнаго жениха, который спѣшитъ увидѣться съ своей невѣстою, всякая остановка есть истинно наказаніе небесное. Ничто не можетъ сравниться съ этою пыткою: онъ нигдѣ не найдетъ мѣста, горитъ какъ на огнѣ; ему вездѣ душно: ему кажется, что каждая пролетѣвшая минута уноситъ съ собою цѣлый вѣкъ блаженства, что онъ состарѣлся въ два часа и не доживетъ до конца своего путешествія». — Хотя я и не думалъ, что успѣю въ нѣсколько часовъ посѣдѣть, но, право, сошелъ бы съ ума, еслибъ мнѣ пришлось пробыть еще сутокъ двое въ этой проклятой гостинницѣ. Когда лошадей привели, я до того обрадовался, что обнялъ и расцѣловалъ

трактирщика, который пришелъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ. Это такъ растрогало хозяина гостинницы, что онъ попросилъ съ меня за то, что я съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ стаканъ квасу, только рубль серебромъ. Я далъ ему синенькую и побѣжалъ торопить ямщиковъ. Наконецъ, мы отправились.

Разумѣется, я во всю ночь не могъ заснуть ни на минуту. Мы ѣхали на передаточныхъ, слѣдовательно остановокъ нигдѣ не было. Вотъ солнце взошло и наступилъ лучшій день въ моей жизни. Утро было прекрасное, мѣста очаровательныя. Подлѣ дороги разстилались луга, усыпанные цвѣтами; обработанныя поля, которыя начинали понемногу холмиться, пестрѣлись разноцвѣтными полосами. Мы проѣзжали безпрестанно мимо липовыхъ и дубовыхъ рощъ; иногда сквозь утренній туманъ блистали кресты сельскихъ церквей и виднѣлись господскіе дома, съ ихъ обширными усадьбами и зеркальными прудами. Во всякое другое время я не усталъ бы любоваться этими сельскими видами, но теперь мнѣ было не до того; я все смотрѣлъ передъ собою, чтобъ увидѣть скорѣй дорожный столбъ и причесть эту новую версту къ тѣмъ верстамъ, которыя мы уже проѣхали. Ровно въ двѣнадцать часовъ я перемѣнилъ въ послѣдній разъ лошадей въ нашемъ губернскомъ городѣ. И вотъ ужъ мы скакали по этой давно знакомой для меня дорогѣ; вотъ съ этого пригорка мы вмѣстѣ съ Машенькой въ первый разъ увидѣли городъ; вотъ березовая роща, которая ей такъ понравилась... Еще полчаса и я дома!.. Боже мой, какъ я счастливъ!.. Какъ мнѣ весело и какъ тяжело!.. Я съ трудомъ могу дышать... Сердце мое хочетъ выпрыгнуть... Я чувствую... да, я чувствую, что можно сойти съ ума отъ нетерпѣнія!.. Вотъ, наконецъ, и мой Егоръ порасшевелился и сталъ торопить ямщика.—Видите, сударь!—закричалъ онъ, указывая на поле, покрытое мелкими кустами,—вотъ Саланцы!.. А вотъ правѣе круглый лѣсъ!.. Всего пять верстъ осталось!.. Пошелъ, любезный, пошелъ!

— Постой! дай подняться на горку, — сказалъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ,—вишь лошадки-то какъ умаялись!

— А что, тезка,—продолжалъ Егоръ,—ты бывалъ въ Тужиловкѣ?

— Какъ не бывать! Я тамъ съ Парѳеномъ старостою давно хлѣбъ-соль вожу; десятка два есть годовъ, какъ мы съ нимъ покумились.

— Ой-ли? А давно ли ты у него былъ?

— Да вотъ намнясь, о вешнемъ Николѣ мы съ нимъ бражки посмаковали: полкорчаги вдвоемъ выпили.

— Скажи-ка, любезный, не въ примѣту ли тебѣ у Парѳена рыжая корова съ бѣлой лысиной, лѣвое ухо распорото?

— Какъ-же! я ее торговалъ у кума, да вишь упирается; баитъ, что не его.

— Ну, такъ и есть, это мой теленокъ. Спасибо дядѣ Парѳену — выкормилъ! А что-то мой барбосъ? Живъ ли онъ голубчикъ?.. А тетка Ѳедосья, чай, все хвораетъ?

— Кто? Ѳедосья Микитишна! Что ты! Раздобрѣла такъ, что рычагомъ не подымешь—печь печью!

— Смотри пожалуй!.. Ахъ, ты, Господи!.. Ну-ка, братъ, садись! Теперь дорога пойдетъ скатертью— качни на послѣдяхъ!

Мы помчались.—Видите, сударь!—сказалъ Егоръ, указывая на дубовыя рощи, которыя какъ будто бы выбѣгали къ намъ навстрѣчу; — вотъ онѣ, родныя-то наши!—Черезъ нѣсколько минутъ начали показываться вдали экономическое село, наша приходская церковь; вотъ выглянулъ изъ-за полугоры высокій шестъ съ флюгеромъ, зажелтѣлись огромныя скирды барскаго гумна. — Видите, сударь, видите? — кричалъ Егоръ, прыгая на козлахъ; но я ничего не видѣлъ: я не спускалъ глазъ съ одного предмета, къ которому мы быстро приближались. Еще за версту отъ барской усадьбы я замѣтилъ, что шагахъ въ двухстахъ передъ нами что-то забѣлѣлось на большой дорогѣ... «Сердце

въ насъ вѣщунъ»—говаривали старики; не даромъ оно замерло въ груди моей... О, это вѣрно она!.. Я не взвидѣлъ ничего: поля, рощи, село — все исчезло!.. Вотъ опять, какъ три года тому назадъ, обрисовался вдали тонкій, прелестный станъ... такъ, это Машенька!.. Она такъ-же, какъ и прежде, стояла посреди большой дороги — точно такъ-же вѣтеръ игралъ ея бѣлымъ платьемъ и разбрасывалъ по плечамъ ея густые локоны; но тогда мы разставались, а теперь... Боже мой!.. Лишь только бы прожить еще полминуты!.. Вотъ ужъ мы въ десяти шагахъ другъ отъ друга... Стой!—закричалъ я; выпрыгнулъ изъ коляски и Машенька упала въ мои объятія. Она здѣсь, подруга моего дѣтства, моя невѣста, мой ангелъ!.. здѣсь, на груди моей!.. Я чувствую, какъ бьется ея сердце, какъ ея горячія слезы льются на грудь мою!.. О! каждый разъ, когда я вспоминаю объ этомъ, я падаю предъ Тобой во прахѣ, милосердный Господи, и со слезами благодарю Тебя за эту благополучнѣйшую минуту въ моей жизни! Совершенный міръ, спокойствіе въ душѣ и какая-то безпредѣльная, святая, чистая радость! Такъ! я не сомнѣваюсь, это точно, быть-можетъ, слабый, но вѣрный отблескъ того неизъяснимаго блаженства, которое ожидаетъ праведныхъ!—Другъ мой Сашенька!—раздался подлѣ насъ трепещущій голосъ—и Авдотья Михайловна бросилась ко мнѣ на шею: она опередила своего мужа, который кричалъ мнѣ издалека:—Здорово, братъ Александръ, здорово!.. Экій молодецъ сталъ!—Здравія желаю, ваше благородіе!—ревѣлъ басомъ старикъ Бобылевъ, тащась за своимъ прежнимъ командиромъ; вдали бѣжала прихрамывая Аксинья, нянюшка моей невѣсты, а за нею всѣ барскія барыни, люди, дѣвушки, вся дворня; одни плакали отъ удовольствія, другіе смѣялись, но всѣ равно были счастливы; а я... Говорятъ, можно умереть отъ радости; неправда! Я остался живъ. Въ домѣ встрѣтилъ меня съ крестомъ нашъ деревенскій священникъ, отслужилъ молебенъ и сказалъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ ко-

торой сравнилъ меня, вѣрно безъ всякаго намѣренія, съ блуднымъ сыномъ, возвратившимся въ домъ отца своего. Этотъ добрый старикъ, не думая, попалъ на истину.

Черезъ мѣсяцъ я обвѣнчался на Машенькѣ и увѣдомилъ объ этомъ Луцкаго и пріятеля моего Закамскаго. Недѣли черезъ три я получилъ отъ послѣдняго письмо и при немъ посылку.—«Мнѣ очень грустно»,—писалъ ко мнѣ Закамскій,—«что я, поздравляя тебя съ женитьбою, долженъ въ то-же время увѣдомить о смерти двухъ знакомыхъ тебѣ людей; но если ты пожалѣешь объ одномъ, такъ вѣрно будешь завидовать другому. Общій нашъ знакомецъ, князь Двинскій, въ самый день твоего отъѣзда, ровно въ пять часовъ вечеромъ, застрѣлился у себя въ комнатѣ. Наканунѣ этого несчастнаго дня Двинскій проигралъ четыреста тысячъ рублей, которые получилъ изъ опекунскаго совѣта, по довѣренности, данной ему отъ родного дяди. Его обыгралъ баронъ Брокенъ. На другой день полиція стала отыскивать этого негодяя, но онъ сгибъ да пропалъ. Какъ этотъ баронъ уѣхалъ изъ Москвы и куда онъ уѣхалъ до сихъ поръ никто еще не знаетъ. Богатая мебель на его квартирѣ, картины, бронза, однимъ словомъ, все, до послѣдней бездѣлки, было имъ взято на прокатъ изъ магазиновъ и мѣняльныхъ лавокъ. Съ нимъ вмѣстѣ пропали безъ вѣсти его кучеръ и жокей. Отъ наемныхъ людей не могли добиться толку; они объявили только, что баронъ выѣхалъ въ воскресенье часу въ третьемъ изъ дома и ужъ болѣе не возвращался на свою квартиру. Дней пять тому назадъ скончался нашъ общій пріятель Яковъ Сергѣевичъ Луцкій. Онъ умеръ или, лучше сказать, заснулъ на моихъ рукахъ. Да, мой другъ, Господь удостоилъ меня видѣть кончину праведника. Его послѣднія минуты были торжествомъ, котораго я никогда не забуду. За четверть часа до смерти лицо его просіяло... о, мой другъ, какъ онъ былъ прекрасенъ, какъ этотъ кроткій, потухающій взоръ вспыхивалъ по временамъ

любовью и неописаннымъ веселіемъ! Не помню, кто сказалъ при видѣ новорожденнаго младенца: «*Когда ты родился, мы всѣ радовались, а ты одинъ плакалъ: живи же такъ, дитя мое, чтобъ тогда, какъ ты станешь умирать, всѣ вокругъ тебя плакали, а ты одинъ бы радовался*». Я видѣлъ это на самомъ дѣлѣ, мой другъ: мы плакали, а Луцкій улыбался, разставаясь съ жизнію, и когда свѣтлая душа христіанина отдѣлилась отъ земного тлѣнія, эта улыбка замерла на устахъ его.

«Днѣпровскіе ѣдутъ черезъ недѣлю за границу; графиня Дулина отправляется вмѣстѣ съ ними. Вчера я навѣщалъ нашего пріятеля фонъ-Нейгофа. Пожалѣй о немъ, мой другъ! Онъ сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ и говоритъ такую дичь, что грустно слышать: онъ называетъ себя графомъ Каліостро, и увѣрялъ меня по секрету, что познакомилъ тебя съ чортомъ. Бѣдный Нейгофъ! Поменѣе мечтательности, и онъ могъ бы быть необычайнымъ явленіемъ въ ученомъ мірѣ. При письмѣ моемъ ты получишь посылку: это свадебный подарокъ покойнаго Луцкаго; онъ отдалъ мнѣ его за нѣсколько часовъ до своей смерти и просилъ доставить къ тебѣ».

Я распоролъ клеенку: въ ней зашита была довольно толстая книга, исписанная рукою Луцкаго. Это былъ тотъ самый сборникъ, который я пересматривалъ въ первый день моего знакомства съ Яковомъ Сергѣевичемъ. Въ одномъ мѣстѣ листъ былъ загнутъ: я развернулъ, увидѣлъ двѣ строки, подчеркнутыя карандашемъ, и прочелъ слѣдующее:

«Ищущій зла обрѣтаетъ зло, а призывающій духа тьмы становится рабомъ его».

— Чтожъ это, Александръ Михайловичъ? — сказала... нѣтъ, ужъ не Машенька, а добрая, милая жена моя, Марья Ивановна, покинувъ на минуту свое рукодѣлье,—неужели ты хочешь этимъ кончить?

— Да, мой другъ!

— А я думала, что ты опишешь всю нашу жизнь.

— И у меня это было въ головѣ, да раздумалъ.

— Отчего же?

— Послушай, мой другъ: не правда ли, что жизнеописаніе или исторія одного семейства имѣетъ большое сходство съ исторіею цѣлаго народа? Тѣ-же эпохи жизни, тѣ-же переходы отъ счастья къ бѣдствіямъ, отъ горя къ радости, отъ бѣдности къ богатству, отъ славы къ ничтожеству—разница только въ объемѣ.

— Я не совсѣмъ съ тобой согласна; но пусть будетъ по-твоему. Положимъ, что біографія одного человѣка или одного семейства точно то-же, что исторія цѣлаго народа; чтоже изъ этого слѣдуетъ?

— А вотъ что, Марья Ивановна: одинъ умный человѣкъ сказалъ, и я съ нимъ совершенно согласенъ, что исторія народа *постоянно счастливаго* была бы самой скучной исторіею въ мірѣ. Ну, видишь ли теперь, мой другъ, что я уморилъ бы съ тоски моихъ читателей.

Марья Ивановна улыбнулась, поцѣловала меня въ лобъ и, не отвѣчая ни слова, принялась опять за свое рукодѣлье.

КОНЕЦЪ.

ОФИЦІАЛЬНЫЙ ОБѢДЪ

БЫЛЬ

I.

Городъ Бабковъ.

Вотъ ужъ почти цѣлый часъ, какъ я сижу съ перомъ въ рукѣ, гляжу на тетрадь бѣлой бумаги, которая лежитъ передо мною—и не пишу ничего. Не знаю, какъ вамъ, любезные читатели, а мнѣ ужасно надоѣло начинать мои разсказы всегда однимъ образомъ: «*Нѣсколько лѣтъ* тому назадъ, въ *одной* изъ нашихъ южныхъ или сѣверныхъ провинцій —въ *одномъ* губернскомъ или уѣздномъ городѣ...» Эта неопредѣленность такъ несносна! Она совершенно охлаждаетъ воображеніе читателя, потому что отнимаетъ всю достовѣрность у разсказа. Прошу кого-нибудь увѣрить, что онъ слушаетъ не сказку, когда не знаетъ даже, гдѣ и когда случилось то, о чемъ ему разсказываютъ? Вотъ теперь, напримѣръ, я хочу говорить съ вами о происшествіи истинномъ, не подлежащемъ никакому сомнѣнію; а между тѣмъ долженъ начать, какъ начинаются всѣ сказки: «Въ *нѣкоторомъ* царствѣ, въ *нѣкоторомъ* государствѣ...» и все это потому, чтобъ меня не упрекнули въ личности, чтобъ не сказали, что я пальцемъ указываю на дѣйствующія лица моей строгоисторической повѣсти. Впрочемъ... Почему же нѣтъ?.. Если у насъ писатели-псевдонимы не вышли еще изъ моды, такъ попытаюсь вывести на сцену городъ-псевдонимъ. Во всякомъ случаѣ, я буду тогда гораздо свободнѣе въ остальномъ, и, по крайней мѣрѣ, скажу

положительно, что ровно двадцать-три года тому назадъ случилось то, о чемъ вы сейчасъ узнаете, если возьмете на себя трудъ прочесть мою повѣсть.

Въ С.....ой губерніи есть уѣздный городокъ *Бабковъ* (не хлопочите напрасно: вы не найдете его въ календарѣ). Когда и кѣмъ онъ былъ основанъ, я не знаю; но только этотъ городъ не дюжинный; я назвалъ его городкомъ потому только, что имѣю престранную привычку сравнивать всѣ города съ Москвою, и вслѣдствіе *сего*, или *этого* сравненія, почти всегда употребляю уменьшительную степень даже и тогда, когда говорю о губернскихъ городахъ. Однажды какой-то сердитый баринъ совсѣмъ было вызвалъ меня на дуэль, за то, что я назвалъ его родину, знаменитую Казань, хорошенькимъ городкомъ; въ другой разъ—одинъ постоянный житель Одессы, который говорилъ, вовсе не шутя, что *рѣдко бываетъ въ Россіи*, ужасно на меня разгнѣвался за то-же самое... Что дѣлать? Не могу никакъ отстать отъ этой дурной привычки. И такъ, да будетъ вамъ извѣстно, любезные читатели, что уѣздный городъ Бабковъ, по своему многолюдству, по множеству церквей своихъ, а въ особенности по красотѣ своихъ кирпичныхъ присутственныхъ мѣстъ, могъ бы быть за-урядъ и губернскимъ городомъ. Въ немъ есть даже бульваръ, обсаженный липками, и публичный садъ разбитый на трехъ съ половиною десятинахъ земли есть гостинный дворъ съ тридцатью лавками, съѣзжій домъ съ высокою каланчей, погребъ съ заморскими винами, три мелочныя лавки, одинъ гербергъ, четыр харчевни, десять постоялыхъ дворовъ и двѣ гостинницы не много запачканныя, но снабженныя всѣмъ нужным для нашихъ русскихъ путешественниковъ, которы обыкновенно возятъ съ собою подушки, перины, по стельное бѣлье, погребцы съ столовою посудой, иногда и собственныхъ поваровъ; при этихъ неболь шихъ пособіяхъ можно было смѣло останавливатьс въ любой изъ двухъ гостинницъ города Бабкова. Одна кожъ, несмотря на всѣ эти роскоши, большая част

проѣзжающихъ увозила съ собою весьма поверхностное и даже ложное понятіе объ этомъ городѣ. Чтобъ увидѣть разницу между имъ и другими уѣздными городами, которые по наружности кажутся ничѣмъ его не хуже, надобно было пожить въ немъ недѣли двѣ или три, и сблизится съ его высшимъ обществомъ, что впрочемъ было не такъ-то легко. Кромѣ должностныхъ людей въ Бабковѣ жило безвыѣздно до десяти дворянскихъ фамилій—да и какихъ еще!.. Чернобылины, Мутовкины, Опенковы, князь Чухаловъ, княгиня Хайбазова, статскій совѣтникъ Осипъ Андреевичъ Кочька и отставной бригадиръ Пахомъ Пахомычъ Мурашкинъ. Вы можете себѣ представить, что общество, составленное изъ такихъ лицъ, имѣло полное право держать себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей неизвѣстныхъ, и не кидаться на шею каждому проѣзжающему, какого бы званія и ранга онъ ни былъ.

Мѣсто градоначальника, или по-просту Бабковскаго городничаго, занималъ съ честію нѣкогда бывшій гусарскій полковникъ Касьянъ Гурьевичъ Костоломовъ, человѣкъ вовсе не ученый, однакоже не глупый, добрый, прямой, веселаго нрава и, что всего лучше, совершенный безсребренникъ. Говорятъ, будто бы онъ, начальникъ богатаго и торговаго города, покупалъ на чистыя деньги все — все безъ исключенія, даже чай и сахаръ, даже пѣнное вино, которое пилъ передъ обѣдомъ, вмѣсто сладкой водки! Я слышалъ также, будто бы онъ вовсе не горевалъ, что называется Касьяномъ и, слѣдовательно, бываетъ имянинникомъ только одинъ разъ въ три года [1]). Диковинное дѣло! И признаюсь, я бы посомнился въ справедливости этихъ слуховъ, еслибъ не зналъ, что въ тысячу восемьсотъ двѣнадцатомъ году онъ былъ уже гдѣ-то городничимъ, но не утерпѣлъ—пошелъ опять въ гусары, дрался какъ левъ, и съ боя взялъ георгіевскій крестъ,

---

[1]) Православная греческая церковь чтитъ память сего святого каждый высокосный годъ, 29-го Февраля.

вскакавъ первый на непріятельскую батарею. Воля ваша, взяточникъ на пушку не полѣзетъ; чтобъ идти на явную смерть, надобно быть въ ладу съ своей совѣстью, или ничему не вѣрить, и ничего не ждать въ будущемъ; а Костоломовъ былъ человѣкъ набожный, и боялся суда Божія.

Касьянъ Гурьевичъ былъ женатъ; супруга его, Марья Никитишна, была бы женщина отличная, если бы поменѣе говорила о чужихъ грѣхахъ, и поболѣе думала о своихъ собственныхъ, и нравъ ея былъ бы не дуренъ, когда бъ она была не такъ упряма, порѣже гнѣвалась и почаще уступала своему мужу. Впрочемъ, нельзя было сказать, что она не покоряется своему законному супругу; напротивъ, Марья Никитишна почти никогда съ нимъ не спорила; мужъ скажетъ: «не хочу!»—она ни слова; но черезъ нѣсколько минутъ у нея начнетъ кружиться голова, потомъ сдѣлается біенье сердца, а тамъ расходятся нервы, и тогда хоть изъ дому вонъ бѣги. Эта странная болѣзнь появилась постепенно. Сначала, когда она была молода и хороша, съ ней дѣлалось только дурно, потомъ стали показываться судороги: на тридцатомъ году въ однѣхъ рукахъ, на тридцать-пятомъ — ей стало сводить и ноги, а какъ стукнуло сорокъ, такъ ее начало такъ коверкать, что бѣдный мужъ не зналъ подчасъ куда и дѣваться. «Что это за болѣзнь такая?» — говаривалъ онъ часто, вздыхая отъ глубины сердца! «что годъ, то хуже! Вотъ, если бы попрежнему съ ней дѣлались однѣ дурноты, такъ это бы еще ничего; а то, начнетъ ее коробить, сердечную... Ахъ, Ты, Господи! Страшно и подумать. По неволѣ закричишь: Матушка! Марья Никитишна! уймись только — все будетъ по-твоему!.. Эко горе послалъ Господь — эко горе! Что будешь дѣлать?.. А вѣдь жена-то какая?.. Смиренница, золото—словечка никогда вопреки не скажетъ!»

У Касьяна Гурьевича и Марьи Никитишны сыновей не было, а была только одна дочь: лицомъ прелесть, душой ангелъ, умница, музыкантша, ну, сло-

вомъ, украшенье и честь всего города Бабкова. Отецъ любилъ ее безъ памяти, мать также любила, но только по-своему, то-есть Марья Никитишна хотѣла непремѣнно, чтобъ Варенька думала ея головою, видѣла ея глазами и находила хорошимъ только то, что казалось хорошимъ ея матери. Почему бы и не такъ? Мать не злодѣйка дочери. Да у Марьи Никитишны былъ такой странный вкусъ, такія чудныя понятія о мужской красотѣ и супружескомъ счастіи, что бѣдная Варенька, несмотря на свою покорность и почтеніе къ матери, не могла никакъ быть одного съ нею мнѣнія. Напримѣръ: Марьѣ Никитишнѣ очень не нравился отставной поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Холминъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, который вышелъ въ отставку для того только, чтобъ успокоить свою старую мать и управлять небольшимъ ея имѣніемъ. Марья Никитишна не любила его, во-первыхъ, потому, что у него было только сто душъ; во-вторыхъ, потому, что онъ былъ человѣкъ нечиновный; въ-третьихъ, потому, что у него были большіе черные глаза, смуглое, мужественное лицо, милая, добродушная улыбка, прекрасный ростъ, любезность, умъ — и что все это, по ея замѣчанію, очень нравилось ея Варенькѣ.

Въ то же время Марьѣ Никитишнѣ очень былъ по сердцу статскій совѣтникъ Осипъ Андреевичъ Кочька, который показывалъ явное предпочтеніе Варенькѣ передо всѣми невѣстами города Бабкова, несмотря на то, что она обращалась съ нимъ очень холодно и почти всякій разъ уходила къ себѣ въ комнату, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ въ гости.

Хотите ли узнать, что такое этотъ статскій совѣтникъ Осипъ Андреевичъ Кочька? Ему безъ малаго сорокъ-пять лѣтъ, у него семьсотъ душъ, въ городѣ каменный двухъ-этажный домъ, въ деревнѣ огромныя хоромы, регулярный садъ, оранжереи, музыка, пѣвчіе... Собой онъ не очень красивъ: у него блѣдное, круглое лицо, бѣлое какъ снѣгъ; волосы и брови также почти бѣлые, глаза свѣтлосѣрые, носъ плоскій, въ

лицѣ никакого выраженія: оно какъ будто бы вылито изъ бѣлаго воска въ какую-то засоренную форму, и потомъ оставлено такъ, безъ всякой отдѣлки. Онъ худъ, высокъ, прямъ, неподвиженъ, повертывается всѣмъ корпусомъ, накрахмаленъ съ ногъ до головы, и весь въ черномъ, выключая галстука, который онъ всегда носитъ бѣлый. Съ перваго взгляда Осипъ Андреевичъ чрезвычайно походитъ на длинную трость изъ чернаго дерева, съ бѣлымъ костянымъ набалдашникомъ. Вмѣсто ремешка, у него всегда мотается на шеѣ лорнетъ, прицѣпленный къ толстому шнурку изъ чернаго бисера.

Теперь, когда ужъ вы познакомились съ главными дѣйствующими лицами моего драматическаго разсказа, я на нѣсколько времени спрячусь за кулисы и выпущу на сцену ихъ самихъ. Я не хочу описывать по одиночкѣ всѣ второстепенные персонажи — это очень растянуло бы экспозицію моей были; а я, какъ искусившійся драматическій писатель, до смерти этого боюсь. Да и зачѣмъ? Если вы станете слушать ихъ разговоры, то, вѣроятно, и безъ меня тотчасъ съ ними познакомитесь.

II.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Кабинетъ Касьяна Гурьевича — небольшая комната о двухъ окнахъ; стѣны оклеены зелеными гладкими обоями; обитое ситцемъ канапе; надъ нимъ висятъ гравированные портреты: Петра I-го, Екатерины II-й, Суворова, Потемкина, и большой эстампъ, представляющій Полтавскую битву. Между окнами, на полкахъ, изъ простого дерева, нѣсколько толстыхъ томовъ, переплетенныхъ, въ корешокъ, «Московскихъ Вѣдомостей» второй и третій томъ русскихъ сказокъ, «Зубоскалъ», шесть томовъ журнала: «Ипокрена, или утѣхи любословія» — книга: «Воинскія правила, како непріятельскія крѣпости силою брати». Брюссовъ календарь, путешествіе ко

Святымъ мѣстамъ пѣшеходца Василія Григорьевича Барскаго; Россъ въ Италіи; Дѣянія Петра Великаго, и полное собраніе сочиненій Сумарокова. По стѣнамъ висятъ ружья и пистолеты, арапникъ, охотничій ножъ, черкесская шашка, ятаганъ и нѣсколько кинжаловъ. Касьянъ Гурьевичъ, въ мундирномъ сюртукѣ, сидитъ за письменнымъ столомъ; передъ нимъ стоитъ частный приставъ, въ полной формѣ.

Касьянъ Гурьевичъ *(читая бумагу)*. «Вышереченный купеческій сынъ Иванъ Подшибаевъ, несмотря на увѣщанія товарища своего, лабазника Никиты Горечихина, вошелъ въ такой азартъ, что къ явному нарушенію всякаго благочинія и оскорбленію моей личности, началъ ударять меня нещадно кіемъ, оборотя оный толстымъ концомъ; потомъ, въ присутствіи самого трактиросодержателя, ухвативъ меня за бороду и извергая всякія хульныя слова, таскалъ меня столько, сколько душѣ его было угодно: въ доказательство чего прилагаю у сего завернутый въ особой бумажкѣ цѣлый клокъ волосъ, выдернутый имъ изъ собственной моей бороды... Къ сему прошенію...» Ба, ба, ба! мѣщанинъ Андрей Пироговъ — человѣкъ смирный, не пьющій!.. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ!—Да долго ли этому купчишкѣ буянить? Не пройдетъ недѣли, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь не подрался... Въ сибирку его! Пусть посидитъ тамъ недѣльки двѣ, такъ, авось, будетъ умнѣй!.. Слышишь, Артемій Михайловичъ!

Частный приставъ. Слушаю-съ, Касьянъ Гурьичъ! Только осмѣлюсь доложить: отецъ Подшибаева, какъ вамъ самимъ извѣстно, первый купецъ здѣшняго города.

Касьянъ Гурьевичъ. Такъ чтожъ?

Приставъ. Онъ пользуется уваженіемъ всего купеческаго общества.

Касьянъ Гурьевичъ. Да худо смотритъ за сыномъ.

Приставъ. Не прикажете ли ужъ просто на съѣзжій дворъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ!.. Этого озорника отецъ мало учитъ, такъ я проучу его порядкомъ. Онъ богатъ, такъ думаетъ, что ему все съ рукъ сойдетъ. Нѣтъ, голубчикъ! Вѣдь я денегъ-то у отца твоего не занимаю, да и занимать не стану — въ сибирку его! *(Беретъ другую бумагу).* А это что такое?—*(Читаетъ).* «Вчерашняго числа, въ часъ пополуночи, крѣпостной слуга его сіятельства князя Чухалова, Антонъ Прокофьевъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, на окликъ будочника второй части, перваго квартала: «кто идетъ?» отвѣтствовалъ: «чортъ!» А когда будочникъ хотѣлъ остановить его, онъ, Прокофьевъ, обругалъ его костыльникомъ, міроѣдомъ и разными другими поносными словами, учинилъ ему удареніе въ лѣвую щеку, съ поврежденіемъ одного коренного зуба и разбитіемъ губъ...» Ба, ба, ба! Ударить часового!.. Ахъ, онъ, разбойникъ!.. Отодрать его!

Приставъ. Вы, можетъ-быть, не изволите знать, Касьянъ Гурьичъ, вѣдь Прокофій любимый слуга его сіятельства князя Чухалова: такъ не лучше ли отослать его къ барину?

Касьянъ Гурьевичъ. Чтобъ онъ далъ ему потачку? Нѣтъ, братецъ! Мы съ княземъ въ ладахъ. Да это само по себѣ—дружба дружбой, а служба службой... Ну, что у тебя еще?

Приставъ. Такъ-съ, ничего-съ! Понужденіе градскому главѣ о скорѣйшемъ вымощеніи площади на нижнемъ базарѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. Давай! *(Подписываетъ).*

Приставъ. А это ежедневный рапортъ о состояніи острога и о числѣ колодниковъ. Да, еще просьба мѣщанки, вдовы Пентюхиной, на ея брата, харчевника Власа Котомкина.

Касьянъ Гурьевичъ. Эка ябедница! Вотъ ужъ на третьяго брата просьбу подаетъ!..

Приставъ. Чтожъ дѣлать, Касьянъ Гурьевичъ? Ея дѣло вдовье—заступиться некому.

Касьянъ Гурьевичъ. Некому? Полно, такъ ли? Да вотъ и ты за нее всегда заступаешься — только рѣчей: «беззащитная вдова! въ разоръ разорили братья!» А сама ходитъ въ атласныхъ шляпкахъ!—Эхъ, Артемій Михайловичъ! не хорошо! Воля твоя—не хорошо! Ты человѣкъ должностной, семейный...

Приставъ. Кто? Я-съ? Помилуйте-съ!.. Я ничего-съ, точно, ничего-съ!.. Это все злые люди говорятъ, Касьянъ Гурьичъ... Эй, эй, такъ-съ!

Касьянъ Гурьевичъ. То-то, братецъ!

Приставъ. Да я, что хотите, Касьянъ Гурьичъ... Да чтобъ мнѣ дѣтей моихъ не видать... чтобъ мнѣ..

Касьянъ Гурьевичъ. Полно, полно! Не божись, а скажи ей, чтобъ она унялась на братьевъ-то просьбы подавать, да порѣже ѣздила на лихихъ извозчикахъ... Ну, теперь все?

Приставъ. *(Вполголоса)*. Я слышалъ еще, Касьянъ Гурьичъ, что этотъ генералъ, котораго присылали ревизовать нашу губернію, дня черезъ три выѣзжаетъ обратно въ Петербургъ, и заѣдетъ сюда...

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, чтожъ? Милости просимъ.

Приставъ. Его превосходительство изволитъ остановиться въ домѣ князя Чухалова, съ которымъ онъ въ родствѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. Право?

Приставъ. Говорятъ, что такъ-съ. Ужъ позвольте, Касьянъ Гурьичъ, отослать къ его сіятельству этого пьяницу Прокофья?

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ, братецъ, нельзя! Ну, пусть бы что-нибудь другое, а то ударить часового! Да этакъ такую дашь повадку, что изъ города вонъ бѣги!

Приставъ. Да вы извольте только отпустить теперь; а ужъ послѣ-то мы какъ-нибудь придеремся.

Касьянъ Гурьевичъ. Полно, Артемій Михай-

лычъ! Мужикъ ты умный, а какую дичь порешь! Ужъ если наказывать человѣка, такъ надобно, чтобъ онъ зналъ, и всѣ знали, за что его наказываютъ. Конечно, полиція не что другое, какъ разъ можетъ придраться—да чтожъ въ этомъ хорошаго?.. Нѣтъ, любезный! Дѣлай все на чистоту, такъ—глядишь: одинъ посердится, а десятеро скажутъ спасибо. Ну, теперь ступай, Артемій Михайлычъ! Да, смотри, чтобъ все было исправно. Пожарную команду я самъ сегодня осмотрю, а, можетъ статься, и въ острогъ заѣду... Прощай, любезный! *(Частный приставъ кланяется и уходя встрѣчается въ дверяхъ съ Марьею Никитишной).*

Марья Никитишна. А, здравствуйте, Артемій Михайлычъ! Здорова ли ваша Ольга Ѳедоровна?

Приставъ *(кланяясь)*. Слава Богу-съ!

Марья Никитишна. Поклонитесь ей отъ меня!

Приставъ. Буду кланяться! *(Уходитъ).*

Марья Никитишна *(цѣлуя мужа)*. Ну, что, мой другъ Касьянушка, какъ ты почивалъ эту ночь?

Касьянъ Гурьевичъ. Что, матушка, мухи замучили.

Марья Никитишна. Проклятыя!

Касьянъ Гурьевичъ. И откуда ихъ набралось? Видимо-невидимо!.. Да вѣдь какъ кусаются!..

Марья Никитишна. Негодныя!

Касьянъ Гурьевичъ. Ужъ я вертѣлся, вертѣлся! И такъ, и этакъ! Нѣтъ! лѣзутъ въ глаза—да и только!

Марья Никитишна. Ахъ, онѣ мерзкія! Вотъ, подумаешь, на что эта тварь создана!

Касьянъ Гурьевичъ. Э, матушка, не наше дѣло! А ты, мой другъ, что?

Марья Никитишна. Да такъ, что-то не по себѣ; мнѣ также всю ночь не спалось, только отъ другого—все думала о Варенькѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. А что такое?

Марья Никитишна. Какъ что?—Да вѣдь черезъ три недѣли ея рожденье.

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, да! Я знаю.

Марья Никитишна. Ей минетъ двадцать :ѣтъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Такъ чтожъ?

Марья Никитишна. Ахъ, Касьянъ Гурьичъ! Да ѣдь еще годокъ, другой, такъ начнутъ говорить, что на въ дѣвкахъ засидѣлась.

Касьянъ Гурьевичъ. Начнутъ говорить—кто? [ураки да старыя сплетницы? Двадцать лѣтъ!.. Да то это за года?

Марья Никитишна. Года не года... Однакожъ, ѣвушка въ двадцать лѣтъ...

Касьянъ Гурьевичъ. Что? Чай, перестарокъ?.. [а ты сама, Марья Никитишна, на которомъ году ышла за меня замужъ?

Марья Никитишна. Я, батюшка, дѣло другое: меня была не мать, а мачиха—кому было обо мнѣ одумать? А мы вѣдь у ней родныя. Ну, что хороіаго, если станутъ говорить, что мы заѣли вѣкъ у ашей дочери, не хотѣли ее пристроить, засадили ее ѣчно въ дѣвкахъ...

Касьянъ Гурьевичъ. Да пусть себѣ говорятъ! ׳тъ злыхъ людей не уйдешь, и всѣхъ рѣчей не перелушаешь. По мнѣ, что хочешь болтай—«собака лаетъ, ѣтеръ носитъ!»

Марья Никитишна. Ахъ, другъ мой, что у ебя за пословицы такія!

Касьянъ Гурьевичъ. На всякое чиханье не наздравствуешься.

Марья Никитишна. Ну!!!—Пошелъ!..

Касьянъ Гурьевичъ. Да, если слушать всѣ юдскія рѣчи...

Марья Никитишна. Знаю, батюшка, знаю! Придется намъ осла взвалить на плечи. Ты мнѣ сто разъ италъ эту глупую басню.

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ, Марья Никитишна, га басня не глупа, и Сумароковъ не дуракъ. А впроемъ, зачѣмъ дѣло стало? У Вареньки женихи есть;

да только вотъ бѣда: за одного она сама нейдетъ, а з другого ты не хочешь ее выдать.

Марья Никитишна. За другого? А кто этот другой?

Касьянъ Гурьевичъ. Иванъ Алексѣичъ Холминъ, малый славный!

Марья Никитишна. Да! Ужъ нечего сказать!. Ну, помилуй, Касьянъ Гурьичъ, что хорошаго в этомъ цыганѣ? И что онъ такое? Офицерикъ, бѣднякъ! Физіономія самая обыкновенная—улыбается точно как простой мужикъ: нѣтъ никакого благородства въ чертахъ. Сейчасъ видно мелкаго дворянчика. Мать настоящая ключница; отецъ былъ какой-то армейщина—вѣрно, изъ сдаточныхъ... Ну, право, не понимаю, как онъ могъ попасть въ нашъ кругъ? А все эта княгиня Хайбазова! Понравилось, что у него смуглое лицо и носъ съ горбомъ. Вотъ, изволите видѣть: «походит на Малекъ-Аделя». Ну, пусть онъ Малекъ-Адель, да только Варенька-то моя не Матильда! Прошу не прогнѣваться!—То ли дѣло Осипъ Андреичъ Кочька? Вотъ, отличный молодой человѣкъ!..

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, что за молодой—помилуй! Ему за сорокъ лѣтъ.

Марья Никитишна. Что ты? Что ты? Ни одного сѣдого волоска!.. А какая наружность! Что за благородное лицо—ужъ тутъ не ошибешься—баринъ! А какое образованіе! Говоритъ, какъ книга!..

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, матушка! Да вѣдь книги-то есть преглупыя.

Марья Никитишна. Классный чинъ, состояніе прекрасное... Вотъ женихъ! А эта дура не хочетъ на него и смотрѣть!..

Касьянъ Гурьевичъ. Чтожъ дѣлать, мой другъ? Видно, не пришелъ ей по-сердцу.

Марья Никитишна. По-сердцу? Да ея ли дѣло выбирать себѣ мужа? Да мы-то что такое? Что ты ей вотчимъ что ль, а я мачиха?

Касьянъ Гурьевичъ. Послушай, Марья Ники-

ишна, я тебѣ ужъ говорилъ, и теперь еще скажу: е позволю я дочери выйти замужъ ни за кого безъ воего согласія, да не хочу также Вареньку и невоить. Конечно, я ничего не могу сказать дурного о воемъ Осипѣ Андреичѣ Кочькѣ—человѣкъ онъ смирый, поведенія хорошаго, и еслибъ только понравился аренькѣ, такъ и съ Богомъ...

Марья Никитишна. Да почему жъ онъ ей не равится?

Касьянъ Гурьевичъ. Почему? Ну, видно, поому, что собой-то онъ не очень красивъ, да и забавы тъ него большой нѣтъ. Вотъ, я, напримѣръ, лишь олько съ нимъ сойдусь—да онъ примется говорить... то ты будешь дѣлать—тоска! Кажется, рѣчь ведетъ азумную, все отборными словами, свысока, а скука мертная!

Марья Никитишна. Это оттого, мой другъ, то онъ человѣкъ ученый.

Касьянъ Гурьевичъ. Можетъ-быть! Да зачѣмъ ке онъ держитъ себя такимъ рожномъ? Когда стоитъ а одномъ мѣстѣ, точно какъ будто бы желѣзный ршинъ проглотилъ; а какъ начнетъ ходить, такъ ловно весь на винтахъ, и не самъ вертится, а поворачиваютъ его рычагомъ.

Марья Никитишна. А ты хотѣлъ бы, чтобъ еловѣкъ ученый и степенный вертѣлся на одной ножкѣ?

Касьянъ Гурьевичъ. Да можно и ученому човѣку сказать иногда словечко въ простотѣ и держать себя посвободнѣе. Ну, повѣришь ли, каждый азъ, когда я съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ все хочется скомановать: «съ плеча!—вольно!» Впрочемъ, я опять тебѣ оворю, человѣкъ онъ смирный, ведетъ себя благородно, когда бъ Варенька была согласна...

Марья Никитишна. Да ты поговори съ нею бъ этомъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Что тутъ говорить? Ужъ сли онъ ей не любъ...

Марья Никитишна. Да ты скажи ей: «Ва-

ренька. Я хочу, чтобъ ты вышла замужъ за Осипа Андреича».

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, матушка, да вѣдь отцовское-то «хочу» почти все то-же, что командирское: «приказываю».

Марья Никитишна. Такъ чтожъ? Кому и приказывать дѣтямъ, какъ не отцу.

Касьянъ Гурьевичъ. Да только не въ такомъ дѣлѣ.

Марья Никитишна *(лаская своего мужа)*. Душенька!.. Касьянушка!.. жизненочекъ мой! Поговори ей, пожалуйста! Я не требую, чтобъ ты ей приказы валъ; да пускай же она знаетъ, что ты желалъ бы выдать ее замужъ за Осипа Андреича, что она этимъ успокоитъ твою старость...

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ, жена! Ни за что не скажу. Вотъ, еслибъ она сама хотѣла выйти за него замужъ, ну, такъ и быть, согрѣшилъ бы, окаянный—сказалъ бы, что мнѣ это пріятно; а то изъ чего? Давай-ка правду говорить: что онъ ей пара, что ль? Не бѣда, если мужъ лѣтъ десять постарше жены,—ну, куда ни шло и пятнадцать! а какъ всѣ двадцать пять наберутся, такъ—ой, ой, ой! Нѣтъ, Марья Никитишна, тутъ не только приказывать, да и совѣтовать-то страшно!..

Марья Никитишна. Такъ ты, мой другъ, не хочешь съ нею поговорить?

Касьянъ Гурьевичъ. Не хочу.

Марья Никитишна. Ну, воля твоя! Ты знаешь, Касьянъ Гурьичъ, я никогда не смѣю съ тобою спорить—и какъ мнѣ ни прискорбно... Охъ!.. *(Берется руками за голову)*.

Касьянъ Гурьевичъ. Что ты?..

Марья Никитишна. Ничего, мой другъ, ничего!—Голова что-то кружится...

Касьянъ Гурьевичъ. Вѣрно, не выспалась?

Марья Никитишна. Я думаю. Конечно, я очень бы желала устроить счастіе нашей дочери; но если

тебѣ не угодно... Охъ!.. *(Прикладываетъ руку къ сердцу).*

Касьянъ Гурьевичъ. Что ты? Что ты?

Марья Никитишна. Такъ, ничего! Обыкновенная моя болѣзнь—біенье сердца.

Касьянъ Гурьевичъ. Не послать ли за докторомъ?

Марья Никитишна. Пройдетъ, мой другъ, пройдетъ!.. Какъ жаль, что Осипъ Андреичъ тебѣ не нравится!

Касьянъ Гурьевичъ. Да не обо мнѣ рѣчь, Марья Никитишна.

Марья Никитишна. А какъ онъ тебя уважаетъ! Какъ любитъ все наше семейство!.. Охъ!..

Касьянъ Гурьевичъ. Что, матушка, біенье-то сердца не перестаетъ?

Марья Никитишна. Нѣтъ, все сильнѣе... Я не смѣю тебѣ противорѣчить; ты знаешь, твоя воля для меня законъ... Но отказать такому жениху... Ой, ой, ой!!! *(У ней начинаетъ подергивать лѣвое плечо).*

Касьянъ Гурьевичъ *(съ большимъ испугомъ).* Матушка! матушка!..

Марья Никитишна. Ничего, пройдетъ!.. Охъ!.. Разстроилъ ты меня, мой другъ!.. Охъ, батюшки!.. Сводитъ ногу... Ой, ой, ой!..

Касьянъ Гурьевичъ. Марья Никитишна! Марья Никитишна!.. Да успокойся!.. Я, право, не думалъ тебя огорчить.

Марья Никитишна *(валяется на канапе и мечется во всѣ стороны).* Охъ, душно! Смерть моя, душно!

Касьянъ Гурьевичъ *(подаетъ ей стаканъ воды).* Вотъ вода—выкушай, мой ангелъ, выкушай!..

Марья Никитишна. Нѣтъ, мой другъ, это не поможетъ... Охъ!.. Что дѣлать, ты не хочешь поговорить съ Варенькой... Охъ!.. Такъ и я ужъ говорить ничего не буду... Охъ, батюшки!.. охъ!..

Касьянъ Гурьевичъ. Другъ мой сердечный,

матушка Марья Никитишна! Вѣдь я это такъ сказалъ— право, такъ!.. Если хочешь, я сейчасъ же съ ней поговорю...

Марья Никитишна. Да, голубчикъ мой Касьянушка, поговори!.. Охъ!.. Дай-ка водицы! *(Пьетъ).*

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, что?

Марья Никитишна. Ухъ!.. Постой, постой, дай отдохнуть! Кажется, крошечку полегче.

Касьянъ Гурьевичъ. Слава Богу!

Марья Никитишна. Охъ, ужъ мнѣ это біенье сердца — замучило!.. Такъ ты, мой другъ, скажешь Варенькѣ?

Касьянъ Гурьевичъ. Скажу, мой ангелъ, скажу!

Марья Никитишна. Она сейчасъ придетъ сюда.. Что это за тяжкая у меня болѣзнь!.. Ты не можешь себѣ представить, что я чувствую!.. Охъ!.. Ужъ какъ бы я хотѣла скрыть отъ тебя — да не могу, никакъ не могу!.. Охъ, батюшки! Охъ!.. Дай-ка еще воды! *(Пьетъ).*

Касьянъ Гурьевичъ. Что, легче тебѣ?

Марья Никитишна. Теперь гораздо легче; сегодняшній припадокъ не очень былъ силенъ... Смотри жъ, душенька, поговори хорошенько съ Варенькою; вразуми эту глупую дѣвочку. Вѣдь ты, если захочешь, такъ говоришь очень краснорѣчиво.

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, Марья Никитишна, кабы ты знала, какъ мнѣ тяжело!

Марья Никитишна *(хватаясь за голову).* Охъ!.

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, хорошо, хорошо, матушка!.. Поговорю, поговорю!.. Да, вотъ, кажется, и Варенька! *(входитъ Варенька).*

Варенька *(цѣлуя руку у Касьяна Гурьевича).* Здравствуйте, папенька!

Касьянъ Гурьевичъ. Здравствуй, мой другъ! Здравствуй! Ну, что, Варенька, тебѣ весело было вчера на балѣ у Чернобыльевыхъ?

Варенька. Нѣтъ-съ!

Касьянъ Гурьевичъ. Какъ нѣтъ? Помилуй, душенька! Чего жъ лучше этого бала? Угощеніе прекрасное, музыка Осипа Андреича Кочьки — отличная музыка! Все наше лучшее общество...

Марья Никитишна. Конечно, общество было прекрасное—первый здѣшній кругъ; смѣси никакой не было—не такъ, какъ у этой княгини Хайбазовой, которая назоветъ всякой дряни, какихъ-то гостей съ того свѣта — отставныхъ офицеровъ, однодворцевъ... Пойдешь польскій съ человѣкомъ порядочнымъ, вдругъ отхлопнетъ тебѣ Богъ знаетъ кто!—Ну, ужъ нечего сказать, не мастерица давать балы.

Касьянъ Гурьевичъ. Однакожъ ты, Варенька, вчера много танцовала?

Варенька. Мнѣ приказала маменька.

Касьянъ Гурьевичъ. И все, кажется, съ Осипомъ Андреичемъ Кочькою?

Варенька (*печальнымъ голосомъ*). Да-съ!

Касьянъ Гурьевичъ. А что, мой другъ, вѣдь онъ очень любезный человѣкъ?

Варенька. Кто? Осипъ Андреевичъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, да!

Варенька. Да-съ, онъ очень вѣжливъ и, кажется, добрый человѣкъ; только мнѣ съ нимъ скучно.

Марья Никитишна. Оттого, что ты глупа.

Касьянъ Гурьевичъ. Марья Никитишна!.. Да отчего же, Варенька, тебѣ съ нимъ скучно?

Варенька. Я и сама не знаю, папенька; онъ такой странный—говоритъ такъ протяжно...

Марья Никитишна. Зато умно, сударыня.

Варенька. А ужъ какъ танцовать съ нимъ неловко! Какой онъ неповоротливый!..

Марья Никитишна. Да, это правда; онъ вовсе не походитъ на какого-нибудь армейскаго поручика, который привыкъ маршировать подъ барабанъ...

Касьянъ Гурьевичъ. Марья Никитишна!!!.. Я замѣтилъ, что онъ много говорилъ съ тобою, Варенька.

Варенька. Да-съ, онъ все говорилъ со мною о

музыкѣ, да такъ странно, что я ничего понять не могла. Онъ увѣрялъ меня, что я смотрю на музыку не съ той точки зрѣнія, что музыка на то, что музыка, а звуки не то, что звуки; что пѣть или играть на какомъ-нибудь инструментѣ не значитъ ни пѣть, ни играть, а только различнымъ образомъ потрясать воздухъ, и что я потрясаю воздухъ очень хорошо, а особливо, когда пою итальянскія аріи...

Касьянъ Гурьевичъ. А по мнѣ, такъ вѣкъ бы ихъ не слышать. То ли дѣло, когда ты поешь русскія пѣсни!..

Марья Никитишна. Ахъ, Касьянъ Гурьичъ! Что у тебя за вкусъ такой!

Касьянъ Гурьевичъ. Да, воля твоя, матушка! Когда Варенька запоетъ: «Душа ль ты моя, душенька, милъ сердечный другъ!» такъ у меня сердце такъ выскочить и хочетъ!

Марья Никитишна (*тихо мужу*). Да что же ты, Касьянъ Гурьичъ?

Касьянъ Гурьичъ. Сейчасъ, сейчасъ! Ну, что, мой другъ Варенька, Осипъ Андреевичъ ничего другого съ тобой не говорилъ?.. (*Варенька молчитъ*). Что же ты молчишь?.. Эге!.. Да ты покраснѣла! Видно, онъ съ тобой не объ одной музыкѣ разговаривалъ? Ну, о чемъ-же онъ еще говорилъ?

Варенька. Я, право, забыла, папенька.

Марья Никитишна. Такъ я за тебя вспомню. Онъ говорилъ тебѣ о любви своей и просилъ позволенія искать твоей руки; я знаю также, что ты ему на это отвѣчала.

Варенька. Да почему жъ вы это знаете, маменька?

Марья Никитишна. Потому, сударыня, что Осипъ Андреичъ человѣкъ благородный, что намѣренія его честны, и что онъ не станетъ скрывать отъ ма-
...что говоритъ съ дочерью: вѣдь это дѣлаютъ
...годии, сорванцы и развратники, кото-
...ъ, что имъ будетъ отказано, ста-

аются, втихомолку, кружить головы неопытнымъ ѣвочкамъ и пріучать ихъ понемногу къ мысли, что ожно выходить замужъ противъ воли отца и матери, го для этого не нужно родительскаго благословенія, го любовь извиняетъ все, и прочее, и прочее... Нѣтъ, ой другъ! Осипъ Андреичъ не таковъ: онъ человѣкъ равственный, онъ не станетъ изъясняться въ любви и одной дѣвушкѣ, не испрося прежде позволенія у і родителей—и тогда, если понравится...

Варенька. А если не понравится, маменька?

Марья Никитишна. Какъ не понравится?.. Да азвѣ такой отличный человѣкъ можетъ не нравиться акой бы то ни было дѣвушкѣ, если только въ ней сть хоть на волосъ здраваго смысла? Одна только ошлая дура откажетъ такому жениху.

Варенька. Такъ я очень глупа.

Марья Никитишна. Вздоръ, вздоръ, сударыня, ы не глупа! Нѣтъ, матушка, тутъ есть что-нибудь ругое!.. Да растолкуй ей, Касьянъ Гурьичъ, что она олжна съ благодарностью принять предложеніе Осипа ндреича.

Касьянъ Гурьевичъ. Въ самомъ дѣлѣ, Варенька. а чтожъ тебѣ не нравится въ Осипѣ Андреичѣ? еловѣкъ онъ смирный, добрый; говорятъ, ученъ такъ, то и сказать нельзя! Конечно, онъ могъ бы быть омоложе, да вѣдь молодость, мой другъ, проходитъ; ты будешь стара.

Марья Никитишна. Разумѣется! Что такое олодость? Вздоръ?

Касьянъ Гурьевичъ. Онъ не красавецъ, однаожъ, и уродомъ его назвать нельзя; а вѣдь мужъ не то другое—къ нему какъ разъ приглядишься; хорошъ и онъ собою, дуренъ ли—все мужъ.

Марья Никитишна. Конечно, конечно! Красота ослѣднее дѣло. Да если правду сказать, такъ сохрани, осподи, имѣть мужемъ красавца, да это наказаніе ебесное! На красавца-то всѣ засматриваться станутъ, эти мужчины... Избави, Господи!.. Повѣрь, мой

другъ, чѣмъ мужъ дурнѣй собою, тѣмъ жена счастливѣй...

Касьянъ Гурьевичъ. Да чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ, Марья Никитишна,—иль я съ молоду-то...

Марья Никитишна. Ну, полно, полно! Тебя только одни усы и красили! Ужъ, конечно, ты никогда не былъ лучше Осипа Андреича. Одѣнь-ка его въ гусарскій мундиръ...

Касьянъ Гурьевичъ. Да! хорошъ будетъ!..

Варенька. Ахъ, маменька, да я объ этомъ совсѣмъ не думаю. Я ни за кого не пойду замужъ — я хочу жить вмѣстѣ съ вами.

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, вотъ слышишь, Марья Никитишна? Чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, если она такъ насъ любитъ...

Марья Никитишна. Пустое, батюшка! Ты мужчина, ты этого не знаешь. Мы всѣ этакъ говоримъ, а дай-ка намъ волю выбирать мужей, такъ завтра же ни въ одной семьѣ взрослой дѣвицы не останется.

Касьянъ Гурьевичъ. Выбирать мужей! Да это отчасти и резонно, Марья Никитишна! Тутъ нельзя безъ выбора — вѣдь женитьба не танцы: кто первый позвалъ, съ тѣмъ и ступай. Нѣтъ, матушка! «Замужъ выходи, а въ оба гляди!»

Марья Никитишна. Откуда берутся у тебя эти пословицы?

Касьянъ Гурьевичъ. А по-твоему что? «Была подъ вѣнцомъ, такъ и дѣло съ концомъ»... Нѣтъ, Марья Никитишна, поживи-ка цѣлый вѣкъ съ мужемъ; а «вѣкъ прожить, не поле перейти»... Что ты, мой другъ, что ты?

Марья Никитишна. Ничего!—Варенька! Тамъ въ спальной, на столикѣ, мой флакончикъ со спиртомъ.

Варенька. Сейчасъ, маменька. *(Уходитъ).*

Марья Никитишна. Помилуй, Касьянъ Гурьичъ, что ты дѣлаешь?

Касьянъ Гурьевичъ. Какъ что?

Марья Никитишна. Ну, то ли ты мнѣ обѣщалъ? Да ты не уговаривалъ, а отговаривалъ ее идти замужъ! Чѣмъ бы тебѣ сказать, что ты этого желаешь, что отъ этого зависитъ твое спокойствіе...

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, матушка! Да развѣ насильно ее тащить подъ вѣнецъ! Вѣдь ты слышала, что она ни за кого идти замужъ не хочетъ.

Марья Никитишна. И ты этому вѣришь? Охъ, вы, мужчины, мужчины! Ну, какъ послѣ этого васъ не обманывать? Да дура та женщина, которая васъ за носъ не водитъ. Видно, ужъ вы на это и Богомъ созданы.

Касьянъ Гурьевичъ. Да почему жъ мнѣ этому не вѣрить?

Марья Никитишна. Почему?.. А вотъ погоди немного!

Касьянъ Гурьевичъ. Воля твоя, матушка, а я думаю...

Марья Никитишна. Тише, тише!.. Она идетъ.

Варенька *(входитъ и подаетъ флакончикъ Марьѣ Никитишнѣ)*. Вотъ вашъ спиртъ, маменька!

Марья Никитишна. Спасибо, мой другъ. *(Нюхаетъ)*. Охъ!.. Какъ мнѣ сегодня тяжело!.. До смерти боюсь... Какъ расходятся нервы—бѣда!.. Мы сейчасъ, Варенька, о тебѣ съ мужемъ говорили. Пріятно намъ видѣть, что ты такъ искренно къ намъ привязана. Касьянъ Гурьичъ убѣдилъ меня, что ты точно изъ любви къ намъ не хочешь ни за кого замужъ—и признаюсь, это меня до души тронуло! Но неужели ты думаешь, что мы согласимся на такое пожертвованіе? Да развѣ мы должны любить дѣтей своихъ для себя? Нѣтъ, Варенька, не такіе мы родители—лишь только бы устроить твое счастіе, а объ насъ, мой другъ, не думай!

Варенька. Но я увѣряю васъ, маменька...

Марья Никитишна. Полно, полно! и слышать не хочу! Да еслибъ мы были такъ безсовѣстны, что ради своего собственнаго удовольствія засадили бы

тебя въ дѣвкахъ, такъ что будутъ говорить всѣ добрые люди? Не станетъ ли весь городъ осуждать насъ? Пожалуй скажутъ, что мы не выдаемъ тебя замужъ, потому что намъ жаль приданаго.

Касьянъ Гурьевичъ. И, матушка! кому въ голову придетъ...

Марья Никитишна. Кому? Всѣмъ, батюшка! Да оно весьма и натурально... Что, въ самомъ дѣлѣ? Всѣ выходятъ замужъ, а лучшая невѣста въ городѣ...

Варенька. Да если, маменька, я сама этого хочу...

Марья Никитишна. Сама! сама!.. Ахъ, матушка, вѣдь не публиковать же намъ въ газетахъ, что ты сама хочешь оставаться въ дѣвкахъ! А еслибъ мы и публиковали, такъ намъ никто не повѣритъ. Что у насъ жениховъ что-ль нѣтъ? Вотъ, напримѣръ: дочери княгини Хайбазовой — ужъ что и говорить! Наказалъ Господь эту гордую женщину: одна дочь кривая, другая кривобокая, третья совсѣмъ уродецъ — а всѣ три вышли замужъ. Да вотъ хоть Машенька, дочь нашего казначея Ивана Ѳедоровича Мушкина. Ну, что она такое? Дѣвочка глупенькая, необразованная, корсета не умѣетъ надѣть порядкомъ, и до сихъ поръ еще не выходила изъ ситцевыхъ платьевъ — и та вчера помолвлена!

Касьянъ Гурьевичъ. Право!.. За кого, матушка?

Марья Никитишна. За сына вотъ этой старушки Холминой.

Касьянъ Гурьевичъ. Неужели? *(Варенька блѣднѣетъ; Марья Никитишна продолжаетъ, какъ будто бы не примѣчая ничего).*

Марья Никитишна. Конечно, не блестящая партія, да и она-то что такое? — Мнѣ сказывала объ этомъ вчера Матрена Карповна Мутовкина, и ужъ какъ мы хохотали! Представь себѣ, мой другъ: люди, кажется, неважные, а вѣдь что затѣяли?.. И сватовство, и помолвка, все дѣлалось секретно: видно, боя-

лись, что такое необычайное происшествіе взволнуетъ городъ, что во всѣхъ церквахъ начнутъ въ колокола звонить. Шутка ли, подумаешь: Марья Ивановна Мушкина выходитъ замужъ!.. Да вѣдь какую важность-то изъ этого дѣлаютъ — государственный секретъ, да и только! Маргарита Саввишна Апенкова ѣздила нарочно спрашивать объ этомъ Ивана Ѳедоровича: такъ онъ и руками, и ногами! Да Матрена Карповна, кажется, будетъ у нихъ посаженою матерью, такъ знаетъ навѣрно. Не правда ли, мой другъ, что это очень походитъ, помнишь, прошлаго года, проѣзжій-то?..

Касьянъ Гурьевичъ. Да, да! Это петербургскій фертикъ, какой-то помощникъ столоначальника, который, чтобъ не потревожить своимъ присутствіемъ мѣстнаго начальства, хотѣлъ непремѣнно проѣхать инкогнито нашъ городъ?.. Какъ не помнить! Да, что ты, Варенька! Отчего ты такъ блѣдна?

Варенька. Ничего, папенька.

Касьянъ Гурьевичъ. А теперь въ краску бросило!

Марья Никитишна (*подавая ей флакончикъ*). Понюхай, мой другъ, понюхай!.. Это такъ! Вчера, видно, туго была зашнурована, много танцовала. Вотъ выйдешь замужъ, такъ станешь больше себя беречь, не для кого будетъ затягиваться, да и танцовать-то не всегда можно будетъ. Послушай, Варенька, другъ мой! Согласись выдти замужъ за Осипа Андреича: ты будешь счастлива, вы станете жить по-барски. Эта гордяшка княгиня Хайбазова, которая теперь трактуетъ тебя какъ дѣвочку, за счастье почтетъ называться твоею пріятельницей, ты будешь первая дама въ нашемъ городѣ, да не только въ нашемъ, ты и въ губерніи-то станешь играть почти первую роль... Статская совѣтница! Мужъ съ плюмажемъ!.. Карета цугомъ!.. (*Тихо мужу*). Да чтожъ ты молчишь?

Касьянъ Гурьевичъ. Да, мой другъ!.. Что, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же вѣчно въ дѣвкахъ оставаться... Конечно, если онъ тебѣ противенъ...

Марья Никитишна. И, что ты, Касьянъ Гурьевичъ! Да можетъ ли это быть? Варенька, подумай хорошенько! Ты этимъ успокоишь нашу старость. Посуди сама: каково намъ видѣть, что даже Машенька Мушкина — и та будетъ пристроена, а ты станешь сидѣть все въ дѣвкахъ, и, можетъ статься, досидишь до того, что тебѣ на балахъ будутъ карточки подавать... Если ты выйдешь за Осипа Андреича, то никогда не разстанешься съ нами: вѣдь онъ здѣшній житель: а какъ выйдешь за другого, такъ еще Богъ вѣсть! Умчитъ тебя за тридевять земель, и мы, на старости, останемся одни-одинехоньки... Варенька! ангелъ мой! утѣшенье наше! согласись! Успокой насъ! *(Варенька плачетъ)*. Да, полно, не плачь, мой другъ! Вѣдь мы не требуемъ, чтобъ ты сейчасъ рѣшилась!

Варенька. Да, маменька!.. Позвольте мнѣ подумать.

Марья Никитишна. Подумай, мой другъ, подумай! Ступай теперь къ себѣ; пора одѣваться. Мы поѣдемъ сегодня съ визитомъ къ Мурашкинымъ, а оттуда надобно будетъ проѣхать къ Пѣшехонцевой...

Касьянъ Гурьевичъ. Да заверните хоть на минуту къ Марьѣ Филипповнѣ Ерпковой. Вѣдь она ужъ разъ десять у насъ была.

Марья Никитишна. Такъ чтожъ?.. Ахъ, батюшки! Да неужели ей считаться съ нами визитами?.. Вотъ забавно!

Касьянъ Гурьевичъ. Жена! Гордымъ Богъ противится...

Марья Никитишна. Знаю, батюшка, знаю!.. Только, воля твоя, ужъ если всякая губернская секретарша будетъ требовать...

Касьянъ Гурьевичъ. Да закинь ей хоть карточку!

Марья Никитишна, Ну, хорошо! Если успѣю. Пойдемъ, Варенька!

III.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

Касьянъ Гурьевичъ остался одинъ; онъ велѣлъ закладывать дрожки, чтобъ отправиться осмотрѣть пожарную команду, и закурилъ свою пѣнковую трубку. Кто коротко зналъ всѣ привычки этого добраго старика, тотъ могъ легко отгадать, смотря на его пріемы при куреніи табаку, въ хорошемъ ли онъ, или дурномъ расположеніи духа. Когда Касьянъ Гурьевичъ бывалъ всѣмъ доволенъ, и душа его была спокойна, то обыкновенно курилъ свой кнастеръ съ прохладой и разстановкою, затягивался, глоталъ съ наслажденіемъ табачный дымъ, и выпускалъ его ртомъ и носомъ, тихо, ровно и безъ всякихъ порывовъ; когда же Касьяна Гурьевича тревожила какая-нибудь непріятная мысль, то онъ вовсе не упивался ароматическимъ дымомъ порторико, а просто дулъ изо всей силы въ чубукъ и поминутно... Какъ бы мнѣ описать вамъ это дѣйствіе?.. Это особеннаго рода прищелкиванье губами, которому нѣтъ названья на нашемъ языкѣ? Впрочемъ, я думаю, можно по звукоподражанію назвать это дѣйствіе: *пуханьемъ*. Итакъ, всякій разъ, когда Касьянъ Гурьевичъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и курилъ, то жегъ безъ милосердія свой кнастеръ, и пухалъ безпрестанно. На этотъ разъ пѣнковая трубка Касьяна Гурьевича походила на огнедышащую гору: изъ нея летѣли искры, сыпался пепелъ, и въ полминуты горница наполнилась такимъ густымъ дымомъ, что съ трудомъ можно было различать предметы.

Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? — шепталъ онъ себѣ подъ носъ: — да мы почти насильно выдаемъ ее замужъ... пухъ!!. Пристали съ ножомъ къ горлу!.. пухъ, пухъ!!.. Конечно, онъ малый добрый... пухъ!.. смиренный, съ хорошимъ состояніемъ... а все онъ ей неровня!.. Сорокъ-пять лѣтъ!.. пухъ, пухъ!.. Она дѣвочка веселая, живая, а онъ тяжелъ, мямля... пухъ,

пухъ, пухъ, пухъ!.. Охъ, жена, жена! Кабы не ты, ни за чтобы на свѣтѣ... пухъ, пухъ!.. Ну, что, если мы погубимъ Вареньку?.. Ну, какъ она не станетъ любить своего мужа?.. Зачахнетъ съ горя... умретъ прежде васъ... пухъ, пухъ, пухъ, пухъ, пухъ!..

— Алексѣй Андреичъ Чернобылинъ,—сказалъ слуга, растворивъ двери кабинета.

— Проси!

Вотъ, черезъ минуту подъѣхала къ крыльцу четырехъ-мѣстная карета, брякнули подножкою, зашумѣл въ передней; вотъ раздалось ужасное пыхтѣнье въ столовой, затрещали половыя доски и какое-то существо, среднее между человѣкомъ и годовалымъ быкомъ, ввалилось въ кабинетъ Касьяна Гурьевича. Представьте себѣ мужчину лѣтъ сорока, почти круглаго, несмотря на то, что онъ по росту годился бы въ гренадерскую роту любого гвардейскаго полка. Конечно, въ нашей сытной и хлѣбной Россіи каждый помѣщикъ, живущій въ отставкѣ, имѣетъ полное право быть толще и здоровѣе того, кто ѣстъ въ день только по два раза и чѣмъ-нибудь занимается; нельзя также сказать, чтобъ наше почтенное дворянство не пользовалось этимъ правомъ; но Алексѣй Андреевичъ Чернобылинъ перешелъ всѣ возможныя границы. Говорятъ, будто бы въ его застегнутый жилетъ свободно помѣщалось человѣкъ до трехъ. Это необъятное туловище оканчивалось небольшою круглою головой съ раздутыми щеками, маленькими глазами, вздернутымъ кверху носомъ и огромнымъ ртомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ задыхался, и никогда не могъ смѣяться безъ того, чтобъ не поперхнуться и не захрипѣть, какъ будто бы у него въ горлѣ остановилась кость. Онъ очень любилъ говорить о политикѣ; выписывалъ всѣ русскіе журналы и гамбургскія газеты; игралъ недурно въ шахматы и отлично хорошо въ бостонъ. Это были его любимыя занятія. Иногда, для разнообразія, господинъ Чернобылинъ присоединялъ къ этимъ занятіямъ еще одно весьма

пріятное времяпрепровожденіе: онъ билъ хлопушкою мухъ и кормилъ изъ своихъ рукъ грецкими орѣхами индѣйскихъ пѣтуховъ. Говоря объ особенностяхъ, которыми отличался Чернобылинъ отъ другихъ дворянъ города Бабкова, нельзя не упомянуть объ его щегольствѣ: онъ одѣвался съ большою роскошью, выписывалъ свои фраки изъ Москвы, ходилъ всегда въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ; на его толстыхъ пальцахъ блистали драгоцѣнные перстни, часы висѣли на жемчужномъ шнуркѣ съ брильянтовою застежкой; въ манишку онъ втыкалъ всегда булавку, украшенную прекраснымъ изумрудомъ, который нѣкогда, въ видѣ фермуара, составлялъ часть приданаго жены его, урожденной княжны Чухаловой; онъ славился особенно своими дорогими жилетами изъ турецкихъ шалей, разнообразіемъ своихъ золотыхъ табакерокъ, великимъ множествомъ янтарныхъ мундштуковъ и огромностію своихъ пѣнковыхъ трубокъ. Вообще, всѣ жители города Бабкова, за исключеніемъ двухъ или трехъ вольнодумцевъ, имѣли высокое понятіе объ умственныхъ способностяхъ Алексѣя Андреевича и весьма уважали его мнѣніе.

Когда Чернобылинъ, войдя въ кабинетъ Костоломова, пропыхтѣлъ: «Здравствуйте, батюшка Касьянъ Гурьевичъ!» и хозяинъ усадилъ его на канапе, то между ними начался слѣдующій разговоръ:

Чернобылинъ *(задыхаясь)*. Уфъ, батюшки!.. Смерть моя!.. Уфъ!.. Ну, что, Касьянъ Гурьичъ, какъ ваше здоровье?.. Уфъ!

Касьянъ Гурьевичъ. Слава Богу! А ваше, Алексѣй Андреичъ?

Чернобылинъ. Да, такъ! ни то, ни се... Уфъ, батюшки! совсѣмъ задохся!.. Ну, высоконька у васъ лѣстница... уфъ!

Касьянъ Гурьевичъ. Помилуйте! всего пять ступеней.

Чернобылинъ. Такъ, видно, крута очень... на силу, на силу одолѣлъ... Уфъ, батюшки!.. уфъ!

Касьянъ Гурьевичъ. Что это, Алексѣй Андреичъ, ужъ не одышка ли у васъ?

Чернобылинъ. Я ужъ и самъ не знаю; точно, иногда вотъ такъ духъ и захватитъ!.. уфъ!.. Что за диковинка такая!.. Чувствую самъ, батюшка, каждый день становлюсь тяжеле, а кажется отчего бы?.. Человѣкъ я не старый, болѣзни никакой нѣтъ, желудокъ дѣйствуетъ исправно; вотъ хоть сегодня, напримѣръ, подали мнѣ на завтракъ пирогъ съ курицей... ну, ужъ пирогъ!.. Изъ слоенаго тѣста, съ начинкою изъ срацинскаго пшена!.. Я отрѣзалъ ломтикъ—съѣлъ... другой, третій — думаю себѣ: да «отстань ты, проклятый!» — Нѣтъ! такъ въ ротъ самъ и лѣзетъ!.. Вотъ пришелъ приказчикъ; я съ нимъ о томъ, о семъ, а самъ межъ тѣмъ ломтикъ за ломтикомъ, глядь-поглядь—анъ одна исподняя корочка осталась! Вотъ подали мнѣ заливной осетрины, да еще кой-чего другого: чтожъ вы думаете, сударь?.. все до тла съѣлъ! — И теперь хоть за то-же!

Касьянъ Гурьевичъ. Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ не прикажете ли? У меня есть свиная головка...

Чернобылинъ. Съ фаршемъ?.. Прошу покорно!.. Съ моимъ удовольствіемъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Эй, малый!.. *(входитъ человѣкъ)*. Завтракать!..

Чернобылинъ. Да, сударь, да! Благодарю моего Создателя — желудокъ у меня хорошо дѣйствуетъ, очень хорошо! И еслибъ не тягость и не эта окаянная одышка, то я былъ бы еще молодецъ-молодцомъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Ну, что, Алексѣй Андреичъ, сегодня, кажется, газетный день: что новенькаго?

Чернобылинъ. Охъ, Касьянъ Гурьичъ, не говорите! Плохо, очень плохо!

Касьянъ Гурьевичъ. Что такое?

Чернобылинъ. Да такъ! Не хорошо, сударь,— больно не хорошо!

Касьянъ Гурьевичъ. Ахъ, батюшки! да что *такое?*

Чернобылинъ *(поглядпвъ вокругъ себя и вполголоса)*. Во Франціи не спокойно!

Касьянъ Гурьевичъ. Во Франціи?

Чернобылинъ. Да, сударь, да! Такая идетъ свалка, что упаси, Господи!.. Партія противъ партіи! Вольтеріанцы противъ якобинцевъ, военные противъ статскихъ—одинъ кричитъ: «Давай намъ-то», другой кричитъ: «Давай намъ это!»—Кто за Бонапарта, кто за короля—а ужъ пуще-то всѣхъ кричатъ какіе-то ултры...

Касьянъ Гурьевичъ. Ултры? Что это за люди такіе?

Чернобылинъ. Должно-быть, какіе-нибудь республиканцы—кто ихъ знаетъ! Только больно шумятъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Прошу покорно!.. Да что, иль имъ война-то не надоѣла?

Чернобылинъ. Видно, что нѣтъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Экій безпокойный народъ, подумаешь! Съ ними никто не дерется—такъ они другъ друга въ ножи!

Чернобылинъ. Да, сударь, да! Ну, что ты будешь дѣлать? Повѣрите ль, батюшка, Касьянъ Гурьичъ, ужъ я ломаю, ломаю себѣ голову—Господи Боже мой!—да чего же они, проклятые, хотятъ?

Касьянъ Гурьевичъ. И, Алексѣй Андреичъ! видно, ужъ натура такая!

Чернобылинъ. Да почему жъ у нихъ такая натура?

Касьянъ Гурьевичъ. Почему? Народъ народу не указъ, Алексѣй Андреичъ! Вотъ, напримѣръ: медокъ—вино и шампанское—вино, да медокъ-то вино смирное, а шампанское бурлитъ: чуть посогрѣлось—и пробка вонъ: ужъ такая у него натура!..

Чернобылинъ. Понимаю, батюшка, понимаю!

Касьянъ Гурьевичъ. Вотъ такъ-то и французы: пока были на морозѣ, такъ ни гугу; а лишь только поотогрѣлись, такъ и ну бурлить! Да провались они ставши! Какое намъ до нихъ дѣло?

Чернобылинъ. Какъ, батюшка, какое? Конечно, вы политикой не занимаетесь, а меня, такъ, признаюсь, это чрезвычайно безпокоитъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Охота вамъ, Алексѣй Андреичъ! Да пусть себѣ на чужомъ дворѣ собаки грызутся—свои бы только не дрались! Скажите-ка лучше, что у васъ новенькаго? Нѣтъ ли производства или перемѣны какой?

Чернобылинъ. Какъ же! Очень много! Нашему губернскому полиціймейстеру—Владиміра въ петлицу.

Касьянъ Гурьевичъ. Право?

Чернобылинъ. Губернатору — Анну черезъ плечо.

Касьянъ Гурьевичъ. Слава Богу!.. Добрый человѣкъ нашъ губернаторъ—добрый.

Чернобылинъ. Новый гражданскій предсѣдатель...

Касьянъ Гурьевичъ. Что вы говорите?.. Такъ стараго-то такъ же, какъ и предсѣдателя уголовной палаты...

Чернобылинъ. Да! милости просимъ—въ чистую

Касьянъ Гурьевичъ. Вотъ что! И то сказать, покутили порядкомъ.

Чернобылинъ. Говорятъ, такой былъ переборъ въ губерніи, что и старики не запомнятъ. Его превосходительство Максимъ Петровичъ Зоринъ, этотъ генералъ, что прислали изъ Петербурга, шутить не любитъ; началъ во все входить, узналъ все въ тонкость, да и пошелъ коверкать: того подъ судъ, другого въ отставку.

Касьянъ Гурьевичъ. Такъ онъ человѣкъ строгій?

Чернобылинъ. У!! Избави, Господи! А, говорятъ, справедливъ. Чуть кто этакъ не чистенекъ на руку—хоть будь статскій совѣтникъ, на ногахъ уморитъ, а какой-нибудь оберъ-офицеръ—только честный человѣкъ, такъ не знаетъ, куда посадить!

Касьянъ Гурьевичъ. Дай Богъ ему здоровья!

Чернобылинъ. Вамъ ужъ вѣрно извѣстно, Касьянъ Гурьичъ, что его превосходительство завернетъ проѣздомъ въ нашъ городъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Какъ же, знаю.

Чернобылинъ. Вы слышали также, что онъ остановится у моего тестя, князя Чухалова.

Касьянъ Гурьевичъ. Слышалъ.

Чернобылинъ. Они свои межъ собою—и я заранѣе могу васъ увѣрить, что все, что будетъ зависѣть отъ моего тестя...

Касьянъ Гурьевичъ. Покорнѣйше васъ благодарю; впрочемъ, я надѣюсь, его превосходительству не за что будетъ гнѣваться.

Чернобылинъ. Такъ, конечно! Но вы знаете: у кого нѣтъ злодѣевъ? Онъ же человѣкъ новый... захочетъ узнать, довольны ли всѣ градоначальникомъ?.. Въ какомъ онъ отношеніи съ здѣшнимъ дворянствомъ?.. Это же будетъ, такъ сказать, въ семейномъ кругу... за чашкой чаю... Эхъ, Касьянъ Гурьичъ! вѣдь первое-то впечатлѣніе очень важно!.. А, кстати, какъ вы располагаете?.. Его превосходительство Максимъ Петровичъ Зоринъ пробудетъ здѣсь, вѣроятно, не болѣе двухъ дней: первый день онъ кушаетъ у тестя моего, а на другой не мѣшало бы дать обѣдъ отъ всего дворянства.

Касьянъ Гурьевичъ. Почему же нѣтъ.

Чернобылинъ. Съ музыкой, съ пѣвчими. Столъ можетъ быть у васъ въ домѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. Очень радъ.

Чернобылинъ. Я думаю, не лишнее будетъ, если мы сегодня вечеромъ соберемся къ вамъ для совѣщанія.

Касьянъ Гурьевичъ. Прошу покорно.

Марья Никитишна *(въ шали и шляпкѣ съ перьями входитъ поспѣшно въ кабинетъ)*. Не стыдно ли тебѣ, мой другъ!.. Ахъ, Алексѣй Андреичъ!

Чернобылинъ *(приподымаясь съ канапе)*. Честь имѣю кланяться!.. уфъ!

Марья Никитишна. Здоровы ли вы?

Чернобылинъ. Слава Богу!.. Жена моя просила вамъ сказать... *(Двое слугъ вносятъ завтракъ; одинъ изъ нихъ несетъ на блюдѣ огромную свиную голову; глаза у Чернобылина начинаютъ блистать)!..* Батюшки, какой зубъ [1])! Да это кабанъ, точно, кабанъ!.. И съ фаршемъ?

Касьянъ Гурьевичъ. А вотъ попробуйте!

Чернобылинъ. Позвольте, позвольте. *(Садится къ завтраку и впивается въ свиную голову).*

Марья Никитишна *(Касьяну Гурьевичу)*. Ну, боишься ли ты Бога, мой другъ?.. Я ужъ узнала отъ постороннихъ, что, можетъ-быть, завтра пріѣдетъ къ намъ этотъ генералъ, котораго прислали изъ Петербурга.

Касьянъ Гурьевичъ. Да я самъ только сейчасъ узналъ объ этомъ.

Марья Никитишна. И тебѣ не стыдно?.. Начальникъ города!.. Ахъ, Касьянъ Гурьичъ! какъ ты безпеченъ!.. Что еслибъ я за тебя обо всемъ не думала!.. Да знаешь ли ты, по крайней мѣрѣ, что онъ остановится у князя Петра Ильича?

Касьянъ Гурьевичъ. Знаю, матушка.

Марья Никитишна. Чтожъ ты сидишь дома? Ступай скорѣй къ князю!

Касьянъ Гурьевичъ. Зачѣмъ мой другъ?

Марья Никитишна. Зачѣмъ?.. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ну, Касьянъ Гурьичъ, какъ это могъ ты дослужиться до полковниковъ?..

Касьянъ Гурьевичъ. Такъ же, какъ и всѣ добрые люди, матушка: служилъ вѣрою и правдою царю земному, молился Царю небесному, да по милости Божіей никогда не кривилъ душою.

Марья Никитишна *(почти съ презрѣніемъ)*. И ты называешь это службою?.. Бѣдненькій! Ну, нечего дѣлать, сиди дома; я поѣду одна къ князю Петру Ильичу. Видно, ужъ такая моя участь—все я, да я!

---

[1]) *Охотничье* названіе приготовленной извѣстнымъ образомъ *свиной* головы.

Слуга *(растворивъ обѣ половинки дверей)*. Его сіятельство князь Петръ Ильичъ.

Марья Никитишна. Проси скорѣй, проси! *(Мужу)*. Да извинись хоть передъ нимъ!

Я перерву на нѣсколько минутъ общій разговоръ, чтобъ познакомить васъ съ княземъ Чухаловымъ. Этотъ представитель Бабковской аристократіи былъ худощавый, небольшого роста старикъ, лѣтъ шестидесяти. Самою рѣзкою чертою его физіономіи былъ огромный грузинскій носъ, который онъ набивалъ безпрестанно французскимъ табакомъ. Подъ тѣнью этого носа улыбались уста, исполненныя спеси и какого-то душевнаго самодовольствія. Князь Петръ Ильичъ чувствовалъ, что онъ первый человѣкъ въ городѣ, и что въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно не имѣетъ соперника; даже Осипъ Андреевичъ Кочька, несмотря на свой чинъ и богатство, садился ниже его за столомъ, и первый снималъ шляпу, когда встрѣчался съ нимъ на улицѣ. Князь Чухаловъ увѣрялъ всѣхъ, что нѣкогда онъ былъ совершеннымъ красавцемъ; что его южные глаза, его жемчужные зубы и волнистые черные волосы были предметомъ удивленія и зависти всѣхъ мужчинъ, гибелью и бѣдствіемъ всѣхъ женщинъ. И подлинно, глаза его были еще исполнены жизни; но о зубахъ и волосахъ нельзя было сказать ничего достовѣрнаго, потому что у него не было вовсе переднихъ зубовъ, а на затылкѣ мотался, въ видѣ пучка, одинъ только клочекъ сѣдыхъ волосъ, остальная же часть головы была гладка и чиста какъ билліардный шаръ. Въ одеждѣ своей князь Петръ Ильичъ придерживался нѣсколько старины: онъ не надѣвалъ уже французскихъ шитыхъ кафтановъ, но никакъ не хотѣлъ промѣнять своего камзола на модный жилетъ; носилъ кружевныя манжеты и пудрилъ свою косичку.

Князь Чухаловъ входитъ скорыми шагами въ комнату; огромный носъ его пылаетъ какъ раскаленная головня, изъ-подъ сѣдыхъ бровей сверкаютъ гнѣвные глаза, а напудренная косичка стоитъ дыбомъ.

Касьянъ Гурьевичъ *(идя къ нему навстрѣчу)*. Ахъ, ваше сіятельство! Милости просимъ!

Чухаловъ *(отрывисто)*. Слуга покорный, слуга покорный!..

Марья Никитишна. А мы сейчасъ сбирались къ вамъ ѣхать.

Чухаловъ *(не обращая вниманія на слова Марьи Никитишны)*. Позвольте узнать, Касьянъ Гурьичъ: по вашему ли приказанію взятъ на съѣзжую мой человѣкъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ, князь! Его взяли потому, что онъ прибилъ часового.

Чухаловъ. Часового? То-есть будочника?.. Но дѣло не въ томъ: до меня дошелъ слухъ, что вы хотите наказать его.

Касьянъ Гурьевичъ. Да, князь.

Марья Никитишна *(тихо мужу)*. Что ты! Что ты, мой другъ!

Чухаловъ. Такъ это правда!.. Такъ вамъ не угодно было уважить даже и того, что этотъ человѣкъ мой камердинеръ?

Касьянъ Гурьевичъ. Я очень жалѣю объ этомъ; но обязанность моя по службѣ...

Чухаловъ *(вспыльчиво)*. Ваша обязанность, сударь, успокоивать здѣшнее дворянство.

Касьянъ Гурьевичъ *(начиная терять терпѣніе)*. Позвольте ужъ, ваше сіятельство, знать мнѣ самому, въ чемъ состоятъ мои обязанности.

Марья Никитишна *(мужу)*. Касьянъ Гурьичъ!.. Послушайте, князь!..

Чухаловъ *(съ возрастающимъ гнѣвомъ)*. Помилуйте! Что это? Такое самоуправство!.. Безъ всякаго уваженія къ лицамъ... къ званію!.. Да этакъ лучше жить въ Муромскомъ лѣсу...

Касьянъ Гурьевичъ. Что вы это, князь, что вы?

Чухаловъ. Въ послѣдній разъ, Касьянъ Гурьичъ, я прошу васъ—сію же минуту отпустить моего человѣка.

Касьянъ Гурьевичъ. Не отпущу, князь!

Чухаловъ. Такъ я требую этого!

Касьянъ Гурьевичъ *(разсердясь)*. Да чтожъ вы, въ самомъ дѣлѣ, ваше сіятельство!..

Марья Никитишна. Полно, мой другъ, полно! Не безпокойтесь, князь! Вашего человѣка сейчасъ отпустятъ... Это ошибка, недоразумѣніе! . Всѣ эти глупости надѣлалъ частный приставъ... Эй! кто-нибудь! *(Входитъ слуга)*. Бѣги скорѣе на съѣзжій дворъ; скажи, чтобъ сію минуту выпустили человѣка князя Петра Ильича! *(Слуга уходитъ)*.

Касьянъ Гурьевичъ. Помилуй, матушка! Этого нельзя сдѣлать.

Марья Никитишна *(мужу)*. Перестань, Бога ради!.. Прошу покорно садиться, князь! Да полноте! Не гнѣвайтесь на моего мужа!.. Еслибъ вы знали, какъ онъ васъ уважаетъ...

Чухаловъ *(смягчась)*. Я самъ также очень уважаю Касьяна Гурьича... и, признаюсь, для меня было такъ странно...

Касьянъ Гурьевичъ. Помилуйте, да что тутъ страннаго? Вашъ человѣкъ буянилъ: его взяли въ полицію, накажутъ...

Чухаловъ. Какъ, сударь? Такъ вы еще думаете!..

Марья Никитишна *(тихо мужу)*. Да чтожъ ты? Уморить, что-ль, меня хочешь?..

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, матушка!..

Марья Никитишна *(хватаясь за голову)*. Боже мой!.. Опять голова!..

Касьянъ Гурьевичъ *(испугавшись)*. Ну, ну, хорошо! Только сдѣлайте милость, князь, унимайте этого разбойника!

Марья Никитишна. Полно, мой другъ! Что

объ этомъ говорить! Скажите, князь: вашъ родственникъ, генералъ Зоринъ, непремѣнно будетъ завтра?

Чухаловъ. Безъ всякаго сомнѣнія. Я каждую минуту жду передовыхъ. *(Нюхаетъ табакъ)*. Не прикажете ли? Отличный!.. Настоящій Раппе!..

Марья Никитишна. Скажите, вы ужъ, кажется, видѣлись съ вашимъ родственникомъ въ губернскомъ городѣ?

Чухаловъ. Какъ-же! Мы съ нимъ свои по женѣ... *(Нюхаетъ табакъ)*.

Марья Никитишна. Вѣдь она, кажется, ему двоюродная сестрица?

Чухаловъ. Да! . почти!.. *(Опускаетъ два пальца въ табакерку и, переминая ими табакъ, говоритъ протяжно)*. Надобно вамъ доложить, когда я былъ въ губерніи, и его превосходительство изволилъ объявить мнѣ, что осчастливитъ своимъ пріѣздомъ нашъ городъ, то я сказалъ ему: «Батюшка-братецъ! Надѣюсь, что вы нигдѣ не остановитесь, кромѣ моего дома». Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Да, да! Я знаю, у кого остановиться!» Я сталъ благодарить: тутъ онъ опять изволилъ улыбаться, и заговорилъ съ губернаторомъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ... Ахъ, Марья Никитишна!.. Что за умный человѣкъ Максимъ Петровичъ!.. Ну, ужъ голова!.. диковинная!

Чернобылинъ *(утираясь салфеткою)*. Подлинно, диковинная: я этакихъ свиныхъ головъ въ жизнь мою не видывалъ!

Чухаловъ. Здравствуй, Алексѣй Андреичъ!

Чернобылинъ. А, батюшка! Вы здѣсь? Пожалуйте-ка сюда! Отвѣдайте этой свиной головки! Ну, Касьянъ Гурьичъ: вамъ честь и слава!

Касьянъ Гурьевичъ. Очень радъ! Кушайте на здоровье!

Чернобылинъ. Потрудился бы еще, батюшка,
—душа не принимаетъ—не могу!.. Вотъ развѣ
—ой икорки: она смотритъ что-то больно

Въ эту самую минуту появился новый гость. Осипъ Андреевичъ Кочька вошелъ поспѣшно въ комнату; по всему было замѣтно, что онъ прискакалъ съ важными вѣстями. Вмѣсто того, чтобъ поклониться каждому поодиночкѣ и сказать какое-нибудь привѣтствіе, онъ не кивнулъ даже никому головою. Бантикъ его бѣлаго галстука былъ на сторонѣ; фракъ, который онъ застегивалъ обыкновенно на четыре пуговицы, былъ застегнутъ только на двѣ, и что всего страннѣе, половина головы его была намомажена, а другая нѣтъ. Однимъ словомъ, все доказывало, что онъ торопился сообщить Касьяну Гурьевичу о какомъ-то необычайномъ происшествіи, и отправился изъ дому, не кончивъ порядкомъ своего туалета. Осипъ Андреевичъ Кочька остановился посреди комнаты, и, молча, поглядѣлъ вокругъ себя. Это неслыханное нарушеніе неизмѣнныхъ его правилъ, это таинственное молчаніе поразило всѣхъ присутствующихъ. Чернобылинъ чуть-чуть не подавился кускомъ паюсной икры; князь не донесъ до своего носа полновѣсную щепоть табаку, Марья Никитишна поблѣднѣла, а Касьянъ Гурьевичъ вскричалъ съ ужасомъ: «Боже мой! Что такое случилось?»

Осипъ Андреевичъ (*значительнымъ голосомъ*). Касьянъ Гурьичъ!.. Касьянъ Гурьичъ!.. Странныя вещи бываютъ на свѣтѣ!

Марья Никитишна. Да что такое сдѣлалось?

Осипъ Андреевичъ. Что такое? А вотъ что, Марья Никитишна! Я думаю, что такого рода встрѣча, случай или обстоятельство заставитъ, то-есть приневолитъ, или лучше сказать, вынудитъ всякаго...

Марья Никитишна. Ахъ, Боже мой! Да говорите скорѣе.

Осипъ Андреевичъ. Приготовьтесь! Это извѣстіе поразитъ васъ удивленіемъ, срѣжетъ съ ногъ, перемѣшаетъ всѣ ваши понятія—и, такъ сказать...

Касьянъ Гурьевичъ. Тьфу пропасть!.. Да что вы душу-то тянете?—Говорите проворнѣй!

Осипъ Андреевичъ. Вы вѣрно ожидаете завтра Максима Петровича Зорина?..

Чухаловъ. Ахъ, батюшки! Неужели онъ пріѣхалъ?

Осипъ Андреевичъ. Нѣтъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Такъ отмѣнилъ свое намѣреніе побывать въ нашемъ городѣ?

Осипъ Андреевичъ. Нѣтъ.

Марья Никитишна. Такъ чтожъ такое?

Осипъ Андреевичъ. Это такъ странно, такъ чуждо всѣхъ приличій; я вижу въ этомъ такое отсутствіе или, лучше сказать, нарушеніе всѣхъ общественныхъ условій...

Марья Никитишна. Да это несносно!.. Осипъ Андреичъ!..

Осипъ Андреевичъ. Повѣрите ли, Марья Никитишна, я совершенно теряюсь въ моихъ соображеніяхъ, не понимаю, постичь не могу...

Касьянъ Гурьевичъ *(съ укоризною)*. Ну, что, жена?.. Да будетъ ли, сударь, конецъ? Скажете ли вы?

Осипъ Андреевичъ. Позвольте, позвольте! Сейчасъ скажу! Передовые Максима Петровича Зорина пріѣхали.

Чухаловъ. Что вы говорите?.. А меня нѣтъ дома! *(Хватаетъ свою шляпу).*

Осипъ Андреевичъ *(останавливая его)*. Не безпокойтесь! Его превосходительство остановится не у васъ.

Чухаловъ *(съ ужасомъ)*. Не у меня!..

Чернобылинъ *(вставая)*. Вотъ тебѣ разъ!..

Касьянъ Гурьевичъ. Да гдѣ же онъ остановится?..

Осипъ Андреевичъ. Отгадайте!

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, полноте! Говорите скорѣе!

Осипъ Андреевичъ. Попробуйте, отгадайте.

Марья Никитишна *(съ досадою)*. Это ужасно!.. Да вы мучитель, Осипъ Андреичъ, да скажете ли вы?..

Осипъ Андреевичъ. Его превосходительство становится... у Холмина!!!

Марья Никитишна. Что вы говорите?

Чухаловъ. Возможно ли? У этого отставного поучика?

Осипъ Андреевичъ. Да.

Касьянъ Гурьевичъ. Почти за заставою?

Осипъ Андреевичъ. Да.

Чернобылинъ. Въ этой избушкѣ на курьихъ ножахъ?

Осипъ Андреевичъ. Да.

Марья Никитишна *(вскрикиваетъ)*. Не можетъ ыть!..

Чухаловъ. Да, да! Не можетъ быть! Это ошибка, едоразумѣніе!..

Частный приставъ *(входитъ торопливо въ комату)*. Касьянъ Гурьичъ! Честь имѣю донести: переэвые его превосходительства, генерала Зорина, прiыли въ городъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Гдѣ они остановились?..

Приставъ. У Ивана Алексѣича Холмина. *(Торэественное молчаніе)*.

Чернобылинъ *(утирая платкомъ лобъ)*. Уфъ, атюшки!.. Ну!!!

Чухаловъ. Да почему жъ онъ остановился у гого офицерика?

Приставъ. Я узналъ стороною, что Иванъ Алесѣичъ былъ при немъ адъютантомъ.

Касьянъ Гурьевичъ. Вотъ что?.. Такъ это ещь очень натуральная... Куда вы, князь?..

Чухаловъ. Извините! Это до такой степени странно, то я хочу самъ увѣриться. *(Кланяется и поспѣшно ходитъ)*.

Марья Никитишна. Очнуться не могу! Такая есть! и кому?

Касьянъ Гурьевичъ. И, матушка! Да чѣмъ же Холминъ хуже людей? Малый добрый, служилъ прерасно...

Осипъ Андреевичъ. И образованъ порядочно— поотсталъ немного отъ вѣка, не имѣетъ глубокой учености; однакоже читалъ.

Марья Никитишна. Эхъ, полноте, Осипъ Андреичъ!.. Конечно, старушка-мать его женщина добрая... Я давно уже хотѣла ее провѣдать; кажется, она нездорова?

Чернобылинъ. Вѣрно поѣла грибковъ? Вѣдь она большая постница.

Марья Никитишна *(мужу)*. Какъ ты думаешь, мой другъ: она женщина бѣдная, недужная, а навѣстить бѣднаго все то же, что милостыню подать. Заверну я къ ней на минуточку?

Касьянъ Гурьевичъ. Съ Варенькой?

Марья Никитишна. Нѣтъ, нѣтъ! Одна.

Осипъ Андреевичъ. Позвольте мнѣ быть вашимъ провожатымъ?

Марья Никитишна. Сдѣлайте милость!

Чернобылинъ. Заѣхать и мнѣ къ этой старушкѣ: я ужъ давно сбираюсь попросить у нея записки, какъ солить огурцы: говорятъ, будто бы она этого дѣла мастерица... Прощайте, батюшка Касьянъ Гурьичъ! Не забудьте, вечеромъ мы все-таки къ вамъ сберемся потолковать о дворянскомъ обѣдѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. Прошу покорно! *(Чернобылинъ, Марья Никитишна и Осипъ Андреевичъ уходятъ).*

Касьянъ Гурьевичъ *(частному приставу)*. А я съ тобой отправлюсь осмотрѣть пожарную команду.

Приставъ. Слушаю-съ! Да позвольте доложить: я не выпускалъ еще человѣка князя Петра Ильича, и если вы прикажете, такъ теперь можно...

Касьянъ Гурьевичъ. Нѣтъ, братецъ! На этотъ разъ такъ и быть: только ужъ если попадется въ другой разъ...

Приставъ *(кланяясь)*. Слушаю-съ! *(Отворяетъ двери и уходитъ вслѣдъ за Касьяномъ Гурьевичемъ).*

IV.

Совѣщаніе.

Еслибъ вамъ случилось, въ 1816 году, мая 23 числа, проѣзжать черезъ городъ Бабковъ, то вы могли бы подумать, что въ немъ жители—природные голландцы, которые, какъ всѣмъ извѣстно, сдуваютъ съ улицъ и домовъ каждую пылинку, и съ утра до вечера моютъ все, исключая своихъ рукъ. Нельзя было пройти двухъ шаговъ, не задохнувшись отъ пыли: она валила столбомъ изъ-подъ сотни метелъ и вѣниковъ, которыми не подметали, а почти полировали мостовую главной улицы города Бабкова. Въ одномъ мѣстѣ вырывали тощую траву, которая пробивалась кой-гдѣ между голышей; въ другомъ, подкрашивали подъ-дубъ дубовыя ворота; на одномъ домѣ бѣлили мѣломъ закопченыя трубы, на другомъ подновляли почернѣвшую кровлю; вездѣ вставлялись разбитыя стекла, и на всемъ протяженіи Дворянской улицы не осталось ни одного окна съ бумажною заплатой. Всѣ эти приготовительныя работы производились подъ надзоромъ второго частнаго пристава, Кондратья Ѳомича Дергунова, человѣка весьма аккуратнаго и неутомимаго блюстителя уличной чистоты и наружнаго благообразія обывательскихъ домовъ. Сверхъ того, по домашнему распоряженію городового брантмейстера, въ нѣсколькихъ мѣщанскихъ домахъ, въ которыхъ печи оказались неблагонадежными, запрещено было, впредь до приказанія, готовить кушанье. Это необычайное движеніе, эта жизнь на Бабковскихъ улицахъ усиливалась безпрестанными разъѣздами каретъ, дрожекъ и колясокъ, которыя сновали отъ одного конца города до другого; большая часть изъ нихъ останавливалась подлѣ свѣтлаго и чистаго домика, съ зелеными ставнями. У воротъ его стоялъ полицейскій чиновникъ, и трое пожарныхъ солдатъ поливали изъ трубы песчаную площадку, которая тянулась отъ дома до самой заставы. Я думаю, читатели сейчасъ отгадаютъ, что

въ этомъ домѣ жилъ Холминъ съ своею старушкою-матерью. Квартальный офицеръ, приставленный *ради почета* и порядка, не дозволялъ ни одному крестьянину съ возомъ останавливаться вблизи отъ будущей квартиры его превосходительства, и безпрестанно разгонялъ зѣвакъ, которые, съ непокрытыми головами и открытыми ртами, толпились кругомъ дома и заглядывали въ открытыя окна.

Касьянъ Гурьевичъ былъ человѣкъ прямодушный, любилъ все дѣлать на чистоту, и ни за чтобы не сталъ пускать пыль въ глаза и продавать свой товаръ лицомъ, для того только, чтобъ выслужиться передъ высшимъ начальствомъ; но онъ любилъ какъ душу свой городъ Бабковъ, и не ради чего другого, а просто изъ любви къ нему, хотѣлъ имъ же похвастаться передъ Максимомъ Петровичемъ Зоринымъ. Онъ рядилъ и одѣвалъ его точь-въ-точь, какъ добрый отецъ рядитъ и охорашиваетъ свою дочь, готовясь показать ее въ первый разъ жениху. Касьянъ Гурьевичъ вовсе не хлопоталъ о томъ, чтобъ ему сказали спасибо; лишь только бъ городъ-то похвалили, лишь только бъ генералъ Зоринъ ахнулъ и проговорилъ съ удивленіемъ: «Въ жизнь мою я не видывалъ такого уѣзднаго города!» Впрочемъ, надобно сказать правду, ему и въ голову не приходило выщипывать траву на улицахъ и красить подъ-дубъ дубовыя ворота. Это было сдѣлано такъ же, какъ и многое другое, по распоряженію Марьи Никитишны, которая въ теченіе дня нѣсколько разъ отдавала изустныя приказанія обоимъ частнымъ приставамъ.

Вся эта уличная хлопотня и движеніе не значили ничего передъ суматохою, которая началась въ присутственныхъ мѣстахъ; вотъ тамъ-то ужъ подлинно было свѣту представленіе! Чиновники земскаго суда, уѣзднаго суда и казначейства города Бабкова были люди довольно порядочные; взяточниками ихъ назвать было не можно, потому что если они брали, такъ брали очень умно и осторожно; никто на нихъ не

жаловался, всѣ ихъ любили, и только иногда люди злорѣчивые, которые терпѣть не могутъ заведеннаго порядка, поговаривали межъ собой: «Экое, дескать, имъ счастье валитъ! Уѣздный судья завелъ себѣ деревеньку, лѣсничій выстроилъ три домика, казначей купилъ тысячу десятинокъ земли съ разными угодьями, а капитанъ-исправникъ — вотъ экономъ-то, подумаешь! скопилъ отъ жалованья тысячъ пятьдесятъ, да за дочерью далъ въ приданое тридцать». Охъ, эти злые языки! Ну, чему тутъ дивиться? Извѣстное дѣло: людямъ должностнымъ все въ прокъ идетъ. Конечно, есть исключенія, но они довольно рѣдки. «Кто Богу не грѣшенъ!»—говорилъ покойный нашъ земскій засѣдатель, Ѳома Ѳедоровичъ Куроцаповъ; — «да и то сказать», прибавлялъ онъ всегда:—«мірская-то шея толста; вали на нее что хочешь! Съ брата по копѣйкѣ, анъ глядишь сотня набѣжитъ, и себя не забудешь, и ихъ не раззоришь». Кажется, послѣ этого, чего было бояться чиновникамъ города Бабкова; а вѣдь ни на одномъ изъ нихъ лица не было. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ замѣтна была необычайная дѣятельность. Одни поскабливали нумерацію въ настольныхъ реестрахъ, другіе вписывали въ протоколъ заднимъ числомъ судейскія опредѣленія; нескрѣпленныя книги скрѣплялись; присутственные столы покрывались новымъ сукномъ; вмѣсто помадныхъ банокъ, явились на всѣхъ столахъ стеклянныя чернильницы; бутылки съ сальными свѣчами замѣнились мѣдными чистыми подсвѣчниками; отъ подъячихъ перестало пахнуть виномъ; повытчики выбрили свои бороды, а у секретарей лица сдѣлались совершенно человѣческими.

Больше всего хлопоталъ бабковскій казначей Иванъ Ѳедоровичъ Мушкинъ; ему должно было пополнить наличную сумму казначейства, изъ котораго онъ позаимствовался недѣльки на двѣ тремя тысячами рублей. Иванъ Ѳедоровичъ рѣдко дозволялъ себѣ подобные займы, но на этотъ разъ былъ вынужденъ крайнею необходимостью: онъ выдавалъ замужъ старшую дочь

Машеньку. «Такъ поэтому Марья Никитишна сказала правду? Холминъ, точно, былъ помолвленъ на казначейской дочери?» — Нѣтъ! — «Такъ Марья Никитишна солгала?»—Нѣтъ!—«Да какъ же это можетъ быть?»— А вотъ увидите! Конечно, другому бы это и въ голову не вошло, но вѣдь Марья Никитишна была женщина необыкновенная, и такая тонкая дипломатка, что — упаси, Господи! Напримѣръ, она терпѣть не могла княгиню Хайбазову, а посмотрѣли бы вы ее вмѣстѣ съ княгинею — ну, просто другъ задушевный. Такъ въ душу и вьется!.. Да что и говорить! Умна была покойница.

Наконецъ, прошелъ этотъ суматошный день. Передовые объявили, что его превосходительство Максимъ Петровичъ Зоринъ прибудетъ въ городъ нé прежде, какъ на другой день, часу въ шестомъ утра. Разумѣется, исправникъ поскакалъ на границу уѣзда, чтобъ встрѣтить его превосходительство; а Касьянъ Гурьевичъ на всякій случай надѣлъ мундиръ и выслалъ верхомъ одного пожарнаго урядника на большую дорогу, верстъ за пять отъ городской заставы. Часу въ седьмомъ вечера стало сбираться въ домѣ градоначальника все лучшее дворянство города Бабкова. Одинъ князь Чухаловъ не захотѣлъ присутствовать на этомъ чрезвычайномъ собраніи: онъ такъ разгнѣвался на своего *батюшку братца*, что рѣшился сказаться больнымъ, и уговаривалъ своего зятя сдѣлать то-же; но тотъ, какъ человѣкъ должностной, не могъ его послушаться. Я забылъ вамъ сказать, что Алексѣй Андреевичъ Чернобылинъ исправлялъ должность бабковскаго уѣзднаго предводителя.

Теперь я прошу моихъ читателей перенестись вмѣстѣ со мною въ столовую комнату Касьяна Гурьевича Костоломова; въ нее собрались уже для совѣщанія всѣ первые дворяне города Бабкова. Хозяина вы знаете, Чернобылина и Осипа Андреевича Кочьку также; но мнѣ должно васъ познакомить съ тремя *остальными* бабковскими дворянами, а именно: съ Пахомомъ

Пахомовичемъ Мурашкинымъ, Яковомъ Ѳедоровичемъ Апенковымъ и Сергѣемъ Степановичемъ Мутовкинымъ. Я люблю во всемъ наблюдать чинопочитаніе, и потому начну съ перваго.

Отставной бригадиръ Пахомъ Пахомовичъ Мурашкинъ, пожилой человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, болѣе плотный, чѣмъ дородный, въ военномъ мундирѣ и красномъ камзолѣ съ золотымъ шитьемъ, въ петлицѣ золотой крестикъ на георгіевской лентѣ. Лицо довольно добродушное, отвислый подбородокъ, прищуренные глаза, круглый, толстый носъ и длинная коса. Пахомъ Пахомовичъ очень любилъ старину, ненавидѣлъ все новое, и твердо стоялъ въ томъ, что лучшее произведеніе иностранныхъ писателей. «Маркизъ Глаголь», а русской словесности: «Арфаксадъ, халдейская повѣсть».

Коллежскій совѣтникъ Яковъ Ѳедоровичъ Апенковъ, мужчина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, круглолицый, рябой, въ широкомъ фракѣ и плисовыхъ сапогахъ. Онъ слылъ весьма добрымъ человѣкомъ и, подлинно, Яковъ Ѳедоровичъ не дѣлалъ никому зла, ни съ кѣмъ не ссорился, на дворянскихъ выборахъ клалъ всѣмъ безъ исключенія бѣлые шары, и всегда соглашался съ мнѣніемъ всѣхъ вообще и каждаго по-одиночкѣ. Яковъ Ѳедоровичъ говорилъ очень протяжно, особенно потому, что у него была болѣзнь, что ль, какая, или привычка — право не знаю, только онъ не могъ никогда говорить безъ того, чтобъ поминутно не прерывать самого себя; сказавъ словъ пять сряду, онъ всегда кашлялъ, или чихалъ, или плевалъ, или захлебывался.

Надворный совѣтникъ Сергѣй Степановичъ Мутовкинъ человѣкъ не старый, но необычайно худой и тщедушный. На тонкой и длинной его шеѣ, какъ на шпилѣ, вертится маленькая, всегда улыбающаяся головка, съ красноватыми глазами, надъ которыми вовсе нѣтъ бровей. Говорятъ, будто бы онъ обладаетъ въ высокой степени даромъ слова, и что его краснорѣчіе было бы

увлекательно, еслибъ онъ могъ сдерживать порывы своей необычайной чувствительности; но, къ несчастію, онъ до того трогается собственными своими словами, что никогда не можетъ кончить начатой рѣчи. Сергѣй Степановичъ написалъ когда-то похвальное слово русскому дворянству, съ тѣмъ, чтобъ произнести его публично. Нельзя не упомянуть о странной судьбѣ этого сочиненія, которое, вопреки желанію автора, осталось навсегда неизвѣстнымъ для его современниковъ. Каждое трехлѣтіе, по окончаніи выборовъ, Сергѣй Степановичъ вставалъ съ своего мѣста, кланялся на всѣ четыре стороны и начиналъ:

«Да позволено будетъ мнѣ предъ лицомъ почтеннѣйшаго собранія всей нашей губерніи излить мою душу!..»

Тутъ, обыкновенно, голосъ его начиналъ преры вается; глаза наполнялись слезами, и онъ продолжалъ:

«О, благородное русское дворянство! О, почтеннѣйшее сословіе мужей знаменитыхъ!..»

Больше этого онъ никогда не говорилъ, потому что начиналъ рыдать, и объявлялъ, всхлипывая, всему благородному дворянству, что онъ отъ избытка чувствъ продолжать не можетъ.

Познакомивъ васъ съ дѣйствующими лицами, я снова уступаю имъ сцену. Ахъ, извините! чуть было не забылъ сказать, что они сидятъ вокругъ большого стола, на которомъ стоитъ чернильница и лежитъ нѣсколько листовъ бумаги, и что въ двухъ шагахъ отъ нихъ сидитъ, за рабочимъ столикомъ, какъ прокуроръ за отдѣльнымъ столомъ своимъ, Марья Никитишна Костоломова.

Чернобылинъ. Милостивые государи! Всѣмъ извѣстно, что завтрашняго числа прибудетъ въ нашъ городъ его превосходительство Максимъ Петровичъ Зоринъ.

Мурашкинъ. Ну, да! Мы всѣ это знаемъ.

Чернобылинъ. Намъ извѣстно также, что онъ проживетъ здѣсь три дня...

Мурашкинъ. Четыре.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Извините! Я могу, то-есть имѣю право сказать съ нѣкоторою достовѣрностію, что онъ пробудетъ здѣсь пять дней.

Чернобылинъ. А я вамъ говорю: три!

Апенковъ. И я тоже слышалъ, что онъ пробудетъ у насъ дня три или четыре, а можетъ-быть... (*Чихаетъ*).

Чернобылинъ. Отъ кого вы это слышали?

Апенковъ. Отъ кого-съ?.. Право, не могу вамъ доложить, а кажется... (*Захлебывается и кашляетъ*).

Осипъ Андреевичъ Кочька. Вы это слышали отъ меня.

Чернобылинъ. Это неправда.

Мутовкинъ (*привставая*). Да позволено мнѣ будетъ...

Касьянъ Гурьевичъ. Э, полноте, господа! Рѣчь не о томъ, долго ли у насъ проживетъ его превосходительство...

Мурашкинъ. Конечно! Дѣло идетъ о томъ, чтобъ угостить его порядкомъ.

Чернобылинъ. Да, милостивые государи, не прилично будетъ, если здѣшнее дворянство не дастъ ему обѣда.

Мутовкинъ. Конечно, конечно! Пріѣздъ такой важной особы долженъ быть ознаменованъ какимъ-нибудь торжествомъ и потому (*привставая*) да позволено мнѣ будетъ...

Чернобылинъ. Позвольте, позвольте! Итакъ рѣшено: мы даемъ обѣдъ?

Осипъ Андреевичъ Кочька. Я беру смѣлость замѣтить вамъ слѣдующее: такъ какъ этотъ обѣдъ будетъ офиціальный, то-есть торжественный, и даже нѣкоторымъ образомъ дипломатическій, то намъ слѣдовало бы пригласить на совѣщаніе всѣхъ здѣшнихъ дворянъ, имѣющихъ голоса.

Чернобылинъ. Да, мнѣ кажется, что выключая моего тестя, который нездоровъ, да Ивана Алексѣевича Холмина, которому теперь не до насъ...

Осипъ Андреевичъ Кочька. Помилуйте! А Ѳома Прохоровичъ Телушкинъ.

Чернобылинъ. И, что вы, Осипъ Андреичъ! Телушкинъ!.. Телушкинъ дворянинъ малодушный; всего тридцать душъ по послѣдней ревизіи.

Осипъ Андреевичъ Кочька. А Филиппъ Кондратьевичъ Ериковъ?

Мурашкинъ. Вотъ еще! Да Ериковъ-то дворянинъ вовсе бездушный: три дворовыя души, да и тѣ женины.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Такъ знаете ли что?.. Для приглашенія къ обѣденному столу намъ должно будетъ нарядить депутацію къ его превосходительству...

Чернобылинъ. Такъ неужели послать этихъ однодворцевъ?

Осипъ Андреевичъ Кочька. О, нѣтъ! Они могутъ быть ассистентами.

Чернобылинъ. Мы это увидимъ. И такъ послѣ завтра обѣдъ—разумѣется, парадный, въ мундирахъ, и если господамъ дворянамъ угодно будетъ довѣрить мнѣ...

Касьянъ Гурьевичъ. Вамъ, батюшка! Вамъ и книги въ руки—накормить ваше дѣло—не правда ли, господа?

Всѣ. Совершенная правда!

Мутовкинъ *(вставая)*. Да позволено мнѣ будетъ отъ лица всего нашего собранія *(всѣ встаютъ)* просить васъ, Алексѣй Андреевичъ, принять на себя эту обязанность. *(Прерывающимся голосомъ)*. Смѣю васъ увѣрить, что чувства благодарности... душевно-искренней благодарности... *(всхлипываетъ)* призна...тельныхъ сер...децъ, всего благороднаго... Баб...ковскаго... дво...рянства... *(Плачетъ)*.

Апенковъ *(утирая платкомъ глаза)*. Чувствительно!.. очень чувствительно! *(Сморкаетъ носъ)*.

Чернобылинъ *(кланяясь)*. Милостивые государи! Я чувствую всю честь... Такая лестная довѣ-

ренность!.. Прошу покорно садиться! *(всѣ садятся).* Господа дворяне! я вамъ ручаюсь за всѣ блюда; но объ одномъ мы должны потолковать. Извѣстно всѣмъ и каждому, что хорошій столъ, то-есть столъ на славу, долженъ заключать, въ числѣ своихъ блюдъ, хотя одно рыбное блюдо. Прошу обратить ваше вниманіе на это важное обстоятельство — что будетъ приличнѣе: разварныя стерляди или осетрина подъ галантиромъ?

Мурашкинъ. Позвольте, позвольте! Мы, конечно, желаемъ употчевать пріѣзжаго гостя, но всему есть мѣра—вѣдь мы живемъ не на Волгѣ! Свѣжая осетрина, стерляди!.. Да вы этакъ вкатите въ такую сумму, что придется по всему уѣзду раскладку дѣлать!

Апенковъ. Да-съ, это затруднительно... *(Плюетъ)* очень затруднительно.

Чернобылинъ *(съ досадою).* Но я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что это блюдо необходимо.

Апенковъ. Конечно, если необходимо, такъ мнѣ кажется... *(Чихаетъ).*

Мурашкинъ. Нѣтъ, батюшка! осетрина у насъ кусается—да и къ стерлядямъ приступу нѣтъ.

Чернобылинъ. Такъ изъ чего же прикажете сдѣлать рыбное блюдо?

Мурашкинъ. Какъ изъ чего? Вотъ, напримѣръ, судакъ, свѣжая сазанина...

Чернобылинъ *(съ ужасомъ).* Сазанина?.. Боже мой! Сазанина!!! Пахомъ Пахомычъ!.. Что вы?.. Отпотчевать его превосходительство сазаниной!..

Апенковъ *(испугавшись).* Да-съ, неловко! Осмѣлюсь доложить... сазанина—рыба ординарная... *(кашляетъ)* точно, неловко.

Касьянъ Гурьевичъ. Эхъ, господа! есть о чемъ спорить! Извольте: я жертвую вамъ двухъ стерлядей!

Чернобылинъ. Живыхъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Животрепящихъ! Изъ моего садка.

Чернобылинъ. Трехъ-четвертныхъ!

Касьянъ Гурьевичъ. Аршинныхъ!

Чернобылинъ (*вскакивая со стула*)! Господа! принесемте нашу благодарность почтеннѣйшему Касьяну Гурьичу! (*Всѣ встаютъ и кланяются*).

Касьянъ Гурьевичъ (*откланиваясь*). Помилуйте, господа!.. очень радъ!..

Чернобылинъ. Итакъ, теперь все улажено; остается поговорить о музыкѣ и пѣвчихъ, которые будутъ играть и пѣть во время обѣденнаго стола. Осипъ Андреичъ, конечно, не откажетъ намъ въ своемъ пособіи?.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Вся моя капель, то-есть инструментальная и вокальная музыка, къ вашимъ услугамъ.

Чернобылинъ. Какъ вы думаете, Осипъ Андреичъ, не мѣшало бы спѣть что-нибудь такое?.. Знаете, вотъ этакъ приличное обстоятельствамъ и собственно особѣ его превосходительства...

Осипъ Андреевичъ Кочька. Понимаю, понимаю! Вотъ, напримѣръ, польскій: «Хвала, хвала тебѣ, герой, что градъ Петровъ спасенъ тобой!» Тутъ можно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, то-есть поправки,—пропѣть, напримѣръ: «Хвала, хвала тебѣ, герой, что градъ Бабковъ спасенъ тобой!»

Мутовкинъ. Прекрасно, прекрасно!.. (*Чихаетъ*).

Апенковъ. Да позволено мнѣ будетъ сказать: я нахожу это весьма приличнымъ.

Мурашкинъ. Извините, батюшка, а по мнѣ такъ вовсе неприлично.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Почему жъ неприлично?

Мурашкинъ. Да такъ, сударь! Вѣдь я старый служивый, и эту азбуку-то знаю! Неловко, батюшка, право, неловко!

Осипъ Андреевичъ Кочька. Да почему?

Мурашкинъ. А вотъ изволите видѣть: во-первыхъ, герои обыкновенно бываютъ фельдмаршалы, или, по крайней мѣрѣ, полные генералы, а Максимъ Петро-

вичъ...

Осипъ Андреевичъ Кочька. Помилуйте, Пахомъ Пахомычъ! Да герой все герой, какого бы онъ класса ни былъ.

Мурашкинъ. Вотъ извольте нынче поговорить! Вотъ они молодые-то люди! Ну, что вы это забили себѣ въ голову—а?—Эхъ, Осипъ Андреичъ! Нехорошо, право нехорошо!

Осипъ Андреевичъ Кочька. Да позвольте! Героизмъ достоинство, или, лучше сказать, чувство индивидуальное, которое въ отношеніи своемъ къ общимъ понятіямъ о храбрости не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, коихъ соприкосновеніе развиваетъ внезапно всю энергію человѣческой воли, слѣдовательно, и не подходитъ подъ условныя выраженія силы, власти и могущества — и есть, такъ сказать, чувство чисто-объективное, доступное для всякаго.

Апенковъ *(тихо Мутовкину)*. Уменъ, очень уменъ!

Мутовкинъ *(также тихо)*. Да, и сладко говоритъ!

Мурашкинъ. Да чтожъ вы, въ самомъ дѣлѣ? Такъ по-вашему и будочникъ можетъ быть героемъ?

Осипъ Андреевичъ Кочька. Я не отвергаю этого.

Мурашкинъ. Извольте прислушать! Вотъ какова нынѣшняя молодежь!.. Имъ все трынъ трава!

Касьянъ Гурьевичъ. Это бы ничего, а вотъ что не годится: «Хвала тебѣ, герой, что градъ Бабковъ спасенъ тобой». Да отъ чего-же онъ спасалъ нашъ городъ?

Осипъ Андреевичъ Кочька. Это ужъ такъ говорится.

Касьянъ Гурьевичъ. Что говорится — помилуйте! Французы у насъ не были. Бабковъ городъ благополучный, повальныхъ болѣзней никакихъ нѣтъ...

Апенковъ. Да-съ! *(Кашляетъ)*. Не выходитъ!

Мурашкинъ. Да и музыка-то пополамъ съ грѣхомъ, ну что хорошаго: «Хвала да хвала», и больше

ничего! Нѣтъ, господа! Не лучше ли придержаться старины, вотъ, напримѣръ: «Громъ побѣды раздавайся»—съ припѣвомъ: «Славься симъ, Екатерина! Славься, нѣжная къ намъ мать!»

Чернобылинъ. А что вы думаете?

Мурашкинъ. Да ужъ повѣрьте мнѣ, нынѣшняя-то музыка дрянь!.. А бывало, какъ хватятъ этотъ польскій съ трубами да литаврами... о, Господи!.. свѣту Божьяго не взвидишь.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Да стихи-то какъ вы передѣлаете?

Мурашкинъ. Эка важность! Вѣдь можно же было градъ Петровъ назвать градомъ Бабковымъ? А тутъ вмѣсто: «Славься симъ, Екатерина! Славься, нѣжная къ намъ мать» — можно пропѣть: «Славься симъ, Максимъ Петровичъ».

Осипъ Андреевичъ Кочька. Такъ!.. Да второй-то стихъ?

Мурашкинъ. Ну, чтожъ? Развѣ нельзя какъ-нибудь перевернуть? Вотъ напримѣръ: «Славься, благодѣтельный начальникъ... Славься, знаменитый мужъ»—и, да мало ли чего нельзя придумать! Была-бы только охота!

Осипъ Андреевичъ Кочька. Конечно, и если мнѣ этимъ заняться...

Чернобылинъ. Такъ займитесь, Осипъ Андреичъ! Музыка ваша, пѣвчіе ваши, возьмите ужъ и это на себя!

Осипъ Андреевичъ Кочька. Извольте! Я это все сдѣлаю съ моимъ капельмейстеромъ.

Чернобылинъ. Ну, господа дворяне! Теперь, кажется, почти все кончено. Завтра я самъ депутатомъ отъ всего дворянскаго сословія; Телушкинъ и Ериковъ ассистентами; обѣдъ послѣзавтра въ три часа, въ мундирахъ; музыка, пѣвчіе — «Громъ побѣды раздавайся» и разварныя стерляди. Теперь надобно рѣшить: гдѣ долженъ быть обѣденный столъ? *(Марья Никитишна встаетъ съ своего мѣста и подходитъ).*

Касьянъ Гурьевичъ. Да объ этомъ, кажется, ужъ говорено.

Марья Никитишна. Разумѣется, у насъ.

Мурашкинъ. Позвольте, я нахожу это не вовсе приличнымъ?

Касьянъ Гурьевичъ. Неприличнымъ? Почему неприличнымъ?

Мурашкинъ. Во-первыхъ, потому, что этотъ обѣдъ даетъ генералу Зорину не мѣстное начальство, а здѣшнее дворянское сословіе; слѣдовательно, и обѣдъ долженъ быть данъ въ частномъ дворянскомъ домѣ...

Марья Никитишна. Что вы, Пахомъ Пахомычъ! Да развѣ мой мужъ не дворянинъ?

Мурашкинъ. Я не говорю этого, помилуйте!.. Но онъ человѣкъ должностной, служитъ отъ короны и живетъ въ казенномъ домѣ. Вотъ Осипъ Андреичъ того же мнѣнія.

Марья Никитишна (*Кочькѣ*). Какъ, сударь? Такъ и вы?..

Осипъ Андреевичъ Кочька. Да, да, Марья Никитишна, — я думаю... полагаю... мнѣ кажется... что тутъ больше будетъ аналогіи... то-есть приличія; къ тому-же мой домъ просторнѣе вашего — зала несравненно болѣе—въ два свѣта, съ хорами...

Марья Никитишна. Вашъ домъ! Такъ въ вашемъ домѣ...

Чернобылинъ. Да, Марья Никитишна! Осипъ Андреичъ самъ вызвался, и если вамъ сказать правду—такъ и мнѣ кажется, что это будетъ лучше.

Марья Никитишна (*Кочькѣ*). Прекрасно! Ну, Осипъ Андреичъ,—не ожидала я...

Касьянъ Гурьевичъ. По мнѣ, господа, все равно, какъ хотите.

Чернобылинъ. Да вотъ всего лучше, пойдемте на голоса. Я и Пахомъ Пахомычъ избираемъ для обѣда домъ Осипа Андреича. (*Мутовкину*). Теперь не угодно ли вамъ?

Мутовкинъ. Я также нахожу домъ Осипа Андреича удобнѣе; но... *(Встаетъ)*. Да позволено мнѣ будетъ при семъ случаѣ объявить торжественно почтеннѣйшему Касьяну Гурьичу, что еслибъ не польза общественная... для которой я готовъ пожертвовать не только внутреннимъ моимъ желаніемъ, но даже... но даже... да, господа... жизни моей не пощажу! *(Всхлипывая)*. Все принесу въ даръ ей—все... *(Плачетъ)*.

Чернобылинъ *(Апенкову)*. Ну, что скажете вы, Яковъ Ѳедорычъ?

Апенковъ. Кто? Я-съ?.. *(Кашляетъ)*. Осмѣлюсь доложить... мнѣ кажется... конечно, въ разсужденіи обширности... и по уваженію двухъ свѣтовъ... и относительно хоръ... впрочемъ, и здѣсь отличный домъ-съ... Конечно... зала безъ кумпала, — зато и полы крашеные-съ, и плафонъ росписной... и все-съ!..

Мурашкинъ. Да полноте мямлить, батюшка! Говорите на чистоту: гдѣ быть обѣду? Здѣсь или у Осипа Андреича?

Апенковъ. Гдѣ-съ?... По...озво...льте! *(Сбирается чихнуть)*.

Мурашкинъ. Да говорите! *(Апенковъ махаетъ рукой, и начинаетъ чихать, плевать, кашлять и сморкать носъ)*.

Касьянъ Гурьевичъ. Да изъ чего вы хлопочете, господа? Конечно, у Осипа Андреича просторнѣе, и я очень радъ.

Марья Никитишна *(тихо мужу)*. Что ты, мой другъ, что ты?

Чернобылинъ. И такъ единогласно—обѣденный столъ назначается въ домѣ Осипа Андреича Кочьки. *(Встаетъ)*. Господа, засѣданіе кончено! Теперь за дѣло... *(Кочькѣ)*. Не угодно ли вамъ со мною, Осипъ Андреичъ? Мы заѣдемъ къ вамъ, взглянемъ на кухню, а тамъ ко мнѣ потолковать кой о чемъ.

Осипъ Андреевичъ Кочька. Очень хорошо.

Мурашкинъ *(Апенкову и Мутовкину)*. Вы, ка-

жется, хотѣли сегодня, господа, ко мнѣ на бостончикъ?

Апенковъ и Мутовкинъ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Мурашкинъ. Такъ чтожъ терять золотое времячко? Не угодно ли со мной — я въ четвероместной. *(Всѣ гости цѣлуютъ одинъ за другимъ руку у Марьи Никитишны, откланиваются и уходятъ).*

Марья Никитишна. Ну!!! Хорошъ будущій зятекъ!.. Сынтриговалъ противъ насъ!.. Эхъ, еслибъ не семьсотъ душъ!.. Ну, дѣлать нечего!.. А ты, мой другъ, безотвѣтный, тебѣ все равно!..

Касьянъ Гурьевичъ. И, матушка! «Кума съ воза, возу легче!» Ну, что за бѣда!..

Марья Никитишна. Какъ что за бѣда? Да я ужъ всему городу сказала, что генералъ Зоринъ будетъ обѣдать у насъ въ домѣ.

Касьянъ Гурьевичъ. А теперь скажи, что онъ будетъ обѣдать у Осипа Андреича.

Марья Никитишна. Мнѣ ничего, совершенно ничего! Но мнѣ обидно за тебя, мой другъ. И этотъ дуракъ Кочька! Да чего онъ хочетъ? Къ чему онъ подличаетъ? Что онъ въ службѣ, что-ль?

Касьянъ Гурьевичъ. Полно, матушка Марья Никитишна! Ты знаешь, я за него не заступа, а тутъ онъ вовсе не виноватъ: это общее желаніе всѣхъ дворянъ.

Марья Никитишна *(размышляя).* Впрочемъ... да, да!.. Мы еще увидимъ!.. Такъ и быть! Унижу себя!.. Но только во что бы ни стало, а ужъ эти господа дворяне будутъ съ носомъ!.. Эй! человѣкъ! *(Входитъ слуга).* Готова ли карета?

Слуга. Готова, сударыня.

Марья Никитишна. Прощай, мой другъ!

Касьянъ Гурьевичъ. Да куда ты ѣдешь, Машенька?

Марья Никитишна. Къ Холминой. *(Уходитъ).*

V.

Максимъ Петровичъ Зоринъ.

Двадцать-четвертаго мая 1816 года, часу въ восьмомъ утра, надъ городомъ Бабковымъ блистало весеннее солнце во всей красотѣ своей. Окружныя рощи и поля оглашались пѣньемъ беззаботныхъ птичекъ; онѣ купались и ныряли въ тепловато-влажномъ воздухѣ, напитанномъ жизнію, вились надъ вершинами зеленѣющихъ деревьевъ, или гонялись за пестрыми бабочками, которыя перепархивали съ травки на травку и прятались между цвѣтовъ. Казалось, все въ природѣ наслаждалось самымъ очаровательнымъ майскимъ утромъ. Одни жители города Бабкова не замѣчали, какъ ясны голубыя небеса, какъ чистъ и животворенъ воздухъ, которымъ они дышатъ. Не видѣли, какой радостью и весельемъ преисполнено все созданіе Божіе; какъ все, отъ полевого цвѣтка до столѣтняго дуба, отъ незамѣтной букашки до ширококрылаго орла, празднуетъ на прощальномъ пиру красавицы-весны и готовится встрѣчать даровитое лѣто, съ его знойными небесами и громовыми тучами. Бабковскимъ жителямъ было не до того: его превосходительство Максимъ Петровичъ Зоринъ изволилъ прибыть въ городъ и принималъ всѣхъ чиновниковъ, дворянъ и первостатейное купечество въ небольшой столовой комнатѣ, въ которой нельзя было пошевелиться отъ ужасной тѣсноты.

Максимъ Петровичъ Зоринъ, съ которымъ вы еще не знакомы, былъ человѣкъ истинно достойный уваженія, честный, справедливый, готовый на всякое доброе дѣло и въ то-же время понимающій, что доброе дѣло тогда только бываетъ добрымъ, когда оно основано на справедливости; что помиловать закоренѣлаго взяточника потому только, что онъ посѣдѣлъ не на службѣ, а на разбоѣ, который онъ называетъ службою, то-же самое, что оставить волка на овчарнѣ или *позволить* ему выйти вонъ съ честію потому только,

что этотъ волкъ давно уже душитъ овецъ. Максимъ Петровичъ всегда жалѣлъ, что нѣтъ закона, которымъ бы предписывалось, для поясненія послужныхъ списковъ, отдавать каждому ясный и подробный отчетъ, на какія деньги куплено имъ благопріобрѣтенное имѣніе, выстроенъ домъ, или изъ чего составился капиталъ, который у него въ оборотѣ. — Во-первыхъ, — говорилъ Максимъ Петровичъ,—любопытно и полезно было бы знать, какіе способы употреблялъ такой-то предсѣдатель, совѣтникъ, городничій или секретарь, чтобъ удесетярить въ нѣсколько лѣтъ свое имѣніе; а во-вторыхъ, и наука бы отъ этого много выиграла: собраніе послужныхъ списковъ составило бы самый полный курсъ политической и частной экономіи. Максимъ Петровичъ, несмотря на свою ненависть ко всѣмъ злоупотребленіямъ, былъ иногда очень снисходителенъ къ *маленькимъ* воришкамъ, но зато ужъ *большимъ* не было отъ него никакой пощады: въ этомъ случаѣ онъ придерживая русской пословицы: «не гонись за простымъ воромъ, а лови атамана». Максимъ Петровичъ былъ очень простъ въ обращеніи, и терпѣть не могъ торжественныхъ встрѣчъ, торжественныкъ обѣдовъ, а пуще всего торжественныхъ рѣчей.

Я описалъ вамъ всѣ хорошія качества Зорина; теперь надобно сказать нѣсколько словъ объ его недостаткахъ: онъ былъ вспыльчивъ и чрезвычайно недовѣрчиваго характера. Иногда самое обыкновенное слово казалось ему двусмысленнымъ, и, можетъ-быть отъ излишней неувѣренности въ самомъ себѣ, онъ готовъ былъ видѣть насмѣшку тамъ, гдѣ ея вовсе не было. Эта раздражительность характера и совершенная неспособность отшучиваться надѣлали ему много хлопотъ и непріятностей, когда онъ служилъ еще гусарскимъ корнетомъ, и стоялъ въ Виленской губерніи. Надобно вамъ сказать, что Максимъ Петровичъ, какъ и всѣ добродушные люди, чрезвычайно любилъ дѣтей; случилось ему однажды взять на руки трехлѣтняго сына своей хозяйки; онъ такъ долго нянчился съ нимъ по

комнатѣ, что одинъ изъ офицеровъ назвалъ его шутя: «нѣжною матерью». Эта нѣжная мать, съ огромными черными усами, показалась очень забавною другимъ офицерамъ: они стали смѣяться, Максимъ Петровичъ началъ сердиться; они, какъ водится, принялись смѣяться еще болѣе; Максимъ Петровичъ взбѣленился— и дѣло кончилось тѣмъ, что весь полкъ сталъ называть его «нѣжною матерью». Бывало, только и слышно: «кому идти завтра въ караулъ?»—Нѣжной матери!— «Кого распекъ сегодня полковой командиръ!» — Нѣжную мать!.. Максимъ Петровичъ выходилъ изъ себя, ссорился и даже стрѣлялся—все было напрасно. Нигдѣ эти прозванія не прививаются такъ легко къ собственнымъ именамъ, какъ у насъ въ Россіи; въ старину это бывало сплошь—загляните только въ родословную книгу, и вы сейчасъ увидите сотни прозваній, одно другого глупѣе: вотъ, напримѣръ, хоть въ родѣ Засѣкиныхъ: «Князь Юрій Сорока-Хромой, князь Михайло Черный Совка» — или въ родѣ Шаховскихъ: «Князь Василій Хапала, князь Семенъ Харя, князь Матвѣй Бабушка». Зоринъ рѣшился, наконецъ, отправиться на Кавказъ, служилъ отлично и возвратился назадъ въ Россію генераломъ. Разумѣется, когда онъ сталъ занимать важныя мѣста, его ужъ никто не смѣлъ называть въ глаза «нѣжною матерью», но заочно ему давали еще это прозваніе, болѣе для того, чтобъ отличить его отъ другихъ Зориныхъ, которые также служили генералами.

Теперь я снова прошу васъ, любезные читатели, послѣдовать за мною въ домъ Касьяна Гурьевича Костоломова. Хозяина не было дома, онъ показывалъ генералу Зорину всѣ городскія заведенія и дѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ визиты дворянамъ, которыхъ Максимъ Петровичъ принималъ у себя рано по-утру. Въ числѣ ихъ былъ также и князь Чухаловъ; бѣдняжка выѣхалъ черезъ силу, но когда Максимъ Петровичъ назвалъ его при всѣхъ «mon cher cousin», то онъ въ ту же *минуту* выздоровѣлъ. Марья Никитишна одѣвалась у

себя въ уборной, а Варенька сидѣла за пяльцами въ гостиной и вышивала по кисеѣ охотника съ ружьемъ и легавою собакой. Вдругъ двери отворились, и молодой человѣкъ высокаго роста, съ прекраснымъ смуглымъ лицомъ, вошелъ въ комнату. Варенька вспыхнула.—Извините!—сказалъ молодой человѣкъ, у котораго также заигралъ на щекахъ румянецъ:—мнѣ нужно поговорить съ Марьей Никитишною.

— Она сейчасъ выйдетъ,—прошептала Варенька, опустивъ голову почти до самыхъ пялецъ.

Холминъ—это былъ онъ—остановился какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ, взялъ свою шляпу изъ лѣвой руки въ правую, потомъ изъ правой въ лѣвую, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, вынулъ платокъ, положилъ его опять въ карманъ, и, наконецъ, подошелъ къ пяльцамъ.

Между тѣмъ Варенька продолжала работать чрезвычайно прилежно, но, кажется, безъ большого вниманія, подому что вышивала незабудку на самомъ носу у легавой собаки.

— Что вы это изволите дѣлать? — спросилъ Холминъ.

— Кисетъ для папеньки!

— Какъ давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть!

— Да-съ!

— Вы были на балѣ у Алексѣя Андреевича Чернобылина?

— Да-съ!

— А мнѣ никакъ нельзя было пріѣхать; я долженъ былъ провести этотъ вечеръ у Ивана Ѳедоровича...

— Мушкина? И, вѣрно, вамъ было очень весело?

— О, нѣтъ!... Мнѣ такъ хотѣлось быть на этомъ балѣ!

Варенька взглянула съ удивленіемъ на Холмина и сказала вполголоса:

— На этомъ балѣ? Но вѣдь ея тамъ не было.

— Ея?.. О комъ вы говорите?

— О вашей невѣстѣ?

— О моей невѣстѣ?

— Вы напрасно скрываете, Иванъ Алексѣевичъ; вѣдь это всѣ знаютъ. Вы помолвены съ Марьей Ивановною Мушкиной.

— Кто?.. Я?.. Помилуйте!.. Да она выходитъ замужъ за крестнаго сына моей матушки.

Розовыя щеки Вареньки сдѣлались бѣлѣе кисеи, по которой она вышивала.

Вы видите теперь, любезные читатели, что Марья Никитишна не солгала. Говоря о помолвкѣ казначейской дочери, она не назвала жениха ея по имени, а только къ словамъ: «сынъ старушки Холминой» забыла прибавить «крестный».

— И вы могли подумать!—продолжалъ Холминъ,— вы повѣрили!.. Мнѣ жениться — мнѣ?.. Никогда! О, еслибъ могло сбыться то, о чемъ я и мечтать безъ трепета не смѣю... еслибъ когда-нибудь...

— Вотъ и маменька!—вскричала Варенька, отталкивая пяльцы. Она побѣжала навстрѣчу къ матери.

— Что это значитъ, сударыня?—шепнула Марья Никитишна: — давно ли вы начали принимать гостей? Ступайте въ свою горницу! Здравствуйте, Иванъ Алексѣичъ! — продолжала она, обращаясь съ вѣжливой улыбкою къ Холмину.—Прошу покорно садиться!

Холминъ сѣлъ на канапе подлѣ хозяйки, и между ними начался слѣдующій разговоръ.

Холминъ. Я пріѣхалъ вамъ сказать только два слова, Марья Никитишна. Вы вчера изволили говорить матушкѣ...

Марья Никитишна. Объ этомъ обѣдѣ? Признайтесь сами, вѣдь очень будетъ странно, если его превосходительство...

Холминъ. Разумѣется!.. Я изъяснилъ это Максиму Петровиву — и онъ ужъ сказалъ дворянскому предводителю, что гораздо приличнѣе дать этотъ обѣдъ въ домѣ начальника города, чѣмъ у частнаго человѣка, съ которымъ онъ не имѣетъ даже удовольствія быть *знакомымъ*.

Марья Никитишна. Покорнѣйше васъ благодарю, Иванъ Алексѣичъ! Вы очень насъ одолжили.

Холминъ. Помилуйте! да это было бы ни на что непохоже.

Марья Никитишна. Не правда ли?

Холминъ. Касьянъ Гурьевичъ первое лицо въ нашемъ городѣ; Осипъ Андреичъ чиновнѣе его — это правда, но онъ человѣкъ отставной, и я удивляюсь, какъ пришло въ голову дворянамъ...

Марья Никитишна. Ну, вотъ скажите!..

Холминъ. Кто представитель высшей гражданской власти въ нашемъ городѣ? Надѣюсь — Касьянъ Гурьичъ?..

Марья Никитишна. Разумѣется!

Холминъ. Слѣдовательно, въ его лицѣ было бы унижено все мѣстное начальство.

Марья Никитишна. Натурально!

Холминъ. Повѣрьте, Марья Никитишна, я почти столько же изъ преданности моей къ Максиму Петровичу, сколько же изъ уваженія къ вамъ, старался предупредить эту неловкость.

Марья Никитишна. Какъ вы добры!

Холминъ. Я только исполнилъ долгъ мой. *(Встаетъ).*

Марья Никитишна. Я не смѣю васъ удерживать! Мое почтеніе вашей матушкѣ.

Холминъ! Покорнѣйше васъ благодарю! *(Цѣлуетъ руку у Марьи Никитишны, раскланивается и уходитъ).*

Марья Никитишна *(глядя вслѣдъ за Холминымъ).* Да онъ препорядочный молодой человѣкъ! Скажите пожалуйста, почти однодворецъ, а разсуждаетъ такъ солидно и хорошо, какъ будто бы у него тысяча душъ!.. Вотъ, кажется, и бѣдный человѣкъ, а вѣдь умѣлъ же себя образовать!

Чернобылинъ *(входитъ запыхавшись въ комнату).* Здравствуйте, Марья Никитишна! *(подходитъ къ рукѣ).* Здравствуйте! *(Бросается въ кресла).* Уфъ, батюшки!..

Задохся!.. Ну, вотъ, матушка Марья Никитишна! Вышло же по-нашему: обѣдъ у васъ въ домѣ.

Марья Никитишна. Какъ по-нашему? Да, мнѣ кажется, вы были противъ этого?

Чернобылинъ. Помилуйте! Это все напутали дворяне. Очень радъ, очень радъ!.. Такъ вы ужъ позвольте мнѣ у васъ хозяйничать!

Марья Никитишна. Сдѣлайте милость!

Чернобылинъ. Мои повара готовы, а за поваромъ княгини Хайбазовой я послалъ: чудно дѣлаетъ телятину подъ бешамелемъ!.. Ну, Марья Никитишна, что за человѣкъ этотъ Максимъ Петровичъ! Онъ сейчасъ изволилъ быть у меня съ визитомъ, — да, сударыня, да, — вельможа! Истинный вельможа!.. Представьте, какой вышелъ случай: его превосходительство попросилъ чего-нибудь напиться; вы знаете, Марья Никитишна, у меня водицы отличныя — вотъ я и велѣлъ подать брусничной, малиновой, вишневой и смородинной; несутъ на большомъ подносѣ, а жена толкъ меня подъ-бокъ, да и шепчетъ: «Что ты надѣлалъ? Вѣдь всѣ водицы дрянь, одна вишневая хороша». Такъ меня какъ громомъ и сшибло! Батюшки!.. Ну!!! Осрамлюсь совсѣмъ! Вотъ его превосходительство глядь прямо на брусничную—у меня въ глазахъ потемнѣло!.. Максимъ Петровичъ протянулъ руку—я ни живъ, ни мертвъ!.. А онъ хвать за бутылку... вишневая!!!— Ухъ, такъ и отлегло отъ сердца! Экое счастье, подумаешь—ухватись онъ за другую—ну, матушка, бѣда! Безъ ножа зарѣзалъ!

Марья Никитишна *(улыбаясь)*. Скажите пожалуйста! Подлинно, счастливо! Ну, что, похвалилъ?

Чернобылинъ. Какъ же? — «Что это», — говоритъ, —«у васъ за водица? Удивительная!..» Потомъ началъ говорить о другомъ... Ну, голова!.. Фу!!!

Марья Никитишна. Такъ онъ въ самомъ дѣлѣ очень уменъ?

Чернобылинъ. Уменъ? Помилуйте! Государственный человѣкъ! *(Входятъ Мурашкинъ и Мутовкинъ)*.

Марья Никитишна. А, господа! *(Мурашкинъ и Мутовкинъ раскланиваются, и, разумѣется, подходятъ къ рукѣ).*

Мутовкинъ. Осипъ Андреичъ просилъ меня извинить его, что не можетъ у васъ быть сегодня поутру: онъ очень занятъ съ своимъ капельмейстеромъ.

Мурашкинъ, Да! Улаживаютъ музыку и передѣлываютъ слова. Ну, Марья Никитишна, обѣдъ у васъ въ домѣ, а воля ваша! гнѣвайтесь или нѣтъ, только въ домѣ Осипа Андреича было бы гораздо лучше.

Марья Никитишна. Это говорите вы, Пахомъ Пахомычъ, а другіе думаютъ иначе.

Мурашкинъ. Да чего тутъ иначе? Куда вы поставите музыку и пѣвчихъ.

Марья Никитишна. Все будетъ сдѣлано, не безпокойтесь! Во время обѣда музыка и пѣвчіе будутъ въ гостиной.

Мурашкинъ. А гостей-то гдѣ вы будете принимать: въ буфетѣ что ль?

Марья Никитишна. Позвольте ужъ мнѣ, Пахомъ Пахомычъ, знать, что я дѣлаю... Да что объ этомъ говорить, когда Максимъ Петровичъ рѣшилъ самъ!..

Мурашкинъ. Самъ! Да что, Марья Никитишна, вѣдь я на правду чортъ! Кабы вы вчера не изволили ѣздить къ Матренѣ Саввишнѣ Холминой, да не хлопотали объ этомъ...

Марья Никитишна. Кто это вамъ сказалъ?

Мурашкинъ. Яковъ Ѳедоровичъ Апенковъ.

Марья Никитишна. Онъ лжетъ!.. Мы съ нимъ встрѣтились у Матрены Саввишны, но я пріѣзжала только для того, чтобъ узнать о здоровьѣ этой почтенной старушки. Конечно, есть люди, которые не могутъ жить безъ происковъ и сплетенъ; а я не такова, Пахомъ Пахомычъ!.. Я вѣжлива, Пахомъ Пахомычъ, не говорю никому дерзостей; но вѣдь это ничего не значитъ: можно быть и мужикомъ, и грубіяномъ, и въ то же время...

Мурашкинъ. Ну, вотъ и прогнѣвались! Я, право,

не съ тѣмъ сказалъ—ей-ей не съ тѣмъ!.. А все-таки—воля ваша! Здѣсь нѣтъ никакого простора! Эй, вспомните меня—будетъ катавасія!

Мутовкинъ *(взглянувъ въ окно)*. А вотъ и Касьянъ Гурьичъ пріѣхалъ.

Чернобылинъ. Такъ пойдемте же къ нему въ кабинетъ! *(Мутовкинъ, Чернобылинъ и Мурашкинъ уходятъ)*.

Марья Никитишна. А, господа! Вамъ досадно—не по-вашему сдѣлалось!.. Когда подумаю: что, еслибъ не я?.. Да они моего Касьяна Гурьича въ грязь бы затоптали!.. Ну, вотъ честный человѣкъ, добрая душа, а что толку?.. Эхъ, кабы я была на его мѣстѣ, не то бъ было! У меня бы эти дворяне по стрункѣ ходили! *(Входитъ слуга)*. Что ты?

Слуга. Касьянъ Гурьичъ приказалъ доложить, что генералъ Зоринъ сейчасъ будетъ.

Марья Никитишна. Генералъ Зоринъ?.. Ахъ, Боже мой! а я еще по-домашнему?.. Эй, дѣвка! Дашка, Дашка!.. *(Убѣгаетъ)*.

VI.

ОБѢДЪ.

Половина третьяго. На крыльцѣ двухъэтажнаго дома Бабковскаго градоначальника стоитъ второй частный приставъ Дергуновъ и двое квартальныхъ надзирателей. Въ сѣняхъ депутаты отъ дворянства, Телушкинъ и Ериковъ; наверху лѣстницы, у самыхъ дверей передней комнаты, Чернобылинъ и Касьянъ Гурьевичъ, прочіе дворяне въ гостиной и столовой; всѣ въ мундирахъ. На площади, передъ домомъ, толпа народа. Цѣпь изъ десяти будочниковъ протянута во всю ширину площади; два городовые сержанта ходятъ взадъ и впередъ вдоль цѣпи и осаживаютъ народъ.

Фабричный *(въ синемъ полукафтанѣ)*. Эхъ, народу-то какъ прибываетъ! *(Другому парню въ сѣромъ армякѣ)*. Ванюха.

Сѣрый армякъ. Что?

Синій кафтанъ. Глядь-ко! Вонъ и Палага здѣсь!

Сѣрый армякъ. Ой-ли?

Синій кафтанъ. Право такъ! И дядя Филиппъ!.. Вотъ и тетка Аксинья!.. Да что это, братъ Ванюха?.. Что будетъ?

Сѣрый армякъ. А Богъ вѣсть что!

Синій кафтанъ. Да чтожъ народъ-то валитъ?

Сѣрый армякъ. А кто его знаетъ... Чу!.. Вонъ тамъ что-то зашумѣли!

1-й городовой сержантъ *(толкая переднихъ)*. Назадъ!

Посадская баба. Ахъ, батюшки!.. Чтожъ ты толкаешься?

1-й городовой сержантъ. Ну, ну! Еще заговорила!.. Назадъ!

2-й городовой сержантъ *(подходитъ)*. Не тронь ея, Архипычъ: кума!.. Стой, небось, Кондратьевна, — стой здѣсь! *(Мѣщанинъ въ фризовой оборванной шинелишкѣ выдается впередъ)*. А ты куда лѣзешь?.. Назадъ!

Мѣщанинъ *(указывая на посадскую бабу)*. Да коли ей можно, такъ почему жъ и намъ?..

2-й городовой сержантъ. Вотъ еще сталъ разсказывать? Говорятъ тебѣ—назадъ!.. А ты куда, лапотникъ?.. Я тебя, я тебя! *(Подымаетъ палку)*.

Мужикъ *(пятясь назадъ)*. Батюшка!.. Батюшка!..

1-й городовой сержантъ. То-то батюшка!.. Пошелъ, пошелъ!

Посадская баба *(2-му городовому сержанту)*. Сидоръ Ивановичъ! Зачѣмъ это народъ-то все назадъ гонютъ?

2-й городовой сержантъ. Экая ты какая! енералъ поѣдетъ.

Мѣщанинъ. Эва! енералъ! Да развѣ проѣзду-то мало?

1-й городовой сержантъ. Не твое дѣло!

Мѣщанинъ. Ногдась и губернаторъ проѣзжалъ, да еще въ базарный день, а народъ-то не пятили.

Лабазникъ *(пробираясь сквозь толпу)*. Пустите-ка, ребята!

2-й городовой сержантъ. Куда ты? Рожа не мытая, а туда же нарохтится впередъ!.. Ну, ну! проваливай! *(Мѣщанинъ высовывается)*. Ты опять полѣзъ! Говорятъ тебѣ, назадъ!

Мѣщанинъ *(указывая на посадскую бабу)*. Да чтожъ ты ее-то не гонишь?.. А?

2-й городовой сержантъ. Ну, поговори ёще, поговори!.. Экій неугомонный.

1-й городовой сержантъ. А вотъ, постой! Вотъ, я ему дамъ угомона два, три, такъ онъ у меня... *(Мѣщанинъ прячется за народъ)*.

Старикъ *(въ долгополомъ сюртукѣ, оборачиваясь назадъ)*. Тише, тише! Что вы прете?.. Фу, ты, батюшки, куда народъ-то глупъ!.. Ну, чего пришли глазѣть?.. Дурачье!

Молодой купчикъ *(обращаясь къ старику)*. Осмѣлюсь спросить, батюшка, что это за оказія такая?

Старикъ. Бабковское дворянство даетъ обѣдъ проѣзжему генералу.

Молодой купчикъ. Вотъ что-съ!.. То-есть этому генералу Зорнинову?.. Слышали-съ!—А что онъ этакій, съ позволенія сказать, отличительный генералъ... въ кавалеріяхъ?

Старикъ. Да! Есть и кавалеріи.

Молодой купчикъ. Такъ - съ!.. А что, батюшка-съ, по какимъ случаямъ этотъ генералъ пожаловалъ въ нашъ городъ—по командѣ, что ль, или такъ-съ?

Старикъ *(вполголоса)*. Ревизоръ.

Молодой купчикъ. Вотъ что-съ!.. Ревизоръ!.. Чтожъ это, батюшка-съ, относительно коронныхъ мѣстъ?

Старикъ. Да, онъ былъ у насъ сегодня въ уѣздномъ судѣ.

Молодой купчикъ. Въ уѣздномъ судѣ-съ!.. Ну, я думаю, судьи-то и секретарь таво-съ...

Старикъ. Видали мы!

Молодой купчикъ. Однакожъ, все-таки, батюшка-съ, я думаю, у нихъ на умѣ-то и пять и шесть...

Старикъ. И! Страшенъ гнѣвъ, да милостивъ Богъ! Вѣдь намъ не впервые!.. *(Позади раздается крикъ: «пади, пади!)»...*

1-й и 2-й городовые сержанты. Посторонись!.. Разступись!.. Посторонись! *(Народъ разступается; 1-й частный приставъ подскакиваетъ на парныхъ дрожкахъ къ крыльцу дома городничаго).*

1-й частный приставъ *(спрыгивая съ дрожекъ).* Его превосходительство изволитъ ѣхать!

Все закипѣло въ домѣ; отъ сѣней до гостиной пробѣжалъ какой-то невнятный ропотъ; онъ проникъ даже до диванной, гдѣ Марья Никитишна суетилась вокругъ стола, уставленнаго вареньемъ и бутылками съ виномъ. Дворяне ухватились за шляпы, начали поправлять галстуки и одергивать мундиры. Второпяхъ много надѣлано было бѣдъ: Чернобылинъ сталъ затягиваться на всѣ пуговицы—двѣ отлетѣли прочь и одна петля лопнула; князь Чухаловъ позабылъ выправить свою косичку, которая исчезла за стоячимъ воротникомъ мундира; у Апенкова распустился галстукъ и поднялся выше ушей, а бѣдный Мутовкинъ совсѣмъ растерялся: ему замѣтилъ исправникъ, что его шпага прицѣплена къ правому боку. Вотъ подъѣхала коляска; въ ней сидѣли Максимъ Петровичъ и Холминъ, оба во фракахъ. Частный приставъ Дергуновъ бросился, смялъ лакея, отворилъ дверцы и хотѣлъ принять Максима Петровича; но его превосходительство выпрыгнулъ изъ коляски и, оборотясь, сказалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ:—Вы, батюшка, не лакей!—Въ сѣняхъ Телушкинъ и Ериковъ расположились было ввести подъ руки Зорина на лѣстницу, но онъ сказалъ имъ очень сухо:—Позвольте, господа, позвольте! У меня еще ноги ходятъ. И когда у дверей его встрѣтили Касьянъ Гурьевичъ съ Чернобылинымъ, то онъ, по-

клонясь имъ, проговорилъ почти съ досадою:—Эхъ, господа, къ чему такой парадъ? Помилуйте! При входѣ Максима Петровича въ гостиную, эта коллекція губернскихъ мундировъ и оффиціально-важныхъ рожъ совсѣмъ его смутила. Что это, господа,—сказалъ онъ,—что вамъ за охота была надѣвать мундиры? Я надѣялся пообѣдать запросто, подружеся съ здѣшними дворянами, а вы нарядились, какъ будто бы сегодня табельный день. Тутъ забормотали съ разныхъ сторонъ:—Помилуйте, ваше превосходительство!.. Нашъ долгъ, ваше превосходительство!.. обязанность по службѣ... честь, которую вы намъ дѣлаете!..—Одинъ Апенковъ не говорилъ ничего, но зато расчихался такъ, что его вывели вонъ изъ гостиной.

— Здравствуйте, mon cousin! — сказалъ Максимъ Петровичъ, протягивая руку князю Чухалову.—И вы также одѣлись въ мундиръ?

— Батюшка братецъ!—отвѣчалъ Чухаловъ, наклонивъ такъ низко свою голову, что его косичка выскочила изъ-подъ воротника и стала дыбомъ. — Батюшка братецъ! Я не менѣе другихъ дворянъ счелъ моей обязанностію...

— Я доложу вашему превосходительству, — подхватилъ Чернобылинъ, закрывая шляпою свою прорванную петлицу, — что здѣшнее дворянство, — если смѣю такъ выразиться — дворянство образованное, и понимаетъ всю важность этого дня...

— Да позволено мнѣ будетъ, — воскликнулъ Мутовкинъ,—сказать вашему превосходительству, что бы мы такое были, еслибъ не умѣли оцѣнить...

— Не угодно ли вашему превосходительству, — прервалъ Чернобылинъ,—закусить чего-нибудь?

Его превосходительство наложилъ руку на завтракъ, и въ нѣсколько минутъ не стало ни сельдей, ни икры, ни балыка, ни вяленыхъ лещей, ни копченаго гуся. Надобно отдать справедливость нашимъ помѣщикамъ: ошо они ѣдятъ — весьма хорошо! то-есть не то бъ чрезвычайно вкусно, но очень плотно и съ боль-

шимъ постоянствомъ. Въ деревнѣ частехонько весь день проходитъ въ ѣдѣ, съ маленькими промежутками, которые едва замѣтны — чай, завтракъ, обѣдъ, послѣ обѣда десертъ, то-есть разныя варенья, моченыя и свѣжія яблоки, дыни, арбузы, заливныя, вишни и разныя другія потѣшки, которыя мѣшаютъ желудку дремать и поддерживаютъ его дѣятельность; потомъ опять чай со сливками и домашнимъ *папушникомъ*, а тамъ ужинъ, который отличается отъ обѣда только тѣмъ, что послѣ него перестаютъ ѣсть нѣсколько часовъ сряду. Вообще русскій человѣкъ поѣсть любитъ—въ этомъ онъ никакъ не уступитъ англичанину, а французъ съ нимъ не схватывайся.

Эту несомнѣнную истину доказали господа дворяне, когда сѣли за столъ. Они починились немного за супомъ, поманерились за телятиной; но какъ дошло дѣло до аршинныхъ стерлядей, то все вниманіе къ знаменитому гостю исчезло: это лакомое блюдо овладѣло умами всѣхъ пирующихъ; разговоры прекратились, многіе изъ дворянъ совершенно онѣмѣли, а Чернобылинъ погрузился до того въ созерцаніе самой большой стерляди, что отвѣчалъ на вопросы Максима Петровича однѣми вѣжливыми улыбками и почтительнымъ наклоненіемъ головы. Межъ тѣмъ музыка грянула въ гостиной, пѣвчіе завыли какой-то гимнъ, и Осипъ Андреевичъ Кочька расцвѣлъ. Максимъ Петровичъ любилъ музыку, и самъ игралъ недурно на скрипкѣ; но этотъ оркестръ былъ такъ близко, и — вѣроятно желая отличиться — ревѣлъ съ такимъ ожесточеніемъ, что его превосходительство началъ пожиматься. Пѣвчіе также не жалѣли себя, а особливо дисканты, составленные изъ дворовыхъ дѣвокъ Осипа Андреевича. Эти домашнія примадонны визжали и выводили *верхнія нотки* какими-то отчаянными и голодными голосами, отъ которыхъ волосы дыбомъ становились на головѣ Максима Петровича. Надобно вамъ сказать, что, по распоряженію Осипа Андреевича Кочьки, всѣмъ дискантамъ два дня сряду не давали ѣсть ничего, кромѣ

яицъ въ смятку, полагая на каждаго дисканта по два яйца въ сутки. Разумѣется, это дѣлалось для того, чтобъ ихъ голоса были чище; но вы можете себѣ представить, какъ имъ весело было пѣть на тощій желудокъ, въ то время, какъ у нихъ подъ носомъ господа трудились около жирной телятины и пожирали аршинныхъ стерлядей.

Когда эта музыкальная буря затихла, Максимъ Петровичъ спросилъ Касьяна Гурьевича, чей оркестръ и пѣвчіе?

— Мои, ваше превосходительство!—сказалъ Кочька, привставая со стула.

— Мнѣ кажется, ваши мѣдные инструменты...

— Слабеньки, ваше превосходительство, — это правда! Сильныхъ амбушуровъ нѣтъ.

— Напротивъ, еслибъ они играли не такъ громко...

— Это изъ усердія, ваше превосходительство, — прервалъ Чернобылинъ, — изъ усердія! Такой дорогой и знаменитый гость..

— Покорнѣйше благодарю! Но, право, лучше бы, еслибъ они играли потише!

Осипъ Андреевичъ послалъ сказать капельмейстеру, чтобъ оркестръ игралъ *пьяниссимо;* но, видно, слуга переврал, потому что музыканты принялись отработывать увертюру изъ *рѣдкой вещи*, форто-фортиссимо. Максимъ Петровичъ началъ хмуриться. Вотъ обѣдъ сталъ приближаться къ концу; розлили шампанское по бокаламъ; всѣ встали—и Мутовкинъ, проговоря: «Да позволено мнѣ будетъ» началъ привѣтственную рѣчь знаменитому гостю. Вся эта торжественность чрезвычайно не нравилась Максиму Петровичу; но когда Мутовкинъ разнѣжился, сталъ хныкать, зарыдалъ, и наконецъ горько заплакалъ, то Зоринъ почти вышелъ изъ себя. «Что это за комедія?..» — думалъ онъ. — «Ужъ не хотятъ ли меня дурачить?.. Отчего этотъ господинъ расплакался? Мы другъ друга не знавали... Что за чувствительность такая?.. Это ни на что не походитъ!..» Вотъ Максимъ Петровичъ надулся не на

шутку. Бокалы опорожнили, раздался троекратный тушъ и загремѣлъ польскій: «Громъ побѣды раздавайся!»

Какія бываютъ странныя стеченія обстоятельствъ! Пустая, незначащая ошибка, которая бы во всякое другое время насмѣшила и болѣе ничего, получаетъ иногда какую-то необычайную важность отъ постороннихъ обстоятельствъ и сближеній, не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Думалъ ли, напримѣръ, Осипъ Андреевичъ Кочька, что поспѣшность, съ которою онъ принаровлялъ къ обстоятельствамъ стихи польскаго: «Громъ побѣды раздавайся», будетъ имѣть такія гибельныя послѣдствія; что одинъ неисправленный стихъ оживитъ въ памяти Максима Петровича самый непріятный случай въ его жизни—и, что всего хуже, покажется ему явною намѣшкой бабковскихъ дворянъ, которые и безъ того ужъ начинали казаться ему подозрительными. Осипъ Андреевичъ Кочька или самъ не досмотрѣлъ, или переписчики ошиблись, только въ припѣвѣ польскаго второй стихъ остался безъ всякой поправки—и пѣвчіе, по писанному, какъ по сказанному, проревѣли во весь голосъ:

«Славься симъ, Максимъ Петровичъ!
Славься, нѣжная къ намъ мать!»

Зоринъ поблѣднѣлъ: онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ; вотъ опять тотъ же припѣвъ, и опять Максима Петровича называютъ *нѣжной матерью*. Изъ блѣднаго онъ сдѣлался пунцовымъ. Никто изъ пирующихъ не замѣтилъ этого несчастнаго стиха, но всѣ видѣли, что съ Зоринымъ дѣлается что-то странное.

— Выкушайте воды, ваше превосходительство! — шепнулъ Касьянъ Гурьевичъ.

— Что вы, батюшка братецъ?—сказалъ Чухаловъ съ испуганнымъ видомъ,—что съ вами?

Зоринъ не могъ выговорить ни слова; губы его дрожали, глаза налились кровью. Въ третій разъ принимались пѣть:

«Славься симъ, Максимъ Петровичъ!
Славься, нѣжная къ намъ мать!»

— Боже мой!—вскричалъ Чернобылинъ,—онъ подавился костью! Доктора! доктора!

Максимъ Петровичъ вскочилъ, оттолкнулъ стулъ и проговорилъ прерывающимся голосомъ! «Господа! Если это шутка, то она очень глупа».

У всѣхъ дворянъ кровь застыла въ жилахъ.

Максимъ Петровичъ схватилъ шляпу, какъ полоумный бросился изъ столовой и сбѣжалъ съ лѣстницы; все это произошло съ такою быстротой, что никто изъ дворянъ не успѣлъ очнуться. Одинъ Касьянъ Гурьевичъ побѣжалъ вслѣдъ за Максимомъ Петровичемъ, повторяя безпрестанно: «Ваше превосходительство, ваше превосходительство!.. Да что такое? Помилуйте!»

Зоринъ не отвѣчалъ ни слова, прыгнулъ въ свою коляску и ускакалъ.

Когда Касьянъ Гурьевичъ воротился въ столовую, то нашелъ всѣхъ дворянъ въ ужасномъ смятеніи: они повыскакали изъ-за стола и шумѣли межъ собой, точь-въ-точь какъ шумятъ они на губернскихъ съѣздахъ, когда дѣло идетъ о какой-нибудь новой земской повинности, или о дворянской суммѣ, требующей пополненія. Каждый *обсуживалъ* по-своему странный поступокъ Максима Петровича; Чернобылинъ стоялъ въ томъ, что онъ подавился костью.

— Помилуйте,—возражалъ Мутовкинъ,—да чтожъ онъ это называлъ шуткою? Какая чортъ шутка—подавиться костью!

— Эхъ, господа!—кричалъ Пахомъ Пахомычъ,—да развѣ вы не замѣтили, что на него находитъ? Видно, у его превосходительства въ головѣ-то подчасъ и такъ и этакъ!

— Видно что такъ!—шепталъ покашливая Апенковъ.

Вдругъ двери изъ гостиной съ шумомъ растворились, и Марья Никитишна, съ отчаяннымъ лицомъ и растрепанными волосами, вошла въ столовую.

— Покорнѣйше васъ благодарю, Осипъ Андреичъ,—проговорила она, задыхаясь отъ гнѣва,—покор-

нѣйше благодарю! Да и всѣ дворяне должны благодарить васъ!. Что вы съ нами сдѣлали?..

Всѣ взоры устремились на Кочьку, который стоялъ какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ.

— Вы злой, ехидный человѣкъ!

— Я?—пробормоталъ Кочька, глядя съ удивленіемъ на Марью Никитишну.

— Да, вы! Вамъ не удалось поставить на своемъ, такъ вы хотѣли отомстить намъ—и какимъ низкимъ образомъ!

— Помилуйте! Я васъ не понимаю, то-есть не могу постигнуть...

— Да не вы ли взялись передѣлать стихи въ польскомъ?

— И пошлюсь на всѣхъ: они передѣланы прекрасно.

— Прекрасно! А что пѣли сейчасъ?

— Да, да!—закричалъ Чернобылинъ,—что пѣли?

— Помилуйте! Я была въ диванной, а все слышала,—со мной сдѣлалось дурно,—я чуть не умерла отъ стыда!

— Да чтожъ такое пѣли?—спросилъ Касьянъ Гурьевичъ?

— Такъ, ничего!

«Славься симъ, Максимъ Петровичъ!
Славься, нѣжная къ намъ мать!»

— Что вы говорите, — прервалъ Чернобылинъ, всплеснувъ руками.

— Ай-да Осипъ Андреичъ!—заревѣлъ Пахомъ Пахомычъ.—Ну, батюшка, послужили дворянамъ! Вотъ, Марья Никитишна, не говорилъ ли я вамъ, что будетъ катавасія!

— Ахъ, Боже мой! да могла ли я подумать!.. Такое подлое мщеніе!

— Да, это подло! низко!.. скверный поступокъ!..—заговорили всѣ дворяне.

— Клянусь вамъ честью, господа!..—воскликнулъ Кочька.

— Что это за честь! — зашумѣли со всѣхъ сторонъ. — Неблагородный поступокъ!.. Оконфузить все общество!.. Осрамить свою братію, дворянъ!..

— Что мы будемъ теперь дѣлать?—сказала сквозь слезы Костоломова.

— Не безпокойтесь, Марья Никитишна!—прервалъ Холминъ.—Я поѣду къ Максиму Петровичу и изъясню ему, отчего произошла эта ошибка. Онъ вспыльчивъ, но добръ, и сейчасъ пойметъ, что съ вашей стороны не было тутъ никакого намѣренія.

— О, ужъ конечно нѣтъ! Но Осипъ Андреичъ, котораго я прошу оставить нашъ домъ...

— Марья Никитишна! — прервалъ Кочька, — повѣрьте мнѣ...

— Увольте отъ объясненій! Я знаю: еслибъ обѣдъ былъ въ вашемъ домѣ, то этого бы не случилось.

— И я той же вѣры!—подхватилъ Пахомъ Пахомычъ. — Да что нынѣшніе молодые люди! Отъ нихъ всего жди!

— Сдѣлайте милость, Иванъ Алексѣичъ,—сказалъ Чернобылинъ, — оправдайте насъ передъ его превосходительствомъ.

— Будьте спокойны! Я васъ увѣряю, что все кончится смѣхомъ.

Холминъ уѣхалъ; всѣ дворяне стали разъѣзжаться; Осипъ Андреичъ также долженъ былъ уѣхать. Марья Никитишна не хотѣла слышать никакихъ оправданій, и велѣла прогнать его артистовъ. Дисканты очень этому обрадовались; они надѣялись, что имъ, вмѣсто яицъ, дадутъ, наконецъ, покушать щей и гречневой каши; но бѣдные ошиблись: разгнѣванный баринъ велѣлъ ихъ выдержать еще цѣлыя сутки на строгой діетѣ за то, что они пѣли такъ, какъ было у нихъ написано подъ нотами. Вотъ этакъ-то частенько бываетъ на бѣломъ свѣтѣ: большой баринъ сдѣлаетъ глупость, а маленькому человѣку за нее достанется. Послушаешься—бѣда, не послушаешься—другая. Правду говорятъ малороссіяне: «И перевернишься бьютъ, и

не довернишься—бьютъ». Ну, да что объ этомъ толковать—не нами свѣтъ начался, не нами и кончится.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вечеромъ Холминъ пріѣхалъ успокоить Костоломовыхъ; онъ сказалъ имъ, что Максимъ Петровичъ будетъ у нихъ самъ, на другой день по-утру, поблагодарить за угощеніе и увѣрить, что онъ нимало на нихъ не досадуетъ. Иванъ Алексѣевичъ изъяснилъ имъ также, почему Зоринъ такъ обидѣлся названіемъ «нѣжной матери» и принялъ за насмѣшку совершенно неумышленную ошибку пѣвчихъ. На этотъ разъ Холминъ понравился еще болѣе Марьѣ Никитишнѣ; говоря съ нимъ, она почти забыла, что онъ отставной поручикъ и человѣкъ небогатый. Осипъ Андреевичъ Кочька пріѣзжалъ также къ Костоломовымъ, но Марья Никитишна велѣла ему отказать. Да чтожъ ты въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Касьянъ Гурьевичъ,—не хочешь выслушать его оправданія. Вѣдь безъ суда никого не наказываютъ.

— Я видѣть его не могу,—отвѣчала Марья Никитишна.—Интриганъ!.. Рѣшиться на такой скверный поступокъ!

— Эхъ, матушка! Да развѣ онъ не могъ просмотрѣть и ошибиться безъ всякаго намѣренія...

— Онъ? Да я готова голову прозакладывать—все это было обдумано; онъ хотѣлъ непремѣнно осрамить насъ!.. И этотъ человѣкъ чуть-было не попалъ въ наше семейство!

— Такъ ты ужъ не хочешь выдать за него Вареньку?

— Помилуй, Касьянушка!.. Да пара ли онъ нашей дочери!.. Я не знаю, что у меня было за ослѣпленіе такое!.. а все ты, мой другъ!

— Какъ, я!..

— Ну, конечно! Только, бывало, и твердишь: смирный человѣкъ, хорошій человѣкъ!..

— Да развѣ я не говорилъ тебѣ...

— Полно, полно, Касьянушка! Ты совсѣмъ было меня сбилъ!

— Марья Никитишна, побойся Бога!

— Ну, что, не правда, что ль! Ты мнѣ уши прожужжалъ о его добродѣтеляхъ; и человѣкъ-то онъ аккуратный и поведенія прекраснаго. Прекраснаго!.. Поди-ка спроси у Маргариты Саввишны, да у Матрены Карповны, такъ онѣ тебѣ поразскажутъ.

— Да когда же я хотѣлъ, чтобъ онъ...

— Ужъ нечего, нечего! Признайся, мой другъ: ты въ этомъ много виноватъ!

— Ну, матушка, пожалуй, быть по-твоему; безъ вины виноватъ!

Да, да, безъ вины! Охъ, ужъ эти мужья—вѣчно правы!

На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, Максимъ Петровичъ пріѣхалъ къ Костоломовымъ.

— Мнѣ очень передъ вами совѣстно,—сказалъ онъ, садясь на канапе подлѣ хозяйки,—и очень досадно на самого себя; но что прикажете дѣлать? У меня ужъ такой несчастный характеръ! Богъ знаетъ, что иногда придетъ мнѣ въ голову. Впрочемъ, согласитесь, Марья Никитишна, что если мнѣ не за что было сердиться, то по крайней мѣрѣ хохотать я имѣлъ полное право. Скажите пожалуйста, кому пришла въ голову эта несчастная мысль?..

— Ужъ, конечно, не намъ,—прервала Марья Никитишна.—Это все надѣлалъ Осипъ Андреевичъ Кочька—это такой скверный человѣкъ, такой интриганъ...

— А я такъ думаю, ваше превосходительство,—сказалъ Касьянъ Гурьевичъ, — что это просто ошибка, и если вы не изволите на насъ гнѣваться...

— И, полноте,—подхватилъ Максимъ Петровичъ,—я не могу простить себѣ вчерашней глупости, а сверхъ того, мнѣ вовсе теперь не къ лицу сердиться: вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ просителемъ.

— Просителемъ!—повторила съ удивленіемъ Марья *Никитишна.*

— Да!—продолжалъ Максимъ Петровичъ:—я пріѣхалъ просить васъ за одного молодого человѣка, котораго люблю какъ родного сына, и котораго отецъ былъ нѣкогда моимъ начальникомъ, другомъ и благодѣтелемъ. Драгунскимъ полкомъ, въ которомъ я служилъ на Кавказѣ, командовалъ Алексѣй Дмитріевичъ Холминъ; его сынъ влюбленъ въ вашу дочь — и если вы согласитесь принять его въ ваше семейство, то я ручаюсь, что дочь ваша будетъ счастлива.

Это неожиданное предложеніе до того изумило Марью Никитишну и Касьяна Гурьевича, что они оба не отвѣчали ни слова.

— Я сдѣлался сватомъ моего бывшаго адъютанта,— продолжалъ Максимъ Петровичъ,—а теперь позвольте узнать: могу ли я надѣяться, что буду на его помолвкѣ посаженымъ отцомъ?

— Что касается до меня,—сказалъ Касьянъ Гурьевичъ,—такъ я не прочь: онъ малый хорошій.

— И такъ, Марья Никитишна, все зависитъ отъ васъ.

— И отъ Вареньки, Максимъ Петровичъ.

— Ее-то мы какъ-нибудь умилостивимъ: было бы только ваше согласіе.

— Я, конечно, ничего не могу сказать противъ Ивана Алексѣича,—проговорила Марья Никитишна; — онъ очень умный и любезный молодой человѣкъ, прекрасный сынъ, и, вѣроятно, будетъ хорошимъ мужемъ; но мы не въ состояніи дать много за Варенькой, онъ также человѣкъ небогатый...

— Небогатый,—повторилъ Максимъ Петровичъ:— полно, такъ ли?

— Помилуйте! Да какъ же намъ не знать!

— Такъ вы никогда не слыхали, что у него есть въ Петербургѣ родной дядя.

— Никогда.

— Слѣдовательно, не знаете, что у этого дяди восемьсотъ душъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!.. И наслѣдникомъ его...

— Иванъ Алексѣевичъ Холминъ.

— Такъ поэтому онъ богаче Осипа Андреича Кочьки? — вскричалъ невольно Касьянъ Гурьевичъ.

— Да, конечно,—прервала Марья Никитишна:—дядюшка его богаче Осипа Андреевича; но вѣдь иногда дяди бываютъ почти не старѣе своихъ племянниковъ.

— Этотъ, однакожъ, гораздо старѣе: ему восемьдесятъ-четыре года.

Марья Никитишна улыбнулась очень весело.

— Ну, что,—продолжалъ Максимъ Петровичъ:— не ударить ли по рукамъ?

— Я, право, не знаю, что вамъ отвѣчать, — шепнула Костоломова.—Если бы вы дали намъ время подумать...

— Охотно бы, но, право не могу: я долженъ послѣзавтра ѣхать.

— А безъ вашего превосходительства, — сказалъ Костоломовъ,—и помолвка будетъ не въ помолвку.

— Разумѣется! По крайней мѣрѣ, мнѣ очень будетъ грустно, если не я благословлю образомъ моего добраго Холмина.

— Но такая поспѣшность!.. и въ такомъ важномъ дѣлѣ...

— Да полно, жена, манериться!—закричалъ Костоломовъ:—что, въ самомъ дѣлѣ! Какого еще намъ жениха! Да, если пошло на то, такъ я все выскажу: вѣдь Варенька-то его любитъ.

— Что ты, что ты, мой другъ!

— Ну, да!.. Вотъ вѣдь отчего мнѣ и не хотѣлось...

— Касьянъ Гурьичъ, что вы!

— Марья Никитишна! — шепнулъ Зоринъ, — неужели и послѣ этого...

— Дѣлать нечего,—сказала съ улыбкою Костоломова:—когда мужъ приказываетъ, жена должна повиноваться.

На другой день былъ опять обѣдъ у Касьяна Гурьевича, но только безъ музыки и пѣвчихъ. Холминъ и

Варенька сидѣли рядомъ; всѣ дворяне съ своими супругами пили за здоровье помолвленныхъ. Зоринъ былъ чрезвычайно веселъ; князь Чухаловъ также, потому что *батюшка братецъ* расхвалилъ его французскій табакъ. Чернобылинъ ѣлъ за троихъ, Мутовкинъ собирался сказать за десертомъ поздравительную рѣчь жениху и невѣстѣ. Къ концу обѣда всѣ порядкомъ развеселились, начали пить здоровье присутствующихъ и отсутствующихъ, и пробки летали поминутно въ потолокъ.

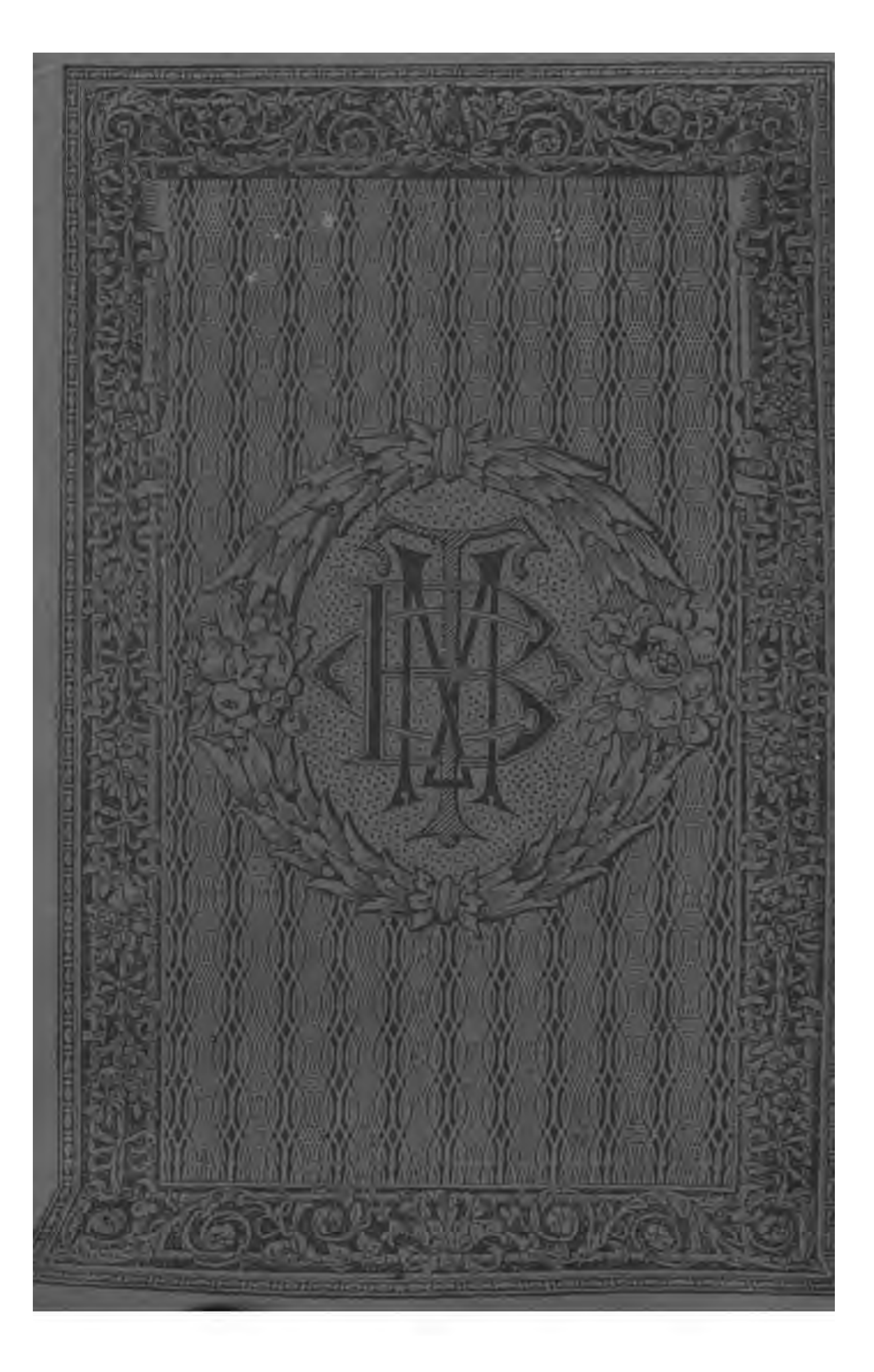
— А что? — сказалъ Чернобылинъ Якову Өедоровичу Апенкову: — вѣдь, точно, парочка! Женихъ молодецъ, невѣста красавица... То-то будутъ жить да поживать припѣваючи!

Апенковъ вмѣсто отвѣта чихнулъ.

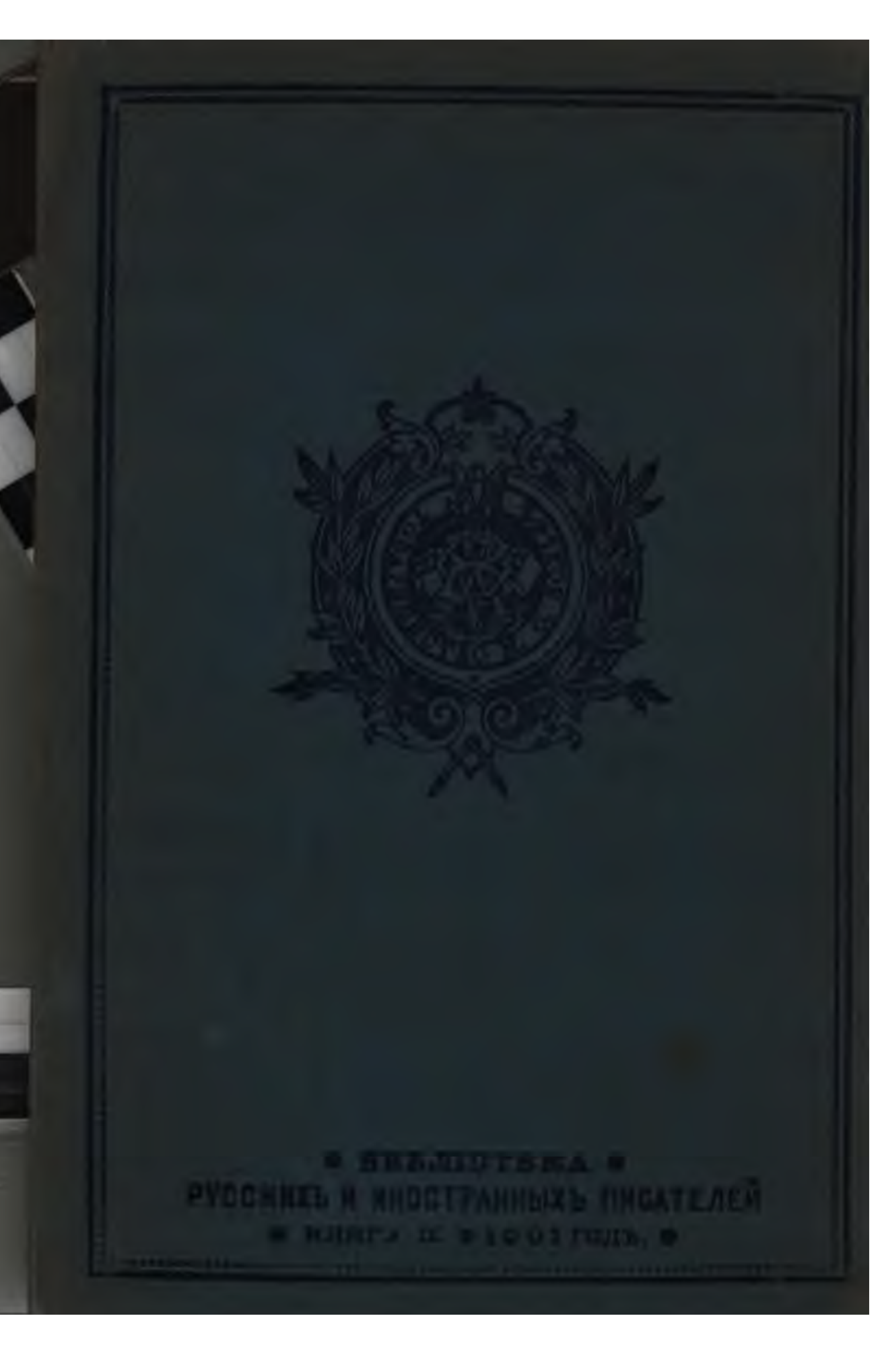
— Вотъ спасибо, Яковъ Өедорычъ! — заревѣлъ Пахомъ Пахомычъ, подымая кверху свой бокалъ: — въ первый разъ чихнулъ кстати! Славная примѣта!.. За здоровье жениха и невѣсты — ура!

КОНЕЦЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТАГО ТОМА



Stanford University Libraries
3 6105 015 009 223
PG 3447
Z2
1901
V.9
DATE DUE


БИБЛIОТЕКА
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
КНИГА IX 1903 ГОДЪ.